Институт востоковедения
Российской академии наук

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»

Ассоциация исследователей
российского общества
(АИРО–XXI)

Навстречу 200-летию Института востоковедения РАН

Институт востоковедения
Российской академии наук
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
«Association of japanologists»

ЯПОНИЯ: КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ

Japan: turn to conservatism

Москва
Moscow
2015

Руководитель проекта Э. В. Молодякова
Project leader E. V. Molodyakova

Ответственные редакторы

Э. В. Молодякова E. V. Molodyakova
С. Б. Маркарьян S. B. Markaryan

Издание подготовлено при финансовой поддержке Японского фонда

Фотографии на обложке

О. В. Андреевой

Дизайн обложки *К. Струков*

Япония: консервативный поворот. / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2015. – 280 с.

Усиление консервативных тенденций в политике, экономике, социальной и духовной жизни в настоящее время присуще большинству развитых стран и получило название «консервативный поворот». Япония – одна из ключевых мировых держав – не является исключением, что представляет изучение данного явления не только важным, но и необходимым. Коллективная монография ведущих российских японоведов содержит комплексный анализ «консервативного поворота» в современной Японии в контексте региональных и мировых процессов.

ISBN 978-5-91022-249-0

© Институт востоковедения РАН, 2015.
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2015.
© Межрегиональная общественная оранизация «Ассоциация японоведов», 2015.
«Association of Japanologists», 2015.
© «АИРО–XXI», 2015.

Оглавление

Предисловие (*Э. В. Молодякова*) 7
Introduction 30
Глава первая. Лики японского консерватизма: прошлое и настоящее (*В. Э. Молодяков*) 49
Глава вторая. Путь к тотальной победе японских консерваторов (*Э. В. Молодякова*) 65
Глава третья. Государственная инфраструктурная политика: «прогрессивный консерватизм» (*И. Л. Тимонина*) 89
Глава четвертая. Аграрный сектор: меняется ли приверженность консервативному реформированию? (*С. Б. Маркарьян*) 112
Глава пятая. Политика консерваторов в сфере социального обеспечения (*И. П. Лебедева*) 141
Глава шестая. Политика кабинета Абэ в сфере образования: консерватизм или ответ на вызовы глобализации? (*С. А. Полхов*) 164
Глава седьмая. Семидесятилетие окончания Второй мировой войны и японо-китайские отношения (*П. В. Кульнева*) 182
Глава восьмая. Историческая память как фактор внешней политики (об отношениях Японии с Республикой Корея) (В. *А. Гринюк*) ... 200
Глава девятая. Проблемы «сибирского плена» – компонент исторической памяти (*Е. Л. Катасонова*) 219
Глава десятая. Реформы Абэ Синдзо в сфере политики обеспечения национальной безопасности (*О. А. Добринская*) 236
Глава одиннадцатая. Размышления Абэ Синдзо о «красивой и обновленной Японии» (*М. П. Герасимова*) 258
Сведения об авторах 275

CONTENTS

Introduction (*Molodyakova E. V.*) 30
Chapter 1. Faces of Japanese conservatism: past and present (*V. Molodyakov*) 31
Chapter 2. The Japanese conservatives way to total victory (*E. Molodyakova*) 47
Chapter 3. State infrastructure policy of "progressive conservatism" (*I. Timonina*) 71
Chapter 4. Agriculture: will adherence to conservative reforms remain? (*S. Markaryan*) 95
Chapter 5. Social welfare policy by conservatives (*I. Lebedeva*) 125
Chapter 6. Shinzo Abe Cabinet educational policy: conservatism or response to the challenges of globalization? (*S. Polkhov*) 148
Chapter 7. The 70th anniversary of the end of World War II and Japan-China relations (*P. Kulneva*) 166
Chapter 8. Historical memory as a foreign policy factor (on relations between Japan and Republic of Korea) (*V. Grinyuk*) 184
Chapter 9. The problem of "Siberian imprisonment" – as a historical memory componentpart (*E. Katasonova*) 203
Chapter 10. Security policy reforms by Abe Shinzo (*O. Dobrinskaya*) 218
Chapter 11. Abe Shinzo on «beautiful and new Japan» (*M. Gerasimova*) 249
Contributors 257

Предисловие

В настоящее время во всем мире велик спрос на консервативную идеологию, на опыт успешной консервативной модернизации, проведенной в западных странах и Японии. Руководство «Единой России», заявившей о себе как о партии российского консерватизма, признает, что «самыми лучшими модернизаторами, это показал опыт XX века, оказались именно консерваторы… Либерально-демократическая партия Японии – один из стержневых элементов консервативного интернационала – превратила феодальную по существу страну в современную развитую державу… Мы помним модернизацию, которую провела партия, созданная по призыву Шарля де Голля… И тогда именно консерваторы сумели придать нынешнее, современное лицо Франции»[1]. Обращаясь к опыту успешной, без катастроф и потрясений модернизации западных и японских консерваторов, российские политологи и аналитики видят их секрет в том, что именно консервативные партии брали на себя ответственность и риски модернизации.

Если о консерватизме и консервативной модернизации в западных странах известно много, то знаний об этих процессах в Японии явно не хватает. В Центре японских исследований Института востоковедения РАН коллектив авторов подготовил и издал монографии «Япония: полвека правления либерал-демократов» (2010) и «Япония: опыт модернизации» (2011). Задумываясь о концепции данной монографии, авторы поставили задачу оценить ситуацию в стране, чтобы понять происходит ли там – и если да, то каким образом – процесс «консервативного поворота». Другими словами, авторы постарались показать, что содержание консерватизма все больше определяется не столько «воспоминаниями о прошлом», сколько осмыслением внутреннего развития различных сфер жизнедеятельности, в частности, японского общества.

Перед тем как обратиться непосредственно к японской тематике, представляется целесообразным проанализировать, почему во всем

---

[1] Стенограмма презентации проекта «Единая Россия / http:/www.gwas.ru/Russia/edinros/Stenogramma-presentacii-

мире происходит возрождение интереса к консервативной идеологии, в какой степени консервативная идея отвечает на запросы современного общества.

Долгое время развитие современного общества происходило на основе противоборства двух основных идеологий – либерализма и консерватизма. В принципе консерватизм – это идеологическая ориентация и политическое движение, которое отстаивает сохранение традиционных ценностей и порядков. Однако со временем место консерватизма в историческом развитии начинает меняться. Все чаще возникают различные варианты синтеза традиционных и новых ценностей. Консерватизм начинает превращаться в социальную идеологию, ценности которой видоизменяются под влиянием либерализма и сами оказывают на него влияние.

Утверждение современности сопровождалось превращением различных версий либерально-консервативного синтеза в основу социального порядка в исторических центрах модернизации. Глобализация связывает в единое целое самые удаленные уголки современного мира. Понятия «центр» и «периферия» утрачивают жесткую пространственную локализацию. Универсалистские ценности, с одной стороны, способствуют повсеместной стандартизации жизни, а с другой, порождают новый запрос на различия и уникальность. В результате все более явственной становится неразрывная связь традиций и развития. Со второй половины XX века происходит поворот к новой парадигме развития, для которой характерно постепенное повышение роли консервативных ценностей, которые включаются в общественный запрос на модернизацию[2].

Идеи, лежащие в основе либерализма, социал-демократии или коммунизма, мало зависят от национальных особенностей, поэтому они превращают их в универсалистские идеологические конструкты. Консерватизм же основан на традициях, а они в разных странах, цивилизациях, у разных народов – разные. Поэтому консерватизм по определению «обязан» иметь национальную «окраску», которая учитывает особенности исторического пути развития и систем ценностей конкретных народов и стран. «Таким образом, консерватизмов много. Универсалистскими в консерватизме выступают лишь некоторые наиболее общие принципы и базовые основы, но не единые идеологические догмы, не говоря уже о конкретных рецептах организации социума и общественной жизни. Поэтому русский консерватизм, естественно, во многих сущностных аспектах отличается от британской, американской, германской или японской версий консерватизма»[3].

---

[2] Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: 2 (2):Форум «Бердяевские чтения», 16 мая 2014 г. Доклады и статьи. М.: Некоммерческий фонд Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ). С. 8.

[3] http:/ruskline.ru/analitika/2014/04/30/vpered_i_vverh/

Выделение основных положений в идеологии и деятельности консервативных партий на Западе и особенно в США позволит соотнести их с идеологией и деятельностью японских консерваторов, о чем речь и пойдет в данной монографии. Детальному рассмотрению проблем современного консерватизма посвящен доклад «Современный консерватизм на Западе», выполненный по заказу некоммерческого Фонда Институт социально-экономических и политических исследований порталом «Terra America», который был опубликован в Альманахе Фонда ИСЭПИ «Тетради по консерватизму»[4]. В докладе показана эволюция консервативной идеологии на Западе, раздробление консерватизма на отдельные категории, дана характеристика деятельности старых консервативных партий и выявлены причины появления новых. Особое внимание уделено консерватизму в США, поскольку в нем явственно обозначилась новая волна, связанная с движением «Партия чаепития», которое некоторые, особенно американские, политологи стараются «распознать» в политической жизни Японии.

В настоящее время в западных странах произошло разделение консервативной идеологии и консервативного движения на ряд течений, которые слабо связаны друг с другом. Нередко старые консервативные партии присваивают себе воззрения либеральных, популистских и даже левых партий.

В политических платформах большинства западных консервативных партий преобладает **либеральный консерватизм.** Этот вид консерватизма сосредоточен на экономических вопросах, уделяя основное внимание обеспечению экономического роста, развитию конкуренции, уменьшению участия государства в экономике, обеспечению благоприятных условий для ведения бизнеса и стимулированию предпринимательской инициативы, допускает умеренную социальную поддержку населения со стороны государства, но высказывается против протекционизма и массированного государственного вмешательства в экономику. В целом либеральный консерватизм придерживается экономической программы неолиберализма, которую разделяет большинство основных консервативных партий. Либеральный консерватизм стремится, если не к ликвидации «государства всеобщего благосостояния», то, по крайней мере, к существенному ограничению социальных затрат и предотвращению их дальнейшего роста.

Еще одно течение – **социальный консерватизм –** сосредоточен, прежде всего, на сохранении традиционных моральных ценностей, а

[4] Современный консерватизм на Западе //Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: 2 (2):Форум «Бердяевские чтения», 16 мая 2014 г. Доклады и статьи. М.: Некоммерческий фонд Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ). С. 19–61. Далее ссылки на этот документ во введении не приводятся.

именно, на укреплении семьи, законодательном определении брака только как союза женщины и мужчины, запрете усыновления детей однополыми парами и пр. Если в США социальный консерватизм играет огромную роль, то в европейских странах консерваторы нередко порывают с поддержкой традиционных ценностей христианского происхождения и поддерживают постхристианские либеральные воззрения.

Тесно переплетающийся с социальным консерватизмом **религиозный консерватизм** не играет никакой роли в повестке западных консервативных партий. Сегодня он напрямую успешно участвует лишь в партийной политике в США и некоторых странах Восточной Европы, в частности, в Польше и Венгрии.

Идеи н**ационального консерватизма** предусматривают масштабное государственное вмешательство в экономику и политику защиты внутреннего рынка от неограниченной конкуренции извне. Приверженцы этой разновидности национализма стремятся в первую очередь к защите национального суверенитета в условиях глобализации (евроинтеграции), включают в свою повестку ограничение иммиграции этнически и культурно чуждого населения, сохранение национальной самоидентификации и связанных с ней традиций. Национальный консерватизм широко распространен в Республиканской партии США, а в Европейском союзе принимает форму евроскептицизма. Поскольку традиционные консервативные партии поддерживают углубление евроинтеграции, то сторонники национального консерватизма связаны в основном с партиями правых популистов и евроскептиков.

Авторы доклада «Современный консерватизм на Западе» считают, что последняя волна консерватизма на Западе наблюдалась в 1980-х годах. Тогда в Британии тэтчеризм представил новую консервативную модель реформирования социально-экономической сферы, а рейганизм в США выдвинул приоритетом моральные ценности и опору на массовое консервативное движение «Моральное большинство». Даже понтифик того времени в Ватикане, казалось, органично соединял верность базовым христианским ценностям с ответом на вызовы современности.

В 1990-е годы во власти появилась новая разновидность либералов типа Билла Клинтона и Тони Блэра. Возвращение либерализма к власти стало возможно только в союзе с консервативными ценностями. В это же время обозначился «синтез либерализма и консерватизма, в котором по-разному, в зависимости от особенностей национального опыта, происходит соединение традиционных и современных ценностей. С этого времени (его) различные варианты утверждаются в качестве магистрального направления в идеологии и политике развитых стран. Какие партии не приходили бы к власти, политический курс государств реа-

лизуется в рамках, которые были заданы синтезом консервативных и либеральных ценностей»[5].

Новый поворот к консерватизму в развитых странах происходит под влиянием глобализации. Это связано с тем, что возрастание подвижности капиталов, утверждение «общества знания» и «экономики услуг», усиление проницаемости национальных границ, становление единой информационной среды, мощные товарные и иммиграционные потоки, усиление конкуренции ведут к масштабной перестройке государства и общества. В старых центрах развития возникают новые проблемы, происходит становление новых центров экономического роста. В совокупности это делает актуальным выработку моделей развития, адекватной сложному обществу, которое включено в глобальную систему связей. Как справедливо отмечает экономист А. Ю. Зудин, «современный консерватизм обладает большей способностью справиться с этой задачей. Повсюду в мире обретают актуальность консервативные ценности, связанные с государством, безопасностью, семьей, порядком, силой, коллективной идентичностью. Продолжается и внутреннее развитие консервативной идеологии. Консервативная мысль начинает признавать ценность «коллективного будущего», которое окончательно замещает «прошлое» в качестве своего смыслового центра... Консерватизм превращается в естественную идеологию сложного общества, встроенного в динамичный глобальный мир»[6].

Особый интерес в контексте задач данной монографии представляют тенденции развития традиционных консервативных партий на Западе и в США и появление новых популистских консервативных партий. В настоящее время картина западноевропейских консервативных партий неоднозначна. Одни, как германские ХДС/ХСС, удерживают лидирующие позиции в политике своих стран, другие, в частности британская Консервативная партия, испытывают сильное давление со стороны других партий и уступили им часть электората. В США в самое последнее время Республиканская партия значительно усилила свои позиции за счет включения в свои ряды право-популистского движения «Партия чаепития», ставшего одной из главных составляющих ее электората. Это движение оформилось в 2009–2010 гг. «в качестве «низовой» консервативной реакции на леволиберальную политику Обамы. По идеологии и месту в политическом спектре «Партия чаепития» в целом соответствует новым партиям Западной Европы, стоящим на позициях правого популизма и евроскептицизма»[7].

---

[5] *А. Ю. Зудин*. Очерки идеологии развития // Тетради по консерватизму. №2(2), 2014. С. 10.

[6] .Там же.

[7] Современный консерватизм на Западе // Тетради по консерватизму. №2 (2), 2014. С. 54.

В западноевропейских странах широкое распространение популизма начинается с 1970-х гг. Его можно определить как политическую практику, которая обращается к интересам и ценностям простых людей. Политики-популисты, как правило, предлагают простые решения сложных проблем доступным языком. Расплывчатость «государства всеобщего благосостояния» и последующее разочарование в его идеях, широкое признание неолиберализма размыли различия между традиционными левыми и консервативными политическими программами. Политические партии ради привлечения избирателей все чаще обращаются к негативным выпадам, как правило, нападая на элиты или якобы привилегии отдельных групп, в частности, на профсоюзы. Коидзуми Дзюнъитиро и Тони Блэр, например, пришли к власти частично с помощью популистских призывов, критикуя свои же партии.

Другой причиной распространения популизма стало расширение влияния СМИ, особенно телевидения, которое подчеркивает расхождение между обещанными «поверхностными обязательствами» и реализуемыми на практике. В США некоторые СМИ открыто играют партийную роль. Широко использовал СМИ и Коидзуми, который оценивал все политические вопросы как правильные или неправильные, игнорируя общепринятое понимание политики как борьбы за увеличение выгод для всех групп населения. Таким образом, налицо родство неолиберализма и популизма в развитых странах. Собственно консервативная повестка, связанная с защитой традиционных ценностей, все больше переходит к партиям правых популистов. При этом системные консервативные партии вынуждены корректировать свои курсы.

В настоящее время наметились правое и левое направления развития консерватизма. Правое течение связано с позиционированием консерватизма как силы, противостоящей фундаментальным тенденциям развития современного Запада, нарастающему вмешательству государства в экономику, выхолащиванию и бюрократизации демократии, насаждению в обществе постхристианской либеральной идеологии. Левое течение стремится превратить консерватизм в движение большинства общества против доминирующих либеральных элит, пытаясь объединить правых и левых, выступающих за укрепление суверенитета национальных государств. Основой для такой консолидации является новое прочтение консерватизма как идеологии защиты интересов большинства в социальных и нравственных вопросах.

На основе такого подхода к консерватизму в современном мире присмотримся к консервативной повестке правящей Либерально-демократической партии Японии, вернувшейся к власти после пребывания в оппозиции. Япония наряду с Германией – пример страны, где консервативные партии и правительства добились бесспорных социально-

экономических успехов. В результате основная масса консервативно настроенных избирателей не видит смысла менять электоральные предпочтения, даже если их не вполне устраивают некоторые неолиберальные установки. Убедительная победа японских консерваторов на внеочередных парламентских выборах в декабре 2014 г. обеспечила сравнительно безболезненное проведение их курса в ближайшей перспективе. Это свидетельствует, что они адекватно совершают поворот к современному консерватизму, который происходит «под влиянием глобализации, ее эффектов и императивов».

Консерватизм по определению «обязан» иметь национальную «окраску», поэтому монографию открывает первая глава **«Лики японского консерватизма: прошлое и настоящее».** Писать о японском консерватизме одновременно легко и трудно. Легко, потому что большинству японцев – как в наши дни, так и сто, и двести лет назад – присущи консервативные черты мировоззрения и мироощущения. Трудно писать по той же самой причине – в силу его распространенности. «Консерватор» – прежде всего охранитель, чтущий, берегущий и воспроизводящий «порядок», устоявшуюся модель «своего», которую он противопоставляет «хаосу», «чужому» и, как правило, – «новому», хотя здесь необходимы оговорки.

«Японских консерватизмов» несколько, причем порой их трудно признать однородными или хотя бы родственными явлениями – идет ли речь о практической политике, политической и социальной философии или о модели поведения в обществе. В японском консерватизме на протяжении всей истории его бытования как политической силы, политической и социальной философии и идеологии – применительно к современности можно говорить о полутора столетиях – четко видны несколько разных позиций или ориентаций.

Наиболее консервативным крылом были и остаются пассеисты-романтики. Они ностальгируют по «золотому веку», который находится в прошлом, по безвозвратно ушедшему, кончившемуся, но оставившему след. Для этой категории прошлое «по определению» лучше настоящего. Политический вес консерваторов-пассеистов в современной Японии невелик. Но эти люди, которые пытаются донести до нас аромат «классической Японии», не только являются значимой частью консервативного мейнстрима, но и оказывают определенное воздействие на его более активную и влиятельную часть.

Консерватизм – не только ностальгия по прошлому, но желание сохранить его, включая собственные успехи и достижения. Многие японские консерваторы успели побывать реформаторами, порой радикальными, и даже революционерами. Таковыми были творцы консервативной революции *Мэйдзи исин* (1868 г.), под руководством которых было создано

современное, в варианте до 1945 г., японское государство: жестко централизованное, «вертикальное», авторитарное, хотя и с декорумом конституционной монархии, модерное и вестернизированное технологически, традиционное – точнее, традиционалистское – идеологически.

Всё сделано, больше никаких преобразований не нужно! Это настроение овладело пожилыми реформаторами, которые любовались достигнутым и не понимали тех, кому этого казалось мало. Придя к власти молодыми, энергичными и амбициозными, они не задумывались о том, что могут состариться и утратить связь с действительностью, степень изменчивости которой тоже недооценили. Они не воспитывали поколение преемников – на системном уровне. Ситуация повторилась в начале 1990-х годов, когда состарилось поколение консерваторов, пришедшее в политику после Второй мировой войны в качестве молодых реформаторов. Похоже, эти люди, во многом создавшие современную Японию, тоже собирались жить и править вечно, не думая о смене.

В эпоху Мэйдзи в консервативный мейнстрим интегрировалась часть либералов, составивших левое крыло японского консерватизма. Собственные «либералы» были нужны консервативной правящей элите, во-первых, для создания иллюзии политического плюрализма и возможности выбора, а во-вторых, для смягчения эффекта от «перегибания палки» более консервативными кабинетами. В настоящее время, когда политическая система Японии остается «полуторапартийной» – монопольное правление ЛДП с передачей власти от одной фракции внутри партии к другой – либеральные консерваторы составляют те самые «полпартии». Сейчас они не у власти.

На политической и идеологической арене современной Японии практически отсутствуют консервативные революционеры, сыгравшие заметную роль в ее истории XIX и первой половины XX веков, от идейной и духовной подготовки *Мэйдзи исин* до событий 1930-х годов. Сторонники проведения внутриполитических реформ силовым путем, они в некоторых отношениях были ближе к социалистам и анархистам, нежели к другим категориям консерваторов. Расправа властей над радикальной фракцией этого движения после военного мятежа 1936 г. показала, что власть готова уничтожить любых революционеров, как бы консервативно, националистически или «верноподданно» они ни были настроены.

Многоликий японский консерватизм уходит корнями в эпоху Мэйдзи, поэтому изучение его истории имеет актуально-политический характер и поможет правильнее понять сущность нынешнего «консервативного поворота».

В первые послевоенные годы в Японии усилиями всех заинтересованных сторон была создана система представительной или парламентской

демократии, но не произошло смены элит. У власти осталась консервативная элита. Она проявляла максимум прагматизма и реально оценивала сложившуюся ситуацию, что позволило обеспечить преемственность традиций и национальной самоидентификации. В послевоенной Японии сохранились коллективная память, национальное единство, притягательность культурной истории.

Во второй главе **«Путь к тотальной победе японских консерваторов»** на большом фактическом материале показано, что история созданной в 1955г. Либерально-демократической партии (ЛДП) фактически и есть путь японских консерваторов к тотальной победе. Такая партия была необходима, во-первых, для обеспечения благоприятных условий развития экономики, вступавшей в период высоких темпов роста, а во-вторых, для противодействия потенциальной угрозе потери власти ввиду объединения в единую партию всех социал-демократических сил.

Довоенная консервативная элита, лишь незначительный слой которой подвергся «чистке», создала систему парламентской демократии. В ее рядах не было принципиальных разногласий о необходимости создания мощной консервативной партии, но борьба шла между основными политиками за личное руководство. Ставший идеологической базой консерватизм не представлял собой ни стройной теории, ни целостной системы взглядов. Он являлся скорее политической практикой, поэтому либерал-демократы в полной мере впитали все те особенности, которые свойственны именно японскому консерватизму.

Превращение ЛДП в доминантную партию проходило в условиях идеологического противостояния консерваторов и социал-демократов, которых представляла Социалистическая партия Японии. Политическая карта постепенно усложнялась, но в стране никогда не было оппозиции, равновеликой правящей ЛДП. Голосуя за оппозиционные партии, японские избиратели выступали не против консервативной идеологии, а против конкретной политики либерал-демократов в тот или иной период. Тем не менее, в 1970–1980-е годы предпринимались попытки расколоть ЛДП, что привело к временному отстранению ее от власти в начале 1990-х годов.

В это время развитие ситуации в Японии шло по пути, во многом напоминающему опыт европейских стран, где громко заявили о себе либералы новой волны. В 1996 г. появилась Демократическая партия Японии (ДПЯ), которая, сохранив после ряда преобразований это название, в 1996 г. превратилась в главную оппозиционную партию. Однако противостояние либерал-демократов и демократов не имеет принципиального значения: их объединяет гораздо больше, чем разъединяет. Первоначально почти все высшее руководство ДПЯ составляли выходцы

из ЛДП. У них общий политический и социальный background, схожее мировоззрение и взгляды. В 2009 г. ДПЯ совершила головокружительный рывок, одержав беспрецедентную победу на выборах в палату представителей и фактически поменявшись местами с ЛДП в национальной политике, но удержаться у власти не смогла.

Одновременно на консервативном поле громко заявила о себе правопопулистская Партия возрождения Японии, созданная амбициозным, харизматичным мэром Осака Хасимото Тору накануне всеобщих выборов 2012 г. На этих выборах тотальную победу одержали консерваторы – ЛДП и Партия возрождения Японии. Однако в новой партии сразу наметились серьезные разногласия в руководстве: Хасимото по некоторым вопросам близок к администрации Абэ, а второй лидер Эда Кэндзи готов сотрудничать с демократами. Результаты досрочных всеобщих выборов 14 декабря 2014 г. Хасимото расценил как поражение и вскоре ушел с поста председателя партии чтобы сосредоточиться на подготовке региональных выборов, результаты которых тоже разочаровали его. Можно сказать, что за период между двумя всеобщими выборами популярность как партии, так и ее создателя снизилась. Провал проекта Хасимото об изменении административной структуры Осака на референдуме 17 мая 2015 г. может привести к его уходу из политики. В любом случае, нынешняя ситуация с Партией возрождения Японии может внести коррективы в ближайшие действия либерал-демократов, поскольку им хотелось бы заручиться поддержкой оппозиции в парламенте для спокойного проведения ряда спорных законопроектов.

В трех следующих главах монографии рассмотрены политика и практическая деятельность правительства Абэ в экономической, аграрной и социальных сферах, в которых убедительно просматривается приверженность консервативному подходу.

В главе третьей **«Государственная инфраструктурная политика: «прогрессивный консерватизм»** на примере политики строительства инфраструктуры (общественного капитала) выявлены отличительные черты консервативного подхода в его японском варианте, механизмы модернизации традиционных направлений этой политики в условиях современного глобального рынка и мегаконкуренции. Экономическая политика японского правительства всегда отличалась гибкостью и адаптивностью, но, несомненно, содержит элементы консервативного и традиционалистского подхода. При этом консерватизм был развитием традиционализма и приобрел черты более адекватные историческому и общественному процессу нового времени. Настоящее здесь противопоставляется прошлому.

Основы инфраструктурной политики в Японии были заложены еще до образования единого жестко централизованного государства. В период

Мэйдзи создание инфраструктуры стало объектом государственной политики, которая постепенно соединила такие направления, как строительство дорог, мостов, тоннелей, портов на основе внедрения новых технологий, которые Япония могла заимствовать в США и Европе. Эта политика осуществлялась на двух уровнях – центральным правительством и местными властями – с привлечением частного капитала. Одновременно закладывалась и совершенствовалась институциональная база регулирования строительства и эксплуатации инфраструктурных систем и объектов (законы о дорогах, строительстве железных дорог, правила о ремонте различных сооружений и пр.). Создавалась, хотя и в меньших масштабах, инфраструктура, обеспечивающая повседневную жизнь людей. До Второй мировой войны инфраструктура в Японии развивалась быстрыми темпами (темпы наращивания общественного капитала опережали темпы роста ВВП), но сам тип индустриализации можно охарактеризовать как военно-ориентированный.

После Второй мировой войны строительство инфраструктуры, в первую очередь производственной, приобрело большие масштабы и систематический характер, что было обусловлено целями восстановления экономики и амбициозными планами выведения страны в число мировых экономических держав. Учитывались не только текущие нужды, но и будущие потребности. Работа проводилась на основе среднесрочных экономических планов (с середины 1950-х гг. составлялись пятилетние планы общественных работ) с учетом рационального использования естественных и трудовых ресурсов, определялись размеры государственного финансирования.

В начале нового века изменились требования к качеству инфраструктуры и ее места в социально-экономической структуре страны, в том числе в социально-экономической стратегии. Ранее строительство и эксплуатация инфраструктурных объектов рассматривались как затратные мероприятия. В современных экономических условиях, как и в других развитых странах, модернизация инфраструктуры рассматривается как один из драйверов экономического роста. В краткосрочном периоде инвестиции в инфраструктуру способствуют созданию новых рабочих мест, в долгосрочном обновление инфраструктуры дает положительный эффект в виде повышения производительности труда, сокращения издержек производства во многих отраслях и выхода экономики на траекторию устойчивого роста. В Стратегии возрождения Японии, которая является одной из «трех стрел абэномики», предлагается План создания стратегического рынка, все позиции которого практически связаны с инфраструктурой.

Кабинетом Абэ также предложена Стратегия глобального превосходства. Речь идет о превосходстве Японии в сфере как производственной,

так и социальной инфраструктуры. Правительство призывает компании диверсифицировать формы зарубежной активности, продвигая на экспорт «интегрированные системы», т. е. реализуя комплексные проекты производственной и социальной инфраструктуры, что позволит, по мнению экспертов, существенно увеличить добавленную стоимость и создать стабильный рынок. Такая практика была и раньше. Новизна состоит в том, что все эти проекты осуществляются на основе частно-государственного партнерства и со все большим вовлечением не только крупного, но также малого и среднего бизнеса при активной поддержке правительства. Для финансирования инфраструктурных проектов за рубежом в 2014 г. была создана специальная частно-государственная корпорация, имеющая правительственные гарантии. Спрос на инфраструктурные проекты и комплексы в мире растет, и японские компании вынуждены конкурировать не только с западными корпорациями, но и с местными.

По количественным параметрам уровень развития инфраструктуры в Японии высок, т. е. страна, ее экономика и жители хорошо обеспечены инфраструктурой. По комплексному показателю развития, рассчитываемому Всемирным экономическим форумом в рамках оценки глобальной конкурентоспособности стран (в рейтинг 2014–2015 гг. были включены 144 страны и экономики), Япония заняла достойное 6 место.

В то же время, по оценкам экспертов, немалая часть инфраструктурных объектов нуждается в обновлении или будет нуждаться в нем в обозримом будущем. Их ждет модернизация с использованием новейших технологий, которые улучшат качественные характеристики. С целью модернизации инфраструктуры в 2012 г. был принят третий базовый план технологического развития на 2012–2016 гг., который является частью приоритетного плана развития общественного капитала. Инновации в сфере общественного капитала создают возможность формирования инфраструктурных комплексов нового типа, например «умных (смарт) городов», которые также являются предметом экспорта. В самой Японии сейчас реализуется 4 полномасштабных проекта «смарт-городов» – Иокогама, Тоёта, Кэйхан и Китакюсю.

Одной из тенденций современной инфраструктурной политики в Японии является расширение практики использования рыночных механизмов в строительстве инфраструктурных объектов и управлении ими (в частности, предполагается использовать систему аукционных торгов), поскольку в условиях замедления темпов экономического роста инфраструктурные проекты становятся привлекательными для бизнеса. Постепенно совершенствуется система государственно-частного партнерства. Его первоначальные формы дополнены концессионными, консигнационными и другими соглашениями. Растут число и размеры

капитализации фондов, финансирующих инфраструктурные проекты за пределами Японии. В создании инфраструктуры, как и раньше, принимают участие местные власти и жители, в том числе объединенные в некоммерческие организации.

В постановке целей и задач инфраструктурной политики просматривается присущая Японии опора на традиции и преемственность, но с поправкой на сегодняшние экономические условия вялого экономического роста, значительного бюджетного дефицита и необходимость поиска новых ниш на мировом рынке инфраструктурных систем. Таким образом, современная инфраструктурная политика Японии содержит элементы здорового, «прогрессивного» консерватизма и традиционализма, которые используются весьма прагматически и вряд ли станут тормозом на пути реализации целей данной политики.

Глава четвертая **«Аграрный сектор: меняется ли приверженность консервативному реформированию?** посвящена аграрной политике японского правительства, которое уже несколько десятилетий не может решиться на проведение кардинальной институциональной реформы. Сегодня аграрный сектор стоит на пороге реформирования, что обусловлено множеством проблем его развития, в том числе связанных с внешней торговлей продовольствием. Вопрос в том, будет ли предстоящая реформа структурной или паллиативной, как это происходило на протяжении последних 60 лет, когда, даже объективно оценивая ситуацию и принимая нужные для изменения создавшего положения законы и распоряжения, правительство, руководствуясь политическими соображениями, проводило их в жизнь непоследовательно, не соблюдая им же самим намеченные планы.

Основная болевая точка аграрного сектора – низкая конкурентоспособность японской сельскохозяйственной продукции на внешнем рынке в связи с высоким уровнем издержек ее производства. Это связано с мелким размером хозяйствования и неэффективным использованием обрабатываемой площади, высоким уровнем двойной занятости, недостатком молодой рабочей силы, протекционистской политикой правительства, которая тормозит инициативу производителей и т. п.

Снижение себестоимости сельскохозяйственной продукции стало особенно актуальным в настоящее время в связи с расширяющейся кампанией заключения соглашений о свободной торговле и особенно из-за присоединения Японии к переговорам по вопросу о Транстихоокеанском партнерстве (ТПП). Неудивительно, что в дорожной карте новой стратегии экономического роста аграрный сектор представлен как «третья стрела» «абэномики»: сельское хозяйство должно превратиться в индустрию роста. В декабре 2013 г. был принят «План по активизации развития сельского, лесного, рыбного хозяйства и сельских

районов». Этот план предполагает создание региональных органов по контролю над сельскохозяйственными землями, пересмотр мер по стабилизации сельскохозяйственных доходов, в том числе создание продукции с высокой долей добавленной стоимости, интенсивное использование затопляемых полей, изменение политики в области производства риса и создание для поддержания доходов фермеров системы непосредственных выплат перспективным хозяйствам.

Для укрепления аграрного сектора правительство считает необходимым включение в сельскохозяйственное производство несельскохозяйственных компаний, расширение обрабатываемых площадей, разработку новых сортов культур и технологий производства, реформирование земельных комитетов и сельскохозяйственных кооперативов, для чего планируется внести поправки в законы о сельскохозяйственной земле, о земельных комитетах и о сельскохозяйственной кооперации. Разработчики Плана полагают, что благодаря проведению этих мер сельское хозяйство станет конкурентоспособным, а сельские районы – «вызывающими восхищение своей красотой».

Остается вопрос, как эти планы будут отражены в поправках к законам и в правительственных постановлениях, а также, что не менее важно, насколько интенсивно они будут претворяться в жизнь. Несомненно, сделать это будет сложно, учитывая все объективные и субъективные факторы, которые привели к созданию такой ситуации. Нельзя забывать и социальный фактор: проведение радикальных мер негативно отразится на положении мелких и мельчайших хозяйств, что, в свою очередь, отрицательно повлияет на состояние локальных обществ и окружающей среды в стране в целом.

Можно предположить, что, даже приняв весьма радикальные решения о преобразованиях в сельском хозяйстве, японское правительство сделает все возможное чтобы оттянуть снижение и, тем более, ликвидацию внешнеторговых пошлин на наиболее значимые виды сельскохозяйственной продукции, с одной стороны, а, с другой, найдет какие-то возможности пополнить доходы фермеров, которые не сумеют приспособиться к новым условиям. Не последнюю роль в этом сыграет, как и раньше, традиционный менталитет японцев, их извечный консерватизм, склонность к компромиссам, общий патерналистский настрой населения страны, относящейся к конфуцианскому региону.

В пятой главе **«Политика консерваторов в сфере социального обеспечения»** показано, что в Японии проблемы социального обеспечения самым непосредственным образом связаны с состоянием общества. Благодаря удачно сложившейся демографической и экономической ситуации, а также использованию государством потенциала социальной защиты, заложенному в традиционной японской семье *иэ* и квазисемей-

ных отношениях между работниками и работодателями, которые сформировались в японских компаниях в результате укоренения системы пожизненного найма, проблемы социального обеспечения занимали второстепенное положение среди основных направлений внутренней политики правящей Либерально-демократической партии.

Однако время шло, японское общество становилось все более современным и зрелым, и постепенно ситуация в социальной сфере стала усложняться. Распад традиционной семьи *иэ,* ухудшение финансового положения компаний в результате депрессии, быстрое старение населения сделали невозможным продолжение прежней социальной политики консерваторов и потребовали усиления функций социальной защиты общенациональных институтов. Со второй половины 1980-х годов проблемы социального обеспечения заняли важное место в политической повестке правящей партии, расходы на эту сферу быстро росли, а государственная система социального обеспечения становилась все более зрелой и развитой.

Социальную политику либерал-демократов в 1990–2000-е годы можно охарактеризовать как отход от прежнего консервативного курса, опиравшегося преимущественно на традиционные ценности, и переход к неоконсервативной идеологии, предполагающей большую долю ответственности государства за положение дел в сфере социальной поддержки и защиты граждан.

К моменту, когда в 2009 г. либерал-демократы утратили власть, в Японии функционировала весьма развитая в институциональном плане система социального обеспечения. Ее основными чертами были: во-первых, универсальный характер, т. е. практически стопроцентный охват населения; во-вторых, использование схемы социального страхования граждан для формирования ее финансовой базы; в-третьих, оказание поддержки гражданам на протяжении всей их жизни. Однако из-за быстрого старения населения, неблагоприятной экономической ситуации, сокращения численности трудоспособного населения и снижения рождаемости система социального обеспечения становилась все более уязвимой с точки зрения структуры финансовой базы. Оттягивание либерал-демократами реформы этой системы явилось одной из причин их поражения на выборах 2009 г.

После возвращения к власти в 2012 г. либерал-демократы действовали более решительно и успели сделать немало в области социального обеспечения. Главная их заслуга – решение о запуске коренной реформы пенсионной системы, которая должна начаться в октябре 2015 г. В целом их нынешняя политика в области социального обеспечения может быть оценена как продолжение неоконсервативного курса, взятого на вооружение с начала 1990-х годов. Правда, судя по некоторым нюансам,

теперь они намерены усилить акцент на разделении ответственности за решение накопившихся проблем между тремя сторонами – самими индивидами, местными сообществами и государством. Можно ли расценить это как консервативный поворот – пока судить трудно, тем более, что в сфере социальной политики грань между неоконсерватизмом и консерватизмом весьма условна.

Глава шестая «**Политика кабинета С. Абэ в сфере образования: консерватизм или ответ на вызовы глобализации?»** характеризует нововведения кабинета Абэ в области образования как консервативные, если под консерватизмом понимать большую степень вмешательства государства, акцент на воспитание патриотизма в школьных программах, выражение правительственной позиции по территориальным проблемам в учебниках. Вместе с тем деятельность либерал-демократов по реформированию местных отделов образования, ориентация на развитие коммуникативных навыков при изучении английского языка в школе, программы международных студенческих обменов и привлечение студентов и преподавателей в японские университеты из-за рубежа, установка на повышение качества университетского образования – это попытка дать адекватный ответ на новые вызовы эпохи глобализации, упрочить позиции Японии в глобальной конкурентной борьбе.

Образовательную политику кабинета Абэ можно назвать консервативной, но речь идет об исключительно динамичном и прагматичном, обращенном в будущее консерватизме, ориентированном не только на решение текущих задач, но и на долгосрочную перспективу. Безусловно, все инициативы Абэ и его единомышленников выносятся на открытое общественное обсуждение, в ходе которого подвергаются корректировке. Для некоторых японоведов консерватизм Абэ имеет лишь негативные коннотации. Повсеместное упоминание в новых школьных учебниках о территориальных вопросах односторонне интерпретируется как шаг в направлении возрождения довоенного «шовинизма» и «милитаризма». Между тем либерал-демократы подчеркивают, что подрастающее поколение нуждается в большей уверенности в своих силах и большей гордости за свою страну. При всех предполагаемых изменениях либерал-демократы не собираются «восстанавливать» довоенную политическую систему и всемерно подтверждают приверженность демократическим ценностям.

Со своей стороны Китай искусно использует спорные вопросы истории Второй мировой войны и японо-китайских отношений для дискредитации внешней политики Японии в глазах не только ее соседей, но и самих граждан. Неоднократные извинения японского правительства за поведение японской армии, адресованные Пекину, похоже, так и не были услышаны. Поэтому включение тем о спорных территориях в

учебные пособия наряду с мерами, направленными на укрепление американо-японского альянса, можно расценить как реакцию на возрастающую активность политики и пропаганды КНР.

Славящаяся уходящими вглубь веков культурными традициями Япония не боится глобализации, не пытается отгородиться от мира и не помышляет об изоляции. Элита страны отдает себе отчет в том, что лишь открытость внешнему влиянию, международное сотрудничество, заимствование полезного опыта обеспечит будущее процветание. Напротив, стремление к изоляции, попытка «завернуться в кокон» и высокомерная уверенность в собственном мнимом превосходстве, как показывает печальный опыт некоторых стран, ведут к застою, отставанию и деградации.

В следующих трех главах рассмотрены двусторонние отношения Японии с сопредельными странами – Китаем, Республикой Корея и Россией – через призму исторической памяти. Выбор такого ракурса исследования не случаен: эта проблема является болевой точкой в отношениях народов, переживших японскую оккупацию, и разыгрывается как карта в торгово-экономических и дипломатических отношениях. Широко отмечаемое семидесятилетие окончания Второй мировой войны придало проблеме исторической памяти новый импульс, особенно применительно к Японии.

Проблема исторической памяти японцев разработана В. Э. Молодяковым в серии статей, опубликованных во второй половине 2000-х годов. Историческая память «может быть как позитивной, так и негативной, развиваться естественным путем изнутри мыслящей личности или направляться и регулироваться внешними факторами. Историческая память может оказывать значительное воздействие, как на отдельных индивидуумов, так и на различные социальные и этнические группы, вплоть до нации»[8]

Значение исторической памяти для Японии и японцев традиционно велико. Они относятся к прошлому, как к важному национальному достоянию, национальной ценности. Но для них, как и для любого народа, присуща избирательность исторической памяти. У каждого есть «светлое прошлое», которым можно и нужно гордиться, и «темное прошлое», которого следует стыдиться. Травматизм исторической памяти японцев связан почти исключительно с воздействием внешних факторов, что сближает ее с исторической памятью послевоенной Германии. Для Японии эта проблема остается чрезвычайно актуальной и потому занимает значительное место в актуальной политической повестке консерваторов.

---

[8] Молодяков В. Э. Историческая память японцев //Япония: свет и тени. М., 2008. С. 210.

В седьмой главе **«Семидесятилетие окончания Второй мировой войны и японо-китайские отношения»** показано, что историческая память буквально «витает» над всем комплексом японо-китайских отношений на современном этапе.

От века Китай считал себя источником культуры и просвещения для соседнего народа и в общемировой иерархии ставил Японию на уровень своего вассала. Поэтому поражение в японо-китайской войне 1894–1895 гг. и длительная борьба против японской агрессии в 1930–1940-е годы нанесли сокрушительный удар по самоощущению жителей срединного государства. Превращение Китая из колыбели восточной культуры в объект колонизации было для этой страны тяжелым испытанием.

В послевоенный период Япония неоднократно приносила официальные извинения странам Азии, включая, конечно, Китай, выражала раскаяние и твердое намерение никогда не допускать повторения произошедшего. Более того, Япония много сделала, материально поддерживая Китай в рамках официальной помощи развитию (ОПР): в эту страну направлялась пятая часть всей японской ОПР (ее доля в общем объеме средств, полученных Китаем от развитых стран, превышала 60 %). Однако прошлое до сих пор играет центральную роль в выстраивании отношений двух стран как на правительственном уровне, так и во взаимном восприятии: в 2014 г., по данным социологического опроса, 93 % японцев и 87 % китайцев имеют «плохое» или «скорее плохое» представление друг о друге.

В послевоенный период к событиям прошлого добавились другие факторы, влияющие на экономические отношения, причем с явной периодичностью: то улучшая их, то ухудшая. Таковы тайваньский вопрос, конфликт по поводу содержания японских учебников истории, недовольство посещениями членами японского правительства храма Ясукуни, национализация японским правительством трех островов из гряды Сэнкаку/Дяоюйдао. От этого страдает ряд сфер японо-китайского сотрудничества – взаимная торговля, японские прямые инвестиции, туризм.

Устойчивость исторической памяти, видимо, объясняется тем, что в первые послевоенные десятилетия, когда китайская экономика страдала от дисбалансов, Япония стала ведущей экономической силой в Восточной Азии. Идеологически китайская элита в известной мере использовала антияпонскую пропаганду для приглушения внутриполитических вызовов, отвлечения населения от социальных проблем. Кроме того, в последние два десятилетия японо-китайские отношения оказались вплетенными в сложившуюся в современном мире систему геополитических связей. Это территориальные споры в Восточно-Китайском море, тайваньский вопрос и проблема постоянного членства крупнейших стран в Совете Безопасности ООН.

Проблема «военного прошлого» стала неотъемлемой частью всего комплекса японо-китайских отношений, который подразумевает нарастающее противостояние двух стран и участие в нем других мировых держав. После проведения политики «реформ и открытости» Китай стал влиятельным игроком мировой экономики и политики, а росту его экономической мощи в значительной степени способствовали японские технологии и прямые инвестиции. В настоящее время обе страны связаны как по линии инвестиций, так и по линии торговли: Япония является третьим партнером по экспорту и вторым партнером по импорту Китая, а последний вот уже более десяти лет занимает первое место среди важнейших источников импорта и направлений экспорта Японии.

В то же время политика Японии и Китая по отношению друг к другу продолжает балансировать между сдержанностью и жесткостью. Стороны стараются избегать обострения политических противоречий, но ни одна не может уступить в таком принципиальном вопросе, как суверенитет над островами Сэйнкаку/Дяоюйдао. К настоящему времени проблема японо-китайских отношений приобрела комплексный и глобальный характер. Можно сказать, что историческое прошлое отчасти отходит на второй план на фоне других обострившихся противоречий (в первую очередь связанных с островами Сэнкаку/Дяоюйдао), а отчасти усугубляет эти отношения.

В основу восьмой главы **«Историческая память как фактор внешней политики (об отношениях Японии с Республикой Корея)»** положен посыл, что отношение того или иного правительства Японии к исторической памяти служит своего рода визитной карточкой, поэтому, подобно японо-китайским отношениям эта проблема важна для двусторонних отношений. Взаимные претензии корейцев и японцев уходят в историческое прошлое, в котором много болевых точек, но наиболее чувствительная рана, нанесенная национальным чувствам корейцев, связана с японской колонизацией в первой половине XX в.

Особенности освобождения корейцев от японского господства привели к созданию двух государств на полуострове. По существу все серьезные проблемы, осложняющие сегодня отношения Японии с государствами Корейского полуострова, коренятся в истории связей этих стран. В данной главе рассматриваются отношения Японии с Республикой Корея. С самого начала в их отношениях четко обозначилось отсутствие, по мнению корейцев, желания японской стороны покаяться за колониальное господство. При этом нельзя не отметить, что Япония в этот период вкладывала большие финансовые средства и направляла материальные ресурсы в развитие региона, немало было сделано полезного в сфере просвещения. Однако корейцы не могли смириться с ликвидацией своей государственности. Все это создавало трудности и затягивало нормализацию отношений.

В настоящее время Япония и Республика Корея имеют развитые связи в экономике, выступают единым фронтом в противостоянии с КНДР, связаны двусторонними договорами о взаимном обеспечении безопасности, но, несмотря на усилия США, направленные на развитие военного сотрудничества в рамках треугольника США-Япония-РК, ведут себя весьма сдержанно. Республика Корея, подобно Китаю, считает, что Япония недостаточно покаялась в милитаристском прошлом. Более того, Китай и Республика Корея по некоторым вопросам исторического прошлого выступают единым фронтом против Японии. Примером может служить недавнее строительство мемориала в Харбине, посвященного корейскому патриоту Ан Джун Гыну, убившего японского политического деятеля Ито Хиробуми.

Еще одной болевой точкой в отношениях Японии с Китаем и Республикой Корея остается посещение японскими политиками святилища Ясукуни, которое считается символом милитаристского прошлого. На эту тему написаны горы литературы, но она всегда в повестке дня. Аналогично используется болезненная тема «женщин для утешения при армии» (*дзюгун иандфу*). Еще одно яблоко раздора в двусторонних отношениях – острова Токто/Такэсима.

В настоящее время японо-южнокорейские отношения переживают глубокий кризис, усиливается взаимная неприязнь населения обеих стран, выискиваются новые претензии, связанные с требованием компенсации за труд насильственно мобилизованных корейских рабочих на японские предприятия во время войны на Тихом океане. Однако охлаждение отношений между Японией и Республикой Корей вызвано не только проблемами интерпретации исторического прошлого, но снижением значимости Японии для своего партнера и возрастанием важности Китая. На этом фоне появляются такие тенденции, как «упор Южной Кореи на связи с Китаем» и «отдаление Южной Кореи от Японии».

В девятой главе **«Проблема «сибирского плена» – компонент исторической памяти»** рассматривается вопрос о японских военнопленных, оказавшихся в советских лагерях после Второй мировой войны. В связи с 70-летием окончания войны к этой теме вновь обратились японские газеты и правительственные круги. В свою бытность у власти демократы приложили определенные усилия для решения вопроса выплат компенсации бывшим военнопленным за работу в советских лагерях. Чиновники пришедшего им на смену кабинета Абэ дистанцировались от решения этих непростых социально-политических проблем. Главным направлением их деятельности в этой сфере остается выявление имен без вести пропавших на территории бывшего СССР подданных Японии, причин их смерти и мест захоронений. На сегодняшний день их число все еще превышает 20 тыс. человек. Это огромная проблема

для страны, где сильны традиции почитания предков и где проблемы военного прошлого и отношения к нему продолжают влиять не только на умонастроения в обществе, но и на отношения с соседними государствами.

«Сибирский плен» – знаковое понятие для Японии, затронувшее примерно каждую шестую семью. Оно навсегда вошло в историческую память народа и ассоциируется с трагическими страницами советско-японской войны, поскольку из 623 тыс. человек, отправленных на принудительные работы в СССР, более 60 тыс. не вернулись на родину. Отношение японских властей к данной проблеме всегда было сдержанным и прагматичным, и позиция ЛДП по этому вопросу по существу не претерпела принципиальных изменений на протяжении всего периода. Проблема «сибирского плена» рассматривалась либерал-демократами как одна из нерешенных проблем послевоенного урегулирования с СССР и использовалась для нагнетания в Японии негативных общественных настроений в отношении нашей страны.

Впервые судьба этих людей стала предметом межгосударственных советско-японских переговоров по нормализации двусторонних отношений в 1953–1956 гг. Затем наши страны вернулись к ней лишь в 1991 г. во время официального визита в Японию президента СССР М. С. Горбачева. Однако часть взятых странами обязательств в этой гуманитарной области так и осталась благими намерениями. На то есть объективные и субъективные причины, не говоря о том, что проблему «сибирского плена» следует рассматривать в общем контексте состояния российско-японских отношений. Нынешний премьер-министр Абэ Синдзо намерен «продолжать упорно работать над урегулированием территориального спора с Россией и подписать мирный договор между нашими странами». Однако пока не ясно, намерен ли он в той или иной форме коснуться проблемы «сибирского плена», относящейся к числу вопросов послевоенного урегулирования в этом договоре. Во всяком случае, она пока не снята с повестки дня двусторонних отношений.

В главе десятой **«Реформ С. Абэ в сфере политики обеспечения национальной безопасности»** показано как премьер-министр Абэ старается реализовать масштабную реформу обеспечения национальной безопасности. Его дипломатическая повестка настолько четко выражена, что за ней закрепилось название «доктрина Абэ», которая меняет парадигму региональной безопасности и отражается на всем комплексе международных связей. Инициативы Абэ имеют всеобъемлющий характер: впервые в истории страны принята официальная Стратегия национальной безопасности, пересмотрен ряд документов, касающихся перспектив развития оборонного курса государства. Параллельно формированию концептуальной базы политики обеспечения национальной

безопасности идет укрепление механизма принятия политических решений. С этой целью учрежден Совет национальной безопасности (СНБ), совершенствуется система защиты секретной информации, а также обмена данными с дружественными странами. Кульминацией проводимых реформ стало признание за Японией права на осуществление коллективной самообороны, что позволяет снять ограничения на зарубежную деятельность ее вооруженных сил и делает возможным их участие в широком спектре операций в регионе и мире.

В свете новой трактовки Конституции пересмотрены Руководящие принципы оборонного сотрудничества между Японией и США. Они предусматривают усиление двусторонней координации, большую интегрированность вооруженных сил двух стран, особенно в ситуациях «серых зон» безопасности, а также участие Японии во вспомогательных операциях при осуществлении американских военных акций в различных уголках земного шара.

Изменения в политике обеспечения национальной безопасности сопровождаются активной идеологической работой с населением. Решение о пересмотре учебников истории, риторика относительно посещения храма Ясукуни, обсуждение вопроса об агрессии Японии в отношении соседних стран во время Второй мировой войны преследуют цель избавиться от послевоенного комплекса вины и укрепить национальное самосознание. Под лозунгом «активного пацифизма» Япония постепенно отказывается от установок и принципов, которые долгие годы формировали вектор ее послевоенного развития.

Основу заключительной одиннадцатой главы **«Размышления Абэ Синдзо о «красивой и обновленной Японии»** составляет вышедшее в 2012 г. новое, дополненное издание программной книги лидера консерваторов, которая впервые была опубликована в 2006 г. под названием «На пути к красивой стране». В новой редакции она называется «На пути к обновленной, красивой стране».

«Красивая страна», по убеждению автора, это та, гражданам которой обеспечено достойное существование, а именно созданы условия для получения образования и для честного созидательного труда, гарантированы безопасность, личная свобода и соблюдение естественных прав человека. Это страна, где берегут родную природу, бережно относятся к собственным культуре и обычаям, укрепляют дружеские отношения с другими странами мира, завоевывая их доверие и уважение.

Абэ полагает, что послевоенная внутренняя и внешняя политика, а также неблагоприятные условия, сложившиеся после краха «экономики мыльного пузыря», подорвали уверенность японцев в своей стране и лишили доверия правительству. Для того чтобы вернуть им чувство гордости за страну, необходимо добиться прекращения дефляции, ликви-

дации последствий Великого восточнояпонского землетрясения 2011 г., обеспечить стратегию роста, решить социальные задачи, возродить систему образования. Особое внимание Абэ уделяет стратегии обеспечения роста, проведение которой, по его убеждению, должно сопровождаться усилением мер по обеспечению национальной безопасности. Укрепление безопасности даст Японии возможность стать подлинно суверенной, ни от кого не зависящей страной. Автор-премьер видит свою задачу в том, чтобы сделать Японию «страной, родиться в которой считалось бы счастьем и вызывало бы у граждан чувство гордости». Удастся ли ему сделать это, покажет время.

FOREWORD

Today there is a worldwide strong demand for conservative ideology and for the successful conservative modernization, which has taken place in the Western countries and Japan. The top echelon of the "United Russia" party which proclaimed itself to be a party of Russian conservatism believes that "the XX century proved that it was conservatives who were the most successful at modernization… The Liberal Democratic Party of Japan, which is one of the core elements of the conservative international, has turned a substantially feudal state into a modern developed nation… We remember the modernization carried out by a party founded by Charles de Gaulle… It was conservatives who actually managed to shape up the face of modern France as we know it"[1]. Looking back at the Western and the Japanese successful conservative modernization campaigns free from social disturbances and catastrophes, Russian political experts and analysts see the reasons for their success in the fact that it was the conservatives who took on the risks and responsibilities of the modernization.

While the conservatism and conservative modernization of the West is well known there is still an evident lack of knowledge of similar processes in Japan. A group of authors working in The Center for Japanese Studies of The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences issued two books "Japan: half a century of Liberal Democratic rule" (2010) and "Japan: modernization experience" (2011). Thinking about the current book the authors set a task of assessing the current situation in the country in order to find out whether the process of "conservative turn" is taking place, and if it is then to learn the way it is happening. In other words the authors tried to show that the conservatism is no longer about "remembering the past", but about the evaluation of the internal development of various areas of life of the Japanese society.

Before we turn directly to the Japanese case it seems appropriate to analyze the reason why there is a renewed interest to the conservative ideology

---

[1] Transcript record of "The United Russia" project presentation http:/www.gwas.ru/Russia/ edinros/ Stenogramma-presentacii-

on a global scale and to which extent does the conservative ideology meet the requirements of the modern society.

The development of the modern society has for a long time been based on the conflict between the two major ideologies of liberalism and conservatism. In theory conservatism is an ideological orientation and political movement that stands for preservation of traditional values and practices. Eventually the place of conservatism in history has started to change. More and more often various kinds of synthesis of traditional and new values have started to emerge. Conservatism is turning into a social ideology with values that both change under the influence of liberalism and have an impact on it.

As the modern age continued to develop, various versions of the liberal-conservative synthesis turned into a basis of social order in the historical centers of modernization. The most distant parts of the modern world are united by globalization. Such notions as "center" and "province" are no longer tied to spatial localization. On one hand universal values lead to total standardization of life, on the other they bring on a new quest for diversity and uniqueness. As a result the link between tradition and development is becoming clearer. From the mid XX century onwards there has been a turn towards a new progress paradigm with the rise of the role of traditional values as a response to social request for modernization[2].

The ideas beneath liberalism, social democracy or communism do not depend much on national features, which makes them universal ideological structures. Conservatism, however, is based on traditions that vary a lot depending on the country, nation, and civilization. That is why conservatism carries a national "color" that reflects the specifics of the historic development and value system of each nation or state. "Thus there are many conservatisms. Only a few most common principles and basic ideas are universal, but there are no general ideological dogmas or certain patterns for social life setup. Therefore, in many essential aspects Russian conservatism naturally differs from the one in Britain, USA, Germany or Japan"[3].

Tracing out fundamentals in theory and practice of conservative parties in the Western countries, especially in the USA helps compare them to the theory and practice of the conservatives in Japan which is the subject of this book. A detailed research of the problems of modern conservatism was carried out by "Terra America" in a report called "Modern conservatism in the West" supported by the noncommercial foundation called the Institute of socio-economic and political research (ISEPR Foundation). The research was published

---

[2] Essays on conservatism: ISEPR Foundation Almanac: 2 (2): Forum «Berdyaev readings», May 16th 2014 reports and essays. M.: Noncommercial foundation — Institute of socio-economic and political researches (ISEPR Foundation). p. 8.

[3] http:/ruskline.ru/analitika/2014/04/30/vpered_i_vverh/

in the ISEPR Foundation Almanac "Essays on conservatism"[4]. The report shows the evolution of the conservative ideology in the Western countries with its fragmentation into separate categories, provides characteristics for the activities of the old conservative parties and highlights the reasons for emerging of the new ones. Special attention is given to conservatism in the USA as there has emerged a new wave associated with the "Tea Party" movement, which some political analysts (especially the American ones) try to find in the political life of Japan.

Recently the conservative ideology and the conservative movement in the western nations have split into several trends that are hardly related to one another. Old conservative parties frequently appropriate the opinions of liberal, populist or even leftist parties.

The political platforms of most western conservative parties are mostly based on **liberal conservatism**. Conservatism of this kind is focused on economic issues and emphasizes sustainable economic growth, competition, decrease of state's involvement in the economy, provision of favorable conditions for business and stimulation of business initiative; it accepts moderate social support for the public by the state but stands against open protectionism and massive state economy intrusion. In general liberal conservatism sticks to the economic program of neoliberalism which is common for most major conservative parties. Liberal conservatism seeks to significantly restrain social expenditures and prevent their ongoing growth if not completely eradicate the "commonwealth state".

Another trend – social conservatism – is primarily focused on the preservation of traditional moral values such as strengthening of a family, legislative definition of a marriage exclusively as an alliance of a man and a woman, prohibition of adoption by unisexual couples, etc. While in the USA social conservatism plays a major role, in Europe however conservatives frequently drop support for traditional values of Christian origin and promote post-Christian liberal ideas.

Religious conservatism, which is closely interlaced with social conservatism, plays no significant part in the agenda of the Western conservative parties. Today it only has a share in the party system of the US and a few countries of Eastern Europe, for example Poland and Hungary.

National conservatism is based on the ideas of massive state interference into economy and protection of home market from unlimited international competition. Supporters of this kind of conservatism primarily seek national sovereignty within globalization (eurointegration) and place on their

---

[4] Modern conservatism in the West // Essays on conservatism: ISEPR Foundation Almanac: 2 (2): Forum «Berdyaev readings», May 16th 2014 reports and essays. M.: Noncommercial foundation — Institute of socio-economic and political researches (ISEPR Foundation). Pp. 19-61. Hereafter no more links to the source given in the Foreword.

agenda issues like restrictions on ethnically and culturally alien immigration, preservation of national self-identity and traditions. National conservatism is widely spread within the US Republican Party, and in the European Union it acquires a form of euroscepticism. While traditional conservative parties stand for the deepening of eurointegration, national conservatives are mostly associated with right-hand populist parties and eurosceptics.

The authors of the "Modern conservatism in the West" report believe that the last wave of conservatism in the West took place in the 1980s. Back then Thatcherism in Britain showed a new conservative model of socio-economic reforms and Reiganism in the USA prioritized moral values and reliance on the mass conservative movement of "the Moral majority". Even the Pope in Vatican at that time seemed to seamlessly blend devotion to the basic Christian values with the response to the challenges of the modern times.

In the 1990s a new type of liberals such as Bill Clinton and Tony Blair emerged. The return of liberalism to power was possible only in close alliance with the conservative values. Along with that there appeared a "synthesis of liberalism and conservatism that would combine traditional and contemporary values in different ways according to a certain national experience. Since then (its) various kinds are set as a major ideological and political direction in the developed countries. Whichever parties come to power, the political course would be set within the framework formed by the synthesis of liberal and conservative values"[5].

A new turn to conservatism in the developed countries comes with the rise of globalization. The reason is that such factors as an increase in mobility of funds, buildup of "information society" and "service economy", an increase of the penetrability of national borders, establishment of common information environment, vigorous flow of goods and migrants, and competition growth all lead to a large-scale reorganization of society and state. Older industrial centers face new problems while new centers of economic growth emerge. This, as a whole, calls for the creation of the new models of development, appropriate for the complicated society connected to the global network. Economist A. Y. Zudin fairly marks that "modern conservatism is more capable of coping with this task. Conservative values referred to state, security, family, order, power, collective identity are coming into focus all over the world. Internal evolution of conservative ideology is taking place as well. Conservative thought starts to acknowledge the idea of "collective future" which is totally replacing the "past" as its semantic center… Conservatism is turning into a natural ideology of a sophisticated society integrated into the dynamic global world"[6].

---

[5] A. Y. Zudin. Essays on ideology of development // Essays on conservatism. №2 (2), 2014. p. 10.
[6] ibid.

The development trends of traditional conservative parties in the West and USA along with the emergence of new populist conservative parties are of a special interest within the scope of the objectives of this book. At present the picture of conservative parties in Western Europe is ambivalent. Some parties such as German CDU/CSU hold leading positions in national politics, while others for example British Conservative party are under strong pressure from other parties and have lost some of its electorate to them. Most recently in the US the Republican Party has noticeably reinforced its positions by integrating right-hand populist movement "the Tea party" into its ranks, with its voters being a major part of its own electorate. The movement was formed back in 2009-2010 as "a conservative reaction from below to Obama's left-wing liberal policy". Its ideology and the place it occupies in a political spectrum puts the "Tea party" in a row with the new Western Europe parties standing on the positions of right-hand populism and euroscepticism"[7].

In Western Europe the wide spread of populism begins from the 1970s. It can be defined as political practice which appeals to the interests and values of common people. Populist politicians usually offer simple solutions to complicated problems in simple words. Vagueness of the "commonwealth state" and the following disappointment in its ideas along with the wide spread of neoliberalism blurred the difference between traditional leftist and the conservatives' political programs. In order to attract voters political parties began to make negative passes mostly at elite circles or allegedly privileged groups, for example trade unions. Koizumi Junichiro and Tony Blair for instance came to power partially by means of populist gestures criticizing their own parties.

Another reason for the spread of populism was the growing influence of mass media especially television which highlights contradiction between what was "shallowly promised" and actually put into practice. In the US some mass media openly stand for a certain party. Koizumi also used to rely on mass media as he judged all political issues as right or wrong ignoring the common notion of politics being a struggle for benefits for all population groups. Thus in the developed countries neoliberalism is obviously connected to populism. The agenda of the conservatives, which is closely tied up to the protection of traditional values, is shifting to the rightist populist parties, forcing systematic conservative parties to adjust their courses.

Today conservatism is developing in two directions, right and left. The right trend positions conservatism as a force opposing fundamental trends of development of the West, with its increasing intervention by the state into economy, erosion and bureaucratization of democracy, propagation of post-

[7] Modern conservatism in the West // Essays on conservatism: №2 (2), 2014. p. 54.

Christian liberal ideology. The left trend seeks to turn conservatism into a social mass movement against dominating liberal elites, trying to unite leftists and rightists who speak for strengthening the sovereignty of states. A new definition of conservatism as an ideology protecting the interests of majority in social and ethic problems acts as a core of such consolidation.

Keeping in mind this vision of conservatism in the modern world let us take a close look at the agenda of the ruling Liberal Democratic party of Japan which has come back to power after years in opposition. Japan, as well as Germany, is a country where conservative parties and governments together have achieved undeniable social and economic success. As a result, most conservative voters see no reason in switching their electoral preferences even if they are not completely satisfied with some neoliberal settings. Convincing victory by Japanese conservatives during snap-elections of December 2014 provided for a relatively smooth realization of their policy in close perspective. This is the evidence that they are making a definitive turn to a modern conservatism "under the influence of globalization, its effects and imperatives".

Conservatism is "obliged to wear national colors" by definition, that is why the first chapter of the article is called **"The faces of Japanese conservatism: the past and the future".** Writing about Japanese conservatism is easy and at the same time it is difficult. It is easy because of the fact that most Japanese – be it today or a hundred or two hundred years ago – share this inherent conservative way in their view of life and philosophy. It is difficult because of the prevalence of this feature. A "conservative person" is first of all a protector who respects, keeps and reproduces a sustainable model of "order" as opposed to "chaos", "alien" and as a rule "new" yet with some reservations needed.

There is a number of "Japanese conservatisms" and sometimes it is difficult to tell if they are phenomena of the same origin, whether we are talking about a political practice, political or social philosophy or a model of social behavior. Throughout the historic timeline of Japanese conservatism as a political force, political and social philosophy and ideology (which is about a hundred and fifty years long) several various points of view or orientations can be seen clearly.

The passeist-romantics have always been the most conservative wing. They feel nostalgic about the "golden age" of the past, about things that are gone, that have ended but left their mark. The past is thus "by definition" better than today. In today's Japan passeist-conservatives do not carry any significant political weight. However these people, who try to bring us the spirit of "genuine Japan", are not only a major part of the conservative mainstream, but can influence its more active and powerful part.

Conservatism is not a mere nostalgia for the past but it is a wish to keep it safe as it holds all personal accomplishments and progress. Many Japanese

conservatives had a chance to play reformists, sometimes radical and even revolutionaries. Such were the makers of Meiji ishin conservative revolution (1868) who created a modern Japanese state that lasted until 1945: strictly centralized, vertical, autocratic, although decorated with some features of constitutional monarchy, modern and technically westernized, traditional, or to be precise ideologically traditionalistic.

All done, no more transformation needed! This was the feeling shared by old reformers as they observed their achievements, refusing to understand those who believed it was not enough. As they came to power young, full of energy and ambitions it had never occurred to them that one day they can get old and lose touch with reality, the volatility of which they had underestimated. They never systematically prepared young successors. Situation repeated itself in the early 1990s when the young reformers who came to power after the World War II grew old. It seems that the people who gave shape to modern Japan were going to live and rule forever never thinking about retirement.

During the Meiji period a part of liberals integrated into conservative mainstream forming the left wing of Japanese conservatism. The ruling conservative elite needed its own "liberals" to create an illusion of political pluralism as well as to cushion the effect of more conservative cabinets' pushing it too hard. Today as the political system of Japan stays "one and a half party" the LDP sole rule with its inside the party fraction to fraction power shifting it is the liberal conservatives who make the abovementioned "half party". They are not in power now.

Upon the political and ideological arena of today's Japan there are almost no conservative revolutionaries left of those who were playing major role in its history in XIX and early XX centuries starting from ideological and spiritual preparation of Meiji ishin to the events of the 1930s. Being the advocates of forced internal reformation they appeared to be closer to socialists and anarchists rather than to any other kind of conservatives. Governmental reprisal against the radical fraction of the movement after the mutiny of 1936 showed that the authorities are ready to eliminate revolutionaries of any kind be it conservatives, nationalists or loyalists.

Diverse Japanese conservatism is rooted in Meiji period which means that studying of its history holds a great political value and can help understand the nature of today's "conservative turn".

In early post-war years a system of representative and parliamentary democracy was created by all interested parties yet without the change of the elite. Conservative elite remained in power. It exercised maximum pragmatism and realistically viewed the current situation which helped achieve continuity of traditions and national self-identification. Thus post-war Japan managed to keep collective memory, national unity and appeal of its cultural history.

The second chapter **«Japanese conservatives' way to total victory"** shows upon a large factual background that the history of the Liberal Democratic Party of Japan (LDP) founded in 1955 actually is the way of the Japanese conservatives to a total victory. Japan needed such a party, firstly in order to support the environment for sustainable economic growth, which became really fast-paced, secondly to resist a potential threat of loss of power due to the merger of all social democratic forces into one party.

The pre-war conservative elite, only minor part of which had been eliminated, created a system of parliamentary democracy. There were no arguing between its members about the necessity of creating a powerful conservative party, yet it was major politicians who fought for the party leadership. Conservatism as ideological base for the party was neither an articulate theory nor an integral system of thought. It was rather a political practice which helped liberal democrats fully absorb all the peculiarities of the Japanese conservatism.

The dominance of LDP came with the conservatives' ideological standoff against social democrats represented by the Socialist Party of Japan. Political stage was getting more complicated, however there never existed an opposing force equal to the ruling LDP. Voting for the opposition parties, Japanese voters have never stood against conservative ideology in general; they only spoke out against certain policy of liberal democrats from time to time. Nevertheless in the 1970s and in the 1980s there were some attempts to split the LDP, which led to it being away from power temporarily in early the 1990s.

During that period the situation in Japan was following the way very similar to that in the European countries where the new age liberals were breaking into political life. In 1996 the Democratic Party of Japan (DPJ) was established, which kept its name after a number of transformations, and it became a major opposition party in 1996. However the rivalry between the liberal democrats and the democrats is not of much significance as they have much more similarities than contradictions. Originally most top leaders of the DPJ were former LDP members. They had common political and social background, similar views and opinions. In 2009 the DPJ made a head-spinning shot historically winning the elections to the House of Representatives and actually switching places with the LDP within the national politics, yet it did not manage to stay in power.

Meanwhile a right-populist party founded by ambitious and charismatic Osaka mayor Hashimoto Toru, the Japan Restoration Party, broke into the game right before the national election in 2012. This election was won by the conservatives – LDP and the Japan Restoration Party. However serious contradictions appeared within the party's leadership: while Hashimoto agreed with Abe administrations on some issues, another leader Eda Kenji was ready to collaborate with the democrats. Hashimoto considered the re-

sults of the early national election of December 14th 2014 a failure and soon left the seat of the party leader in order to focus on the regional election campaign, the results of which also disappointed him. It is safe to say that within the period between the elections the popularity of the party and its leader decreased. The failure of Hashimoto's project of transformation of Osaka city administration during the referendum on May 17th 2015 can lead to his withdrawal from political activity. Nevertheless the current situation with the Japan Restoration Party can prompt the liberal democrats to make certain adjustments in the short-term plans as they are seeking to gain the support of the parliamentary opposition to pass a number of disputable bills.

The three following chapters of the book examine policy and practice of Abe's government in economic, agricultural and social spheres where the commitment to the conservative line is clearly seen.

Chapter three **"State infrastructural policy of "progressive conservatism"** identifies distinctive features of the conservative approach in its Japanese version, mechanisms of modernization of traditional policy courses within the globalized market and mega-competition through the example of the infrastructure construction (social capital) policy. Japanese government has always showed flexibility and versatility of economic policy yet it certainly contains elements of conservative and traditional approach. Nonetheless conservatism has succeeded traditionalism and has gained certain features relevant to the historical and social process of the new age. Here the present is opposed to the past.

The basis of the Japanese infrastructural policy had been set long before the united centrally-controlled state emerged. In Meiji period the creation of infrastructure became a matter of state policy that gradually united such courses as road-, bridge-, tunnel- and harbor engineering implementing new technologies that Japan adopted from the USA and Europe. This policy would be carried out on two levels: by the central state government and the local authorities with the assistance of private capital. At the same time institutional control base for construction and operation of infrastructural systems and facilities would form and advance producing road acts, railway engineering acts, facility maintenance regulations, etc. Infrastructure for daily living was also developed though at a smaller scale. Before the World War II Japan showed rapid pace of infrastructural development (the pace of social capital growth was ahead of the GDP growth rates) although the kind of industrialization can be classified as military-based.

After the World War II infrastructure building and especially industrial infrastructure building got on an even larger scale and regular basis due to the general line of economic recovery and ambitious plans to make the country one of the top economical powers. Not only current needs but also future requirements were considered. The work was carried out under me-

dium-term economic plans (starting from the mid 1950-s five-year social work plans were introduced) with provision for rational utilization of natural and man-power resources and state funding assessment.

In the beginning of the new century infrastructure quality specifications and its place within the state socio-economic structure including socio-economic strategy have changed. Formerly infrastructural facility engineering and operation was seen as a cash-consuming affair. Modern economic situation has made Japan along with other developed countries see infrastructure modernization as one of the drivers of economic growth. Short-term investment into infrastructure promotes employment, long-term infrastructure renovation investment positively influences an increase in labor productivity, reduces production costs in many fields and brings economy to the trajectory of sustainable growth. Within the Japan recovery strategy, which is one of "the three arrows of Abenomics", there is a plan of developing a strategic market with all positions practically linked to infrastructure.

Abe's cabinet has also offered a strategy of global superiority. It goes on about Japan's leadership in industrial and social infrastructure. The government calls on companies to diversify forms of foreign business promoting export of "integrated systems", for example executing industrial and complex social infrastructural projects; according to the experts this can help significantly increase added value and create a stable market. Similar practice existed before. The new thing is that the projects are conducted on the basis of private-public partnership with the increasing engagement of large, small and medium-sized businesses and a great deal of governmental assistance. A special government guaranteed private-public Corporation was created in 2014 to finance infrastructural projects abroad. The demand for infrastructural projects and systems is on the rise all over the world and Japanese companies have to compete not only with Western corporations but with the local ones as well.

Japan's infrastructure development level is high in quantity, which means that the country, its economy and the people are well provided with infrastructure. According to the integrated growth indicator calculated by the World Economic Forum in terms of the global competitiveness assessment (2014-2015 rating covered 144 states and economies) Japan has the rightful 6th position.

At the same time according to experts a significant part of infrastructure facilities are in need of renovation or might be in the near future. Modern technologies used for their renovation will significantly improve quality characteristics. In 2012 third base technological progress plan for infrastructure modernization for 2012-2016 was accepted as a part of the priority plan for social capital development. Social capital innovations give way to the creation of infrastructure complexes of a new kind such as "smart cities" which are also available for export. There are 4 full-scale smart-city projects carried out in Japan today. They are Yokohama, Toyota, Keihan and Kita-Kyushu.

One of the modern trends in infrastructural policy in Japan is the expansion of market mechanism application for infrastructure facilities engineering and operation (such as auction selling) as infrastructural projects are becoming more and more commercially attractive due to the slowdown of economic growth. A system of private-public partnership is gradually improving. Concession, consignation and other agreements were added to its original form. There is an increase in the number and capitalization of funds financing infrastructural projects outside Japan. Local authorities, residents and NGOs still take part in infrastructure development.

The goal setting for infrastructure policy in Japan relies heavily on traditions and continuity, although it is adjusting to the current circumstances of slower economic growth, significant budget deficit and the necessity of finding new segments within the global infrastructure system business. As can be seen Japan's modern infrastructure policy contains elements of healthy "progressive" conservatism and traditionalism which are being used quite pragmatically and are unlikely to slow down the policy implementation process.

The fourth chapter "**Agriculture: will adherence to conservative reforms remain**?" is dedicated to the agricultural policy of the Japanese government that has been hovering around fundamental institutional reform for decades. Today's agricultural sector is on the verge of reforms due to numerous development problems which include foreign food trade. The question is whether future restructuring will be structural or palliative, just as it used to be for the last 60 years when the government, even though it assessed the situation objectively and passed all the necessary acts and regulations designed to bring the change, would enforce them inconsistently without complying with all the arrangements.

The weak point of agricultural sector is the low competitive ability of the Japanese agricultural products on the foreign markets due to the high production costs. The reasons are small scale of farming and ineffective usage of farm land, high level of double employment, lack of young man-power, protectionist policy of the government which affects manufacturer's initiative, etc.

Today the reduction of agricultural production cost is a particularly hot topic since the expanding of the free trade agreement campaign and Japan's joining the Trans-Pacific Partnership (TPP) talks. No wonder that the new economic growth strategy roadmap displays agricultural sector as a "third arrow of Abenomics" – agriculture has to become a growing industry. In December 2013 a **"**Plan for Development of Agriculture, Forestry, Fisheries and Regions" was approved. The plan was compiled to establish regional headquarters for farm-land control, review the measures for agricultural income stabilization including high added value product development, intense

utilization of paddy-fields, rice manufacturing policy transformation with a system of direct pay-offs to profitable farming to support farmers' incomes.

In order to reinforce the agricultural sector the government finds it necessary to engage nonagricultural companies into agricultural production, widen farm lands, develop new cultivar species and production technologies, reform land committees and agricultural cooperatives, and for that purpose certain amendments to the laws on agricultural land, land committees and agricultural corporation are planned. The authors of this Plan believe that such measures will help agricultural sector become more competitive and rural areas "beautiful and vibrant".

There is one question left which is how these plans are going to be reflected in state laws and regulations as well as how they will be implemented. There is no doubt that it is not going to be easy taking into consideration all the facts that had led to the current situation in the field. Social factor should not be set aside neither. Drastic measures cannot but negatively influence the state of small and micro business which in turn will have a negative effect on the condition of local communities and the overall environment in the country.

It is fair to assume that even with radical reform measures taken, the Japanese government will do everything in its power to postpone the lowering or removal of the foreign trade tariffs on major agricultural products on one hand and on the other hand it will find opportunities to support income of the farmers who fail to adapt to this situation. Same as before the Japanese traditional mentality, proneness to compromise and paternalistic attitude of the people rooted in the Confucianism will come into play.

Chapter five **"Social welfare policy by conservatives"** demonstrates that in Japan social welfare problems are closely tied to the condition of society. Social welfare problems were minor within the domestic policy courses of the ruling LDP thanks to the favorable state of demography and economy as well as the ability of the state to use social security resource deriving from traditional Japanese family "ie" and quasi-family relations between employers and employees that formed in Japanese offices as a result of the life-employment system establishment.

However as the time went by the Japanese society grew more modern and mature and social situation got more complicated. Traditional "ie" family decay, weakening of financial situation of the companies due to depression, rapid aging of population made previous conservative social policy line no longer efficient and demanded reinforcement of social security facilities on a national level. Starting from the mid 1980s social welfare issues got top priority on the ruling party's agenda sending costs higher and making social security system set and advanced.

Social policy of liberal democrats in the 1990-2000s can be characterized as divergence from the previous conservative line based on traditional val-

ues and a turn to neoconservative ideology with greater share of state responsibility in the field of social welfare and security.

By the time the liberal democrats lost power in 2009 an institutionally advanced social security net was operating in Japan. Its major features were the following. Firstly, it covered almost 100% of the population, secondly, it used social insurance plan as a support to its financial base, thirdly, lifetime social support for the citizens. However, due to fast aging of the population, economic pressures and decrease in the working population as well as the decline of the birth rate, the system of social welfare got more vulnerable in terms of its financial base. Postponing the reform of the system triggered the LDP's failure in election of 2009.

Back to power in 2012 the LDP started to act decisively and managed to make a great deal in the field of social welfare. Their main achievement was a decision to launch core transformation of pension scheme that should be started in October 2015. Their current policy in social welfare can be largely estimated as reproducing the neoconservative approach which started in the early 1990s. Although due to certain details they now intend to enhance the emphasis on the responsibility sharing for solving the problems among the three sides – individuals, local communities and the state. It is hard to say whether it can be judged as a conservative turn especially since the line between conservatism and neo-conservatism is quite thin when we are talking about social policy.

Chapter six **"S. Abe cabinet educational policy: conservatism or response to the challenges of globalization?"** describes Abe cabinet innovations as a conservative, if conservatism is seen as a higher level of state interference, an emphasis on patriotic education at school with governmental stance on disputed territorial issues represented in textbooks. Along with that the LDP measures on reforming local educational departments, overall trend for development of communication skills during English classes at school, international student exchange programs and reaching out to foreign students and teachers to attract them to the Japanese universities, striving to improve the quality of higher education – all of it is an attempt to give an adequate response to the new challenges of the globalization era and to cement Japan's place in this competitive battle.

Abe's educational policy can be called conservative but what this means is an exclusively dynamic and pragmatic conservatism that faces the future and is intended not just for solving current tasks but has a long-term outlook as well. All initiatives of Abe and his followers are of course being brought into the open discussion and exposed to necessary adjustments. For some researchers of Japan Abe's conservatism carries only negative connotations. Mentioning of territorial disputes in textbooks is viewed as an attempt to bring back the pre-war "flag-waving" and "militarism". However liberal democrats

underline that the new generation needs more confidence in its power and more pride for its country. Despite all of the aforementioned planned changes liberal democrats do not intend to "restore" the pre-war political system and they confirm full support for democratic values.

On the other hand China is using disputable historic questions of the World War II and Japan-China relationship to discredit Japanese foreign policy not only in the eyes of its neighbors but its own citizens too. Multiple apologies of the Japanese government for Japanese military actions addressed to Beijing seem to have never been heard. That is why including territory disputes into the textbooks along with the measures designed to reinforce the US-Japan alliance can be seen as a reaction against the rise of the Chinese policy and propaganda.

Famous for its deeply rooted cultural tradition Japan is neither scared of globalization nor attempts to fence itself from the rest of the world nor thinks of isolation. The ruling elites clearly realize that only an exposure to external influence, international collaboration and adoption of successful practices can provide further prosperity. On the contrary, pursuit of isolation, an attempt to "inshell" and arrogant assurance of personal imaginary superiority leads to a deadlock, dropping behind and decay.

The following three chapters are dedicated to bilateral relationship between Japan and the neighboring countries which are China, the Republic of Korea and Russia seen through the prism of historic memory. This perspective was specifically chosen based upon a problem which is the sore spot of the nations that survived the Japanese occupation. This card is played in the trade-economic and diplomatic relations. The widely celebrated 70th anniversary of the end of the World War II gave new momentum to the problem of historic memory especially when it concerns Japan.

The problem of historic memory of the Japanese was examined by V. E. Molodyakov in his series of essays issued in the late 2000-s. Historic memory "can be either positive or negative, it can either grow naturally from the inside of the mind of a thinking individual or be addressed and controlled by external factors. Historic memory can have a great impact on separate individuals or various social and ethnic groups and even nations".[8]

Japan and the Japanese traditionally value historic memory a lot. The past is treated as a significant national asset, national heritage. Just as any other nation the historic memory of the Japanese is selective. Everybody has his "radiant past" to be proud of and "dark past" to be ashamed of. The trauma of historic memory of the Japanese is almost exclusively referred to external influence which is similar to the historic memory of the post-war Germany.

---

[8] Molodyakov V.E. Historic memory of the Japanese //Japan: light and shadows. M., 2008. p.210.

The issue stays extremely sharp in Japan and holds significant place in the political agenda of the conservatives.

Chapter seven **"70th anniversary of the end of the World War II and Japan-China relations"** demonstrates that today's Japan-China relations are literally haunted by historic memory.

China has always thought of itself as a source of culture and enlightenment for its neighbor and considered Japan its vassal from the viewpoint of world hierarchy. This is why the defeat in the Sino-Japanese War of 1894–1895 and continuous struggle against the Japanese aggression in the 1930s-1940s delivered a fatal blow to self-awareness of the neighboring state. Turning from a cradle of Eastern culture into a colonization target became a painful experience.

During the post-war period Japan has consistently apologized to Asian countries (including China of course), expressed repentance and firm intention to never let the history repeat. Moreover Japan has done a great deal by supporting China financially through the program of the official development assistance (ODA) directing one fifth of the whole Japanese ODA budget to China (Japanese part exceeded 60% of all the funds China received from the developed countries). However the past still plays a central role in the relations of the two countries, be it diplomatic level or mutual perception. According to the 2014 survey 93% of the Japanese and 87% of the Chinese have either "negative" or "rather negative" image of each other.

During a post-war period past events were accompanied by other factors that would influence economic relations in both positive and negative ways. These are the Taiwan issue, Japanese textbooks' contents, discontent with the Japanese government members visiting Yasukuni shrine, nationalization of three of the Senkaku/Dyaoyuidao islands by the Japanese government. These are the cause of problems in some areas of the Japan-China cooperation such as trade, Japanese direct investment and tourism.

The fact that while Chinese economy suffered post-war imbalance Japan became a leading economic power of the East Asia probably explains the stability of the historic memory. In terms of ideology Chinese elites were using anti-Japanese propaganda to a certain extent in order to tone down domestic issues and divert public attention from the social problems. Besides that, over the last twenty years Japan as well as China both got involved in the network of geopolitical ties. These are the territorial dispute in the East China Sea, Taiwan issue and the problem of the permanent membership of the major countries in the UN Security Council.

A problem of the "military past" became an indispensible part of Japan-China relations complex giving grounds to growing rivalry between the two countries involving other world powers. Due to the "reform and opening up" policy China became a major player in the world's economics and politics

while Japanese technologies and direct investment helped it achieve economic growth. Both countries are currently bound by investment line as well as trade line. Japan is the third export partner and the second import partner of China, while China has been Japan's number one import source and export direction for over 10 years.

At the same time the political relationship between Japan and China is balancing between restraint and a hard line. Both sides are trying to avoid political conflict yet none is ready to concede in the dispute about sovereignty over the Senkaku/Dyaoyuidao islands. By now the problem of Japan-China relationship became complicated and global. It can be said that historic past is in some way fading amid heightened tensions (especially Senkaku/Dyaoyuidao issue) yet in some way it aggravates the relationship.

Chapter eight "**Historic memory as a foreign policy factor (on the Japan relationship with the Republic of Korea)"** contains a message that the attitude towards the historic memory shared by one or another cabinet in Japan acts as some kind of a "business card" and stays important for any bilateral relationship just like Japan-China relationship. Mutual claims of the Japanese and the Koreans are rooted in historic past that has many painful issues yet the most sensitive scar is the Japanese colonization in early XX century.

As a result of the peculiar process of liberation of the Koreans from the Japanese colonial rule the Korean peninsula got divided into two states. Essentially all the serious tensions between Japan and the two states of the Korean peninsula are rooted in the history of their relationship. The chapter examines the relationship between Japan and the Republic Korea. From the very beginning the Koreans thought that Japan was unwilling to repent the mistake of colonization. It is however recognized that during the colonial rule Japan was investing a lot into economic development and education of the region. However the Koreans couldn't put up with the loss of their nationalism. All these reasons created difficulties and delayed the normalization of diplomatic relations.

Today Japan and the Republic Korea have strong economic ties, they are united in their standoff with the DPRK and are bound by a mutual security agreement. Yet they keep a low profile despite all efforts of the USA directed towards the development of military cooperation inside the USA – Japan – the Republic Korea triangle. Korea as well as China believes that Japan has showed too little repentance for its military past. A recent erection of a memorial in Harbin dedicated to a Korean patriot Ahn Jung-Geun, an assassin of Japanese politician Ito Hirobumi, can serve to illustrate this.

Another sore point within the relationship of Japan with China and the Republic of Korea are the Japanese politicians visiting Yasukuni shrine – a symbol of the military past. Piles of books have been written on the subject,

however it stays on top of the agenda. Another sensitive matter of "army comfort women" (jugun ianfu) is being used in a same manner. The Tokto/Takeshima islands issue is another matter of dispute.

Today the Japan – South Korea relations are in a deep crisis; mutual dislike between the people of the two nations is getting stronger; new claims are being sought out, for example the demand for compensation for the labor of the Korean workers who were forced to work at the Japanese factories during the Pacific War. However the reason for strained relations between Japan and the Republic Korea is not only based on the problem of the interpretation of the historic past but also on the fact that the Republic of Korea has started to de-emphasize Japan as a partner while showing increasing interest in China. Such trends as " the South Korean focus on ties with China" and "the South Korean estrangement from Japan" appear on against such this background.

Chapter nine **"The problem of "Siberian imprisonment" as a historical memory component"** deals with a subject of the Japanese war prisoners who were taken to the soviet concentration camps after the WWII. Due to the 70th anniversary of the end of the World War II the subject reappeared in the Japanese press and political agenda. When at power the democrats made certain efforts to solve a problem of compensation payments to former prisoners of war to cover their work at Soviet camps. Officials of the Abe cabinet which replaced the democrats distanced themselves from these complicated socio-political matters. The main measures taken in this field are identification of the Japanese missing persons on the territory of the USSR, investigating their death reasons and searching for their grave sites. Today there are still over 20 000 names on the missing persons list. It is a huge problem for a nation with strong traditions of honoring ancestors and for a country where the problem of military past and the attitude toward this past still have great power not only upon social mentality but on relationship with neighboring states as well.

"Siberian imprisonment" is a symbolic notion for the Japanese as it had affected approximately every sixth family. It has firmly settled within the historic memory of the nation and is associated with the tragic events of the Soviet-Japanese war as out of 623 thousand people sent to the USSR for compulsory labor over 60 thousand never came back. Japanese authorities have always been modest and pragmatic about these issues and the LDP has followed the line with no significant change throughout the time. The LDP would see the problem of "Siberian imprisonment" as one of the unsolved issues of the postwar settlement with the USSR and would only use it to add pressure to the negative attitude towards our country inside Japan.

The destiny of these people was first discussed during the Soviet-Japan talks on the normalization of the bilateral relationship in 1955–1956. The countries returned to the theme only in 1991 during the official visit of the

President of the USSR M. S. Gorbachev to Japan. However part of the commitments taken in this humanitarian sphere remained unrealized. There are certain direct and indirect reasons for that besides that the issue should be viewed within the context of the current Russian-Japanese relationship. Prime Minister Shinzo Abe is determined to "continue to work hard towards the settlement of the territorial dispute with Russia and sign a peace treaty between our countries". However it stays unclear if somehow he is going to revisit the issue of "the Siberian imprisonment" which is one of the subjects of the postwar settlement of the treaty. Anyway it remains on the agenda of the bilateral relationship.

Chapter ten **"Security policy reforms by Abe Shinzo**" discusses the way the Japanese Prime-minister S.Abe is trying to conduct a full-scale reform of the system of national security. His diplomatic agenda is so well-defined that it was dubbed "the Abe doctrine", the doctrine that changes security paradigm in the region and has an impact on the whole complex of international ties. Abe's initiatives are comprehensive: for the first time in the country's history an official National Security Strategy has been adopted, a number of acts concerning the development of the security policy has been revised. Along with shaping the concept of national security policy its decision-making mechanism is being reinforced. A National Security Council (NSC) has been established, a system of classified information security as well as a data sharing system with friendly states are being developed. The culmination of the reform was the recognition of Japan's right to exercise collective self-defense which actually lifts restrictions on international activity of its armed forces and lets them participate in a wide range of operations within the region and the world.

In light of the new constitutional interpretation the Guidelines of the US – Japan security cooperation have been revised. They include strengthening of bilateral coordination, deeper integration of the two countries' armed forces especially within the so called security "grey zones" and Japan's participation in the auxiliary operations during the US military actions all around the world.

Changes in the national security policy are followed by ideological work with the public. The decision to review history textbooks, debates on the Yasukuni shrine visits, discussions of the Japanese aggression towards neighboring countries during the WWII all aim at getting rid of the post-war guilt complex and reinforce national consciousness. In the name of "active contribution to peace" Japan is phasing out restrictions and principles that for many years have formed the vector of its post-war development.

The last chapter 11 "**Abe Shinzo on beautiful and new Japan"** is based upon the new enhanced edition of the conservative leader's program book reissued in 2012. It was previously issued under the title "Towards a beautiful country" in 2006. The new version is called "Towards a new country".

A “beautiful country” is (as the author believes) a country where citizens are provided with dignified existence conditions such as conditions to get education and make an honest creative living, where security, private freedom and natural human rights are guaranteed to everybody. It is a country where people protect Mother Nature, treat their culture and traditions with care and strengthen friendly relations with other countries gaining their respect and trust.

Abe believes that post-war domestic and foreign policy as well as unfavorable conditions that followed the collapse of the bubble economy eroded confidence of the Japanese about their country and deprived them of their trust in government. In order to bring this pride back it is necessary to eliminate deflation, remove the damage caused by the Great East-Japan Earthquake of 2011, provide a growth strategy, resolve social problems and restore educational system. Abe pays special attention to the growth strategy that should go along with the national security upgrade. Security upgrade will give Japan a chance to become a truly sovereign and independent state. As a prime minister the author sees his mission in turning Japan into “a country where one would be happy and proud to be born”. Time will show if he succeeds.

Глава первая

Лики японского консерватизма: прошлое и настоящее

Писать о «японском консерватизме», даже в самом сжатом очерке, одновременно легко, и трудно. Легко, потому что большинству японцев, причем не только принадлежащих к «активной фракции общества», – как в наши дни, так и сто, и двести лет назад – присущи консервативные черты мироощущения, а не только мировоззрения. Это может показаться странным читателю, привыкшему воспринимать Страну корня солнца как символ прогресса и новаторства – однако «консерватизм», вопреки распространенному, но неверному мнению, не обязательно является синонимом «реакции» или «пассеизма». Трудно писать о японском консерватизме по той же самой причине – в силу его распространенности и даже доминирования в обществе.

Дело в том, что «японских консерватизмов» несколько, причем «на глаз» они могут отличаться друг от друга настолько сильно, что их трудно признать однородными или хотя бы родственными явлениями – идет ли речь о практической политике, политической и социальной философии или о модели поведения в обществе. В японском консерватизме на протяжении всей истории его бытования как политической силы, политической и социальной философии и идеологии – применительно к современности можно говорить о полутора столетиях – четко видны несколько разных позиций или ориентаций. Среди японских консерваторов были и есть свои консерваторы (это не тавтология и не каламбур) и реакционеры, либералы, реформаторы и революционеры. Написать портрет «японского радикала» – не столь важно, «справа» или «слева» – и даже «японского либерала» куда проще – они понятнее и одномернее, идет ли речь о нынешнем времени или событиях вековой давности. Впрочем, японские радикалы и либералы, возможно, не так интересны, как консерваторы.

С чего начать? «Консерватор» представляется прежде всего охранителем, чтущим, берегущим и воспроизводящим некий «порядок», усто-

явшуюся модель «своего», которую он всегда противопоставляет «хаосу» и «чужому» и, как правило, – «новому», хотя здесь возможны оговорки и исключения.

Что же охраняли и охраняют японские консерваторы?

Ностальгия по «золотому веку»

Наиболее консервативным крылом японского консерватизма всегда были пассеисты-романтики, ностальгировавшие и ностальгирующие по «золотому веку», который находится в прошлом. Причем вожделенное прошлое может относиться на восемьдесят, четыреста, восемьсот лет, а то и боги-знают-сколько веков назад. Это ностальгия по *безвозвратно* ушедшему, кончившемуся, но оставившему след – как правило, материальный в виде храмов, статуй, стихов и хроник, а порой и мифический, придуманный задним числом.

Для этой категории консерваторов прошлое лучше настоящего просто «по определению». Потому что тогда люди были ближе к богам – сказанное может относиться не только к легендарной древности, но и к десятилетиям перед Второй мировой войной! – а в Синто боги тесно связаны с людьми. «Золотой век» японского консерватора-ностальгиста, даже сегодня, – это не «колесницы богов» и не «мечи Судьбы». Здесь всё скромно, красиво, локально и совершенно по-домашнему. Идеал не столько политический или социальный, сколько этический и эстетический, а для японцев эти категории очень важны. Большие и прочные дома под соломенными крышами, жители которых встают с солнцем и ложатся спать с наступлением сумерек. Рисовые поля вокруг, лесистые холмы на горизонте. На одном из холмов, в священной роще, небольшой храм, где обитает божество данной местности. За холмами – деревня побольше, куда можно дойти «на своих двоих»; там проводятся ярмарки и можно помолиться в храмах не только местных, но и общенациональных божеств вроде Хатимана или Тэндзина, а также Будде и его бодхисаттвам Каннон и Якуси. Где-то дальше главный город княжества, с непременным замком, затем большие торговые города, наконец, императорская столица Киото и храмы Исэ – главные в стране, которую испокон веков называли просто «страна», *куни* или уважительно *о-куни*. Простая, наполненная трудом, гармонией и благоговением, несуетная, тщательно организованная и коллективная жизнь. Так было издревле, так будет всегда. А если не будет, то должно быть.

«Земля богов» кончается там, где начинется вода – омывающие ее со всех сторон моря и океаны. Что дальше за ними? Это неважно, потому что Японские острова созданы божествами Идзанами и Идзанаги в результате акта творения, описанного в историко-мифологической хронике «Записи о делах древности» (Кодзики; 712 г.), а остальные

земли появились в результате сгущения морской пены. Об этом еще двести лет назад писал Хирата Ацутанэ, последний из четырех «столпов» *кокугакуха*, «школы национальных наук». Он не был ни сумасшедшим, ни мракобесом, ни невеждой – напротив, одним из образованнейших людей своей эпохи, знакомым с достижениями «голландской науки» (*рангаку*), как в то время именовались в Японии все попадавшие туда европейские знания.

Волна ностальгического консерватизма, переходившего от эстетики в политику, разлилась по Японии в 1870-е и особенно в 1880-е годы в качестве закономерной реакции на тотальную вестернизацию и внедрение технического прогресса, в немалой степени за счет разрушения старины, когда в стране снесли множество замков и усадеб традиционного типа. Отторжение «нового» – оно же «чужое»! – имело столь же демонстративный характер, как и его внедрение. Никакого кофе – только зеленый чай. Никаких сюртуков и пальто – только кимоно и *хаори*. Никаких перьевых ручек, не говоря о пишущих машинках, – только кисти. Никаких железных дорог – только с посохом по горным тропам, потому что паланкин мало кому по карману. Никакого паркета – только татами. Никакой живописи маслом – только картины тушью *суйбокуга*. Никакого Шекспира с Кантом – только Конфуций и Бо Цзюй-и (китайская классика настолько прочно вошла в канон большинства японских традиционалистов, что воспринималась как «своя»), а для самых упертых почвенников – стихи «Манъёсю» и хэйанские романы. Нарисованная мной картина может показаться преувеличением, но патриарх японского консервативного национализма Тояма Мицуру впервые переступил порог дома европейского типа в возрасте 65 лет, через полвека после *Мэйдзи исин*, навещая в Токио Поля Ришара – французского философа и публициста, влюбленного в традиционную Японию, – и там впервые сел в кресло и взял в руки перьевую ручку чтобы написать хайку на память хозяину[1].

Подобный ностальгический романтизм был хорош в качестве сугубо личного выбора, и то лишь для состоятельных и независимых людей. В наиболее демонстративной форме он быстро исчерпал себя, оставшись причудой отдельных эксцентриков, но дело его не пропало. В предвоенные годы «золотой век» занял прочное место в государственном идеологическом каноне, провозгласившем историческую достоверность всех свидетельств древних хроник об «эре богов». Это было закреплено в официальном директивном документе «Основные принципы *кокутай*» (1937), который – по степени важности, доктринальности и обязатель-

---

[1] *Richard M. P.* Without Passport. The Life and Work of Paul Richard. N.Y.-Bern, 1987. P. 90. Жизнь и деятельность Ришара заслуживают специального исследования.

ности – сравнивали с «Майн кампф» и «Вопросами ленинизма»[2]. Любое выражение сомнений в истинности мифов было чревато реальным наказанием, чему имеется немало примеров, включая преследование известного историка Цуда Сокити, сомневавшегося в историчности «эры богов» и свидетельств о ней.

В соответствии с этими мифами, национальная история Японии исчислялась с 660 г. до н. э., поэтому в 1940 г. в государственном масштабе торжественно праздновалось 2600-летие «основания империи» – праздновалось не как легендарное и «условное», но как совершенно историческое событие[3]. С этим соседствовали новейшие достижения техники: танки, авиация, линкоры, скорострельные пушки, химическое и бактериологическое оружие – и шедшая полным ходом экспансия в Азии. До начала открытого военного противостояния с США и Великобританией оставалось немногим более года.

Поражение «страны богов» во Второй мировой войне нанесло мощный удар – причем, не только политический и социальный, но моральный и психологический – адептам «золотого века». В послевоенной Японии пассеистический консерватизм пережил новое рождение в 1970–1980-е годы, в период высоких темпов экономического роста, в обличии так называемого «культурного национализма», вторая волна которого поднимается – не будем преувеличивать, пока довольно робко – на наших глазах.

Современные ностальгисты по «эре богов» не чуждаются технического прогресса – напротив, активно осваивают интернет, включая интернет-телевидение (канал «Сакура»), поскольку на общенациональных телевизионных каналах представлены весьма скромно, и блогосферу; летают на самолетах, неся весть об «эре богов» по всему миру, а появляясь на публике в кимоно, дома предпочитают мягкие свитера и не отказываются не только от чашки кофе, но и от бокала пива (сказанное – не метафора, но личный опыт многолетнего общения с интеллектуалами этого круга). Их базовая мировоззренческая позиция предельно ясна, даже если не выражена открыто: «Япония лучше всех». Это не значит, что все остальные «хуже». Все по-своему хороши, но Япония всё равно лучше всех, – с улыбкой объяснят они, если их удастся «разговорить» на эту тему.

«Уникальность» японской цивилизации по-прежнему остается в числе их главных идейных постулатов, хотя нынешние национал-романтики куда реже, чем их предшественники, говорят о ее «непостижимости»

---

[2] Важнейшие фрагменты: Синто – путь японских богов. Т. 2. Тексты Синто. СПб., 2002. С. 335–357.

[3] Обратим внимание на недавнюю работу: *Ruoff K. J.* Imperial Japan at Its Zenith: the Wartime Celebration of the Empire's 2600th Anniversary. Cornell, 2014.

для иностранцев. Риторика «культурного национализма» 1970-х и особенно 1980-х годов вызвала за пределами Японии, особенно в Европе и Америке, волну аргументированной критики: «непостижимая» для иностранцев культура не может претендовать на статус всемирно-значимой, на чем одновременно с «непостижимостью» настаивали теоретики и пропагандисты «уникальности» Японии. В настоящее время приверженцы этих взглядов акцентируют внимание на достижениях японской цивилизации и традиционной культуры – не ограничиваясь тем, что признано ЮНЕСКО в рамках программы «Мировое культурное наследие», – и особенно на их оригинальности[4].

В сегодняшнем мире японским консерваторам-пассеистам не нравится почти всё – хотя, повторю, они охотно пользуются плодами и благами современной материальной цивилизации. Внешняя политика полностью подчинена Вашингтону – не то что раньше. Когда раньше? В ответ политкорректное покашливание, намекающее на довоенный период, – или более «безопасные» ссылки на эпоху Токугава как период «мудрого воздержания» от участия в международных спорах и конфликтах. Экономическая политика ведется в интересах транснациональных корпораций и местного крупного капитала, а не мелкого и среднего отечественного производителя – не то что раньше. Когда раньше? Ответ аналогичный, то есть неконкретный и немотивированный: слишком непросто найти разумный исторический аналог современной ситуации. Во внутренней политике не видно заботы об интересах «простого народа», особенно в провинции, где консервативные настроения сильнее, чем в больших городах, – не то что раньше. Когда? – здесь особенно трудно подобрать позитивный пример, потому что в эпоху Мэйдзи творцы современной Японии откровенно называли деревню «внутренней колонией». В образовании доминируют прокоммунистические и леволиберальные, антинациональные и антипатриотические идеи – не то что раньше (это понятно когда). Молодежь инфантильна, ленива и бездуховна – не то что раньше. Тогда, когда говорящие были молодыми... и выслушивали то же самое от консерваторов старших поколений.

Образованные люди, романтики национальной ностальгии хорошо знают историю и культуру своей страны, хотя склонны путать факты и мифы, особенно про «эру богов», точнее, мешать одно с другим. «Критика источников» не относится к числу их сильных сторон. Мир за пределами

---

[4] Среди историков и культурологов, пишущих в настоящее время на эти темы, особого внимания заслуживает Танака Хидэмити, автор популярных книг: Нихон-но бунка. Хонто ва нани га сугой ка? (Японская культура. Что в ней действительно замечательно?). Токио, 2013; Нихон-но рэкиси. Хонто ва нани га сугой ка? (История Японии. Что в ней действительно замечательно?). Токио, 2013.

Японии их мало интересует: разве что кто-то из иностранцев примет их речи всерьез и придет в мистический восторг от непостижимости «японского духа», хотя с течением времени такое случается все реже

Наиболее характерной чертой современного японского ностальгического консерватизма как общественной и интеллектуальной, если не политической, силы является то, что это преимущественно удел пожилых людей, завершивших карьеру. Почетные, т. е. вышедшие на пенсию после tenure, профессора университетов. Отставные госслужащие высокого, но не самого высокого ранга – например, послы или генералы. Главы или бывшие главы небольших компаний. Литераторы и журналисты, причем не самые известные и именитые. Их жены – любительницы икэбаны или чайной церемонии. Люди, не специализирующиеся ни на чем конкретном, но высказывающиеся обо всем – в Японии их называют *хёронка*, «критик» или «обозреватель», точнее, «эссеист». Молодежи в их рядах – точнее, рядом со старшими или при них – почти нет, а если есть, то, прямо скажем, не слишком успешная.

Политический вес консерваторов-пассеистов в современной Японии невелик (об этом свидетельствует полный провал выражающей их взгляды Партии будущих поколений на парламентских выборах 2014 г.), хотя выступления их наиболее ярких идеологов встречают хороший прием у части старшего поколения – ровесников выступающих. Тем не менее, эти люди, пытающиеся донести до нас пленительный аромат «классической Японии» – пусть даже наполовину придуманной ими, – не только являются значимым сегментом современного консервативного мейнстрима, но и оказывают определенное воздействие на его более активную и политически влиятельную часть, включая нынешнего премьер-министра Абэ Синдзо с его концепцией «прекрасной Японии» (*уцукусий Нихон*).

Закрепление успеха

Далеко не все японские консерваторы родились или пришли в политику консерваторами – многие успели побывать реформаторами, порой радикальными, и даже революционерами. Консерватизм – это не просто ностальгия по прошлому, но желание сохранить его, включая собственные успехи и достижения, ставшие историей.

Консервативную революцию 1868 г. *Мэйдзи исин* сделали молодые люди в возрасте от 20 до 40 лет. Старшие из них продержались у власти недолго, плюс-минус десять лет. Одни взбунтовались с оружием в руках (Сайго Такамори), другие попытались вести оппозиционную политику (Итагаки Тайсукэ, Окума Сигэнобу), третьи пали от рук противников (Окубо Тосимити). Младшие: Ито Хиробуми, Ямагата Аритомо, Кацура Таро, если называть только самых известных – оказались прагматичнее

и осторожнее. Именно они определяли политику Японии на протяжении многих десятилетий, вплоть до конца Первой мировой войны.

В XX в. всех их называли «консерваторами», редко обращая внимание на нюансы. Под их руководством было создано современное – в варианте до 1945 г. – японское государство: жестко централизованное, «вертикальное», авторитарное, хотя и с декорумом конституционной монархии, модерное и вестернизированное технологически, традиционное – точнее, традиционалистское – идеологически.

Объявляя в январе 1868 г. в «Клятве из пяти статей» о будущих радикальных переменах, 15-летний император Мэйдзи по подсказке своего реформаторского окружения туманно обещал народное представительство. Только через 21 год, в 1889 г. он «даровал» подданным Конституцию, составленную по прусскому – самому консервативному на тот момент среди развитых стран – образцу под руководством Ито, который внутри правящей элиты считался «либералом». Годом позже в стране появился парламент, если не совсем декоративный, то почти безвластный и непопулярный, как и вообще занятие «политикой», которая считалась ремеслом «четвертого сорта» – после военной службы, государственной службы и бизнеса. Всеобщее избирательное право японцы получили только в 1928 г., японки – после Второй мировой войны.

Консерваторы у власти, включая штатских, подняли престиж армии на небывалую высоту в обществе, но постарались отстранить большинство профессиональных, кадровых военных от принятия политических решений и ослабить их возможное влияние в не-военной сфере. Ямагата был маршалом, военным министром, начальником Генерального штаба и заслужил титул «отца японской армии», но куда больше совершил на гражданской службе – как министр внутренних дел, дважды премьер-министр и трижды председатель Тайного совета. Японские консерваторы всегда делали акцент на «службе»: службе государству и императору, если не уравняв офицера с врачом и судью с учителем, то дав *всем* им одинаковый статус – одинаковый не по рангу и престижности, но по сути. Созданная ими в последней четверти XIX в. система государственной службы – формально не знающая сословных преград, но жестко бракующая негодных (квалификационные экзамены), не слишком высоко оплачиваемая, но стабильная и почетная, жестко иерархичная и коллективистская – существует и сейчас. Пережив много внешних реформ, по сути она не слишком изменилась. По сути она консервативна.

Не будем однако забывать, что эти «консерваторы» в эпоху Мэйдзи были реформаторами, радикальными и рискованными. Им предстояло потрясти все основы многовекового и, несмотря на кризис, еще весьма стабильного государства: отобрать центральную власть у сёгуна, а местную – у князей; упразднить систему исторически сложившихся княжеств

и заменить ее нарисованными на карте префектурами; ликвидировать деление на четыре сословия *си-но-ко-сё* (самураи – крестьяне – ремесленники – торговцы), обеспечив формальное гражданское равноправие, но оставив реальную власть за сословием, к которому почти все они принадлежали, – за бывшими самураями; лишить этих же бывших самураев гарантированного рисового «пайка» и заставить их зарабатывать, а не только «служить»; переодеть соотечественников в европейское платье; пустить в страну «рыжих варваров» и учиться у них. А также жестко подавлять всех несогласных с государственной политикой, не взирая на происхождение и социальный статус.

Подавляемые – тоже консерваторы, но иного, пассеистического типа – не только ностальгировали, но отчаянно сопротивлялись. Пример тому – несколько поколений активистов националистических тайных обществ, патриархом которых считался Тояма Мицуру: в их деятельности радикальный пассеизм теории соседствовал со столь же радикальной политической практикой, основанной на насилии и других революционных методах. Отличительной чертой мэйдзийского государства стала доведенная до высокой степени эффективности система воспитания, внушения и подавления: школа, армия, полиция, суд, цензура, государственный Синто и коллективная ответственность. Честная и верная служба гарантировала уважение и скромный, но стабильный достаток, с защитой от превратностей судьбы и даже, в определенной степени, от начальственного произвола. Человек вне службы мог рискнуть и выиграть, но ему ничего не гарантировалось. Человеку, пошедшему против системы, гарантировались все возможные неприятности.

В начале XX в. к постаревшим, но сохранявшим полноту власти мэйдзийским реформаторам пришла твердая уверенность, что они уже всё сделали, причем сделали хорошо. Япония бесспорно вошла в «клуб великих держав», будучи единственной среди них не-белой и не-христианской страной. У нее «всё как положено»: монарх, конституция, кабинет министров, парламент, политические партии, верховный суд, армия и флот, полиция, дипломатические миссии, университеты, ордена, титулы, колонии (правда, пока мало) и газеты. Есть даже оппозиция. Наследие «феодального прошлого» искоренено: никто не носит мечей, кроме людей в мундирах; нет ограничений, кому носить одежду какого цвета и из каких тканей; большая часть замков снесена или отведена под казармы; можно исповедовать и проповедовать христианство, не опасаясь смертной казни; можно выезжать за границу и общаться с иностранцами.

Всё сделано – значит, больше никаких преобразований не нужно! Разве что расширить диапазон наград за верную службу и ужесточить меры против потрясателей основ. Это настроение прочно овладело по-

жилыми реформаторами, которые законно любовались своими достижениями – признанными во всем мире – и искренне не понимали тех, кому этого казалось мало. Придя к власти молодыми, энергичными и амбициозными, они не задумывались о том, что могут состариться и утратить связь с действительностью, степень изменчивости которой тоже явно недооценили. Они не растили и не воспитывали поколение преемников на системном уровне, ограничиваясь личной и вполне «феодальной» преданностью, как в известных «связках» Ямагата-Кацура или Ито-Хара. Они оставались у власти до последних дней жизни – не только желая «умереть на посту», но и просто боясь выпустить из рук бразды правления.

Ситуация повторилась в начале 1990-х годов, когда состарилось поколение консерваторов, пришедшее в политику после Второй мировой войны в качестве молодых реформаторов. Сегодня из него остался только 96-летний Накасонэ Ясухиро, негодовавший, когда в возрасте 85 лет не был включен родной (в прямом смысле – он принадлежал к младшему поколению ее основателей) Либерально-демократической партией в список кандидатов на очередных парламентских выборах. Удалившись на покой, он утратил власть, но не авторитет, и в критические моменты произносит по телевидению несколько веских слов, к которым прислушиваются. Люди этого поколения укрепили созданный их предшественниками (поколения Ёсида Сигэру и Киси Нобусукэ) военно-политический союз с США, нормализовали и развили отношения с КНР, установили партнерство с Единой Европой, «замирились» с Азией, обеспечили слаженную работу политиков и чиновников, добились высочайшего уровня внутренней безопасности, окончательно разложили «левую» оппозицию, при них произошло «экономическое чудо», а японская культура получила мировое признание. Чего же еще желать?

Послевоенные консерваторы, во многом создавшие современную Японию, похоже, тоже собирались жить и править вечно, не думая о смене. Они вырастили в лучшем случае своих сыновей и зятьев, блеклых политиков рубежа тысячелетий – не будем называть фамилии, хотя в их числе бывшие министры и даже премьеры. Либерально-демократическая партия, созданная в 1955 г. в результате объединения консервативных сил как «вечно правящая», проигрывала выборы и теряла власть в 1993 г. и 2009 г. С декабря 2012 г. либерал-демократы снова у власти – похоже прочно. Премьер и глава партии Абэ Синдзо – внук премьера и сын министра иностранных дел – далеко не худший из «наследников». Настоящий консерватор, сочетающий амбициозные планы на будущее с оттенком националистического ностальгического пассеизма. Но что из созданного им или достигнутого при нем захотят сохранить его политические дети и внуки?..

Либеральные консерваторы

Либерализм как политическое учение и движение появился в Японии в 1870-е годы, вместе с современной политической системой и современной политикой вообще. Первыми либералами стали реформаторы радикально западнического толка, считавшие, что модернизация периода Мэйдзи была однобокой и не принесла – вместе с передовыми иностранными технологиями и знаниями – необходимых в современном государстве политических прав и свобод. Их признанным лидером стал Итагаки Тайсукэ, который в 1868 г. в возрасте тридцати лет входил в верховное командование императорской армии, а затем заседал в правительстве и активно выступал за завоевание Кореи. Оставшись в меньшинстве, он вышел в отставку – и стал агитировать за скорейшее создание парламента.

В начале 1880-х годов японский либерализм выкристаллизовался в форме «движения за свободу и народные права» (*дзию минкэн ундо*) и дал жизнь первым политическим партиям, которые, однако, в большей степени являлись клубами по интересам или лоббистскими группами, нежели действующей составной частью политической системы. В 1898 г. либералы из Конституционной партии во главе с Итагаки и Окума пришли к власти, впервые сформировав партийный, а не бюрократический кабинет, но это было скорее сбоем системы, нежели знамением времени. Правительство продержалось всего четыре месяца. Следующий партийный кабинет – во главе с тогдашним лидером либеральных консерваторов Хара Такаси – появился в Японии только через двадцать лет и пользовался поддержкой правящей элиты, которая осознала необходимость частичной «демократизации» для сохранения и укрепления собственной власти.

Выражаясь языком современной политики, Итагаки был «системным оппозиционером» и в этом качестве два раза входил в правительство (включая либеральное 1898 г.) – занимал ключевую должность министра внутренних дел, но оба раза недолго. И оба раза это был не более чем один из ходов в долгой и сложной политической игре, не приблизившей либералов к реальной власти. Потому что у правивших страной консерваторов, в тот момент находившихся в модернизаторской фазе в сочетании с закручиваем гаек, были собственные либералы.

Тогдашний японский либерал «во власти» и «от власти» – не оппозиционер, но мастер нюансов. В главном он полностью поддерживает генеральную линию на интенсивную модернизацию и индустриализацию за счет «внутренней колонии», на милитаризацию и внешнюю экспансию, на достижение равноправия с Европой и США. Он только носит исключительно европейское платье, пытается говорить по-английски

или по-французски, может ввернуть цитату из Адама Смита, Спенсера или Смайльса (любимые авторы «передовых» японцев эпохи Мэйдзи), готов при случае порассуждать о «народном представительстве» (не вдаваясь в детали или вспомнив британский пример Палаты лордов и Палаты общин), об избирательном праве (ограниченном) и о пользе просвещения (под руководством своих единомышленников). Он охотно беседует с журналистами (из газеты, которую контролирует) и порой критикует более консервативных коллег за излишнее рвение. Может вдруг подать в отставку и – не нуждаясь в средствах – заняться писанием трактатов на юридические, экономические или морально-этические темы и основать университет. Он даже может быть христианином – но императора и его божественных предков все равно ставит выше Спасителя. Таких деятелей было много – Окума, Хара или Сайондзи Киммоти, редкий пример выходца из старинной придворной аристократии в «самурайской» по происхождению элите мэйдзийской и постмэйдзийской Японии.

У японского либерала конца XIX в. был выбор – вместе с консерваторами во власти или против консерваторов без надежды на власть. Итагаки выбрал второй путь, предпочтя славу власти. Самые знаменитые либералы вроде Окума и Сайондзи предпочли первый путь: выбрали власть, но получили и власть, и славу, правда, в разных дозах. Окума, метавшийся от либералов к консерваторам и обратно, считался человеком одаренным, но легкомысленным, а потому ненадежным. Именно он, успев побывать министром финансов и министром иностранных дел, возглавил Конституционную партию и ее недолговечный кабинет 1898 г. Следующий раз Окума стал премьером только в 1914 г., когда от его былого либерализма не осталось и следа.

Родовитый Сайондзи тоже был премьером всего два раза (1906–1908, 1911–1912), но в иной политической игре. В конце XIX в. консерваторы отладили систему периодической передачи власти друг другу, с сохранением преемственности политики, рокировками на высших дожностях (премьер-министр и председатель Тайного совета) и минимальными политическими нюансами, заметными только газетчикам, поскольку писать о вещах более важных было небезопасно. «Либерал» Ито отличался от «консерватора» Ямагата главным образом тем, что был штатским, а не военным. Штатским был и либерал Сайондзи, почти все 1870-е годы проживший во Франции, где изучал право, а затем участвовавший в «движении за свободу и народные права». Но потом его позвал император – и он стал либералом Его Величества. А его партнером по передаче власти из рук в руки стал консерватор Его Величества – генерал Кацура Таро, трижды премьер (1901–1906, 1908–1911, 1912–1913).

Новый подъем японского либерализма, в кавычках и без, пришелся на 1910-е годы. Он стал реакцией на рост популярности социалистических, анархических и прочих левых идей, в борьбе с которыми власть использовала не только кнут, но и пряник. Пряником стала система партийных кабинетов, просуществовавшая (с перерывом на два бюрократических правительства) с 1918 по 1932 гг., когда пост премьер-министра получал лидер партии или коалиции парламентского большинства. Официально премьера назначал император, но делал это по рекомендации «государственных старейшин» (*гэнро*) – неформального, но практически всемогущего органа, состоявшего из самых заслуженных и благонадежных консерваторов, начиная с Ито и Ямагата. Кацура и Сайондзи были приняты в этот клуб избранных, Окума – нет. После смерти могущественного Ямагата в 1922 г. «старейшин» осталось всего двое, через два года – только один. Им был Сайондзи, проживший до 1940 г. и до конца дней участвовавший в выборе кандидатуры нового премьера.

Собственные либералы были нужны консервативной правящей элите Японии, во-первых, для создания иллюзии политического плюрализма – в том числе в глазах иностранцев – и возможности выбора, а во-вторых, для смягчения эффекта от «перегибания палки» более консервативными кабинетами. После оккупации Маньчжурии осенью 1931 г. и начала периода, который назвали «чрезвычайным временем», партийные кабинеты как бы сами собой сменились «правительствами национального единства». Либералы еще попадали в их состав, но не на ключевые посты. С созданием в 1940 г. «новой политической структуры» и Ассоциации помощи трону все старые партии дружно «самораспустились». Людям у власти стали окончательно не нужны никакие либералы.

Поражение Японии во Второй мировой войне, американская оккупация и последующие «чистки» государственного аппарата и политической среды дали надежду всем пострадавшим от прежней власти или обиженным ею – от коммунистов до либералов. Последних нашлось на удивление много, ибо чуть ли не все «невычищенные» слуги режима неожиданно оказались либералами. За десять лет всё устоялось. Осенью 1955 г. либеральные консерваторы во главе с Хатояма Итиро и Исибаси Тандзан – оба, конечно, считали себя настоящими либералами, без кавычек – объединились с консервативными консерваторами во главе с Киси Нобусукэ, бывшим «военным преступником», так и не отданным под суд. От этого союза родилась Либерально-демократическая партия, призванная объединить всех консерваторов страны, чтобы никогда и никому не отдавать власть. Либералы для этого тоже нужны.

Поражение ЛДП на парламентских выборах 2009 г. и приход к власти оппозиционной Демократической партии во главе с Хатояма Юкио

(внуком упомянутого выше либерала) можно сравнить с появлением кабинета Конституционной партии в 1898 г. Немалую часть новой правящей партии составляли выходцы из прежней правящей (т. е. ЛДП), но в нее же влилось большинство активистов неоднородного и к тому времени окончательно рассыпавшегося социалистического движения. Тогда многим казалось, что в Японии, наконец-то, сформировалась действующая двухпартийная система, похожая на британскую, французскую или германскую. Сокрушительное поражение демократов и триумф либерал-демократов на выборах три с половиной года спустя показали, что об этом говорить пока рано. Политическая система Японии остается «полуторапартийной» – монопольное правление ЛДП с передачей власти от одной фракции внутри партии к другой. Либеральные консерваторы – те самые «полпартии». Сейчас они не у власти.

Консервативные революционеры

Мэйдзи исин была консервативной революцией, потому что революционным путем восстановила целый ряд традиционных, исконных норм и институтов, включая императорское правление вместо системы сёгуната, «единство ритуала и управления» (*сайсэй итти*), господство национальной религии Синто, и сделала основой официальной идеологии и философии концепцию *кокутай*. Люди, подготовившие и осуществившие эти преобразования, – от философов «школы национальных наук» второй половины XVIII и первой половины XIX вв. до политических активистов 1850–1860-х годов – не могли не быть консерваторами. При этом духовная и идейная консервативная революция успешно совместилась с материальной модернизацией по западному образцу, что надолго поставило в тупик европейских и американских аналитиков, не знавших, как определить случившееся в понятных им терминах (отсюда нелепица под названием «незавершенная буржуазная революция»). Именно этот успех и попытались «заморозить» творцы *Мэйдзи исин*, с течением времени необратимо терявшие революционный потенциал и порой превращавшиеся из консерваторов в реакционеров.

Любая революция проходит с участием экстремистов, которых неудержимо тянет в гущу событий. Не была исключением и *Мэйдзи исин*. Экстремисты – не будем вкладывать в это понятие непременно отрицательный смысл – сыграли значительную роль в разрушении системы сёгуната и смене политической власти, в расчистке площадки под будущее строительство, но к самому строительству допущены не были или быстро оказались «вне игры». Недовольных было много: одни хотели «продолжения революции», другие просто стремились к власти. Сацумское восстание 1877 г. было не «Вандеей», не мятежом отчаявшихся и отчаянных реакционеров, как его пытались представить, но революци-

онным выступлением недовольных реформаторов консервативного и националистическго толка, к которым примкнула наиболее активная часть пассеистов. Довольные консерваторы у власти разгромили недовольных консерваторов в оппозиции. Но дело последних не пропало.

В 1880-е годы в Японии, особенно в южных провинциях – подальше от столицы, начинают формироваться так называемые «тайные общества», хотя некоторые из них легально существовали как общественные, образовательные и благонамеренно-патриотические политические организации. Из их среды вышли практически все видные радикальные националисты и консервативные революционеры первой половины XX в., включая тех, кого коминтерновцы позже назовут «японскими фашистами».

Радикальные националисты и консервативные революционеры смыкались друг с другом, но черты сходства не должны мешать нам видеть их принципиальные различия. Националистов, даже радикальных, по большому счету устраивало положение в стране, вестернизация которой проходила «переведенной на японский язык», а в сфере идеологии и образования явно преобладали национальные ценности. Они хотели стать – и во многом стали – своего рода «штурмовыми отрядами» власти в обмен на почет, уважение... и некоторую часть этой власти. Самые беспокойные из них нашли себе применение за границей: подталкивали корейских модернизаторов на решительные действия под эгидой Японии, готовили проникновение в казавшуюся «бесхозной» Маньчжурию, присматривались к возможному военному столкновению с Россией, помогали «азиатским братьям», особенно в Индии и на Филиппинах, бороться за освобождение от «белого империализма». Что-то удалось, что-то нет, но дело нашлось всем.

Консервативные революционеры, напротив, были недовольны положением вещей в самой Японии, где противников хватало: от крупного капитала до социалистов и коммунистов. Их идеи выкристаллизовались в период правления императора Тайсё, который из-за тяжелой болезни лишь в первые годы принимал участие в управлении страной. С 1918 г. он не показывался на людях, а в 1921 г. был вынужден официально сделать регентом 20-летнего сына, будущего императора Сёва. В этих условиях власть, как и в эпоху сёгуната, сосредоточилась в руках узкого круга старых консерваторов – «стариков, политиков и плутократов, окружающих трон», как называли их горячие головы в нелегальных листовках. Так возник лозунг «новой *исин*», нового «возвращения» власти императору – с отстранением от нее чрезмерно засидевшихся наверху охранителей статус-кво. Требовалась очередная смена элит, как во время *Мэйдзи исин* полустолетием раньше.

Японские консервативные революционеры 1920–1930-х годов в некоторых отношениях ближе к социалистам и даже анархистам, нежели к другим категориям консерваторов. Признавая право собственности священным, они призывали к ограничению ее предельных размеров и к минимальным социальным гарантиям для всех, включая реформирование пенсионной и страховой системы. Выступая за «народные права», требовали распустить «продажные» политические партии (партийная политика Японии в тот период, действительно, отличалась редкой коррумпированностью и непотизмом) и ликвидировать парламент «за ненадобностью». Во внешней политике они требовали решительной экспансии в Азии, в сфере воспитания и образования – пропаганды «японского духа» против «буржуазного» либерализма и индивидуализма, равно как и против антинациональных доктрин социал-демократии и христианства. Они были готовы применить и без колебаний применяли оружие против тех, кого считали врагами, включая генералов и членов кабинета министров, одного действующего и двух бывших премьеров. В подпольной и террористической деятельности офицеры-«суперпатриоты» смыкались с «десперадос» из радикально-националистической и полукриминиальной среды. Исключалось лишь сотрудничество с коммунистами как агентами «внешней силы» – Коминтерна. Однако бывших, раскаявшихся коммунистов консервативные революционеры в свои ряды принимали охотно – как закаленных бойцов и прозревших сограждан.

Военный мятеж 15 мая 1932 г., начавшийся убийством премьер-министра Инукаи Цуёси – типичного либерального консерватора или консервативного либерала – был делом рук консервативных революционеров национально-социалистической ориентации, не посягавших на экономические основы государственного строя. Руководители мятежа во главе с профессором Окава Сюмэй, виднейшим национальным социалистом Японии, в обстановке всеобщего сочувствия получили небольшие тюремные сроки, которые и так не отбыли до конца. Военный мятеж 26–29 февраля 1936 г. был организован наиболее радикальной частью консервативных революционеров – государственными социалистами во главе с Кита Икки, разработанный которым «пакет» реформ включал ограничение собственности путем конфискаций и широкую программу национализации. На третий день мятеж, вспыхнувший в центре Токио, начал разваливаться сам собой из-за отсутствия поддержки, но правительство и армейская верхушка испугались не на шутку. После закрытого процесса вожаков бунта и его идеолога Кита расстреляли. Более того, о них запретили ставить пьесы и снимать фильмы. Суровость приговора позволила после Второй мировой войны объявить их жертвами

«милитаристского» режима и идеалистически настроенными героями: книга и фильм «Патриотизм» Мисима Юкио как раз о них.

Расправа консерваторов у власти над организаторами второго мятежа показала, что власть не шутит и без колебания применит силу к любым революционерам, как бы консервативно, националистически или «верноподданно» они ни были настроены. Оставался один выход – интегрироваться в истеблишмент, принимавший тех, кто отказывался от борьбы с ним. Так поступил Окава. После создания в 1940 г. «новой политической структуры» и Ассоциации помощи трону «патриотический диссент» стал особенно опасным. После Второй мировой уцелевшие консервативные революционеры вместе с радикальными националистами первыми попали под «чистку» оккупационных властей.

В сегодняшней Японии нет консервативных революционеров, хотя некоторые маргиналы из и без того маргинальной среды радикальных националистов пытаются представить себя их наследниками. Память о них жива в некоторых кругах консервативных интеллектуалов, особенно тех, кто слышал про европейский «третий путь».

Японский консерватизм как политическая сила и особенно как совокупность политических, социальных и этических идей (экономической стороны я не касаюсь) многолик и неоднороден, но именно это позволяет ему охватывать большую часть политического и идеологического спектра. Как показывают результаты выборов, подавляющее большинство населения Японии без какого либо принуждения поддерживает те или иные консервативные силы, в том числе за пределами ЛДП, благо выбор у избирателей есть. «Тотальная победа консерваторов» (определение Э. В. Молодяковой) в 1990-е годы, выразившаяся в дезинтеграции и распаде социалистического движения, продолжает оказывать доминирующее воздействие на политическую жизнь сегодняшней Японии, и предпосылок к реальному изменению такой ситуации пока не видно. Многоликий современный консерватизм уходит корнями в эпоху Мэйдзи, поэтому изучение его истории имеет актуально-политический характер и поможет правильнее понять сущность нынешнего «консервативного поворота».

Глава вторая

Путь к тотальной победе японских консерваторов

В предисловии к нашей монографии обстоятельно показано, что в настоящее время в различных странах наблюдается постоянно возрастающий интерес к консервативной идеологии, деятельности консервативных партий. Востребованность этой идеологии во многом объясняется серьезными переменами, которые происходят в мировом развитии под влиянием глобализации, потребовавшей масштабной перестройки государства и общества. Глобальная перестройка в определенной степени ослабляет экономический суверенитет нации, усиливает политическую зависимость государств от влияния ТНК, ведет к размыванию национальной самоидентификации.

Большинство западных системных консервативных партий разделяет идеологию неолиберального консенсуса и в идеологическом плане сблизилось со своими традиционными оппонентами – социал-демократами и левыми либералами, другими словами, привержено идеологии консервативного либерализма. Это приводит к обострению внутренних конфликтов в партиях и утрате части электората. Среди основных тенденций развития таких партий заметны отказ от харизматичного лидера, акцент на экономической политике, усиливающийся вызов со стороны правых популистов, которые успешно используют консервативную повестку. Посмотрим, как развиваются события на консервативном поле Японии, в какой степени они соотносятся с ситуацией в странах Запада и США.

Необходимость создания единой консервативной партии после войны

В Японии после краха прежней идеологической конструкции, базировавшейся на приоритете «японского духа», и замены ее законодательно укорененной демократией в послевоенный период не произошло смены элит. У власти осталась довоенная консервативная элита, и только незначительный слой высшей бюрократии и политиков подвергся чистке.

Эта элита принесла с собой политическую практику и этику довоенного прошлого. Она проявляла максимум прагматизма и реально оценивала сложившуюся ситуацию, что позволило обеспечить преемственность традиций и национальной самоидентификации. В послевоенной Японии сохранились коллективная память, национальное единство, притягательность культурной истории. На этом фоне политическая элита признала, что демократия оказалась единственным путем сохранения власти в ее руках.

Усилиями всех заинтересованных сторон в Японии была создана система представительной или парламентской демократии. В обществе существовал консенсус относительно того, что такая демократия, со всеми возможными ее «недостатками», является альтернативой предшествовавшему авторитарному правлению. Создание системы парламентской демократии было осуществлено прежними консервативными бюрократами и политиками «второго ряда». С полным правом можно сказать, что в послевоенные годы бюрократия не только выжила, но и эффективно руководила страной, четко определяя во взаимодействии с консервативно ориентированными политиками национальные приоритеты. Борьба за власть происходила в рамках правящей консервативной элиты.

На протяжении первого послевоенного десятилетия всем возрожденным и вновь появившимся партиям пришлось адаптироваться к совершенно иной политической ситуации и определять стратегию и тактику в условиях демократизации всех сторон жизни общества.

На правом фланге шел бурный процесс появления, исчезновения, распада и объединения различных партий, который в итоге привел к формированию единой консервативной партии, ставшей доминантной. Главными движущими силами этого процесса явились созданные уже в ноябре 1945 г. Японская либеральная партия (*Нихон дзиюто*), в которой объединились выходцы из довоенной *Сэйюкай* (Общество политических друзей), и Японская прогрессивная партия (*Нихон симпото*), в которую вошли бывшие члены *Минсэйто* (Партия народного управления) и частично *Сэйюкай.* Первая претендовала на лидерство в умеренно-консервативном лагере, вторая представляла интересы части крупной буржуазии, помещиков и богатых крестьян.

На этом же фланге в декабре 1945 г. появилась центристская Японская кооперативная партия (*Нихон кёдото*), не имевшая предвоенного предшественника. Ее организаторы частично разделяли взгляды бывшей *Минсэйто*. После некоторых реорганизаций и объединений она превратилась в Народную кооперативную партию (*Кокумин кёдото).*

Создание Либеральной и Прогрессивной партий показало наличие двух течений консервативной политики – проамериканского и нацио-

налистического. Деление между ними было условным, ибо представители первого не стремились превратить Японию в зависимую от США страну, а вторые не желали возврата к прошлому. В основном оно отражало расстановку сил в консервативном лагере и их взаимоотношения с оккупационными властями. Представители проамериканского течения в лице Либеральной партии оказались у власти, представители второго на время были отстранены от нее.

Весной 1947 г. группа либералов во главе с Асида Хитоси, недовольных откровенно проамериканской политикой руководства партии, покинула ее ряды и, объединившись с Прогрессивной партией, образовала Демократическую партию (*Минсюто*). Новая партия попыталась встать между консерваторами и социал-демократами. Оттеснив либералов от власти, демократы сформировали коалиционное правительство во главе с правым социалистом Катаяма Тэцу. «Эта картина напоминала ситуацию в Европе, где в первые послевоенные годы социалисты и социал-демократы занимали сильные позиции в парламентах и правительствах многих стран, особенно во Франции и Италии. Однако в Японии даже на волне массового отречения от «проклятого прошлого» и нового триумфа в обществе прогрессивных идей всех мастей (от либеральных до коммунистических) правые социалисты недолго продержались у власти»[1].

Спустя десять месяцев Катаяма уступил пост премьера демократу Асида. Тот продержался у власти всего семь месяцев, уйдя в отставку из-за громкого коррупционного скандала. Попытка консерваторов создать блок с «левыми» силами не выдержала испытания, и достижение договоренностей переместилось в консервативный лагерь, хотя, как справедливо заметил В. Э. Молодяков, «в японской политике XX в. традиционная дихотомия «правых» и «левых» окончательно потеряла смысл».

Японские консерваторы не были однородны. Среди них имелись свои «правые» и «левые», отражавшие интересы разных группировок в истеблишменте. Постепенно в их среде укреплялось понимание необходимости более четко определить курс действий и сплотить силы для удержания власти. Внутри консервативного лагеря не было принципиальных разногласий о необходимости мощной консервативной партии, но между основными политиками развернулась борьба за личное руководство[2]. Основной партией оставалась Либеральная, но в конце 1954 г. путем слияния ряда консервативных групп была образована новая Демократическая партия Японии (*Нихон минсюто*).

---

[1] *Молодяков В. Э.* Создание доминантной партии: человеческий фактор // Япония: полвека правления либерал-демократов. М., 2010. С. 59.

[2] См. подробнее: *Павленко П. А.* Либерально-демократическая партия Японии в политической системе современной Японии: 1955–2001 гг. М., 2006. С. 30–32.

В результате напряженных поисков компромисса эти две партии самораспустились 15 ноября 1955 г. и на следующий день создали Либерально-демократическую партию (*Дзию минсюто*, ЛДП), которая по сей день является правящей. Особенностью новой партии было то, что её «создавали, во-первых, не мыслители и идеологи, а практические политики, в разной степени приверженные риторике и даже демагогии, во-вторых, разнородность составивших ее политических групп и течений привела к вынужденному эклектизму программных документов»[3].

Созданная, по словам ее первого председателя Хатояма Итиро, как «консервативный альянс», ЛДП с самого начала обрела фракционную структуру, что во многом определило ее отличие от западных консервативных партий.

Либерально-демократическая партия исходно создавалась как элитарная парламентская партия, ориентированная на завоевание и удержание власти. Поэтому основной акцент в ее деятельности делался на решение прагматической задачи получения как можно большего числа депутатских мандатов, а идеология отступала на задний план. Такая партия была необходима, во-первых, для обеспечения благоприятных условий развития экономики, вступавшей в период высоких темпов роста, во-вторых, для противодействия потенциальной угрозе потери власти в случае объединения всех социал-демократических сил. Крупный бизнес содействовал объединению и сплочению консервативно ориентированных сил и выделил для этого значительные средства.

Что касается идеологической базы, то, по определению Китаока Исао, «японский консерватизм отличается теоретической размытостью. Партии концентрируют свое внимание на политике, но при этом необходимо, чтобы в ее основе лежала стройная теория. Однако [японский] консерватизм не представляет собой ни стройной теории, ни целостной системы взглядов»[4]. Либерал-демократы с момента создания партии не озаботились разработкой сколько-нибудь серьезной идейно-теоретической базы, ограничившись набором положений о «построении государства благосостояния»[5].

Формирование доминантной партии в контексте противостояния консерваторов и социал-демократов

Долгое время на одном полюсе политического поля действовали консервативные силы в лице ЛДП, на другом – социал-демократические

---

[3] *Молодяков В. Э.* Создание доминантной партии: человеческий фактор. С. 67.

[4] *Китаока Исао*. Хосюсюги-но ханаси (Беседы о консерватизме). Токио, 1964 . С. 15, 17

[5] Подробнее см. *А. А. Макаров*. Политическая власть в Японии. Механизм функционирования на современном этапе. М., 1988, Гл. 3.

в лице Социалистической партии Японии (С*якайто*, СПЯ, ныне С*якайминсюто,* СДПЯ). Обе партии были приверженцами разных ценностей, что соответствовало делению тогдашнего общества на два лагеря – консервативный и прогрессивный. Однако, в условиях периода высоких темпов экономического роста СПЯ не смогла адаптировать свой курс к серьезным переменам, произошедшим в сознании и образе жизни людей, что привело к резкому сокращению ее социальной базы. Тем не менее, она оставалась главной и первоначально практически единственной силой оппозиции. Бывшая также в оппозиции Коммунистическая партия Японии (*Нихон кёсанто,* КПЯ) в то время с большим трудом восстанавливалась после проведения авантюристического курса в первое послевоенное десятилетие.

Последовавшее расширение лагеря оппозиции в принципе не меняло сути сложившейся системы. Социалистическая партия исходно была нежизнеспособна в силу объединения столь различных по взглядам правых и левых групп. В 1960 г. ее ряды покинули правые социал-демократы, создавшие Партию демократического социализма (*Минсюсякайто* или М*инсято,* ПДС,). В 1978 г. еще одна группа диссидентов образовала Социал-демократический союз (*Сякай симин рэнго,* СДС)[6].

В 1964 г. нетрадиционным для японской политической культуры путем – по воле крупнейшей организации буддистов-мирян Сока гаккай (Общество по установлению ценностей) – появилась центристская Партия чистой политики (*Комэйто*). Более 10 миллионов членов этой организации вместе с семьями стали основой электората Комэйто. В эти же десятилетия возникало много мелких, в основном центристской ориентации, партий-однодневок, которые ориентировались на решение какой-либо конкретной проблемы. Как правило, они появлялись накануне выборов и, получив несколько мандатов, исчезали.

В стране никогда не было оппозиции, равновеликой правящей партии. В парламенте она, по образному выражению К. Вольферена, по большей части играла роль хора в греческой трагедии. Несмотря на большинство мест в парламенте, ЛДП тем не менее старалась избегать лобовых столкновений с оппозицией и предпочитала достигать консенсуса, что присуще японской политической культуре. Несмотря на длительное единоличное правление ЛДП, общество в целом выглядит плюралистическим, поскольку в нем свободно действуют различные политические партии и объединения, и каждая политическая сила занимает свою нишу.

Можно говорить об авторитарном характере доминантной партии, о родстве ее с государственно-бюрократической системой, о том, что она

---

[6] Подробнее: *Сенаторов А. И.* Политические партии Японии. 1945–1992. М, 1995. С. 21–45.

является парламентским выражением государства. Но как бы то ни было, ее власть воспроизводится безусловно демократическим путем. В Японии, как и в других азиатских демократических странах, основные элементы представительной демократии воспринимаются не как альтернатива исполнительной власти, но как элемент единой по сути государственной власти.

Диверсификация национальных интересов, усложнение социальной структуры, возникновение гражданских движений постепенно начали «портить» безоблачную картину либерально-демократического господства. Симптоматичным явилось, в частности, получение Коммунистической партией Японии на выборах в палату представителей в 1972 г. 39 мест, что позволило ей стать третьей по представительству парламентской партией, пропустив вперед социалистов. (Спустя четверть века ситуация практически повторилась, но на этот раз впереди оказались лишь консерваторы, а социалисты сошли с политической арены).

Перемены в структуре общества вели к сужению социальной базы либерал-демократов. Одновременно появилась возрастающая тенденция к абсентеизму. Но в целом достигшее высокого уровня жизни население разделяло консервативную идеологию, было привержено демократическим принципам и доверяло правящей консервативной партии больше, чем другим, связывая с ней успехи страны и стабильность в обществе.

В 1970–1980-е годы начали раздаваться голоса в пользу расширения оппозиционного лагеря за счет привлечения части либерал-демократов. Выход из рядов ЛДП групп диссидентов и их блокирование с центристскими партиями представлялись продуктивными для образования новых консервативных партий. Первой попыткой раскола правящей партии стал выход в 1976 г. из ее рядов группы депутатов во главе с Коно Ёхэй, создавших Новый либеральный клуб (*Синдзимин курабу,* НЛК). Однако он не только не приобрел сторонников, но и потерял поддержку избирателей, поэтому спустя десять лет раскольники вернулись в alma mater.

В начале 1990-х годов обострение фракционной борьбы, персональное соперничество лидеров, коррупционные скандалы и другие деструктивные действия запустили процесс раскола ЛДП и появления новых партий. В 1992 г. Хосокава Морихиро создал Новую партию Японии (*Нихон синто),* существовавшую в основном благодаря деятельности и имиджу лидера. Её электоратом стали жители больших городов, недовольные деятельностью всех партий, но полученные на первых же выборах результаты не дали ей возможности играть самостоятельную роль. В июне 1993 г. десять парламентариев из различных фракций покинули ЛДП и создали Новую партию – Инициатива (*Синто сакигакэ,* сокр. *Сакигакэ).* Затем 44 депутата во главе с Одзава Итиро и Хата Цутому создали Партию обновления (*Синсэйто*). В результате перед выборами

в палату представителей ЛДП потеряла большинство, но оставалась крупнейшей партией в стране. Оппозиционные партии и группы поспешили сформировать коалиционное правительство. Однако их содружество скоро показало свою нежизнеспособность из-за серьезных расхождений по важнейшим проблемам. Ответом стала немыслимая ранее коалиция непримиримых противников – ЛДП и СДПЯ с примкнувшей Сакигакэ. Идеологическое противостояние отошло на задний план.

Хотя в 1993 г. на одиннадцать месяцев либерал-демократы оказались отстранены от власти, фактически она осталась в руках консерваторов-диссидентов. Но ситуация на политическом поле серьезно изменилась, и ЛДП, не имея устойчивого большинства, была вынуждена действовать с оглядкой на оппозиционные силы.

В оппозиционном лагере была предпринята попытка создать общенациональную Партию новых рубежей (*Синсинто*, ПНР) на базе самораспустившихся старых партий. Ее существование тоже оказалось недолговечным из-за пестроты состава, наличия разнородных сил и отсутствия четкой политической позиции. Заметную роль в ее распаде сыграла борьба в высшем партийном руководстве и тяготение многих партийцев к ЛДП. Уже в 1997 г. ПНР была распущена. Она раскололась на шесть групп, самыми крупными из которых стали Либеральная партия (*Дзиюто*) во главе с Одзава Итиро, и Новая Комэйто. В ноябре 1998 г. в результате слияния депутатской группы Комэй и небольшой Новой партии мира была создана Новая Комэйто. Под давлением Сока гаккай в 1999 г. партия приняла принципиальное решение о смене политической ориентации на более консервативную и переходе из оппозиции к блоку с правящей партией. Впоследствии она прочно заняла нишу младшего партнера ЛДП в правительственной коалиции.

Тактическое противостояние консерваторов и демократов

Развитие ситуации в Японии в 1990-е годы шло по пути, во многом напоминающем опыт европейских стран, где заявили о себе либералы новой волны. Обозначился так называемый глобализационный синтез либерализма и консерватизма, в котором по-разному, в зависимости от особенностей национального опыта, происходит соединение традиционных и современных ценностей. «С этого времени его различные варианты утверждаются в качестве магистрального направления в идеологии и политике развитых стран. Какие партии не приходили бы к власти, политический курс государств реализуется в рамках, которые были заданы синтезом консервативных и либеральных ценностей»[7].

---

[7] *Зудин Ф. Ю.* Очерки идеологии развития // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: 2 (2):Форум «Бердяевские чтения», 16 мая 2014 г. Доклады и статьи. М.: Некоммерческий фонд Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ). С. 9.

Аналогичный процесс проявился в формировании в 1996 г. Демократической партии Японии *(Нихон минсюто*), в которую вошли бывшие правые социалисты, диссиденты из ЛДП, Сакигакэ и некоторые парламентарии из социал-демократической партии. ДПЯ сразу строилась по принципу «горизонтали» с опорой на местные отделения, которые имеют право прямого выхода на центр. Она рассматривала себя как партию, выражающую интересы городского населения, а опора на горожан – верный путь для политической силы, которая рассчитывала на длительную перспективу и хотела действовать в соответствии с социально-экономической ситуацией, сложившейся в Японии к началу нового тысячелетия.

С присоединением к ней в 1998 г. блока родственных оппозиционных сил, она, сохранив старое название, превратилась в нынешнюю Демократическую партию Японии. Это крупнейшая оппозиционная партия, в которой представлен широкий спектр политических воззрений, но в целом она придерживается идей социал-либерализма.

Пережив организационные пертурбации и неудачи на выборах различного уровня, демократы в сентябре 2003 г. объединились с небольшой, но дисциплинированной консервативной Либеральной партией Одзава. Лидеры демократов рассудили, что Одзава, сочетающий популизм с опытом закулисной борьбы, несмотря на имидж «правого» и даже «ястреба», поможет поднять авторитет партии и укрепить ее позиции. Альянс объективно повышал шансы демократов на увеличение представительства в парламенте за счет консервативных избирателей, благодаря авторитету Одзава в этой среде.

ДПЯ позиционирует себя «левее» ЛДП, но противостояние либерал-демократов и демократов не имеет принципиального значения. Их объединяет гораздо больше, чем разъединяет. Первоначально практически все высшее руководство ДПЯ составляли выходцы из ЛДП. У них общий политический и социальный background, схожее мировоззрение и взгляды. До 2000-х годов большинство депутатов от ДПЯ выглядели как «младшие братья» либерал-демократов.

В конце 2000-х – начале 2010-х годов активизировались отток диссидентов из рядов ЛДП и создание новых консервативных партий, нередко подчеркивавших свою схожесть с демократами. Лидер созданной в 2009 г. выходцами из ЛДП Партии всех (*Минна-но то*) Ватанабэ Ёсими признавал, что ему близка платформа Демократической партии[8]. Более того, его соратник по созданию партии Асао Кэйитиро был выходцем из ДПЯ. Эта партия выступала за снижение налогов, свободу предпринимательства, малое правительство и пр. Однако Ватанабэ постигла

[8] The Japan Times. 08.09.2009.

судьба многих японских политиков: замешанный в скандале с незарегистрированными пожертвованиями, полученными от корпораций, он в апреле 2014 г. был вынужден уйти в отставку, уступив Асао пост лидера. Партия всех стремилась доказать, что отличается от ЛДП и ДПЯ и потому имеет основания присутствовать на политической арене как самостоятельный игрок. Однако 21 ноября 2014 г. в результате буквально десятиминутной острой дискуссии партия самораспустилась из-за разногласий о том, какую позицию занять на предстоящих выборах. Ватанабэ выступал за коалицию с ЛДП, а Асао склонялся к перегруппировке оппозиционных сил[9].

В апреле 2010 г. покинувший ЛДП экс-министр благосостояния и труда Масудзоэ Ёити создал на базе небольшого Клуба реформ (*Кайкаку курабу*), организованного в 2008 г. бывшими либерал-демократами Ватанабэ Хидэо и Араи Хироюки, Новую партию реформ (*Синто кайкаку*). Предполагалось, что вместе с Партией всех она составит правоцентристский противовес ЛДП[10]. Однако на последовавших двух парламентских выборах партия растеряла свои мандаты и не имеет представительства в нижней палате. Масудзоэ ушел в отставку (ныне он является губернатором Токио), и партию возглавил Араи.

В поисках союзников демократы приняли в предвыборный альянс 2009 г. небольшую Новую народную партию (*Кокумин синто)*, созданную в 2005 г. диссидентами из ЛДП во главе с Камэи Судзуки, которые выступили против почтовой реформы правительства Коидзуми. Однако даже в качестве младшего партнера партия оказалась политически несостоятельной и в результате внутренних разногласий в 2013 г. самораспустилась.

Под лозунгом «смены политического режима» (*сэйкэн котай*) ДПЯ одержала беспрецедентную в истории страны победу на выборах в палату представителей 30 августа 2009 г., получив 308 мандатов из 480. Демократы совершили головокружительный рывок, фактически поменявшись местами с ЛДП в национальной политике. Масштабная победа демократов отразила недовольство существующим положением и надежды населения на реальные изменения в политике, но кредит доверия не обеспечил единство ее рядов. В конце 2011 г. девять депутатов покинули ряды ДПЯ и создали партию Единство (*Кидзуна*). Затем не сумевший удовлетворить свои амбиции профессиональный раскольник Одзава увел около полусотни своих сторонников, в основном обязанных ему избранием, и создал партию Жизнь народа (*Кокумин-но сэйкацу га дайити).* Название повторяло лозунг демократов, с которым они пришли

---

[9] The Yomiuri Shimbun. 21.11.2014.
[10] Асахи симбун.30.01.

к власти. Одзава выдвинул лево-популистский оппозиционный набор требований, в частности против повышения потребительского налога и участия в Транс-Тихоокеанском партнерстве (ТТП).

Буквально за неделю до досрочных выборов в палату представителей парламента в декабре 2012 г. было объявлено о создании популистской Партии будущего Японии (*Нихон мирай-но то*) по инициативе Када Юкико, губернатора префектуры Сига. Несмотря на «левые» лозунги, партия пошла на союз с Одзава, решив использовать его политический опыт «короля избирательных кампаний» для объединения тех сил, которые в 2009 г. поддержали демократов, но были недовольны их отказом от выполнения популистских обещаний. Партия будущего пыталась сыграть на протесте против трех важнейших позиций политики либерал-демократов: повышения потребительского налога, участия в ТТП и дальнейшего использования «мирного атома». Однако она оказалась нежизнеспособной и, безнадежно проиграв выборы 2012 г., самораспустилась в мае 2013 г.[11]

Все попытки создать жизнеспособное объединение на левом фланге оказались обречены на провал. Более перспективные преобразования разворачиваются на консервативном поле, что идет в русле развития ситуации в странах Запада. Но и здесь не все так просто.

Создание новой право-консервативной партии

Согласно японскому законодательству, для регистрации общенациональной партии не требуется ни минимальное членство, ни наличие региональных отделений, а лишь участие не менее пяти действующих депутатов парламента, причем в период между роспуском одной из палат и новыми выборами в это число могут быть включены депутаты уходящего созыва. При таком положении предвыборный год – наиболее удачное время для партийного строительства. Этому способствуют намечающиеся или уже наметившиеся кризисные явления в крупных партиях и наличие групп потенциальных диссидентов, желающих попытать счастья в самостоятельном партийном строительстве.

История Партии возрождения Японии (*Нихон исин-но то*) пока исчисляется тремя избирательными кампаниями. С появлением этой партии в год выборов в палату представителей в 2012 г. заговорили о появлении «третьей силы» или «третьего полюса» – правоконсервативного или право-популистского блока, который начал формироваться вокруг нее.

Создание независимой региональной партии и обретение ею в течение года признания в национальном масштабе было подготовлено и осуществлено 43-летним мэром Осака Хасимото Тору. Он принадлежит

[11] www.japan today.com/category/polities/view/tomorrow party-yesterdays

к числу политиков, которые «сделали себя сами», не будучи ни депутатом во втором или третьем поколении, ни бывшим чиновником. Наоборот, преодолев неблагоприятную ситуацию в семье (отец жил отдельно и рано умер, мать работала на двух работах, и семья жила в общежитии), Хасимото добился успеха и в профессиональной, и в политической деятельности. Окончив престижный университет Васэда, он учредил независимую юридическую фирму и стал хорошо зарабатывать, а затем стал популярным телеведущим. Склонный к вызывающим заявлениям и яркому, задиристому стилю, он оказался настоящей находкой для СМИ, где быстро «раскрутил» свой жизненный опыт: выходец из неполной семьи, выросший в неблагополучном районе, он всего добился сам и к тому же является отцом семерых детей. Такая непростая жизнь – и такой успех[12]. Подобно знаменитому либерал-демократу Коидзуми, сочетавшему консерватизм с популистской риторикой, Хасимото профессионально чеканит броские фразы, подходящие для коротких новостных сюжетов. Его политическая практика – активное использование непосредственного личного взаимодействия, социальных медиа, телевизионных обращений.

Хасимото без особого труда одержал первую победу в 2008 г., став в 38 лет одним из самых молодых губернаторов в истории Японии. Традиционно в губернаторы префектуры Осака выдвигают кандидатов, которых поддерживают бизнес-сообщество и основные партии. Политическая ситуация в то время была напряженной, соперничество партий обострилось, поэтому ведущие «игроки» сошлись на популярной в регионе неординарной личности, разделяющей консервативные убеждения.

Хасимото провел яркую предвыборную кампанию, демонстрируя навыки «эпатажника», находя общий язык с обычными людьми, устраивая шумные уличные выступления. Он умело использовал риторику популизма, обращаясь к интересам, ценностям и здравому смыслу «простых граждан», которые верят, что элиты, ради своих корыстных интересов подчинили себе политическую систему. Доступным языком он предлагал простые решения сложных проблем. Подобно тому, как Коидзуми сделал реформирование основой своей политики, Хасимото подчеркивал намерение изменить Осака. Впрочем, он привлек независимых избирателей скорее своей харизмой, нежели политической программой.

Хасимото планировал сделать административную структуру Осака аналогичной Токио, сформировав «Осака метрополис». Согласно его плану, префектура Осака и два ее крупнейших города Осака и Сакаи должны быть реорганизованы из трех административных единиц в одну.

---

[12] Санкэй симбун. Осака сякайбу. 2009. С. 88–95.

Хасимото полагал, что в сложных финансовых условиях реструктуризация позволит Осака действовать как единое целое, что приведет к консолидации доходов и эффективным решениям, стимулируя экономику.

Несмотря на подробно выстроенный план, «Осака метрополис» оставался популистской идеей. Это пример политики, которая предлагает простое решение (административная реструктуризация) сложной задачи (слабый экономический рост). Губернатор обращался к гордости и разочарованию жителей Осака, одного из крупнейших городов Японии, который вот уже не одно десятилетие переживает социальный и экономический спад. К характеристике политики Хасимото можно отнести слова, сказанные о привлекательности «Партии чаепития» в США: «Смесь страха и надежды – мощное зелье политики»[13].

Для осуществления своей программы в 2010 г. Хасимото создал политическую партию – Ассоциацию возрождения Осака *(Осака исин-но кай)*. В названии использовалось известное любому японцу со школьных лет слово «*исин*»: так назывались события консервативной революции *Мэйдзи исин* (1868 г.), открывшие путь модернизации Японии путем возвращения власти императору и проведения масштабных реформ. На местных выборах в апреле 2011 г. новая партия не получила большинства в префектуральном собрании Осака, но стала самой крупной партией в городских собраниях Осака и Сакаи. Только 16% избирателей причислили себя к сторонникам Ассоциации возрождения Осака. К новой партии людей привлекло решительное желание ее лидера осуществить перемены.

В конце 2011 г. Хасимото мастерски совершил стратегический маневр: ушел в отставку с поста губернатора префектуры Осака за несколько месяцев до истечения своего четырехлетнего срока, и вступил в борьбу за менее престижный и менее влиятельный пост мэра г. Осака. Японские губернаторы обычно не уходят в отставку для того чтобы занять пост мэра, у которого меньше власти, авторитета и престижа. Одновременно его союзник и протеже Мацуи Итиро был выдвинут на пост губернатора. В результате двойных выборов они заняли ключевые посты в гигантском районе.

Хасимото Тору – не единственный «местный» политик, бросающий вызов центральной власти и традиционным властным структурам, которые, как им представляется, не способны эффективно действовать в современном глобализированном мире. Примерно так же действуют губернатор префектуры Айти Омура Хидэаки и мэр ее главного города

---

[13] *Skocpol, Theda* and *Vanessa Williamson*. 2012. The Tea Patty and Remaking of Republican Conservativism. Oxford:Oxvord University Press. (Приводится по: *Charles Weathers*. Reformer or Destroyer? Hasimoto Tory and Populist Neoliberal Politic in Japan // An International Journal of Social Science Research on Japan. Vol.17, №1. Winter 2014. C. 84.

Нагоя Кавамура Такаси, создавшие Партию снижения налогов (*Гэндзэй Нихон*). Региональные лидеры стремятся к большей политической автономии, сокращению расходов, повышению эффективности работы местной бюрократии и, в конечном счете, улучшению ситуации в местной экономике.

На создание Ассоциации возрождения Осака откликнулись все политические силы. Одни полагали, что она может стать силой, способной обновить политическую жизнь страны и что с ней нужно сотрудничать; другие хотели бы избежать конфронтации с ней. Часть либерал-демократов позитивно отреагировала на появление Ассоциации возрождения Осака, поскольку она принадлежит к консервативному лагерю. Сам Хасимото был готов либо сотрудничать, либо бороться с другими партиями в зависимости от их отношения к его платформе.

Традиционные партии в целом опасались, что выход на сцену национальной политики популистской региональной партии может нанести им удар на предстоящих всеобщих выборах. Тем более, Ассоциация возрождения Осака уже в марте 2012 г. приняла программу подготовки региональных активистов и политиков (*Исин сэйдзи дзюку*). Основной целью было, конечно, подготовить кандидатов для предстоящих выборов. «Мы должны предпринять грандиозные усилия для того, чтобы действительно изменить Японию. Готовимся к предстоящей борьбе», – заявил Хасимото на встрече с представителями всех префектур, отобранных для подготовки почти двухтысячной армии новобранцев, из которых позднее выбрали несколько сот кандидатов в депутаты[14]. Партия сразу начала работу по привлечению под свои знамена депутатов от других партий.

Лидер озаботился тем, чтобы повысить региональный статус своей партии до общенационального уровня. 12 сентября 2012 г. было объявлено о создании Партии возрождения Японии (*Нихон исин-но кай*), а 28 сентября она была официально утверждена в этом качестве. Хасимото, который возглавил партию, заявил, что видит смысл ее создания в том, чтобы предоставить избирателям возможность выбрать третий путь[15], подразумевается, между правящей ЛДП и оппозиционной ДПЯ.

Новая партия сумела привлечь на свою сторону девять депутатов из разных партий, и выходец из ДПЯ Мацуно Ёрихиса возглавил ее парламентскую фракцию. Появилась программа «Восемь направлений для возрождения» (*Исин хассоку*): более 200 пунктов по проблемам системы управления, экономической политики, социального обеспечения, образования и дипломатии. В документе выражены скорее общие идеи, а не

---

[14] Daily Yomiuri. 25.03.2012.
[15] The Japan Times.15.09.2012.

конкретные предвыборные обещания, за выполнение которых пришлось бы нести ответственность[16]. Политический стиль Хасимото заключается в том, чтобы обозначить кого-либо или что-либо как противника и нападать на него. В партийной программе таким объектом стала проблема пересмотра конституции.

Единственным союзником Партии возрождения Японии стала правоконсервативная Партия солнца (*Тайё-но то)* во главе с националистом Исихара Синтаро, преобразованная из партии Вставай, Япония! (*Татиагарэ Ниппон*), которую из-за почтенного возраста членов иронически называли «партией пенсионеров». Объединению предшествовала длительная дискуссия, поскольку Хасимото был против большинства деятелей этой партии, подчеркивая разность «политической окраски, существующие политические различия и разность поколений»[17]. Добавим, что он почти в два раза моложе Исихара, ветерана консервативной политики, элитиста и публициста с философским уклоном (в прошлом – популярного писателя). Несмотря на это, почти сразу же после создания Партия солнца 17 ноября 2012 г. объединилась с Партией возрождения Японии, и Хасимото формально уступил главенство Исихара, который стал председателем. Это единственная национальная партия, «база» которой находится вне Токио.

Партия возрождения Японии разделяла позицию ЛДП по основным вопросам: судьба ядерной энергетики (хотя ранее Хасимото выступал за отказ от «мирного атома»), повышение потребительского налога, участие в переговорах по ТТП, пересмотр конституции. Досрочные выборы в нижнюю палату парламента в декабре 2012 г. закончились очередной тотальной победой консерваторов. Получив 294 мандата из 480, ЛДП почти в два с половиной раза улучшила свои показатели 2009 г. Вторым по значимости победителем следует считать Партию возрождения Японии с 54 мандатами против прежних 11, которыми она обладала за счет выходцев из других партий. Именно ее успех придал победе консерваторов тотальный характер. Хасимото стал сопредседателем партии.

Уже на следующий год стало ясно, что сдвиги в национальной политической среде и определенный успех «абэномики» в стимулировании экономического роста лишили программу Хасимото шансов на реализацию и, более того, привели к падению его личного авторитета. Во-первых, он не мог предложить свою региональную программу как национальный проект. Во-вторых, ради политического союза с Исихара, выступавшего за атомную энергетику, Хасимото занял уклончивую позицию в вопросе использования АЭС. В-третьих, его избиратели стали

---

[16] The Japan Times. 04.11.2012.
[17] Nikkei. 03.11.2012.

выражать недовольство тем, что он пренебрегает обязанностями мэра Осака. На досрочных выборах мэра в марте 2014 г. Хасимото победил, но получил значительно меньше голосов: 377.472 против 750.813[18]. В-четвертых, он подвергся жесткой внутренней и международной критике за выступления по больному вопросу так называемых «женщин комфорта», оправдывая такую практику и, более того, признавая возможность доступа американских войск на Окинаве к «местной секс-индустрии»[19].

Партия возрождения Японии неудачно выступила на муниципальных выборах в Токио и в палату советников летом 2013 г. Ее кандидаты проиграли на выборах мэров в городах Итами и Такарадзука. Это говорило, что вне Осака у нее нет существенной поддержки. По вопросам региональной реструктуризации и политики в сфере труда партия могла бы сотрудничать с ЛДП, но в таком случае ей грозила опасность превратиться в «довесок» правящей партии, а Хасимото рассчитывал реорганизовать именно оппозиционный лагерь.

Начало этому было положено решением сопредседателей 28 мая 2014 г. распустить Партию возрождения Японии. Она разделилась на две части: большая (37 депутатов парламента из 62) осталась с Хасимото, сохранив старое название, меньшая (23) – с Исихара. Два депутата стали независимыми. Хасимото заявил: «У нас нет ни средств, ни связей, необходимых, чтобы выступать как оппозиционная партия, способная действовать подобно ЛДП. Мы должны создать новый стиль партийного менеджмента»[20].

Хасимото отмечает, что его партия во многом согласна с политикой ЛДП, но решительно расходится с администрацией Абэ Синдзо по вопросам энергетики и проведения реформ. Одновременно он призвал к сотрудничеству потенциальных единомышленников в Демократической партии. Но стоит учитывать расхождение идеологий между двумя партиями: партия возрождения Японии обрушивается на профсоюзы и служащих государственного сектора, а ДПЯ защищает профсоюзы, которые фактически являются ее спонсорами. Однако, по словам Хасимото, «в настоящее время ключом к политике является не идеология, а рациональность. *Исин-но то* не будет выступать против законотворческой деятельности в парламенте просто для того, чтобы быть против»[21]. В оппозиционном лагере его партию критикуют за то, что ее программа базируется на свободном рынке и экономической идеологии в духе Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер – тех, с кем связывали последнюю волну подлинного консерватизма.

---

[18] The Japan Times. 24.03.2014.
[19] The New York Times. 27.05.2013.
[20] Киодо цусин. 05.06.2014.
[21] The Japan Times. 05.07.2014.

В результате очередных трудных переговоров партия Хасимото объединилась с небольшой Партией единения *(Юи-но то)*, созданной в декабре 2013 г. Эда Кэнъити вместе с тринадцатью выходцами из Партии всех[22]. Новая партия стала называться *Нихон исин-но то,* заменив в названии иероглиф «*кай*» («общество», «объединение») на «*то*» («политическая»); однако мы и далее будем именовать ее Партия возрождения Японии, подчеркивая сохранение преемственности.

Ультраконсерваторы из окружения Исихара отвергли возможность сотрудничества с Хасимото и 1 августа 2014 г. создали Партию будущих поколений (*Дзисэдай-но то*). Ее платформа представляет собой соединение неоконсерватизма[23] (защита традиционных ценностей, ужесточение иммиграционного законодательства, милитаризация) в политике и неолиберализма в экономике (проведение реформ). На всеобщих выборах 2014 г. партия получила лишь два мандата, а сам Исихара лишился места в парламенте.

Выборы 14 декабря 2014 г. в палату представителей показали сильные и слабые стороны Партии возрождения Японии. Она получила 41 место (ни Хасимото, ни Мацуи не баллотировались), но только 11 из них в одномандатных округах, а остальные 30 были обеспечены пропорциональным представительством. В Осака лишь 5 из 12 кандидатов были переизбраны в одномандатных округах. Хасимото расценил результат как поражение и почти сразу ушел с поста председателя партии чтобы сосредоточиться на подготовке региональных выборов. Новым главой партии стал Эда Кэндзи; глава парламентской фракции Мацуно Ёрихиса сменил Мацуи в качестве генерального секретаря. Результаты местных выборов тоже разочаровали Хасимото: осакское отделение партии не получило большинства ни в префектуральном (42 из 108 мест), ни в муниципальном (36 из 86 мест) собраниях[24].

Можно сказать, что за период между двумя всеобщими выборами популярность как партии, так и ее создателя снизилась. Раскол партии летом 2014 г. усугубил положение и ослабил ее влияние в политической жизни страны. Между Хасимото и Эда существуют разногласия. Первый куда ближе к администрации Абэ, чем к ДПЯ, второй готов сотрудничать с демократами и критически относится к политике ЛДП, в частности по вопросу о коллективной самообороне. Консервативное

---

[22] Japan today. 18.12.2013.

[23] Неоконсерваторы являются сторонниками свободного рынка, но менее склонны возражать против вмешательства государства в жизнь общества, чем традиционные консерваторы. В Японии неоконсерваторами называют «ястребов» нового поколения (40–50 летних), которые придерживаются более радикальных взглядов на силы самообороны и склонны к «политически некорректным» заявлениям в националистическом духе.

[24] The Japan Times. 13.04.2015.

крыло демократов, вроде Маэхара Сэйдзи, готово сотрудничать с Партией возрождения Японии, но этому противостоит Японская конфедерация профсоюзов (Рэнго), дающая ДПЯ значительную часть электората.

В качестве мэра Осака Хасимото не отказался от программы изменения административной структуры, поставив на беспрецедентном референдуме 17 мая 2015 г. ключевой вопрос – отвечает ли нынешняя структура интересам местных жителей. Его проект предусматривал разделение города на пять районов, которые будут находиться под непосредственным руководством префектуры Осака. Мэр утверждал, что двойная структура «город-префектура» приводит к дублированию административных услуг и расточительным расходам, которые он увязал с долгосрочным экономическим спадом и финансовыми бедами Осака. По итогам референдума проект слияния города и префектуры был отклонен, но трудная победа противников мэра: 705.585 против 694.884 в городе с 2,1 млн избирателей[25] – говорит о том, что большая часть жителей Осака недовольна статусом города. Тем не менее, результат означает провал проекта Хасимото, за которым может последовать его уход из политики после истечения срока полномочий мэра в декабре 2015 г.

Итоги осакского референдума скажутся и на национальной политике, в первую очередь на будущем Партии возрождения Японии, хотя ее создатель никогда не имел депутатского мандата. Стараясь предотвратить потерю соратников и развал самой партии после отставки председателя Эда Кэндзи, на экстренном заседании парламентской фракции новым главой Партии возрождения Японии был избран Мацуно Ёрихиса. Новый лидер признал, что «нынешняя ситуация действительно критична для нас. Мы должны взять ее под контроль как можно скорее»[26].

Современная повестка либерал-демократов

Триумф ЛДП во главе с Абэ Синдзо на досрочных выборах в палату представителей 16 декабря 2012 г., успех на выборах в палату советников 21 июля 2013 г. и победа на новых досрочных выборах 14 декабря 2014 г. создают благоприятные условия для реализации её консервативной повестки.

Выборы 2014 г. – личный триумф премьер-министра Абэ, задумавшего их как референдум по оценке своей «абэномики». Он вновь привел либерал-демократов к убедительной победе (290 мандатов против 295). Демократы с 72 местами против 62 подтвердили статус главной оппозиционной партии. Партия возрождения Японии потеряла всего один мандат (41 против 42), вопреки прогнозам местных аналитиков, пред-

---

[25] The Japan Times. 18.05.2015.
[26] The Japan Times. 19.05.2015.

сказывавших ей серьезное поражение. Коммунисты резко «прибавили в весе» за счет протестного электората: 21 место против 8. Социал-демократы удержались на плаву, сохранив свои два мандата. Партия будущих поколений потеряла практически все (2 мандата против 20); с таким же результатом осталась Партия жизни (2 против 5). Можно с полным правом сказать, что повестка ЛДП напрямую связана с политикой ее лидера – премьер-министра Абэ Синдзо, личность которого привлекает особое внимание.

В последнее время все чаще звучат опасения по поводу «поднимающего голову» национализма. Можно согласиться с Дж. Хорнунгом: «сегодня стало модой говорить о том, что в Японии наблюдается рост национализма. Существует множество «примеров» на этот счет: высказывания ура-патриотов, политиков-популистов, или посещение политиками святилища Ясукуни, имеющего неоднозначную репутацию. Однако подобные деяния не являются доказательством широкого распространения националистических настроений[27]. На улицах Токио можно видеть черные машины с громкоговорителями, транслирующими военные марши, но их немного и еще меньше их сторонников. Нет и массовых антикитайских или антикорейских демонстраций японцев, в то время как антияпонские выступления наблюдаются в Китае и Республике Корея. Безусловно, в стране есть ярые националисты, чьи высказывания вызывают недовольство в сопредельных странах, но мнение этого незначительного меньшинства нельзя выдавать за настроение всех японцев.

Результаты трех избирательных кампаний показали, что японский избиратель проголосовал за экономическую политику правительства, за сохранение атомной энергетики, за участие в ТТП, за верность военно-политическому союзу с США и, значит, принятым ранее соглашениям о военных базах. Приход Абэ Синдзо на пост премьер-министра означает проведение осторожной правоконсервативной политики, которой привержена старая гвардия либерал-демократов: передачу процесса принятия решений обратно в руки бюрократов (демократы пытались нарушить эту давнюю традицию); более тесное сотрудничество с крупным бизнесом; публичное обращение к национальным и традиционным ценностям. Правительство Абэ сделало своей главной задачей оживление экономики, подорванной дефляцией.

Значительная часть элиты ЛДП идейно, организационно и даже генетически происходит от политических кланов довоенной Японии, что во многом определяет их нынешние взгляды. Сам Абэ – внук Киси Нобусукэ, видного бюрократа довоенных и военных лет, «необвиненного военного преступника» и успешного послевоенного премьера. По мнению

[27] http://mail.yandex.ru/neo2/#message/2350000001128000642

японских аналитиков, он «берет за основу для подражания своего деда, который вышел в отставку с поста премьер-министра после одобрения парламентом в 1960 г. японо-американского договора безопасности, что вызвало массовый протест. Абэ дал высокую оценку действиям Киси, которые способствовали безопасности Японии»[28].

Проблема обеспечения национальной безопасности является одной из важнейших составляющих политики Абэ. Видимо, не случайно в 2012 г. японский премьер стал первым неамериканским лауреатом премии Германа Кана[29], которую вручает консервативный «мозговой центр» в Вашингтоне – Гудзоновский институт. Эта премия присуждается ежегодно для поощрения лидеров, проводивших успешную политику национальной безопасности. «Абэ чтят как лидера-реформатора, который стремится к прогрессу путем проведения изменений, необходимых для восстановления полной экономической жизнеспособности Японии»[30], что как раз необходимо для обеспечения национальной безопасности. Теперь он причислен к элитарной группе таких политиков, как Рональд Рейган, Генри Киссинджер и Дик Чейни.

Большинство японских премьеров приходит и уходит, а их имена вскоре забываются. Исключение составляют лишь Накасонэ Ясухиро в 1980-е годы и Коидзуми Дзюрьитиро в первой половине 2000-х годов. Похоже, очередь за Абэ Синдзо, который может стать одним из самых «долгоиграющих» премьер-министров. Солидный консерватизм Абэ создает впечатление стабильности и надежности, поэтому у него практически нет серьезных соперников внутри ЛДП.

СМИ, в первую очередь англоязычные, нередко «подают» Абэ под «националистическим соусом», используя его происхождение, традиционалистскую риторику и аппелирование к национальным ценностям. Это, естественно, вызывает чувство опасения у многих людей, которые все еще связывают «национализм» с довоенной эпохой. СМИ также обвиняют премьера в снисходительности и даже в отрицании военных преступлений. Им вторят некоторые японские авторы: «На протяжении многих лет даже малейшие намеки на национализм в Японии широко обсуждались как внутри страны, так и за рубежом, дабы предупредить возрождение милитаризма. Но ситуация резко изменилась в последние годы. Национализм находится на подъеме. Многие японцы также чувст-

---

[28] Nikkei.16.12.2014. трибьюн.

[29] Герман Кан – по образованию физик-ядерщик, ставший геополитиком. В 1962 г. спрогнозировал возрождение Японии, в 1970 г. написал книгу «Становление японской свехдержавы»; начиная с Икэда Хаято и вплоть до своей смерти в 1983 г. был консультантом всех японских премьеров.

[30] Herald 25.09.2012.

вуют себя менее защищенными в условиях все более изменчивой ситуации в регионе»[31].

Однако согласно опросу общественного мнения, проведенному «The Wall Street Journal», японцев больше интересуют социальные проблемы и реформирование экономики, чем состояние обороны, и общество отнюдь не охвачено национализмом[32]. Тем не менее, некоторые авторы нагнетают истерию, «тревожась», что «Абэ стоит за актуализацией реакционного экстремизма, стремясь переписать и реабилитировать военное прошлое Японии в Азии, а это провоцирует широко распространенную критику таких действий международным сообществом»[33].

В последнее время СМИ все чаще вспоминают Лигу Японии (*Нипон кайги)*, самую большую по численности (около 35000 членов и более 250 местных отделений) и самую влиятельную националистическую консервативную организацию страны[34]. Созданная в 1997 г., Лига Японии аффилировала ряд организаций и парламентских групп такой же направленности. В ее состав вошли практически все иерархи японской политики, бывшие и нынешние премьеры и министры, представители высшего духовенства. Пятнадцать из девятнадцати членов последнего до выборов кабинета Абэ были членами Лиги Японии. Сам Абэ имеет с ней тесные связи.

Члены этой организации признают незаконным Международный военный трибунал для Дальнего Востока, требуют пересмотра школьной программы по истории, призывают к сохранению «красивых черт и традиций национального характера японцев», принятию «новой конституции, подходящей для новой эры» и т. д.[35] Некоторые аналитики считают Лигу Японии аналогом американской «Партии чаепития», поскольку обе позиционируют себя как «народные» движения, отражающие ценности «простых людей». Это неверно. Если «Партия чаепития» – низовая организация части электората Республиканской партии, то Лига Японии – элитарная организация, «высшим советником» которой является сам премьер Абэ, никогда не делавший тайны из своих взглядов.

Выступая за усиление национальной безопасности Японии, премьер отвечает на тревогу части сограждан по поводу новых угроз безопасности их страны. Более всего их беспокоит рост экономической и военной мощи Китая. Как видно из ежегодных опросов общественного

---

[31] Ht tp://www.atimes.com/atimes/japan/HI01Dh01.html

[32] The Wall Street Journal. 26.02.2014.

[33] The Japan Times.08.11.2014.

[34] http://www.jiaponline.org/resourses/documents major conservative nationalist organizations in japan

[35] The NewYork Times. 12.09.2014.

мнения, до 1989 г. более 68% японцев испытывали симпатию к Китаю, около 66% считали двусторонние отношения благоприятными. В 2012 г. симпатии к Китаю сократились до 18%; количество тех, кто симпатии не испытывает, выросло с 26,4% в 1988 г. до 80,6%[36]. Нарастает тревога в связи с потенциальной угрозой, исходящей от Северной Кореи. Выдвигая приоритетом своей деятельности решение экономических и финансовых проблем, Абэ понимает, что без этого невозможно заниматься проблемами национальной безопасности. Другими словами, он рассматривает эти проблемы как средство восстановления национальной гордости, пересмотра исторической роли Японии, выхода из «послевоенного режима».

Проблемы прошлого, в том числе периодическое обострение территориальных споров Японии с сопредельными странами, также влияет на атмосферу в обществе, способствует росту негативного отношения японцев к этим странам, вызывает пессимизм относительно двусторонних отношений.

Растущая обеспокоенность по поводу национальной безопасности имеет большое значение, поскольку в результате стали возможны серьезные изменения в политике, немыслимые еще два десятка лет назад. Это касается смягчения запрета на участие Японии в коллективной самообороне и стандартов использования сил самообороны. Решение этих проблем напрямую сопряжено с вопросом о пересмотре Конституции, прежде всего статьи 9 главы II «Отказ от войны». Поскольку Япония уже имеет крупные, хорошо оснащенные сухопутные, морские и военно-воздушные силы самообороны, поправки касаются не столько самих вооруженных сил, сколько их использования[37].

Возможно, правительство Абэ хочет использовать признание права Японии на коллективную самооборону как средство для изменения статьи 9, и, возможно, и полного отказа от нее[38]. Однако оно указывает, что Япония должна участвовать в коллективной самообороне только тогда, когда собственное выживание нации находится под угрозой. Например, миссия коллективного сотрудничества по минированию Ормузского пролива может претендовать на подобное состояние, потому что прекращение поставок нефти с Ближнего Востока может создать угрозу выживания людей[39].

В странах Западной Европы религиозные проблемы почти незаметны в повестке действий системных консервативных партий, а партии, подчеркивающие значение религиозной проблематики, сталкиваются с потерей

---

[36] Там же.

[37] Mainichi Shimbun. 28.04.2012.

[38] См. подробнее: *Молодякова Э. В.* Синдзо Абэ – старый новый премьер-министр Японии // Азия м Африка сегодня.М., 2013. № 7.

[39] The Japan Times. 31.12.2014.

электората и подчас превращаются в нишевые структуры. В японском обществе, которое отличается плюрализмом и толерантностью, с первых послевоенных лет постоянно возникает проблема национальной религии синто, но она связана не с религиозной стороной дела, а с решением внутри- и внешнеполитических, дипломатических и других практических задач.

В канун семидесятилетия окончания Второй мировой войны снова делаются попытки представить синто как идеологию, которая помогла мобилизовать массы на войну с сопредельными странами во имя божественного императора. С этой целью постоянно муссируется так называемая «проблема святилища Ясукуни», связанная с тем, как относиться к национальной истории, как толковать те или иные события в стране и за рубежом. Речь идет прежде всего о различных оценках событий Второй мировой войны Японией, Китаем и Южной Кореей, об ответственности Японии, в частности политиков и военных, которые вовлекли страну в войну. «Проблема святилища Ясукуни» представляет собой сложный комплекс идеологии, восприятия истории, международных отношений. Особую остроту в отношениях Японии с соседними странами приобрело «обожествление» «военных преступников» в этом святилище, а также его посещение японскими премьерами и министрами, что якобы означает «реабилитацию» военных преступлений. Однако продолжавшиеся визиты туда членов японского правительства не привлекали внимания сопредельных стран до 1996 г., когда Пекин заявил по этому поводу официальный протест от имени китайского народа. В последующие годы Китай не раз разыгрывал эту карту в отношениях с Японией, что приводит к ухудшению двусторонних отношений[40].

Проявляя «дипломатическую деликатность» в отношении сопредельных стран, Абэ в годы своего первого премьерства отказался от посещения святилища Ясукуни, хотя и послал туда соответствующее подношение. В начале января 2007 г. он совершил паломничество в Мэйдзи дзингу – одно из важнейших святилищ, связанных с императорским культом. Возможно, он хотел подать сигнал консерваторам, что чтит национальную религию, но ищет альтернативу Ясукуни. Со времени второго вступления в должность главы правительства Абэ проявляет сдержанность в отношении Китая и Республики Корея по вопросам истории военного периода. Он явно старается смягчить свою позицию по чувствительным вопросам, учитывая мнение американских экспертов о том, что его комментарии «могут увести региональные отношения по пути, противоречащему интересам США»[41]. Неожиданно

---

[40] *Молодякова Э. В.* Проблемы святилища Ясукуни //Азия и африка сегодня. М., 2014. № 8. С. 52–59.

[41] The Japan Times.15.05.2013.

для всех 26 декабря 2013 г. он посетил святилище Ясукуни, но на этот раз отклик за границей оказался предельно жестким.

Складывается впечатление, что отношения сопредельных стран и США к Японии в принципе не меняются в зависимости от того, совершает премьер паломничество или нет. При этом речь идет о посещениях святилища Ясукуни во время ежегодных весенних и осенних празднествах, а не 15 августа, которое в Японии считается днем окончания войны. Весной 2015 г. Абэ вновь ограничился подношением, но три женщины – министры его кабинета – посетили святилище и отдали дань памяти погибшим воинам[42].

В связи с годовщиной окончания Второй мировой войны вновь возникла так называемая проблема «извинений» Токио за события военного времени. Вопреки распространенному мнению, Япония столько же «каялась» за свое прошлое, как и Германия, причем на высшем уровне. Основополагающим (или базовым) считается извинение, которое 15 августа 1995 г. сделал в речи, посвященной пятидесятилетию окончания Второй мировой войны, тогдашний премьер-министр Мураяма Томиити. Он говорил о «глубоком раскаянии» и «сердечных извинениях» за японскую агрессию и колониальную политику в Азии. Примерно то же десять лет спустя повторил Коидзуми Дзюнъитиро в речи по случаю шестидесятилетней годовщины.

От речи Абэ по случаю семидесятилетней годовщины ждут сигналов о том, какой путь выберет Япония в сложных отношениях с сопредельными странами, особенно с учетом пожеланий Вашингтона. По его словам, он хотел бы высказать свои собственные мысли о прошлом страны и раскаянии за войну, о демократическом пути, которым страна шла семьдесят лет, о вкладе нации в построение будущего в регионе и мире[43].

Поражение Партии возрождения Японии на референдуме в Осака и перспектива ухода с политической арены ее лидера Хасимото Тору могут внести коррективы в ближайшие действия либерал-демократов. Не входя в правящую коалицию, партия поддерживала политику и предлагаемые правительством законопроекты, в том числе призывы пересмотреть Конституцию. В обмен на эту поддержку Абэ поддерживал планы Хасимото по слиянию города и префектуры Осака. «Партия возрождения является оппозиционной силой, которая участвует в обсуждении ряда вопросов. Случившееся в воскресенье в Осака (референдум – авт.) этого не изменит»,[44] – заявил генеральный секретарь кабинета Суга

---

[42] The Japan Times. 23.04.2015.
[43] The Japan Times.29.01.2015.
[44] Nikkei.19.05.2015.

Ёсихидэ. Однако уход Хасимото может повлиять на настроения внутри партии, а значит и на ее отношение к ЛДП. По мнению профессора Колумбийского университета Дж. Кёртиса, теперь «шансы Абэ пересмотреть Конституцию уменьшились»[45].

Правящая коалиция располагает большинством в обеих палатах парламента, которое теоретически гарантирует прохождение спорных законопроектов. Но правительство хотело бы заручиться и голосами Партии возрождения Японии в принятии законопроектов о самообороне, поскольку без поддержки оппозиции проведение таких законопроектов через парламент может серьезно повредить популярности ЛДП и отразиться на предпочтениях электората во время очередных выборов в палату советников в следующем году. Потеря поддержки со стороны Партии возрождения Японии придаст больший вес младшему партнеру ЛДП – Комэйто, которая прохладно относится к планам Абэ в сфере национальной безопасности и пересмотра Конституции.

Теперь Партия возрождения Японии, в которой многие видели катализатор объединения оппозиционных сил, готова скорее примкнуть к демократам, чем к правящей коалиции. «Сотрудничество внутри оппозиции является чрезвычайно важным, – отметил один из лидеров ДПЯ Хосоно Госи. – Учитывая, что Демократическая партия является крупнейшей оппозиционной партией, а Партия возрождения Японии – второй по величине, для обеих важно защитить демократию в Японии»[46]. Трудно с уверенностью сказать, как именно изменятся внутренние границы на политической карте японского консерватизма. И столь же трудно поверить в полный уход Хасимото из национальной политики.

---

[45] http://www.economist.com/news/asia/21651832-bitterly-fought-ref...
[46] The Japan Times. 10.05.2015.

Глава третья

Государственная инфраструктурная политика: «прогрессивный консерватизм»

Экономическая политика японского правительства во второй половине XX – начале XXI века, как, впрочем, и в предшествующие периоды ее экономической истории, отличается гибкостью и адаптивностью и, тем не менее, она, несомненно, несет в себе черты консервативного подхода и традиционализма.

Однако, как представляется, этот «консерватизм» сочетает все себе все лучшее, что было наработано в предшествующие периоды, применяемое с учетом новых условий и вызовов. Более того, имеет место возвращение на новом этапе к тем политическим замыслам, которые когда-то опередили свое время и по разным причинам не были успешно реализованы.

Современная политика японского правительства и бизнеса в деле модернизации производственной и социальной, «жесткой» и «мягкой» инфраструктуры представляет собой сложную систему, включающую целый комплекс взаимосвязанных стратегий, планов, проектов, ее структура сложна и многообразна. Каждый из аспектов – будь то дорожное строительство или природоохранные сооружения, экспорт инфраструктурных систем или внедрение технологических или организационных инноваций – заслуживает специального исследования. И в данной статье мы не ставим задачу ее всестороннего анализа.

Замысел статьи состоит в том, чтобы на примере одного из традиционных направлений экономической политики японского правительства, каковой является политика строительства инфраструктуры (общественного капитала), выявить отличительные черты консервативного подхода в его японском варианте (возможно, будет уместно использовать здесь оксюморон «прогрессивный консерватизм»), показать механизмы модернизации традиционных направлений этой политики в условиях современного глобального рынка и мегаконкуренции.

Консерватизм и традиционализм

Понятие «консерватизм» относится, как известно, прежде всего, к сфере философских и политических наук, и использование его в экономическом контексте возможно с определенной долей условности. В данном случае, как представляется, консерватизм несет в себе элементы традиционализма и наоборот. Обратимся к некоторым определениям.

Консерватизмом обычно называют политическую философию, обозначающую *стремление к сохранению того, что считается лучшим в обществе с устоявшимися традициями, и выступающую против радикальных перемен* (выделено мною – И. Т.)[1].

Другое, более развернутое определение гласит, что консерватизм, во-первых, это политическая идеология, ориентированная на защиту традиционных устоев общественной жизни, незыблемость ценностей, приверженность стабильности и упорядоченности, *отрицание новаций (выделено мною – И. Т.)* и выступающая за сохранение существующего общественного строя, в первую очередь морально-правовых отношений, воплощенных в нации, религии, браке, семье, собственности, и, во-вторых, совокупность разнородных идейно-политических и культурных течений, *опирающихся на идею традиции и преемственности в социальной и культурной жизни* (выделено мною – И. Т.)[2].

Еще в одном определении акцент делается на том, что консерватизм – идейное течение, настаивающее на *постепенности изменения* (выделено мною – И. Т.) общества с учетом устоявшихся, оправдавших себя во времени органических коллективных ценностей и традиций, и консерватизм является не теорией (даже в ослабленном смысле этого слова), а особым стилем, или способом размышления о социальных проблемах, в рамках которого существуют разные, нередко остро полемизирующие друг с другом конкретные социальные теории[3].

Что же понимается под традиционализмом в различных науках? Философский словарь дает нам следующее определение: «Традиционализм — ориентация индивидуального, группового или общественного сознания в прошлое, которое обычно противопоставляется как совокупность ценностей настоящему. Тем не менее, традиционализм и консерватизм – не одно и то же. Консерватизм явился развитием традиционализма и приобрел черты, более адекватные историческому и общественному процессу нового времени, *воспринял идею индивиду-*

---

[1] Политика. Толковый словарь//2001. (http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/81)

[2] Политическая наука: Словарь-справочник. 2010.

[3] Философия: Энциклопедический словарь. // М.: Гардарики. Под редакцией А. А. Ивина. 2004.(http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/552/%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A1%D0%95%D0%A0%D0%92%D0%90%D0%A2%D0%98%D0%97%D0%9C)

ального и общественного развития, ориентация на прошлое стала избирательной» (выделено мною – ИТ.)[4].

В контексте политологии традиционализм определяется как тип консервативного политического сознания, выступающего в защиту сильной власти и государства, как средство обеспечения закона и порядка, сохранения традиций и национального начала. Традиционализм предполагает примат общества над личностью, неизменного над изменчивым, *социального над индивидуальным* (выделено мною – И. Т.) и является средством закрепления определенных социальных отношений. Традиционализм реализуется в двух формах: консерватизм и архаизм. В консерватизме отсутствует характерное для архаизма противопоставление настоящего прошлому. Консерватор обращается к тому, что фактически сохранилось, что может быть сохранено и упрочено[5].

Опираясь на приведенные выше определения и экстраполируя их на экономический контекст, можно предположить, что в экономической политике в Японии содержатся элементы консервативного и традиционалистского подхода. Далее мы попытаемся выяснить, насколько присущи государственной политике Японии в области создания инфраструктуры такие элементы консервативного подхода как «сохранение того, что считается лучшим в обществе с устоявшимися традициями», «защита традиционных устоев общественной жизни, незыблемость ценностей, приверженность стабильности и упорядоченности», «постепенность изменения общества с учетом устоявшихся, оправдавших себя во времени органических коллективных ценностей и традиций», отсутствие противопоставления прошлого настоящему, избирательность ориентации на прошлое, примат социального над индивидуальным.

Создание «общественного капитала» в Японии: история вопроса

Понятие «общественный капитал» в экономической науке тесно связано с понятием инфраструктуры. В Японии в плановых разработках и статистике обычно используют термин «общественный капитал», включая в него все вспомогательные общественные сооружения, созданные человеческим трудом, т. е. и производственную и социальную инфраструктуру[6]. Понятие «промышленная (производственная) инфраструктура» (*сангё кибо*), которое вошло в обиход в Японии в начале 1960-х годов, объединяет все виды транспортных сооружений, системы

---

[4] Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001.

[5] Политология: Словарь-справочник / *М. А. Василик, М. С. Вершинин* и др. – М. Гардарики, 2001. 328 С. (http://www.politike.ru/dictionary/825/word/tradicionalizm)

[6] *Баба К., Унно Т.* Роль факторов размещения в оценке промышленных проектов (По: Состояние и проблемы размещения производительных сил в Японии. М., 1968, С. 28 – 29).

связи, линии электропередач, газовые и тепловые коммуникации, промышленные водопроводы, системы сброса сточных вод, земельные участки, подготовленные под будущее строительство. К социальной инфраструктуре относят сооружения, предназначенные для обеспечения жизни населения: жилища, медицинские, образовательные и социальные учреждения, коммунальные водопроводы, системы канализации и т. д.

С 1980-х гг. в связи с обозначившимися тенденциями к софтизации и сервисизации экономик развитых стран, в том числе и Японии, понятие инфраструктуры существенно обогатилось: стали выделять так называемую «жесткую» (традиционные материальные элементы инфраструктуры) и «мягкую» инфраструктуру – нематериальные активы, необходимые для обслуживания воспроизводственного процесса, особенно в высокотехнологичных и наукоемких отраслях (научно-инновационные и информационные системы, управленческие системы, системы подготовки кадров и т. п.).

История создания общественного капитала, по мнению авторов ежегодной Белой книги по землям, инфраструктуре, транспорту и туризму за 2013 г.[7], издаваемой одноименным министерством (далее Министерство земель, или MLIT), начинается с древних времен, а само понятие «инфраструктура» пришло из древнего Рима. И одними из первых инфраструктурных сооружений стали Аппиева дорога, римские термы и акведуки, а также грандиозные ирригационные сооружения Древнего Китая. И если оглянуться в прошлое, – продолжают авторы, – то во всех странах можно найти примеры строительства инфраструктурных сооружений, которые выполняли важные функции и оставили след в истории[8].

Обращение к древней истории в правительственном ежегоднике, конечно, само по себе очень интересно. Однако в данном случае мы цитируем Белую книгу для того, чтобы отметить тот факт, что министерство, ответственное за разработку и реализацию инфраструктурной политики, перед изложением основ новой политики совершенствования общественного капитала, которая стартовала в 2013 г., обратилось именно к истории вопроса, неоднократно делая акцент на преемственности современной политики по отношению к соответствующим действиям властей Японии не только в период новой и новейшей истории, но и в гораздо более ранние времена[9].

---

[7] White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2013. Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism/ (http://www.mlit.go.jp/en/statistics/white-paper-mlit-index.html)

[8] White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2013. Preface.

[9] “First Year of Maintenance” – White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2013. Preface.

В Белой книге кратко излагается и эволюция инфраструктурной политики в Японии начиная с периода Хэйан, в средние века, в период Эдо и затем в период модернизации после реставрации Мэйдзи. Не имея возможности излагать события этих, безусловно, интересных этапов в экономической истории Японии, подчеркнем, что основы инфраструктурной политики были заложены еще до образования единого государства на территории современной Японии. В мэйдзийский период строительство инфраструктуры стало объектом уже государственной политики, которая постепенно соединила такие направления как строительство дорог, мостов, тоннелей, портов, на основе внедрения новых технологий, которые «открывшаяся» Япония могла заимствовать в США и Европе. Политика осуществлялась на двух уровнях – и центральным правительством и местными властями. Практиковалось и привлечение частного капитала, которое, однако, имело место и ранее. Так, в конце 1880-х гг. активно строились частные железнодорожные линии (которые, правда, потом были национализированы). Иными словами, круг субъектов, участвующих в разработке и реализации инфраструктурной политики, определился уже в позапрошлом веке.

Закладывалась и совершенствовалась институциональная база регулирования строительства и эксплуатации инфраструктурных систем и объектов. Так, в 1871 г. появились первые законы о дорогах[10], в 1873 г. были приняты Правила ремонта речных сооружений, портов и дорог (River, Port and Road Repair Rules), в 1892 г. – Закон о строительстве железных дорог (Railway Construction Law), в 1906 г. – Закон о национализации железных дорог (Railway Nationalization Law). В период русско-японской войны был создан Совет по портам и гаваням (Port and Harbor Council), который в 1907 г. подготовил плановый документ «Policy for Selecting and Constructing Key Ports and Harbors», где были определены 12 приоритетных портов, реконструкцию которых правительству следует субсидировать[11].

Создавалась, хотя и в меньших масштабах, и инфраструктура, обеспечивающая повседневную жизнь людей: строились плотины, водопроводные и канализационные сети, закладывались городские парки.

В целом можно сказать, что в период до Второй мировой войны инфраструктура в Японии развивалась быстрыми темпами, что объясняется, по крайней мере, двумя основополагающими факторами. Первый из них – это необходимость обеспечить условия для создания промышленной базы в рамках реализации модели догоняющего развития. Вторым

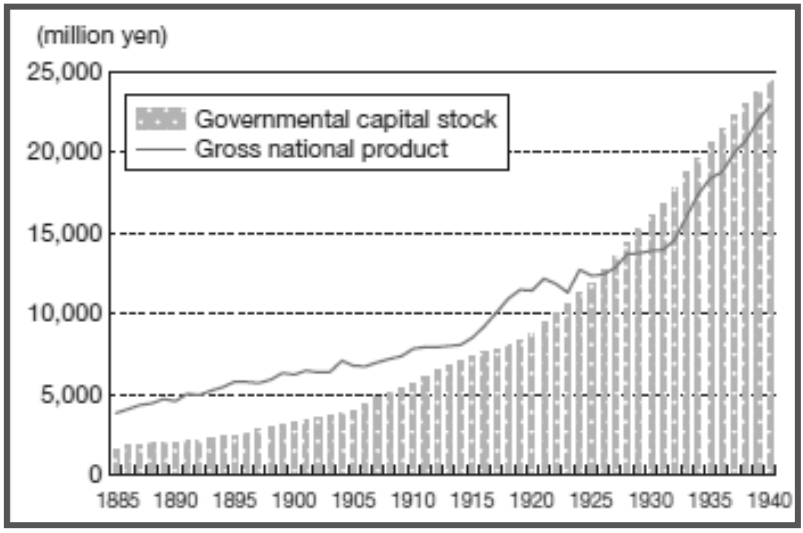
---

[10] Впоследствии законы неоднократно менялись, в 1919 г. был принят Закон о дорогах (Road Law), который действовал вплоть до 1952 г., когда был одобрен новый закон, действующий и поныне.

[11] White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2013. P. 7–8.

фактором, который тесно связан с первым, стал сам тип индустриализации, который можно охарактеризовать как военно ориентированный. Наращивание военного потенциала, подготовка и ведение военных действий, конечно, требовали создания современной инфраструктуры. Поэтому неудивительно, что темпы наращивания общественного капитала опережали темпы роста ВВП (см. Диаграмму №1).

Диаграмма № 1.
Рост ВВП и государственного общественного капитала в Японии в 1885 – 1940 гг.(млн. иен)
Государственные капитальные фонды / ВВП / млн. иен



Источник: White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2013.P.8

Во второй половине XX века – после второй мировой войны – строительство инфраструктуры, в первую очередь производственной, приобрело большие масштабы и систематический характер, что было обусловлено целями восстановления экономики и амбициозными планами выведения страны в число мировых экономических лидеров.

К середине 1950-х гг. правительство перешло к долгосрочному прогнозированию и планированию развития промышленной инфраструктуры во всех районах страны с учетом не только текущих нужд промышленности, но и будущих потребностей. Вопросы развития инфраструктуры стали обязательным компонентом среднесрочных экономических планов, в которых определялись стратегические цели и задачи в данной сфере, а также планов регионального развития. Территориальная экспансия

промышленности, образование новых промышленных районов потребовали разрешения таких проблем, как рациональное использование естественных и трудовых ресурсов, обеспечение экономических и культурных условий жизни во вновь осваиваемых районах, что ставило новые задачи в области развития инфраструктуры.

С 1954 г. на постоянной основе начали составляться пятилетние планы общественных работ, направленных на развитие отдельных компонентов инфраструктуры, включая строительство железных и шоссейных дорог, портов и аэропортов, жилья, сооружение водопроводных и канализационных сетей, мощностей по переработке отходов, создание городских парков, строительство различных сооружений, обеспечивающих охрану лесного фонда, водных ресурсов, побережья, улучшение земель, реконструкцию рыбных портов и мест лова рыбы. В этих планах определялись и необходимые размеры государственного финансирования (см. Таблицу № 1).

Современная концепция инфраструктурной политики в Японии

В начале 2000-х гг. подход к планированию развития инфраструктуры был изменен, подверглась пересмотру и общая концепция инфраструктурной политики.

Наличие и функционирование качественной производственной и социальной инфраструктуры, как известно, является основой жизнедеятельности любой национальной экономики, любого общества, поэтому главная цель стратегии в области развития инфраструктуры в Японии, в общем-то, осталась очевидной и неизменной. Однако изменились сами требования к качеству инфраструктуры и ее место в социально-экономической структуре страны и в ее социально-экономической стратегии. Ранее строительство и эксплуатация инфраструктурных объектов и комплексов рассматривались в большей степени как «затратные» мероприятия. Подобный взгляд, конечно, имел под собой объективную основу, поскольку инфраструктура – это, как правило, капиталоемкие объекты с длительным сроком окупаемости и относительно невысокой нормой прибыли, и инвестиции в инфраструктуру далеко не всегда были интересны для бизнеса.

В современных экономических реалиях, в условиях замедления темпов экономического роста в развитых странах (Япония в этом отношении отнюдь не исключение!) модернизация инфраструктуры рассматривается как один из драйверов экономического роста. И это общемировая тенденция.

Инвестиции в инфраструктуру в краткосрочном периоде способствуют созданию новых рабочих мест в строительном комплексе и смежных

Таблица 1.
Планы создания инфраструктуры

Название плана	Пятилетний план дорожного строительства	Семилетний план строительства портов	Семилетний план строительства водопроводных систем	Семилетний план строительства аэропортов	Семилетний план строительства городских парков	Семилетний план строительства систем защиты от наводнений
Закон	Закон о неотложных мерах по строительству дорожной сети	Закон о неотложных мерах по обустройству портов и гаваней	Закон о неотложных мерах по строительству водопроводных сетей		Закон о неотложных мерах по созданию городских парков	Закон о неотложных мерах по защите от наводнений и сохранению лесов
Плановые периоды (фин.г.)	1954–1958 1958–1962 1961–1965 1964–1968 1967–1971 1970–1974 1973–1977 1978–1982 1983–1987 1988–1992 1993–1997 1998–2002	1961–1965 1965–1969 1968–1972 1970–1974 1971–1975 1976–1980 1981–1985 1986–1990 1991–1995 1996–2002	1963–1967 1967–1971 1971–1975 1976–1980 1981–1985 1986–1990 1991–1995 1996–2002	1967–1971 1971–1975 1976–1980 1981–1985 1986–1990 1991–1995 1996–2002	1972–1976 1976–1980 1981–1985 1986–1990 1991–1995 1996–2002	1960–1964 1965–1969 1968–1972 1972–1976 1977–1981 1982–1986 1987–1991 1992–1996 1997–2003
Основные сооружения	Дороги	Волноломы, отводные каналы, якорные стоянки	Водопроводные системы	Аэропорты и навигационные сооружения	Городские парки	Плотины и дамбы

Источник: White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan, 2013, p. 10.

Схема № 1. Эффект развития общественного капитала

Составлено по: White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2013.P.11

отраслях промышленности. В долгосрочной перспективе обновление инфраструктуры дает положительный эффект в виде повышения производительности труда, сокращения издержек производства во многих отраслях. И все это в совокупности ведет к оживлению экономической активности в стране и повышению конкурентоспособности национальных экономик и отдельных производителей. По оценкам Всемирного банка, увеличение расходов на инфраструктуру на 10% ведет к долгосрочному ускорению роста ВВП на 1%12. Позиция японских правительственных экспертов относительно направлений влияния общественного капитала на экономический рост в кратко- и долгосрочной перспективе в целом не отличается от изложенной нами выше (см. Схему №1).

В Японии инфраструктурная сфера также рассматривается как одна из перспективных с точки зрения выхода экономики на траекторию устойчивого роста. В стратегических разработках, представленных правительством С. Абэ в феврале – июне 2013 г. (т. е. вскоре после его прихода к власти), в качестве целевой была предложена модель «гибридной экономики», ориентированной и на торговлю (внешнюю), и на внутренние инвестиции[13].

Большинство приоритетных задач, декларируемых премьер-министром С. Абэ и его кабинетом, прямо или косвенно связано с инфраструктурной сферой. Это – и развитие местных экономик, и реорганизация системы здравоохранения, и новая энергетическая стратегия, и многое другое. В Стратегии возрождения Японии, которая является одной из трех «стрел» абэномики, предлагается План создания стратегического рынка (Strategic Market Creation Plan), практически все позиции которого так или иначе связаны с инфраструктурой:

1. здравоохранение (в формулировке документа «Увеличение продолжительности ожидаемой здоровой жизни»);
2. чистая и экономически эффективная энергетика;
3. создание и совершенствование безопасной, удобной и экономичной инфраструктуры следующего поколения;
4. формирование региональных сообществ, которые развиваются на основе уникальных местных ресурсов, и представление их миру[14].

В контексте тематики данной статьи уместно подчеркнуть, что концепция гармонизации внутреннего и внешнего спроса и идеи расширения

---

[12] http://rbcdaily.ru/magazine/trends/562949991096842

[13] Fiscal 2013 Economic Outlook and Basic Stance for Economic and Fiscal Management. February 28, 2013. Cabinet Decision // http://www5.cao.go.jp/keizai1/2013/0228mitoshi-e.pdf

[14] Basic Policies for Economic and Fiscal Management and Reform. Ending Deflation and Revitalizing the Economy» (June 2013. P. 11–13 – http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html; New Growth Strategy: The Formulation of "Japan Revitalisation Strategy-Japan is Back" – http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/documents/2013/1200485_7321.html

внутреннего рынка за счет совершенствования общественного капитала явно перекликаются с идеями «плана Маэкава», разработанного в 1980-е годы и нацеленного на снижение зависимости японской экономики от внешнего рынка и расширение внутреннего спроса, в том числе за счет реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов[15].

Целям гармонизации политики в сфере общественного капитала с решением общенациональных стратегических задач, безусловно, отвечает проведенная ранее (2003 г.) модернизация системы планирования в данной области. «Отраслевые» планы были консолидированы в рамках приоритетных планов развития общественного капитала (Prioritized Social Capital Development Plan), которые отличает межотраслевой подход. Цель подобного объединения планов, по утверждению правительственных экспертов, состояла в повышении эффективности работ в сфере инфраструктуры на основе выделения приоритетов развития этой сферы в тот или иной период[16].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что комплексный подход к решению проблем в сфере инфраструктуры традиционно был присущ политике японского правительства. Так, и ранее, и в настоящее время политика в инфраструктурной сфере является неотъемлемой частью региональной политики Японии.

В 2005 г. в Японии был принят новый основной закон, регулирующий региональное развитие и использование национальной территории, – Закон о национальном пространственном планировании (National Spatial Planning Act)[17]. И в законе, и в новой стратегии регионального развития в качестве основополагающего используется понятие «национальные пространственные стратегии» как комплекс планов, нацеленных на использование, улучшение и сохранение национальной территории, а также рациональное размещение производства, которое фактические заменяет понятие «развитие национальной территории», применявшееся ранее. Думается, что такое терминологическое обновление не случайно. Пространственное планирование и пространственные стратегии соединяют в себе региональное развитие и развитие территории как географического пространства и ее обустройство, т. е. создание и совершенствование инфраструктуры.

---

[15] Подробнее см.: *Тимонина И. Л.* Общественный капитал: отстающий сектор или база будущего развития экономики ? – Япония 1999–2000. Ежегодник. – М. 2000.С. 69–91.

[16] Например, в первом комплексном плане 2003 – 2007 гг. четыре приоритетных направления: Живучесть (Vitality), Безопасность, Окружающая среда, Жизнь. В настоящее время действует третий план на 2012–2016 гг. // http://www.mlit.go.jp/english/ 2006/k_port_and_harbors_bureau/17_p_and_h/index.html

[17] Новый закон заменил Закон о комплексном развитии национальной территории (Comprehensive National Land Development Act, No.205, 1950), имевший статус базового в сфере регионального развития. cas.go.jp›jp/seisaku/hourei/data/Plan.pdf

Экспорт инфраструктурных проектов

Серьезное влияние на концепцию инфраструктурной политики оказывает и изменение **условий глобальной конкуренции**. Как известно, в последние десятилетия Япония столкнулась с проблемой утраты своей конкурентоспособности на традиционных для нее рынках продукции обрабатывающей промышленности, в том числе высокотехнологичной. В этих условиях кабинетом С. Абэ была предложена Стратегия глобального превосходства («Strategy of Global Outreach»)[18]. По мнению авторов стратегии, Япония имеет несомненное превосходство в сфере производственной (электроэнергетика, транспорт, водоснабжение, информационно-коммуникационная инфраструктура) и социальной (организация здравоохранения социального обеспечения) инфраструктуры.

Обозначая пути достижения «глобального превосходства», правительство призывает компании диверсифицировать формы зарубежной активности, продвигая за рубеж «интегрированные системы», т. е. реализуя комплексные проекты производственной и социальной инфраструктуры[19]. Данная экспортная модель предполагает не просто поставки оборудования и других товаров и осуществление, например, строительных работ, но также и разработку дизайна, проектирование, предоставление технологий и ноу-хау, инжиниринговые и образовательные услуги в одном «пакете». Подобный «пакетный» подход («package-type infrastructure»), который был предложен предыдущим кабинетом уже в 2010–2011 гг., по мнению правительственных экспертов, позволит существенно увеличить добавленную стоимость, получаемую японскими компаниями от зарубежных операций, и создать себе стабильный рынок.

Конечно, практика реализации крупных производственных и инфраструктурных проектов за рубежом появилась не сегодня и не вчера. Проекты «под ключ», экспорт технологий, предоставление консультационных и образовательных услуг наряду с поставками различного оборудования и материалов – все эти формы зарубежной деятельности использовались японскими компаниями (как и корпорациями других стран) и раньше. И эта практика является, в общем-то, традиционной. Новизна момента состоит в том, что все эти формы приобретают характер стратегических интегрированных проектов на основе частно-государственного партнерства и со все большим вовлечением не только крупного,

---

[18] Basic Policies for Economic and Fiscal Management and Reform. Ending Deflation and Revitalizing the Economy» (June 2013. P. 11 //http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html

[19] White Paper on International Economy and Trade 2012. Section 2 Support for overseas business activities in response to changing needs. P. 687–688 // http://www.meti.go.jp/english/ report/data/gWT2012fe.html

но также малого и среднего бизнеса и при активной поддержке правительства[20].

В 2013 г. правительство Японии приняло Стратегию экспорта инфраструктурных систем, где были определены целевые показатели экспорта таких систем – 30 трлн. иен к 2020 г. против 10 трлн. в 2013 г. Среди мер, которые предусмотрены в данной Стратегии, – содействие кооперации частного и государственного секторов в целях противостояния глобальной конкуренции, а также поддержка инкубаторов, местных властей, мелких и средних компаний, которые готовы продвигать инфраструктурные проекты за рубеж. Для финансирования инфраструктурных проектов японских компаний за рубежом в 2014 г. была создана специальная корпорация «Japan Overseas Infrastructure Investment Corporation for Transport & Urban Development» (JOIN) с привлечением как государственного, так и частного капитала и имеющая правительственные гарантии (по программе инвестиций и займов)[21].

Спрос на инфраструктурные проекты и комплексы, системы и системные решения, обеспечивающие высокий уровень и качество жизни людей, растет, и особенно быстро в развивающихся странах, в том числе азиатских, многие из которых сейчас разрабатывают и/или уже осуществляют программы развития инфраструктуры и социальной сферы. Расширение данного рынка в развивающихся странах стало особенно заметным в тех странах, которые пришли к осознанию того, что экспортно-ориентированная индустриализация имеет свои пределы и ограничения, и начали переход к так называемому «инклюзивному росту»[22]. Например, в Китае на развитие инфраструктуры выделяется около 8,5% ВВП

---

[20] Подробнее см.: *Тимонина И. Л.* Япония на мировом рынке: от промышленного экспорта к экспорту систем. // В книге: Япония в поисках новой глобальной роли. М. 2014. С. 177–197.

[21] White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2013. P. 297.

[22] Концепция «инклюзивного роста» (inclusive growth) в настоящее время продвигается во многих развивающихся странах, активно изучается экспертами международных организаций и консалтинговых агентств, поддерживается самими этими организациями, в частности Всемирным банком, Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), Азиатским банком развития (АБР). «Инклюзивный рост», по определению АБР, это экономический рост, обеспечивающий равные возможности и равный доступ к экономическим возможностям для всех (для отдельных людей и групп людей, для регионов) и ориентированный не только на внешний, но и на внутренний спрос (что означает определенную смену приоритетов для экспортно ориентированных экономик). Фактически переход к инклюзивному росту означает переориентацию экономической стратегии ряда стран, в первую очередь развивающихся (хотя и не только), с «экономики статистических достижений», когда целью было догнать развитые страны по основным макроэкономическим показателям на основе проведения политики активной индустриализации, к «экономике качества». // Strategy 2020: The Long-Term Strategic Framework of the Asian Development Bank, ADB 2008; Framework of Inclusive Growth Indicators 2012. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. 2nd Edition. P. 3.

(1 место в мире). В стране реализуется крупномасштабная программа развития городской инфраструктуры[23].

Японские компании активно продвигаются на рынки стран региона, ими осуществляется целый ряд инфраструктурных проектов в странах Азии, в том числе в Таиланде, Вьетнаме, Индонезии, Индии, Бразилии, Катаре, а также в США. Япония также участвует и в многосторонних проектах, например, по созданию логистических систем в Северо-Восточной Азии, где ее партнерами являются Китай и Республика Корея[24].

Вместе с тем стоит признать, что за рынки инфраструктуры развивающихся стран уже идет борьба, причем японские компании вынуждены конкурировать не только с западными корпорациями, но и с местными, которые зачастую предлагают более привлекательные для локального рынка в ценовом отношении условия, и используют при этом передовые методы и технологии.

Как представляется, самым серьезным конкурентом Японии на рынке инфраструктурных проектов становится Китай, который не только активно инвестирует в общественный капитал в своей стране, о чем мы упоминали выше, но и имеет амбициозные планы инфраструктурного строительства в странах Азии, в том числе в рамках реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века («Один пояс и один путь»), реализация которого, по-видимому, уже переходит в практическую плоскость. Так, в октябре 2014 г. 21 страна во главе с Китаем приняла решение о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, и к 15 апреля 2015 г. 57 стран (37 стран Азии и 20 – других регионов) заявили о своем желании стать странами-учредителями АБИИ. Из стран-членов G8 в этот список не входят США, Канада и Япония[25]. Оставляя в стороне политические аспекты и мотивы данного решения Японии, заметим лишь, что ее неучастие в данной финансовой организации вряд ли будет способствовать продвижению инфраструктурных проектов японских компаний на азиатский рынок, особенно с учетом того обстоятельства, что многие конкуренты из числа развитых стран, например, Австралия готовы стать учредителями банка[26].

---

[23] 3 urbanization themes were selected by the Future Urban Development Initiative: 1. Transport planning and management 2. Urban energy management 3. Sustainable industry development // http://www.weforum.org/reports/future-urban-development-initiative-dalian-and-zhangjiakou-champion-city-strategy

[24] White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2012. P. 253–254, 259.

[25] Китай, №5(115). Май 2015 г. С. 16–19, 28, 34; http://silkroadeconomicbelt.com http://china.org.cn/business/node_7207419.htm; http://www.nytimes.com/2015/04/01/world/asia/japan-says-no-to-asian-infrastructure-investment-bank.html

[26] http://www.japantimes.co.jp/news/2014/07/05/national/politics-diplomacy/japan-reluctant-join-china-led-investment-bank

Инновации – для инфраструктуры

Одной из новых черт современной политики Японии в области инфраструктуры является ее тесное слияние с инновационной политикой. Строго говоря, применение в инфраструктурной сфере передовых для своего времени технологий – традиционная практика японских властей.

Роль инноваций на современном этапе модернизации инфраструктуры многообразна. По количественным параметрам уровень развития инфраструктуры в Японии высок, т. е., в принципе, страна, ее экономика, ее жители хорошо обеспечены инфраструктурой (исключение составляют количественные и качественные параметры жилого фонда, по которым Япония уступает другим развитым странам). Подтверждением этому могут служить результаты сравнительного анализа уровней социально-экономического развития Японии, новых индустриальных экономик и развивающихся стран Восточной Азии на основе системы индикаторов инклюзивного роста Азиатского банка развития, проведенного автором, поскольку большинство индикаторов отражают уровень развития социальной и производственной инфраструктуры[27].

По сравнению с другими развитыми странами – членами ОЭСР Япония также имеет достойные показатели. Например, по плотности железнодорожной сети ее показатель выше, чем в среднем по ОЭСР (5,8 км/100 кв. км против 4,96 км в среднем по ОЭСР), по плотности автодорожной сети Японии лишь немного уступает среднему уровню (0,93 км/кВ. км против 1,29)[28]. По инвестициям в транспортную инфраструктуру Япония занимала второе место среди развитых стран после США (соответственно 35,8 и 59,9 млрд. евро в 2010 г.)[29].

В целом, по комплексному показателю развития инфраструктуры, рассчитываемому Всемирным экономическим форумом в рамках оценки глобальной конкурентоспособности стран (в рейтинг 2014–2015 гг. были включены 144 страны и экономики), Япония заняла достойное 6 место[30]:

Однако, по оценкам правительственных экспертов, довольно большая часть инфраструктурных объектов в Японии была построена в период высоких темпов роста, в том числе в период подготовки к Олимпиаде

---

[27] Источник: Framework of Inclusive Growth Indicators 2012. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. 2nd Edition, P. 48, 50, 52, 54, 60, 62–69. Подробнее см: *Тимонина И. Л.* Уровень социально-экономического развития Японии в международных сравнениях и новый вектор экономической стратегии. Восточная аналитика. Ежегодник 2013. М. 2014.С. 87–105.

[28] Данные на январь 2015 г. – http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/economics/ economic-policy-reforms-2015/infrastructure_growth-2015-graph199-en#page1

[29] https://data.oecd.org/transport/infrastructure-investment.htm

[30] http://www3.weforum.org/docs/img/WEF_GCR2014–15_Infrastructure_Image.png

Страны/экономики	Место в рейтинге Infrastructure Top 10
Гонконг	1
Сингапур	2
Объединенные Арабские Эмираты	3
Нидерланды	4
Швейцария	5
Япония	6
Германия	7
Франция	8
Испания	9
Великобритания	10

1964 г., поэтому многие из них уже сейчас нуждаются в обновлении, или период обновления и замены наступит в недалеком будущем. Например, в 2013 г. 20% высокоскоростных эстакад, 18 % тоннелей и 25 % шлюзов имеют срок службы более 50 лет[31]. И модернизация, конечно, будет проводиться с использованием новейших технологий, что улучшит качественные характеристики этих объектов[32].

В рамках реализации целей модернизации инфраструктуры в 2012 г. MLIT приняло третий базовый план технологического развития (Third MLIT Technology Basic Plan) на 2012 – 2016 гг., который является частью приоритетного плана развития общественного капитала, носит междисциплинарный характер и нацелен на продвижение технологических проектов в сфере «общественной безопасности и комфорта», обеспечение условий для стабильного экономического роста на всей территории страны и создание общей платформы для поддержки технологических разработок, связанных с инфраструктурной сферой[33].

Роль инноваций в сфере общественного капитала проявляется также и в том, что они создают возможность формирования инфраструктурных комплексов нового типа, не имеющих аналогов в прошлом. И ярким примером здесь могут служить проекты *«умных городов» («смарт-город», smart city),* которые также являются предметом экспорта. Конце-

[31] White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan, 2013, P. 28.

[32] При этом, однако, приоритет будет отдаваться не новым инвестициям, а тем, которые смогут продлить срок эксплуатации действующих объектов. Подобный подход связан с трудностями финансирования новых инвестиций в условиях сокращения государственных ассигнований на общественные работы.

[33] White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2012. P. 275–278.

пция «умного города», которая активно разрабатывается и уже реализуется в Японии (и в ряде других стран) нацелена на создание экологически дружественной и комфортной для людей жилой среды в масштабах городского района или небольшого города. Проект «умный город» включает дизайнерские, архитектурные и инженерные решения городской среды, комплексное планирование, создание базовой и интеллектуальной инфраструктуры (в том числе с использованием энергосберегающих технологий и современных систем организации транспорта), создание и обеспечение функционирования комплекса бытовых услуг, инфраструктуры для обеспечения культурного досуга и возможностей для творческой реализации людей (стиль жизни, искусство и т. д.). Иными словами, это современный энергоэффективный город «под ключ».

Ключевой идеей «умного города» в Японии стали интеллектуальные энергосистемы, и национальный координационный орган для содействия реализации концепции «умного сообщества» Японский альянс смарт-сообщества (Japan Smart Community Alliance – JSCA)[34] был создан по инициативе Организации новых энергетических и промышленных технологий (New Energy and Industrial Technology Development Organization – NEDO)[35]. В составе руководящих органов Альянса представители ведущих электротехнических и энергетических корпораций страны – «Тосиба», «Хитати», «Итотю», «Кансай Электрик Пауэр», «Мицубиси дэнки», «Панасоник», «Тоёта», «Токио Гэс, JGC». Всего же в альянс входит 355 компаний, занятых в разных отраслях, что свидетельствует о комплексном характере проектов смарт-городов и значительном интересе к таким проектам со стороны японского бизнеса[36].

Японские компании, занимающиеся практической реализацией проектов умного города и заинтересованные в участии в таких проектах в Японии и за рубежом, в 2009 г. объединились в консорциум «Smart City Planning Inc». (SCP)[37], деятельность которого поддерживается Министерством земель, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии. По оценке консорциума (со ссылкой на Nikkei BP Clean Tech Institute), мировой рынок проектов «умного города» быстро растет, и к 2030 г. его объем может достичь 42,7 трлн. долл. В 2012 г., по оценке того же института, самым крупным был азиатский рынок (Китай – 7,45 трлн.

---

[34] Одна из главных задач альянса – координация совместных усилий с подобными организациями в других странах в области стандартизации. http://www.japantimes.co.jp/news/2014/07/05/ national/politics-diplomacy/japan-reluctant-join-china-led-investment-bank/

[35] https://www.smart-japan.org/english/tabid/103/Default.aspx

[36] http://www.smart-japan.org/english/member/tabid/104/Default.aspx

[37] В настоящее время участниками консорциума являются 27 компаний, в том числе корейская «LG» и американская «Хьюлетт Паккард». // http://www.smartcity-planning.co.jp/en/outline/index.html

долл., Индия – 2,58 трлн. долл., Япония – 1,17 трлн. долл., другие страны Азии – 4,27 трлн. долл.), в то время как рынок США и Канады оценивался в 6,85 трлн. долл., а западноевропейский – 6,76 трлн. долл. Рынок бывших советских республик и стран Восточной Европы был оценен скромнее – 1,36 трлн. долл., но, тем не менее, он больше японского[38].

В самой Японии в настоящее время реализуется 4 полномасштабных проекта «смарт-городов» – Йокогама, Тоёта, Кэйханна и Китакюсю. Японские компании, безусловно, заинтересованы и в экспорте таких проектов. И такие компании как «Хитати», «Мицубиси дэнки» уже выполняют заказы на оборудование умных городов в Китае и Индии[39].

В целях более активного продвижения за рубеж комплексных градостроительных проектов, а также отдельных систем, решений, технологий и оборудования корпорации при поддержке правительства организуют различные маркетинговые и пропагандистские мероприятия в Японии и вдругих странах.

Не остается без внимания и российский рынок. В октябре 2012 г. в рамках выставочного форума «Матидзукури: умные города нового поколения»[40] 3 российские девелоперские компании – ООО «Северо-Запад Инвест», «Монолит Холдинг» и «Квартстрой» – подписали Меморандум о сотрудничестве с японским консорциумом «Smart City Planning (SCP)». Цель сотрудничества – анализ современных технологий и их применимость в реализации проектов «умных городов». И первым большим совместным российско-японским проектом в данной сфере мог бы стать «Новый берег» под Санкт-Петербургом41. Во время визита С. Абэ в Россию в апреле 2013 г. в числе других направлений экономического сотрудничества России и Японии обсуждался вопрос о возможности реализации в нашей стране проектов городской инфраструктуры (в первую очередь транспортной) в Москве и других российских мегаполисах.

Государственно-частное партнерство в инфраструктурной сфере.

Одной из тенденций современной инфраструктурной политики в Японии является расширение практики использования рыночных механизмов

---

[38] Приведенные оценки являются очень приблизительными, поскольку здесь учитывался только энергетический и информационный компонент умного города и не включалась транспортная и городская инфраструктура. Учитывая данное обстоятельство, можно предположить, что реальные и потенциальные размеры данного рынка гораздо значительнее// http://www.smartcity-planning.co.jp/en/outline/index.html

[39] http://news.bcm.ru/auto/2013/4/18/695991/1

[40] Мероприятие было организовано Посольством Японии в России и консорциумом «Smart City Planning» при спонсорской поддержке Банка международного сотрудничества Японии (JBIC) // http://stroy-obozrenie.ru/release/4728.html

[41] http://www.stroypuls.ru/building/detail.php?ID=57986 В последних публикациях о проекте японские партнеры не упоминаются //http://gorod.spb.ru/articles/1549

в строительстве инфраструктурных объектов и управлении ими. В частности, предполагается использовать систему аукционных торгов для выбора компаний для эксплуатации и управления дорогами. Нельзя сказать, что подобная практика является абсолютно новой. Как мы уже отмечали в начале статьи, частный бизнес в Японии с давних времен участвовал в общественно полезных работах. Так, в соответствующем разделе ежегодника MLIT в качестве исторического примера частной финансовой инициативы приводится пример строительства каналов богатыми купцами в эпоху Эдо[42].

Новизна нынешней ситуации состоит в том, что в условиях замедления темпов экономического роста инфраструктурные проекты становятся привлекательными для бизнеса.

Совершенствуется и система государственно-частного партнерства (ГЧП), которая обрела институциональное оформление в конце 1990-х гг. (см. Таблицу № 2). Первоначально такое партнерство имело форму так называемой «частной финансовой инициативы» (ЧФИ), смысл которой состоял в использовании финансовых, технологических, организационных ресурсов частного сектора для строительства объектов инфраструктуры и управления ими.

Общее число проектов, реализованных по схемам ГЧП в период с 1999 г., когда был принят закон, по сентябрь 2013 г,. составило 428, а общая сумма расходов на них – 2,3 трлн. иен[43]. Впоследствии первоначальные формы ГЧП были дополнены концессионными, консигнационными и другими соглашениями.

По мнению японских экспертов, ГЧП и ЧФИ в настоящее время имеют большой рыночный потенциал, о чем свидетельствует рост числа и размеров капитализации фондов, финансирующих инфраструктурные проекты за пределами Японии. В 2013 г. в Японии также был создан государственно-частный фонд – «Private Finance Initiative Promotion Corporation of Japan» – для оказания финансовой помощи проектам ЧФИ. Кроме того, Токийская фондовая биржа[44] планирует к концу 2015 г. создать рынок инфраструктурных фондов, что будет способствовать более эффективному финансированию инфраструктурных проектов, в том числе в рамках ГЧП. Обсуждается также вопрос о привлечении средств пенсионных фондов[45].

Помимо государства и бизнеса в создании инфраструктуры, как и в прошлом, принимают участие местные власти и жители, в том числе

---

[42] White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2013. P. 78–79.

[43] White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2013. P. 72.

[44] 2012 Токийская фондовая биржа поглотила фондовую биржу Осаки, объединенная компания, основанная 1 января 2013, получила название Japan Exchange Group, Inc.

[45] White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan.2013. P. 75.

Таблица № 2.
Развитие государственно-частного партнерства в сфере инфраструктуры

Метод	Содержание	Основной закон	Собственник объекта	Финансирование	Сферы применения (примеры)
ЧФИ	Строительство и управление общественными объектами на основе использования финансов, технических и организационных знаний частного сектора	Закон о ЧФИ 1999 г.	Государство / частный сектор	Частное	Государственные жилые и административные здания
Концессии	Передача частному сектору права использования объекта	Закон о ЧФИ (измененный) 2011 г	Государство.	Частное	Аэропорты, дороги
Система назначенного администратора	Корпорация, назначенная ОМС, управляет объектом и эксплуатирует его	Закон о местной автономии (измененный) 2003 г.	Государство	Частное	Парки, гавани
Сложные работы, поручаемые частному сектору	Передача на аутсорсинг частному сектору управления сложными объектами	-	Государство	Государство	Водопроводные сети

Источник: White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2013.P.72.

объединенные в неправительственные организации и кооперативы. Среди таких гражданских инициатив – обустройство остановок общественного транспорта, укрепление береговых сооружений и множество других мелких, но необходимых дел. Таким образом, круг субъектов реализации инфраструктурной политики расширяется, что, в свою очередь обусловливает необходимость поиска новых форм партнерства правительства не только с бизнесом, но и с гражданами и их организациями.

Итоги…

Итак, мы рассмотрели некоторые существенные, на наш взгляд, аспекты современной политики Японии в области развития общественного капитала. Наша цель, напомним, состояла в том, чтобы выявить некоторые традиционные (или, если угодно, консервативные) элементы в концепции инфраструктурной политики, методах решения проблем в данной сфере.

Обратимся к приведенным нами в начале данной статьи определениям консерватизма и традиционализма. В современной инфраструктурной политике японского правительства и бизнеса мы, безусловно, находим «стремление к сохранению того, что считается лучшим в обществе с устоявшимися традициями». Стремление опираться на традицию в правительственных документах декларируется в достаточно очевидной форме. Например, Белая книга Министерства земель, инфраструктуры, транспорта и туризма за 2013 год – последняя из опубликованных – начинается с полноценного исторического раздела и изобилует отсылками к прошлому опыту (часть из которых приводится в данной статье). Следует заметить, что апелляции к прошлому опыту присутствуют не в каждом ежегоднике. Можно предположить, что в настоящее время в условиях вынужденного сокращения бюджетных ассигнований на общественные работы, и перевода финансирования инфраструктурной политики и управления объектами общественного капитала на рыночные механизмы, что означает расширения круга субъектов этой политики, правительство (конкретно – Министерство земель) будет акцентировать внимание на том, что создание и поддержание инфраструктуры – это традиционно, с давних времен общенациональная задача.

Опора «на идею традиции и преемственности» также просматривается в постановке целей и задач инфраструктурной политики. В частности, концепция «гибридной» экономики, опирающейся на внутренний и внешний спрос – это явно возвращение на новом этапе к идеям плана Маэкава, однако в обновленном виде. Если в 1980-е гг. идея расширения внутреннего рынка за счет массированных инвестиций в «большие проекты» в области инфраструктуры предлагалась в условиях относительного переизбытка финансовых ресурсов (экономика «мыльного пузыря») в частном секторе и достаточного уровня финансовой состоятельности правительства, то сейчас стратегия модернизации инфраструктуры должна реализовываться в ситуации вялого экономического роста, значительного бюджетного дефицита и необходимости поиска новых ниш на мировом рынке, а именно рынке инфраструктурных систем.

Что касается осторожного отношения к «радикальным переменам», то оно в большинстве случаев присуще всем направлениям экономической политики японского правительства. И инфраструктурная политика – не

исключение. Например, система среднесрочного планирования строительства инфраструктурных объектов просуществовала с 1954 до 2003 г., т. е. почти 50 лет, и была изменена лишь по необходимости, главным образом, из-за финансовых затруднений.

«Отрицание новаций» как один из атрибутов консерватизма вряд ли является отличительной чертой политики в области инфраструктуры. Так, приглашение иностранного бизнеса к участию в строительстве и восстановлении инфраструктурных объектов после природно-техногенной катастрофы 2011 г. – это новый механизм в реализации планов инфраструктурного строительства. Экспорт инфраструктурных систем и решений также относительно новое направление внешнеэкономической активности японского бизнеса, хотя при осуществлении подобных зарубежных операций японские компании, конечно, опираются на опыт строительства предприятий «под ключ».

Особенно большой опыт в этой сфере накоплен японскими универсальными торговыми компаниями, которые часто выступали организаторами консорциумов японских фирм для реализации крупных зарубежных проектов в разных сферах. Стимулирование экспорта инфраструктурных проектов является одним из направлений экономической политики правительства и опирается на многократно опробованный арсенал средств и методов своих компаний – от предоставления кредитов по линии официальной помощи развитию странам, где японские компании предполагают сооружать тот или иной объект, до льготных кредитов самим компаниям. Интересно отметить, что в одном из своих выступлений премьер-министр С. Абэ предложил себя в качестве «продавца инфраструктурных систем» за рубеж, сославшись при этом на случай, когда один из его предшественников премьер-министр Икэда в 1962 г. во время своего визита в Париж был назван Ш. Де Голлем «продавцом транзисторов»[46].

«Постепенность изменений», избирательность в ориентации на прошлое – эти черты консервативного мышления и традиционного способа действий, как представляется, присущи политике правительства в области инфраструктуры. Мы не найдем ни одного подхода в современной политике, который бы буквально копировал прошлый опыт. И любой плановый документ, любая стратегия начинается с анализа современной ситуации в экономике Японии, в японском обществе, в мире с акцентом на происходящие изменения[47].

---

[46] “One very well-known story from Prime Minister Ikeda's 1962 visit to Europe has him being described as “that transistor salesman” by then-President Charles de Gaulle of France». – Speech on the Second Round of Policies under the Growth Strategy by Prime Minister Shinzo Abe at Japan AkademeiaFriday. May. 17. 2013 // http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201305/17speech_e.html

[47] См., например, Ch.1, 2 – White paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan. 2013.

http://www3.weforum.org/docs/img/WEF_GCR2014-15_Infrastructure_Image.png

Что касается «примата…социального над индивидуальным», то в случае с инфраструктурной политикой эта черта консервативного подхода присутствует на «законных основаниях», поскольку инфраструктура, по сути своей, общественный актив, и ее использование является общественным благом. Поэтому расширение круга не только пользователей, но и субъектов сооружения и эксплуатации инфраструктурных объектов, что явно просматривается в современной концепции рассматриваемой нами политики, вполне закономерно.

Таким образом, можно утверждать что современная инфраструктурная политика Японии содержит в себе элементы здорового, «прогрессивного» консерватизма и традиционализма, которые используются весьма прагматически и вряд ли станут тормозом на пути реализации целей данной политики.

Глава четвертая

Аграрный сектор: меняется ли приверженность консервативному реформированию?

Концепция предстоящей реформы

Сегодня аграрный сектор страны стоит на пороге реформы. Это обусловлено, как множеством его внутренних проблем, так и проблемами, связанными с внешней торговлей продовольствием. Вопрос в том, будет ли реформа структурной или паллиативной.

В конце 1940-х годов в условиях коренного изменения исторической ситуации была проведена кардинальная земельная реформа. Возникла новая аграрная структура: помещичье землевладение было ликвидировано и преобладающей формой хозяйства стало частное мелкокрестьянское хозяйство на собственной земле. Необходимо подчеркнуть, что радикальность реформы была обеспечена требованиями Штаба оккупационных войск. Конечно, Япония уже шла в этом направлении, предпосылки для структурной реформы вызревали еще до войны и во время войны, но для получения желаемого результата потребовалось бы гораздо больше времени, тем более, что речь идет об аграрном секторе, наиболее консервативном из всего спектра экономических отраслей. Японцы традиционно продолжали бы действовать постепенно, идти на компромисс, стараясь не очень сильно задевать крупных землевладельцев. Об этом достаточно ясно говорит проект земельной реформы, представленный консервативным японским правительством в конце 1945 г. и отвергнутый американской администрацией и Союзным советом для Японии как недемократический.

В результате реформы развитие сельскохозяйственного производства пошло достаточно быстро, но к концу 1950-х годов выявился ряд проблем, связанных, прежде всего, с низкой эффективностью производства. Была разработана программа улучшения структуры сельского хозяйства, взят курс на создание в деревне крупных хозяйств с высоким уровнем производительности труда. В целом развитие шло в заданном направле-

нии, но очень осторожно и постепенно. Правительство, даже объективно оценивая ситуацию и принимая нужные для изменения создавшего положения законы и распоряжения, проводило их в жизнь непоследовательно, не соблюдая им же самим намеченные планы. Заявленные цели не подкреплялись конкретными мерами для их осуществления. И так было в течение всего послевоенного периода. Формирование аграрной политики в Японии проходило в условиях противоборства двух точек зрения: промышленных компаний и их экономических организаций и сельскохозяйственных производителей и их организаций, которых поддерживало аграрного лобби в парламенте. Первые выступали за радикальные изменения этой политики, вторые требовали сохранение ее в прежнем виде. Правительство лавировало между этими двумя силами и старалось, действуя в рамках конфуцианской этики, найти приемлемый компромисс, принять какое-то сбалансированное решение. Консервативный уклон этой политики был предопределен.

Однако протекционистская политика, которая была необходима в первое время после земельной реформы, на определенном этапе стала тормозом на пути развития предпринимательских хозяйств. Уже требовались не паллиативные изменения, а институциональные реформы. В результате сельское хозяйство продолжало оставаться неконкурентоспособным на внешнем рынке и, как никогда ранее, нуждалось в проведении структурных преобразований. Это стало наиболее актуальным в новом столетии, когда Япония начала весьма активно заключать двусторонние соглашения о свободной торговле (ССТ). На 2014 г. было подписано 12 таких соглашений с отдельными странами и одно – с международной организацией АСЕАН. Они предусматривают снижение, а в некоторых случаях и ликвидацию внешнеторговых тарифов (как правило, речь идет о ликвидации в течение десяти лет тарифов на 84,4–88,4 % суммы торговых сделок; остальные товарные позиции либо рассматриваются позже, либо номинируются как исключение)**.** Но при этом все подписанные соглашения, так или иначе, учитывают интересы партнеров. В этих условиях Япония сумела, как это она делала и во время переговоров в рамках ВТО, сохранять высокие таможенные тарифы на наиболее «значимые» для нее виды (*дзюё химмоку)* сельскохозяйственной продукции.

Однако сегодня над отраслью навис «дамоклов меч» в виде присоединения Японии к переговорам о заключении Транстихоокеанского партнерства (ТТП), которое предусматривает ликвидацию всех пошлин[1]. Возглавляют процесс формирования ТТП Соединенные Штаты

---

[1] Переговоры 12 стран, ведущиеся в формате ТТП, кроме ССТ, затрагивают широкий спектр межгосударственных отношений: инвестиции, научное сотрудничество, финансовые услуги,

Америки, крайне заинтересованные в осуществлении этого партнерства, которое имеет для них и геополитический аспект. До последнего времени переговоры задерживались из-за того, что два главных участника, – США и Япония – никак не могли договориться между собой по наиболее «чувствительным» для них позициям. Дело в том, что для японского сельского хозяйства отмена внешнеторговых тарифов на ввоз сельскохозяйственной продукции и, прежде всего, такой важной как рис, пшеница, сахар, молочные продукты, свинина и говядина[2], может иметь весьма негативные последствия. Следует заметить, что за сохранение высоких пошлин на эту продукцию проголосовали обе палаты парламента. Точно так же не хотят снижать пошлины на пассажирские автомобили и грузовики американцы[3]. Но в начале октября 2015 г.все же было объявлено, что представители 12 стран достигли соглашения по созданию ТТП[4].

Японское сельское хозяйство без проведения структурных реформ не выдержит конкуренции более дешевого импортного продовольствия, ибо цены в стране на продукты питания значительно превышают среднемировые[5]. Этой проблемой серьезно обеспокоилось правительство, поскольку Япония, будучи высокоразвитой страной, заинтересована в развитии системы свободной торговли, но одновременно не может позволить поставить под угрозу свое сельское хозяйство. Отсюда – настоятельная необходимость повышения конкурентоспособности аграрного сектора путем снижения издержек производства, оптимизации механизмов доставки и пр. Кроме того, его укрепление крайне необходимо и для развития сельских районов, выполняющих многофункциональную роль в развитии страны[6].

услуги связи, защиту прав интеллектуальной собственности, соблюдение санитарных норм и норм международных экологических соглашений, трудовое сотрудничество и т. п. и касаются 40 % глобального производства и примерно трети мировой торговли.

[2] Таможенные пошлины на эти виды продукции превышают 200 % и составляют 6,5 % стоимости всех японских сегодняшних пошлин (в частности, на рис это 778 %, сахар-сырец – 328, масло – 360 %).

[3] Переговоры проходили весьма жестко. Например, по поводу пошлин на японскую говядину Япония согласилась снизить тариф с 38,5 % до 9 % через 15 лет, но подчеркнула, что в случае, если это производство окажется под угрозой, пошлины будут подняты до 20 %; или США требовали увеличить квоту беспошлинного импорта Японией риса, но получили отказ //The Japan Times.05.03.2015; 13.05.2015.

[4] The Guardian. 05.10. 2015.

[5] По данным ОЭСР, цены на японскую сельскохозяйственную продукцию в целом превышают среднемировые на 56 % (www.oecd-ilibrary.org/agriculture-and-food/data/).

[6] (*Тамэнтэки на кино*). Речь идет о сохранении окружающей среды: затопляемые рисовые поля, например, не допускают оскудения почвы, служат резервуарами воды, поддерживают экологический баланс, предотвращают наводнения, эрозию почвы и оползни, смягчают

Правительство Абэ Синдзо расценивает участие в ТТП как импульс для либерализации деятельности бизнеса в целом. Поэтому политика эффективного развития аграрного сектора вошла составной частью в Стратегию экономического роста коалиционного правительства Либерально-демократической партии (ЛДП) и Новой Комэйто. На заседании Совета по вопросам конкурентоспособности (19 февраля 2013 г.), еще до официального объявления о принятии решения о вступлении в переговорный процесс в рамках ТТП (15 марта 2013 г.[7]), С. Абэ заявил, что он будет стремиться превратить сельское хозяйство в перспективную отрасль, что будут налажены связи с различными производствами, включая логистику и информационные технологии, и сельское хозяйство станет привлекательным для молодежи[8]. Он также отметил, что во время переговоров «правительство будет защищать то, что надо защищать и выступать против того, против чего надо выступать»[9].

В дорожной карте стратегии экономического роста аграрный сектор представлен как «третья стрела» Абэномикса – экономической политики правительства Абэ**.** Согласно стратегии роста**,** сельское, лесное и рыбное хозяйство должны превратиться в индустрии роста, сельскохозяйственные доходы за 10 лет удвоиться, а цена производства риса – сократиться на 40 %[10]. С. Абэ высказался также и по некоторым другим конкретным проблемам, связанным с сельским хозяйством: «Кроме того, мы упраздняем систему “корректировки производства риса”, которая существовала более 40 лет. Факторы, препятствующие выходу частных компаний на сельскохозяйственный сектор, будут устранены, а фермеры смогут выращивать столько зерновых, сколько захотят, без официального контроля над предложением и спросом»[11].

Созданный в июне 2013 г. при Министерстве сельского хозяйства Штаб содействия динамичному развитию сельского, лесного и рыбного хозяйства (возглавляемый премьер-министром) составил первоочередные меры по изменению аграрной политики. Эти меры под названием «План по активизации развития сельского, лесного, рыбного хозяйства и сельских районов» (*норинсуйсангё-тиики но кацурёку содзо*

климат. По подсчетам Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства (далее – Министерства сельского хозяйства), вклад сельскохозяйственной земли в сохранение окружающей среды лишь в два раза уступает вкладу лесных массивов, хотя площадь последних в пять раз больше, чем обрабатываемых земель//Сякай мондай гэппо. 1988. № 311. С. 11; кроме того, рисовые поля создают красивые пейзажи, что является немаловажной составляющей качества жизни, а сельская местность в целом является хранилищем традиционной культуры.

[7] Япония присоединилась к переговорному процессу о вступлении в ТТП 23 июля 2013 г.

[8] The Nikkei. 19.02.2013.

[9] The Nikkei. 26.07.2013.

[10] Nikkei Weekly. 26.08.2013.

[11] Япония наших дней. № 1 (19), 2014. С. 7.

пуран) были приняты в декабре 2013 г.[12]. Разработчики плана полагают, что благодаря проведению предлагаемых мероприятий в течение десяти лет аграрный сектор должен стать сильным, а сельские районы – вызывающими восхищение своей красотой[13].

Эти меры предполагают создание региональных органов по контролю над сельскохозяйственными землями (*ноти тюкан канри кико*, в английском переводе – банков по консолидации сельскохозяйственных земель – farmland integrated banks, FIB), пересмотр мер по стабилизации сельскохозяйственных доходов, интенсивное использование затопляемых полей, изменение политики в области производства риса и создание для поддержания доходов фермеров системы непосредственных выплат японского типа (*нихонгата тёкусэцу сихараи сэйдо*)[14].

В качестве инструментов для укрепления аграрного сектора правительство считает необходимым включение в сельскохозяйственное производство несельскохозяйственных компаний, расширение обрабатываемых площадей, разработку новых сортов культур и технологий производства и реформирование сельскохозяйственных кооперативов, для чего планируется внести поправки в Закон о сельскохозяйственной земле, в Акт о земельных комитетах и в Закон о сельскохозяйственной кооперации [15].

Ниже будут проанализированы основные проблемы аграрного сектора и заявленные японским правительством меры по их разрешению, которые вкупе должны привести к его реформированию, превратить сельское хозяйство в «перспективную отрасль», которая послужит реанимации сельских районов и даст возможность Японии выдерживать конкуренцию на мировом рынке.

Болевые точки аграрного сектора и предлагаемые для их преодоления правительственные меры

Одним из главных пунктов изменения правительственной политики в отношении аграрного сектора является ликвидация **системы сокращения площадей под рисом (***гэнтан*). Эта система была введена с начала 1970-х годов в связи с сокращением потребления риса и желанием удержать цену на него на высоком уровне[16]. Вначале фермеры должны

[12] Хэйсэй 25 нэндо Сёкурё, ногё, носон-но доко (Доклад о положении с продовольствием, сельским хозяйством и с деревней в 2013 фин.). Токио. 2014. С. 10.

[13] Там же. С. 11.

[14] Хэйсэй 25 нэндо сёкурё.... доко. С. 13

[15] Kyodo, 25.06.2014.

[16] Цены на сельскохозяйственную продукцию, покрывающие издержки ее производства, в течение десятилетий устанавливало государство. Но, если вначале это было необходимо для поддержания доходов фермеров, то впоследствии такой нужды уже не было, и фактически правящая партия «покупала» свой электорат.

были сокращать площади под этой культурой и выращивать там другие значимые для японцев виды сельскохозяйственной продукции (например, пшеницу и соя-бобы), потом (с 2004 г.) сокращение коснулось объемов его производства. Тем фермерам, которые выполняли эти требования, выплачивались субсидии, а те, кто отказывался, подвергались штрафу (так было до 2010 г.). С 2007 г. в целях повышения эффективности сельскохозяйственного производства было принято решение о предоставлении субсидий и других льгот лишь перспективным хозяйствам (которые представляют местным органам власти планы развития сельскохозяйственного производства), а не распылять их среди всех хозяйств. По установленным на то время критериям, их должны были получать индивидуальные хозяйства, имеющие от 4 га земли (на Хоккайдо – от 10 га), и организации – имеющие от 20 га (предусмотрены некоторые исключения, связанные с местными условиями). Согласно предварительным оценкам, в эту категорию должны были попасть примерно 90 тыс. хозяйств (5 % рисопроизводителей)[17].

Следует особо подчеркнуть, что высокие цены на рис производителя, увеличивая доходы крестьянских хозяйств, одновременно негативно влияли на создание сравнительно крупных ферм, ибо мелкие нерентабельные хозяйства, которые составляют свыше 60 % рисопроизводителей, продолжали выращивать рис и продавать его по высокой цене (это было выгоднее, чем сдавать землю в аренду), а профессионально занимающиеся сельским хозяйством фермеры теряли возможность расширить свои площади и поэтому часто негативно относились к этой программе[18]. Не были довольны и потребители, которые несли двойную нагрузку: покупали рис по высокой цене и платили налоги, которые шли на субсидии за выполнение правительственной программы.

Небезынтересно отметить, что вопрос об интересах потребителей поднимался еще более века назад. Комментируя высокие цены, которые выплачивает государство производителям риса, известный специалист по аграрным проблемам Ямасита Кадзухито напоминает нам слова знаменитого японского этнолога Янагида Кунио, который работая с 1900 г. в Министерстве сельского хозяйства и торговли, настаивал на

---

[17] FY2005 Annual Report on food, agriculture and rural areas.Tokyo. 2006. P. 61; Нихон кэйдзай симбун. 15.06.03, 24.05.04; Nikkei Weekly. 14.11.05.

[18] Например, в 2009 г. во время опроса фермеров о политике сокращения производства риса 39% респондентов поддержали ослабление государственного контроля, а 13% высказались за его ликвидацию // Nikkei Weekly.28.06.2010; когда в 2014 г. центральный совет кооперативов района Канто предложил первичным кооперативам сократить производство для поддержки потребительской цены на рис, лишь несколько из них согласились так поступить // The Nikkei. 14.06.2014. Как сообщает «Japan Times» (06.11.2013), в настоящее время примерно 26 % площадей под рисом принадлежит тем, кто отказался участвовать в этой программе.

необходимости импорта риса для снижения цен на него в интересах потребителя[19].

Пришедшее к власти в конце 2009 г. правительство Демократической партии Японии (ДПЯ), руководствуясь сугубо политическими соображениями, приняло программу прямых выплат всем слоям фермеров для повышения их доходов (*кобэцу сётоку хосё сэйдо)*. Выплачивались они и хозяйствам, которые основной доход получают от работы в других отраслях экономики[20]. Придя вновь к власти, правительство ЛДП объявило (в конце октября 2013 г.) о пересмотре системы субсидий, о сокращении их общего размера и дополнительном предоставлении тем, кто выращивает рис для переработки на муку или на корм для скота**.** В частности, с 2014 г. предполагалось сократить размер выплат с 15 тыс. иен за 0,1 га до 7,5 тыс. и выдавать их только сравнительно крупным хозяйствам (на Хоккайдо с площадью не менее 10 га, в остальной Японии – имеющим не менее 4 га, объединениям в рамках поселений – с площадью не менее 20 га)[21].

Касаясь этой проблемы, тогдашний министр сельского, лесного и рыбного хозяйства Хаяси Ёсимаса (в настоящее время он снова занял эту должность) заявил на пресс-конференции о стремлении провести такие изменения, чтобы фермеры осуществляли производство по своему усмотрению и чтобы оно удовлетворяло спрос. Окончательная ликвидация системы субсидий намечена на 2018 г.[22].

Насущной задачей, стоящей перед аграрным сектором, является **повышение уровня эффективности использования обрабатываемых земель**. Речь идет о концентрации площадей в крупных хозяйствах и решении проблемы пустующих земель.

Средний размер фермерских хозяйств вырос за 1960–2012 гг. с 0,98 га до 2,42 га.[23]. Постепенно обрабатываемая земля концентрируется в сравнительно крупных хозяйствах, число которых сокращается. Так, например, на Хоккайдо за 1990–2013 гг. число товарных хозяйств уменьшилось с 87 до 40 тыс. единиц, число, имеющих 50 га и более обрабатываемых земель, выросло с 2,5 до 4,8 тыс. единиц. В префектурах остальной Японии за тот же период число товарных хозяйств

---

[19] The Nikkei. 26.12.2013.

[20] Профессор REITI Ямасита Кадзухито охарактеризовал такую систему как «подаяние»// The Nikkei. 26.12.2013.

[21] The Nikkei. 24.10.2013; Хэйсэй 25 нэндо...доко. 2014. С. 14, 15.

[22] The Japan Times. 06.11.2013.

[23] Здесь и далее, если специально не оговорено, цифры приводятся по Хэйсэй 25 нэндо сёкурё ногё носон но доко санко тохэйкё (статистическое приложение к отчету о положении с продовольствием, сельским хозяйством и деревней в 2013 фин.г.) Токио. 2014.

уменьшилось с 2884 до 1415 единиц, но при этом число хозяйств с площадью 5 и более га увеличилось с 26,4 до 66,5 тыс. дворов[24].

В 2010 г. практически половина (49,1%, в 1995г. – 17,1%) всей обрабатываемой земли находилась в пользовании так называемых основных хозяйств (*сюгё нока,* в английском варианте – business farmers), в которых сельскохозяйственный доход составляет не менее половины общего дохода и есть хотя бы один член семьи моложе 65 лет, занятый в сельском хозяйстве не менее 60 дней в году. Это – индивидуальные хозяйства, сельскохозяйственные компании, другие юридические лица, владеющие землей или пользующиеся ею, или обрабатывающие ее по контракту. Предполагается, что через 10 лет постепенно в руках эффективных участников сельскохозяйственного производства сосредоточится уже 80 % земель[25].

В 2012 г. правительством была принята программа, направленная на ликвидацию межей (тропинок, борозд, дорожек) между чеками риса[26]. Она предусматривала выплату фермерам субсидий в размере 100 тыс. иен за каждое 0,1 га, приращенное к обрабатываемому участку. Такого рода пограничные полосы уже убраны в 1200 сообществ[27].

Для укрупнения масштабов хозяйствования крестьянские хозяйства объединяются в производственные группы. Это делается также и из-за отсутствия во многих крестьянских домах работников трудоспособного возраста. Это могут быть – группы коллективного выращивания сельскохозяйственных культур или разведения скота, которые создаются в рамках сельскохозяйственного кооператива или поселения, добровольные союзы, сельскохозяйственные компании, в том числе акционерные, совместные хозяйства, кооперативы, действующие в локальном обществе, во главе которых стоят наиболее крепкие хозяйства, некоммерческие организации. В 2013 г. число разного рода объединений достигло 14,6 тыс. единиц, а доля земли в их пользовании составила 6,7 % против 0,4 в 1980 г.[28]

Не менее актуальна сейчас и проблема **заброшенных или пустующих земель**. К этой категории относятся площади, которые собственники не обрабатывают свыше одного года и не намереваются использовать в будущем. Это особенно важно в стране, где обрабатываемая площадь, будучи изначально очень небольшой (максимально 16 % территории, в

---

[24] Хэйсэй 25 нэндо сёкурё ногё носон но доко (Отчет о положении с продовольствием, сельским хозяйством и деревней в 2013 фин. г.). Токио. 2014. С. 78.

[25] Хэйсэй 25 нэндо сёкурё.... доко... 2014. С. 13, 73.

[26] В Японии около 60 % рисовых чеков имеют размер примерно в 0,1 га (это – стандарт, введенный правительством в 1960–70-е годы) и только 8 % – 1 га и более.

[27] The Nikkei. 22.02.2013.

[28] Хэйсэй 25 нэндо сёкурё....доко. 2014. С. 79.

настоящее время лишь 12,4 %), постепенно продолжает сокращаться. Она отходит на промышленные нужды, строительство дорог, спортивных сооружений и пр. Сейчас земля выпадает из обработки во многом из-за старения населения, а также из-за проведения правительственной политики сокращения площадей под рисом. В настоящее время пустующие земли оценивают примерно в 400 тыс. га (в 1980 г. их было 123 тыс. га). Они не только зарастают сорняками, что негативно сказывается на соседних посевах, но и подвергаются набегам диких животных – оленей, обезьян и кабанов. Есть еще и незасеянные земли (по разным причинам), но если их собираются вновь использовать, они в статистику «заброшенных» не включаются.

Несколько более 30 % пустующих земель владеют товарные хозяйства, примерно 23 % принадлежит нетоварным и 46 % – хозяйствам, арендующим землю и не входящим в категорию крестьянского (фермерского) хозяйства[29] (по закону оно должно иметь более 0,1 га обрабатываемой земли и годовой доход от продажи сельскохозяйственной продукции в размере не менее, чем 150 тыс. иен**).**

Еще в июне 2005 г. Министерство сельского хозяйства приняло постановление, по которому местные органы власти получат право заставить владельцев, не использующих землю более года, либо начать производство, либо сдать ее в аренду, либо продать; в крайнем случае, власти сами смогут передать ее в аренду тем, кто наладит там сельскохозяйственное производство[30]. Но практически дело с места не сдвинулось.

Для достижения нужного результата современный План реформ предусматривает создание в префектурах региональных контролирующих структур. Они будут играть роль посредников: брать в аренду землю, улучшать инфраструктуру, если необходимо, и сдавать в аренду тем, кто сможет ее эффективно использовать[31]. Министерство сельского хозяйства выискивает средства для значительного увеличения (почти в два раза по сравнению с 2014 г.) финансирования этих органов.

Кроме того, для разрешения проблемы неиспользуемых обрабатываемых земель Министерство сельского хозяйства предлагает изменение системы их налогообложения. Как уже упоминалось, большинство заброшенных земель принадлежит лицам, которые не являются сельскохозяйственными производителями, и эти собственники, получив землю по наследству и, платя минимальные налоги, надеются продать ее за хорошую цену для проведения дорог или строительства торговых центров. В настоящее время обрабатываемая земля (поля) облагаются

---

[29] FY2013 Annual Report on Food Agriculture and Rural Areas. 2014. P. 14.
[30] Nikkei Weekly. 13.06.2005.
[31] Хэйсэй 25 нэндо сёкурё...доко.... 2014. С. 13.

налогом в расчете из 1,4 % их стоимости. Министерство предлагает поднять налог на пустующие земли до 2 или даже 3 тыс. иен за 1000 кв.м площади[32]. Но для многих фермерских семей наиболее прибыльным использованием сельскохозяйственных земель как раз является их продажа в качестве недвижимости. По словам Годо Ёсихиса, профессора университета Мэйдзи Гакуин, за 2000–2005 гг. фермеры, отдавая сельскохозяйственную землю под другие нужды, заработали 4,6 трлн. иен (44,4 млрд. долл.)[33]. Для сделок с землей необходимо получить согласие земельных комитетов, деятельность которых уже давно подвергается серьезной критике, и сейчас стоит вопрос об изменении связанного с ними законодательства.

По закону **земельные комитеты** должны заниматься сделками с землей и давать рекомендации руководителям префектур и местной администрации по земельным вопросам, в частности о возможности использования обрабатываемой земли не для сельскохозяйственных нужд. По заключении комитета чиновники местной администрации выносят свое решение. С 2009 г. комитетам вменили в обязанность проводить также обследование сельскохозяйственных земель. По правилам, их состав должен обновляться каждые три года, но обычно так не происходит (в префектуре Тиба, например, этого не было с 1996 г.). Комитеты имеются во всех муниципалитетах и располагаются в административных зданиях. Они состоят из 3–4 человек, которые, как правило, имеют одновременно и другую работу и не очень благосклонно относятся к тем, кто собирается заняться сельским хозяйством. Члены комитетов, избираемые местными фермерами, действуют весьма сплоченно, часто имеет место ротация одних и тех же людей. Как заявил директор НИИ глобальных исследований Ямасита Кадзухито, земельные комитеты не могут принимать объективные решения из-за близких отношений с участниками сделок: «когда земельные комитеты повернутся лицом к обществу и не будут обращать внимания на личные связи, то можно, пожалуй, будет назвать японское сельское хозяйство крепким»[34].

Приведем наглядный пример «эффективной» деятельности одного из комитетов. Руководитель сельскохозяйственной компании «Echigo Farm» для получения разрешения на покупку земли подал заявление в земельный комитет, где ему посоветовали обратиться в префектуру, откуда его послали в региональное отделение Министерства сельского хозяйства, которое его направило обратно в земельный комитет. В результате лишь через шесть месяцев комитет только собирался приступить к

---

[32] The Nikkei. 10.09.2014.
[33] The Nikkei. 14.02.2014.
[34] The Nikkei. 12.02.2014.

рассмотрению этого вопроса. В 2011 г. комитеты одобрили на 30 % меньше сделок с землей, чем это было пять лет назад[35].

Правительство полагает, что теперь более чем половина членов этих комитетов должна быть представлена основными хозяйствами, т. е. профессионально занимающимися сельским хозяйством и поэтому сумеют помочь сконцентрировать обрабатываемые площади у фермеров и организаций с высоким уровнем производительности труда[36]. Число таких основных хозяйств в 2013 г. было 325 тыс. Члены комитетов теперь будут отбираться мэрами городов, а в национальных специальных зонах – в городах Ябу (преф.Хёго, является центром проведения реформы в холмистых и гористых районах) или Ниигата (центр проведения реформы в районе крупных фермерских хозяйств) – вопросы, касающиеся перехода земли, будут рассматриваться не комитетами, а мэрами[37]. Этот акт должен быть рассмотрен на текущей сессии парламента в 2015 г.

Человеческий ресурс – серьезная болевая точка японского сельского хозяйства. Численность рабочей силы здесь постепенно сокращается. Число постоянно или главным образом занятых в своем хозяйстве (в возрасте 16 лет и старше) сократилось с 14,8 млн. человек в 1960 г. до 2,4 млн. человек в 2010 г. (данные общенациональных переписей, проходящих каждые пять лет). Серьезным фактором является быстрое старение населения. Если в среднем в 2013 г. лица старше 65 лет составляли среди крестьянского населения 36,1%, то среди работников в сельском хозяйстве они превысили 61%, а лица в возрасте до 50 лет здесь насчитывали только 10 %. Если в 1965 г. после окончания того или иного учебного заведения, в том числе и университета, оставались работать в сельском хозяйстве примерно 68 тыс. человек, то в 2012 г. – только 1,3 тыс. человек[38]. Так называемые новые фермеры (в том числе пришедшие в сельское хозяйство из других отраслей экономики) в 2013 г. составили 56 тыс. человек, в том числе в возрасте до 39 лет было 15 тыс. Вновь прибывшие насчитывали 3 тыс. человек, на 43 % больше, чем в предыдущем году, благодаря, в частности, грантам для молодежи[39]. Следует при этом иметь в виду, что примерно 30 % вновь занявшихся сельским хозяйством молодых людей в течение пяти лет расстаются с ним из-за недостаточных доходов или из-за достаточно тяжелой работы[40]. Ничего конкретного о том, как сделать сельское хозяйство привлекательной отраслью для молодежи, пока ничего в правительственных планах нет.

---

[35] The Nikkei. 14.02.2014.
[36] The Nikkei. 25.06.2014.
[37] Japanese Abenomics. PDF
[38] Хэйсэй 25 нэндо сёкурё.... доко санко токэйхё. 2014. С. 66, 67.
[39] Хэйсэй 25 нэндо сёкурё...доко.2014. С. 98; FY2013 Annual Report… 2014.
[40] The Japan Times. 28.06.2013.

Среди фермеров, занятых главным образом в сельском хозяйстве, в 2013 г. было 42 % женщин, которые играют ключевую роль в оживлении местного производства и в деле объединения производства сельскохозяйственной продукции и ее переработки. С ноября 2013 г. был запущен так называемый *Ногё-дзёси project* (проект сельских женщин) с целью создания новых продуктов и услуг. К концу года уже 93 женщины-фермеры и 10 компаний стали участниками этого проекта. Как сообщает официальный доклад Министерства сельского хозяйства, они вносят свою крестьянскую женскую мудрость в общество, организуя совместно с представителями несельскохозяйственных компаний производство продукции с добавленной стоимостью[41].

Определенные надежды на более эффективное использование сельскохозяйственных земель возлагаются на **внедрение в отрасль торговых и промышленных компаний,** которые вносят в аграрный сектор методы эффективного управления. Они имеют человеческие ресурсы, материалы, денежные средства и профессиональных управляющих. Это – неприбыльные организации, специальные компании с ограниченной ответственностью, акционерные компании.

На пресс-конференции после первого заседания Совета по продвижению структурных реформ (24 января 2013 г.) его глава Ока Мотоюки заявил, что для того, чтобы повысить конкурентоспособность сельского хозяйства, надо создать благоприятные условия для деятельности промышленных и торговых корпораций в аграрном секторе[42]. Этот вопрос ставится уже давно. Несельскохозяйственные фирмы (пищевые, торговые, производители сельскохозяйственной техники и пр.) постепенно внедряются в сельскохозяйственное производство[43]. Местные органы власти приветствуют их появление, ибо считают, что сельское хозяйство нуждается во «вливании свежей крови». В 2003 г. правительство выделило особые зоны «дерегулирования», где на арендованных у муниципалитетов землях (которые предварительно были куплены или арендованы у крестьянских хозяйств) они (а также некоммерческие организации) могли заняться сельскохозяйственным производством. Сейчас эта система начала действовать на всей территории страны.

Кроме того, несельскохозяйственные фирмы получили право становиться членами сельскохозяйственных компаний (с ограниченным числом акций). Но они хотят не арендовать, а покупать землю. В связи с этой проблемой в настоящее время весьма активно дискутируется во-

---

[41] FY2013. Annual… P. 16.

[42] The Nikkei. 27.01.2013.

[43] В большинстве своем они занимаются овощеводством и животноводством, процентов 17 – производством риса и пшеницы // The Nikkei.13.02.2013.

прос об изменении Закона о сельскохозяйственной земле с тем, чтобы им было разрешено ею владеть.

Еще в конце прошлого века много говорилось о реформировании сельского хозяйства, и в том числе об изменении закона о сельскохозяйственной земле, который ограничивал владение землей только фермерами. Однако против этого резко выступают сельскохозяйственные организации и парламентское аграрное лобби, заявляя, что в условиях неблагоприятной конъюнктуры фирмы могут начать использовать обрабатываемую землю не по назначению. Не были приняты и предложения экспертов разрешить несельскохозяйственным компаниям владеть землей на определенный срок (например, 30 лет) с условием использовать ее только на сельскохозяйственные нужды. Но правительство на это не пошло, лишь несколько смягчила соответствующее законодательство.

В 2009 г. поправки к закону о сельскохозяйственной земле увеличили сроки аренды земли акционерными фирмами с 20 до 50 лет, разрешили аренду любой земли, а не только предоставляемой муниципалитетами (которые, как правило, отдавали в аренду заброшенные участки или не очень удобно расположенные). Кроме того, ранее несельскохозяйственные компании могли иметь только до 25 % акций сельскохозяйственных компаний, даже если они покупали их продукцию, теперь же – свыше 50 % акций. Если же арендатор использует полученную землю не для занятия сельским хозяйством, он подвергается штрафу в размере до 100 млн. иен. После изменений, внесенных в закон в 2009 г., только за четыре года в сельское хозяйство внедрились заново 1392 фирмы (за семь предыдущих лет их набралось всего 436)[44]. Дальнейшие послабления требований к несельскохозяйственным компаниям для работы в аграрном секторе предполагается представить во время текущей сессии парламента в 2015 г.[45].

Не последнее место в череде необходимых правительственных мероприятий занимает **повышение доходов фермеров.** В целом размеры сельскохозяйственных доходов невелики. Лишь до середины 1970-х годов они были выше, чем у работников в обрабатывающей промышленности на предприятиях с числом занятых до 30 человек. В 2005–2012 гг. они были в 2,0–2,5 раза ниже[46].

Повышение доходов может быть достигнуто не только при увеличении размеров хозяйствования, но и при снижении себестоимости продукции, росте урожайности и продуктивности животноводства, при производстве продукции с добавленной стоимостью, повышении ее качества

---

[44] Хэйсэй 25 нэндо.....доко. 2014. С. 80.
[45] Japanese Abenomics.PDF
[46] Хэйсэй 25 нэндо....санко токэйхё. 2014. С. 110.

(например, при ведении так называемого органического сельского хозяйства), создании новых видов производств (например, по утилизации биомассы на местных преприятиях), увеличении экспорта, а также благодаря специальным выплатам наиболее эффективно работающим фермерам. В последние годы приоритетом правительства стало создание продукции с более высоким уровнем добавленной стоимостью. Считают, что это может быть достигнуто, если рассматривать сельское хозяйство в широком понимании этого слова: как объединение в единой цепи производства продукции, ее переработки и реализации[47].

В частности, именно несельскохозяйственные компании в аграрном секторе зачастую являются примером объединения производства, переработки продукции и ее продажи. Именно у них есть специалисты по всем перечисленным звеньям производственной цепи. Объединение этих функций могут осуществлять также отдельные фермеры или их объединения в лице, например сельскохозяйственных акционерных компаний или кооперативов. В Японии соединение трех секторов (первичного, вторичного и третичного) под одним управлением назвали шестой отраслью (шестой индустрией, *дайроку дзи сангёка*, по-английски – sixth, sextiery или sectic industry). Это понятие предложил почетный профессор Токийского Университета Имамура Нараоми, охарактеризовав соединение трех секторов как оптимальный путь для японского сельского хозяйства.

В марте 2011 г. правительство ДПЯ приняло закон о шестой отрасли, по которому занятые в сельском, лесном и рыбном хозяйстве могли получать субсидии или кредиты, если они начинали совмещать производство продукции с ее переработкой (обработкой) и продажей, а также и для строительства, например, перерабатывающих предприятий. Но, конечно, успех соединения нескольких секторов должен быть в большой степени связан с потребительскими предпочтениями.

Правительство ЛДП для расширения этой программы в феврале 2013 г. создало государственно-частный Инновационный Фонд для сельского, лесного и рыбного хозяйства – A-FIVE-J (инвестиционный период – 15 лет, государство вложило – 30 млрд. иен, девять частных фирм («Кагомэ», «Адзиномото», «Киккоман» и др.) – 1,8 млрд. иен). Этот фонд будет содействовать созданию субфондов в сотрудничестве с частными банками. Решение об участии в фонде высказали три японских мегабанка (финансовые группы «Мидзухо», «Мицубиси», «Сумитомо Мицуи»), ожидается, что они внесут примерно 50 млрд. иен[48].

---

[47] В производстве продовольствия стоимость первичного сектора составляет примерно 10 %, остальные 90 % приходятся на обрабатывающую промышленность и сферу услуг.

[48] The Nikkei. 26.08.2013.

Эти фонды совместно с частными компаниями должны содействовать фермерам в переработке продукции и последующей ее продаже непосредственно потребителю. В стратегии экономического роста Абэ Синдзо указывалось, что правительство стремится активизировать усилия по превращению сельского хозяйства в шестую отрасль и поднять объем продаж с 1 трлн. иен до 10 трлн.иен к 2020 г.[49].

Дополнительные доходы фермеры могут получать также и за счет организации кафе и ресторанов местной кухни, магазинов, гостиниц для «аграрных» туристов, или, предоставляя услуги тем, кто хочет познакомиться на месте, как проводятся сельскохозяйственные работы. В последнее время появилась и еще одна возможность увеличить доход фермерам – располагать над сельскохозяйственными посевами солнечные батареи для выработки энергии и одновременного увеличения скорости фотосинтеза, т. е. повышения урожайности, что было разрешено в конце марта 2013г.[50]. Использование пустующих земель для размещения солнечных батарей пока не разрешается, поскольку по закону о сельскохозяйственной земле она может быть использована только для сельского хозяйства.

Не менее важны и субсидии, которые выплачиваются для поддержки доходов фермеров, покрывая разницу между рыночной ценой на рис и устанавливаемой государством. Эту разницу получали и те, у кого основным занятием было не выращивание риса, а служба в какомнибудь офисе. Их доходы, конечно, увеличивались, но такая политика препятствовала переходу земли к экономически активным фермерам. В настоящее время предлагается осуществлять выплаты для поддержания доходов только тем хозяйствам, которые расширяют или интенсифицируют производство и представляют в муниципальные органы соответствующие планы[51].

В августе 2013 г. Министерство сельского хозяйства опубликовало стратегию, направленную на увеличение **экспорта продукции сельского**, лесного, рыбного хозяйства и продовольствия. В соответствии со стратегией экономического роста, к 2020 г. экспорт продукции аграрного сектора должен достигнуть 1 трлн. иен (11 млрд. долл.). При этом предполагается, что стоимость экспорта рыбной продукции вырастет в

---

[49] The Nikkei. 06.06.2013; 26.08.2013.

[50] Подробнее о фотовольтаических системах см.: Акимова В. В., Тихоцкая И. С. Новая энергетическая стратегия Японии и развитие солнечной энергетики//Япония.Ежегодник 2014. М., 2014.

[51] Система прямых выплат важна с точки зрения отношений Японии с другими странами, ибо она не является мерой, искажающей правила международной торговли, как это имеет место в случае поддержки цен. Эту систему ввела еще ДПЯ, но она тогда распространялась на абсолютно все хозяйства.

2 раза, в том числе переработанной – в 3,8 раза, риса и рисопродуктов – в 4,6, лесной продукции – в 2 раза, цветов – в 1,9, овощей и фруктов – в 3.1 раза, говядины – 5 раз, чая – в 3 раза[52].

Стратегия развития экспорта носит краткое название FBI*сэнряку* (стратегия FBI). В этом названии заключена суть многостороннего подхода к развитию экспорта продукции этих отраслей: буква F расшифровывается как продукция из (from) Японии (имеется в виду, например, японская кухня, которая является составной частью кухней стран мира); буква B (by) – как продукция, сделанная Японией (речь идет о культуре еды и производства продовольствия); буква I (in) – как продукция, сделанная в Японии (подразумевается экспорт продовольствия)[53].

По данным Kyodo, в правительстве подготовлен проект, по которому экспорт продукции сельского и рыбного хозяйства должен вырасти к 2030 г. в 10 раз, до 5 трлн. иен. В проекте предусмотрено улучшение качества животноводческой и молочной продукции благодаря использованию отечественных кормов, а также экспорт продукции разных префектур под единой маркой «Японский бренд», чтобы избежать внутренней конкуренции[54]. Некоторые префектуры (11 из 47) уже заинтересовались зарубежными рынками. Это, в частности, префектура Фукуока, которая может довести стоимость экспорта клубники сорта «Амаоу» вдвое, до 2 млрд. иен, или Ниигата, которая предполагает получить до 400 млн. иен (в три раза больше, чем сейчас) к 2016 г., продавая рис сорта *косихикари* (который наиболее популярен в самой Японии) и другие местные продукты[55].

Активизация экспорта сельскохозяйственной продукции началась еще в конце прошлого века, он стал одним из направлений новой «агрессивной» аграрной политики в условиях заключения соглашений о свободной торговле. Несмотря на дороговизну[56], японская продукция

---

[52] Хэйсэй 25 нэндо сёкурё ..доко....2014. С. 111.

[53] В тексте на японском языке составные части этого интегрального показателя FBI пишутся по-английски: made from Japan, made by Japan, made in Japan//Хэйсэй 25 нэндо сёкурё... доко.2014. С. 111. По поводу возможностей экспорта продовольствия, произведенного в Японии из импортного сырья, очень доходчиво объяснил в статье «Может ли японское сельское хозяйство выжить в условиях либерализации?» профессор Школы политических и экономических наук университета Васэда Харада Ютака. В ней автор ссылается на соответствующий удачный опыт Нидерландов и Бельгии // www.tokyofoundation.org/en/articles/2011/farming-survive-liberalization

[54] Kyodo News. 14.06.2014.

[55] The Nikkei. 25.09.2013.

[56] На Тайване, например, японские яблоки стоят на 30–40 % дороже, чем такие же из США // FY 2007 Annual Report…. P. 41; в Китае японский рис торговая фирма «COFCO» продает по 74 юаней (12 долл) за кг, а китайский – за 7,5 юаней//The Japan Times. 26.01.15; цены на рис «Косихикари» в Гонконге: выращенный в Китае – 150 иен за 1 кг, в Калифорнии – 240

пользуется спросом среди зажиточных слоев населения ряда стран, в том числе азиатских, не говоря уже о Европе и странах Северной Америки. В 2003 г. JETRO создала комитет по организации рынков для японских продовольственных товаров для продвижения их в страны Азии.

В 2007 г. была принята «Всеобщая стратегия экспорта продукции сельского, лесного и рыбного хозяйства и продовольствия». Она предусматривала ускорение переговоров по вопросу о карантине в связи с экспортными рынками, разработку дорожных карт в отношении продукции, пригодной для экспорта, поддержку активных производителей и экспортеров и распространение информации за рубежом о японской еде.

За 2007–2010 гг. стоимость экспорта держалась на уровне 500 млрд. иен, в том числе рыбная продукция составила 30, 2 %, лесная – 2,8, сельскохозяйственная – 57 % (переработанная – 27,4 животноводческая – 6,9 зерновая – 4,1, овощи и фрукты – 3,6 %)[57]. Но трагедия 11 марта 2011 г. значительно замедлила осуществление планов продовольственных экспортеров. По официальным данным, экспорт продукции сельского хозяйства и морепродуктов с апреля по ноябрь 2011 г. сократился на 15%. Это произошло, в том числе и потому, что импортеры наложили ограничения на ввоз продовольствия из Японии из-за боязни радиоактивного загрязнения. Китай – главный импортер этой продукции снизил свои закупки наполовину. На конец марта 2012 г., 27 стран продолжали ограничивать импорт продовольствия из Японии[58]. Эти ограничения со стороны многих стран (США, членов Европейского союза и Китая), в частности из префектуры Фукусима, сохранялись и в 2014 г.[59].

В 2013 г. экспорт вышеназванной продукции составил 550,5 млрд. иен, на 22 % больше, чем в 2012 г. Это – самая большая цифра за время с 1955г., когда впервые начали подсчитывать этот показатель. Как и раньше, основное направление экспорта – страны Азии (72,6%), том числе в Гонконг – 31,2 %, Тайвань – 18.4%, Китай и Южную Корею соответственно 12,7 и 9,3%. На долю Северной Америки пришлось 16,3 %, Европы – 6,3 %[60]. Японской продукцией заинтересовались и мусульманские страны Среднего Востока и Азии. В связи с этим японцы планируют увеличить там свои поставки, одновременно субсидируя строительство необходимого для этого оборудования[61].

иен, в Японии – 380 иен; цена на японскую говядину составляет 1366 иен за кг против средней мировой в 504 иен за кг//the Nikkei.08.05.2014.

[57] Сёкурё..... 2014. С. 110.

[58] The Nikkei. 24.03.2012.

[59] The Nikkei. 07.08.2014.

[60] Подсчитано по Хэйсэй 25 нэндо.....санко токэйхё. 2014. С. 41.

[61] Правительство полагает, что экспорт говядины может достигнуть 25 млрд. иен к 2020г. благодаря как раз поставкам в такие страны как Индонезия, Малайзия и Саудовская Аравия // The Japan Times. 31.10.2013.

Основная болевая точка японского продовольственного экспорта – дороговизна продукции. Это связано, прежде всего, с высокими издержками производства, но также и с большими расстояниями и высокой стоимостью перевозок (в связи с этим японцы собираются построить в Гонконге центр логистики). Для сокращения транспортных издержек японские сельскохозяйственные фирмы начали кооперироваться с европейскими и азиатскими компаниями с целью выращивания риса «японика» на их территории[62].

Кроме того, японские фермеры, по мнению директора-управляющего японской группы по применению «хорошей сельскохозяйственной практики» (GAP)[63] Такэда Ясуаки, еще не готовы изменить технологию производства, которая отвечала бы стандартам торговых партнеров за границей. В настоящее время более 120 тыс. ферм в 111 странах имеют сертификаты GAP европейского стандарта. В Японии же только 120 ферм имеют подобный сертификат, число же фермеров, имеющих японский стандарт GAP, насчитывается около 2 тыс.[64]. Дело в том, что японские фермеры всегда ориентировались только на своего потребителя, который отдавал предпочтение отечественной продукции, а глобальный рынок их не интересовал. Теперь же наиболее продвинутые фермеры стремятся получить сертификат GAP.

До последнего времени японская говядина (мраморная, японской черной породы) вывозилась главным образом в Восточную Азию (в том числе в Гонконг) и США (в 2013 г. стоимость ее экспорта составила 5,8 млрд. иен (56,5 млн долл). Теперь же для экспорта в Европу в двух префектурах – Гумма и Кагосима – уже установлено оборудование для обработки мяса, отвечающее санитарным требованиям европейских импортеров[65]. Но проблема снижения цены на это высококачественное мясо остается. Как и остаются вопросы снятия ряда различных других ограничений на экспорт японской продукции со стороны торговых партнеров Японии за границей, т. е. те вопросы, которые урегулировать должно, прежде всего, правительство.

---

[62] Например, фирма «Тамаки» (Ниигата) заключила соглашение с французской компанией для производства риса на ее участках в Испании; фирма «Синсэнгуми» кооперируется с тайской компанией по производству пива для выращивания риса на севере Таиланда//The Nikkei.25.02.2013.

[63] «Хорошая сельскохозяйственная практика» (Good Agricultural Practice, GAP, *ногё сэйсан котэй канри*) представляет собой технологию производства и переработки продукции, когда на всех этапах процесса осуществляется контроль и внесятся необходимые исправления. Все эти действия фиксируются в письменном виде в соответствии с образцом, предусмотренным законом.

[64] The Nikkei. 07.08.2014.

[65] The Nikkei. 08.05.2014.

Для пропаганды своей продукции японские компании и общественные организации участвуют в сельскохозяйственных ярмарках и различных выставках, открывают магазины, демонстрируют мастер-классы японской кухни. Широко рекламируются японская кухня и японские продовольственные товары в специализированных телепередачах, выпусках манга, в анимационных телесериях. Популяризация японской кухни, японской культуры еды, пропаганда ее позитивных сторон является одной из программ японской «культурной дипломатии», «мягкой силы», направленной на улучшение имиджа этой страны в мире. Можно предположить, что признание в 2013 г. ЮНЕСКО традиционной японской кухни *васёку* частью мирового «Нематериального культурного наследия» послужит дополнительной пропагандой для увеличения японского экспорта продовольствия.

Не менее важной задачей сегодняшней аграрной политики является реформирование **сельскохозяйственной кооперации (**ее бренд – JA**)**. Премьер-министр Японии Абэ Синдзо объявил, что предстоящая реформа сельскохозяйственной кооперации – первая фундаментальная за 60 лет[66]. Поправки к соответствующему закону должны быть представлены в парламент в 2015 г. Необходимость реформирования обусловлена двумя главными причинами. Первая связана с тем, что система сельскохозяйственной кооперации, сыгравшая очень большую роль в становлении современного сельского хозяйства в первые послевоенные десятилетия, в настоящее время перестала удовлетворять многих эффективно работающих фермеров. Вторая вызвана недовольством правительства деятельностью руководящих органов сельскохозяйственной кооперации – Центрального совета сельскохозяйственных кооперативов (*Дзэнкоку ногёкёдокумиай тюокай,* сокращенно *Дзэнтю*) и главной экономической организации – Всеяпонской федерации сельскохозяйственных кооперативов (*Дзэнкоку ногёкёдокумиай рэнгокай, Дзэнно*).

Со стороны фермеров особенное неудовлетворение вызывает работа кооперативов по снабжению их средствами сельскохозяйственного производства и сбыту их продукции. В идеале благодаря коллективным закупкам, в частности средств сельскохозяйственного производства, кооперативы должны были бы бороться за снижение цен на них, но из-за комиссионных им самим было выгодно, чтобы эти цены были высокими. Комиссия по справедливым сделкам не раз отмечала неконкурентное поведение кооперативов, которые, например, отказываются продать семена своим членам или предоставить им кредит, если те не покупают у кооперативов товары производственного назначения, например, удобрения[67]. Даже высокие цены на рис, которые получают

[66] The Japan Times. 27.01.2014.
[67] The Japan Times. 10.09.2014.

при его продаже фермеры, далеко не всегда удовлетворяют их, так как кооператив при продаже смешивает рис разных фермеров, и выращивающие продукт высокого качества теряют на этом. Кооператив же все равно получает свои комиссионные. А интересы профессионально работающих в сельском хозяйстве перспективных фермеров далеко не всегда учитываются в кооперативе.

Не в меньшей степени нуждается в реформе и финансовая деятельность кооперативов, на которой в основном и сосредоточено внимание сельскохозяйственной кооперации, поскольку именно она приносит прибыль. Но при этом именно она, в той же степени, как и другие виды деятельности кооперативов, нуждается в контроле и серьезных изменениях в управлении. Достаточно упомянуть, что в феврале 2014 г. Центральный сельскохозяйственный банк[68] (*Норин тюо кинко*) выявил 861 случай присвоения денежных средств служащими банка. Ущерб оценивался в 18,7 млрд. иен[69].

Недовольство кооперативами со стороны рядовых членов фиксировалось и в официальном издании Министерства сельского хозяйства: «В частности, ... члены этих организаций все чаще говорят о том, что они “получают мало выгод от услуг сельскохозяйственных кооперативов”»[70].

В связи с этим вряд ли можно удивляться, что некоторые крупные хозяйства предпочитают не зависеть от кооператива, хотят изменить существующее положение, ищут другие возможности для приобретения товаров по более низкой цене, чем предлагает кооператив, организуют собственную сбытовую сеть, проявляют изобретательность, чтобы найти себе нишу в новых рыночных условиях[71]. И некоторые весьма преуспевают, что свидетельствует о потенциальных возможностях этих организаций в будущем. В результате к 2012 г. через сельскохозяйственные кооперативы проходило менее половины продаваемой фермерами продукции[72].

Среди негативных сторон сельскохозяйственной кооперации надо отметить также высокий уровень управленческих расходов, недостаток квалифицированных кадров. Большинство руководящих деятелей этих

---

[68] Один из крупнейших банков страны.

[69] The Japan Times. 25.04.2014.

[70] FY2003 Annual Report on Food Agriculture and Rural Areas....P.12.

[71] Приведем пример молочного кооператива в г.Хаманака на севере Хоккайдо, который начал покупать корма не у кооператива, а у торговых домов, что оказалось дешевле. Кооператив приглашает на работу желающих, предоставляет программу обучения и оказывает (за плату) финансовую и технологическую помощь, чтобы если они хотят, то смогли бы начать работать на земле выходящих на пенсию фермеров. Земля здесь не пустует, на листе ожидания стоят пять пар. Производство молока в этом кооперативе с 1983 г. выросло на 25 % // The Japan Times. 04.02.2015.

[72] The Nikkei. 19.08.2014.

организаций находится на своих постах в течение многих лет, занимая одновременно, в том числе и в вышестоящих организациях, несколько постов, т. е. в стране сформировалась своего рода кооперативная бюрократия, заинтересованная в этих организациях, прежде всего, как в источнике своих доходов, а не в том, чтобы они приносили пользу их членам. Нередко эти деятели работают по совместительству на постах деревенских старост, мэров малых городов, членов городских и сельских собраний и пр., и кооперативы теперь в большей степени оказывают услуги всему сельскому населению и несельскохозяйственному бизнесу, а не фермерам. Привыкнув к своему монопольному положению на рынке сельскохозяйственной продукции и вообще в деревне, кооперативы не хотели ничего менять и не сумели ответить на вызовы нового времени, когда аграрный сектор оброс еще множеством дополнительных проблем в 1990-е годы.

В течение многих десятилетий связка между ЛДП и сельскохозяйственными кооперативами была весьма тесной. И производителей и кооперативы устраивали высокие цены на сельскохозяйственную продукцию, которые устанавливало государство. Они покрывали издержки производства и давали возможность существовать даже самым мелким хозяйствам, так называемым хозяйствам-совместителям[73], которые составляют примерно 2/3 всех хозяйств. А кооперативы получали хорошие комиссионные, размеры которых были непосредственно связаны с уровнем цен. Поэтому они в лице своих руководящих органов активно поддерживали аграрную политику правительства, лоббируя ее в парламенте. Правительство, со своей стороны, было заинтересовано в деятельности кооперации по организации электората ЛДП (деревня постоянно голосовала за консервативную партию, которая проводила протекционистскую аграрную политику). В результате такой политики консервировалась аграрная структура, задерживалась дифференциация хозяйств, замедлялось развитие крупных рентабельных ферм, которые могли бы повысить эффективность производства и уровень конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на мировом рынке.

Такое состояние аграрного сектора в условиях глобальной кампании по заключению соглашений о свободной торговле вынуждало правительство начать действовать более активно по поддержке только эффективных хозяйств.

В начале нового века был принят ряд поправок к закону о сельскохозяйственной кооперации и о Центральном сельскохозяйственном банке. Они были направлены на активизацию внедрения в жизнь по-

[73] Так называются хозяйства, получающие свои доходы либо главным образом, либо частично за счет работы в других отраслях экономики.

ложений Основного сельскохозяйственного закона 1999 г., в частности, по поддержке крупных фермеров и сельскохозяйственных юридических лиц для повышения эффективности сельскохозяйственного производства[74]. Кооперативные же органы продолжали требовать поддержки всех слоев крестьянства и активно выступать против проведения структурных реформ, соглашений о свободной торговле и т. п. И сегодня их интересы уже резко столкнулись с целями правительства. Не без оснований, видимо, С. Абэ заявил, что «не допустит, чтобы *Дзэнтю* сохранился в прежнем виде[75].

Противостояние с руководящими органами сельскохозяйственной кооперации началось еще с 1993 г., когда Япония дала согласие на частичную либерализацию торговли рисом во время уругвайского раунда переговоров в рамках ГАТТ-ВТО. Определенную роль сыграла и новая избирательная система (1996 г.), при которой кооперативы уже не всегда могут провести своего кандидата. Таким образом, Центральный совет сельскохозяйственных кооперативов постепенно теряет свою привлекательность для правительства и с точки зрения обеспечения электората ЛДП. Тем более, что постоянно сокращается и численность сельского населения. А сегодняшняя кампания руководства сельскохозяйственной кооперации против желания правительства вступить в ТТП (выступления в парламенте, организация протестной петиции за подписью 11 млн. человек и пр.) воспринимается им особенно остро, поскольку, по словам Абэ Синдзо, вступление в ТТП «остается главным столпом моей экономической политики, и мы продвинемся вперед с помощью соглашения об экономическом партнерстве между Японией и Европейским союзом[76].

Таким образом, бюрократическая вертикаль системы сельскохозяйственных кооперативов в настоящее время уже перестала удовлетворять не только первичные кооперативы и их рядовых членов, но и правительство[77]. Рабочая группа по подготовке новой стратегии экономического роста даже предлагала вообще ликвидировать Всеяпонский совет сельскохозяйственных кооперативов, но в связи с агрессивным настроем со стороны этой организации, от этой идеи пришлось отказаться. Встал вопрос лишь об ее реорганизации, чтобы ее деятельность не препятствовала либерализации аграрного сектора. Теперь ей предлагают в течение пяти лет добровольно трансформироваться в новую систему,

---

[74] См. статьи 9 и 28 этого закона.

[75] The Japan Times. 27.01.2014.

[76] Цитируется по: Япония наших дней. № 1 (19). 2014. С. 7.

[77] Подробнее о деятельности сельскохозяйственной кооперации Японии см.: Маркарьян С. Б. Япония: проблемы и перспективы сельскохозяйственной кооперации // Восток как предмет экономических исследований. Очерки, статьи, разработки. М., 2008.

при которой первичные кооперативы смогут действовать по своему усмотрению[78]. К концу 2018 г. *Дзэнтю* потеряет свой особый статус в соответствии с законом о сельскохозяйственной кооперации, и станет лишь обычной ассоциацией. Контроль же над первичными кооперативами перейдет либо к региональным кооперативным организациям, либо к новому контрольному учреждению.

Ослабление политической, лоббистской роли *Дзэнтю*, чтобы он не мешал проводить аграрную реформу и не протестовал против вступления Японии в ТПП – вот основная цель правительства Абэ.

Претензии к *Дзэнно* связаны, прежде всего, с ценами на товары производственного назначения. Но, кроме того, ее деятели были уличены в ряде неблаговидных поступках: они в течение нескольких лет продавали продукцию с фальшивыми этикетками**.** В результате федерация потеряла доверие не только своих членов, но и всего населения. В 2005 г. Министерство сельского хозяйства приняло решение о прекращении выдачи субсидий для сбытовой деятельности *Дзэнно*, предписав передачу необходимых средств непосредственно фермерам через местные органы власти[79]. В соответствии с проектом об изменениях закона о сельскохозяйственной кооперации эта экономическая организация станет акционерной компанией.

Новые положения закона о сельскохозяйственной кооперации были одобрены премьер-министром в апреле 2015 г. Они должны быть представлены в парламент в текущем году[80]. Уже выбран новый президент *Дзэнтю* – Окуно Тёэ, бывший председатель совета сельскохозяйственных кооперативов в префектуре Миэ[81].

Но, конечно, вряд ли можно считать, что изменение статуса этой организации кардинально поменяет положение в первичных кооперативах, которые вдруг станут по-настоящему независимыми и эффективными, ибо создание крепких эффективных хозяйств, могущих выстоять в условиях либерализации, зависит и от многих других факторов.

И, наконец, в официальном документе Министерства сельского хозяйства подчеркивается, что для создания крепкого «агрессивного» сельского хозяйства необходимо углубление **научных исследований** в области повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, создание и внедрение трудо- и энергосберегающих технологий, в том числе использование информационных и коммуникационных технологий, а также проведение комплексных исследований не только в области сельского хозяйства, но и междис-

[78] См.: The Japan Times. 27.01.2014.
[79] Нихон кэйдзай симбун. 11.05.2005; Ногё то кэйдзай. 2006, №10.Спец.вып.. С.143.
[80] The Nikkei. 03.04.2015.
[81] The Japan Times. 03.07.2015.

циплинарных областей – медицинских[82], фармацевтических, инженерных, и продвижение исследовательских проектов, где междисциплинарная кооперация может быть наиболее эффективной[83].

Правительство прилагает усилия для укрепления базы исследований, в частности, речь идет об увеличении генетических ресурсов. С этой целью Министерство сельского хозяйства планирует заключить соглашение о проведении совместных исследований с пятью странами, включая Мьянму, Вьетнам и Лаос (где тоже выращивают рис) с целью выявить бóльшее число генетических ресурсов, которые могут произрастать в Японии. В июне 2013 г. Япония ратифицировала Международный договор по вопросу о генетических ресурсах для продовольствия и сельского хозяйства с целью их сохранения и эффективного использования. Договор включает не только обмен информацией, но и торговлю ресурсами. В Национальном институте агробиологических наук (Цукуба) сейчас есть примерно 220 тыс. специфических генетических ресурсов, среди которых 70 % были собраны за границей. Институт надеется, в частности, создать новую линию риса, который может произрастать даже при более теплой погоде[84].

Вместо заключения

Проблемы повышения эффективности сельского хозяйства уже в течение ряда лет широко обсуждаются представителями экономических и финансовых кругов, учеными, специализирующимися на изучении общеэкономических и аграрных проблем, ответственными чиновниками, работающими в этих сферах. В планы реформирования, предлагаемые правительством, вошли многие (но далеко не все!) их предложения, помещенные в научных журналах, озвученные на различных форумах или появившиеся на газетных страницах[85]. Вопрос в том, как все эти планы будут отражены в поправках к законам и правительственных

---

[82] Например, Министерству сельского хозяйства в 2013 г. было выделено 2 млрд. иен на осуществление трехгодичного проекта по созданию новых сортов риса, соя-бобов, ячменя, лука и гречихи с бóльшим количеством полезных ингредиентов, чем обычно. Эта новая продукция рассчитана на население старших возрастов. В администрации премьер-министра ее потенциальный рынок оценивается в размере 600 млрд. иен. В частности, уже ведутся работы над созданием новой линии соя-бобов с высоким содержанием бэта-конглицина, что снижает количество свободных жирных кислот в печени и соответственно риск сердечно-сосудистых заболеваний и диабета // The Japan Times. 25.10.2013.

[83] FY2013 Annual…….2014..

[84] The Nikkei Business Daily. 29.10.2013.

[85] Мнения экспертов автор не раз приводил в своих статьях и разделах в коллективных монографиях. См., например, Сельское хозяйство в условиях протекционистской политики ЛДП // Япония: полвека правления либерал-демократов. М. 2010; Проблемы аграрного сектора в контексте соглашений о свободной торговле//Япония в Азии: параметры сотрудничества. М. 2013.

постановлениях, а также, что не менее важно, как они будут претворяться в жизнь.

Одно можно сказать: сделать это будет очень сложно. Сложно, прежде всего, потому, что весьма серьезные преобразования надо провести в течение строго определенного срока. Сложно потому, что ряд факторов, связанных с эффективным развитием аграрного сектора, в том числе объективных, не позволят сельскохозяйственному производству в Японии стать столь же эффективным, как, например, в США или Австралии. Достаточно упомянуть, что обрабатываемая площадь здесь лишь несколько превышает 4,5 млн. га[86] и только примерно ее пятая часть располагается на равнине. Остальной ландшафт – террасированные поля, примерно треть которых находится на достаточно крутых склонах. Сложно и потому, что размеры фермерских хозяйств незначительны. До сих пор у подавляющего большинства они не превышают 3 га, т. е. тот лимит, который был определен законом в конце 1940-х годов. За полвека средний размер хозяйства вырос вдвое, сможет ли за предстоящие 10 лет он увеличиться в несколько раз, до 10–15 га? А это необходимо, например, в рисоводстве, ибо только при таких размерах можно снизить издержки производства в этой области[87].

Трудно, но все-таки возможно, если иметь в виду повышение урожайности и продуктивности, улучшение вкусовых и питательных свойств продукции, ее внешнего вида, чего вполне может добиться Япония с различными климатическими и почвенными условиями, с хорошо поставленной сельскохозяйственной наукой и отлаженным механизмом внедрения научных результатов в сельскохозяйственную практику. Да и сейчас, как уже говорилось, японская продукция ценится именно за свое качество. Кроме того, справедливости ради надо отметить, что цена на отечественный рис, например, уже сейчас постепенно снижается[88], а после прекращения политики сокращения его производства и специального субсидирования (как это предполагается правительством), она будет еще ниже, тем более, что производство будет расти, а внутреннее потреб-

---

[86] Размер обрабатываемой площади за 1960–2013 гг. уменьшился с 6071 тыС. га до 4537 тыс га, а процент использования земель (с учетом вторых и третьих урожаев) – с 133,9 до 91,4 % // Хэйсэй 25 нэндо.....токэйхё. С. 99.

[87] По подсчетам Министерства сельского хозяйства, в 2012 г. цена производства риса в хозяйствах, имеющих под рисом 10–15 га, была примерно в 1,9–2,1 раза ниже, чем в хозяйствах с площадью 0,5га и 0,5 – 1 га; а в хозяйствах с площадью в 15 га и более – в 2,2–2,4 раза ниже//подсчитано по: Хэйсэй 25 нэндо .....доко. С. 125.

[88] Но разница между внутренними и импортными ценами все еще большая: цена производства риса в 1999 г. в Японии составляла 314 иен за кг, , импортный рис из США стоил 81 иену за кг, из КНР – 62 иены, в 2008 г. эти цифры составляли соответственно 282 иены за кг, 167 и 163 иены за кг. Снижение цен происходило и в последующие годы, в частности по сравнению с ценами на китайский рис, главным образом за счет более высокого качества японской продукции.

ление в стране постоянно сокращается. Поскольку качество японского риса на мировом рынке ценится высоко, производители за счет экспорта смогут пополнить свои доходы (в Гонконге, например, цена на рис сорта *Косихикари*, произведенный в Японии, на 60 % выше, чем выращенный в Калифорнии, и в 2,5 раза выше, чем произведенный в Китае). По мнению Ямасита Кадзухито, лишь 1 % глобального рынка риса сможет конкурировать с 8 млн. т риса, выращенного в Японии[89]. Поэтому спрос на него, особенно когда снизятся цены, на рынке, безусловно, будет.

Сложно, потому что, по данным переписи 2010 г., из 2528 тыс. фермеров только 1631 тыс. являются товарными, и только в 451 тыс. хозяйств (27,7 %) члены семьи постоянно работают в сельском хозяйстве, и из них лишь 184 тыс. имеют работника трудоспособного возраста, а члены 268 тыс. домохозяйств – все весьма пожилого возраста; остальные товарные хозяйства состоят из 13,8 % хозяйств-совместителей первой категории (получающих свой основной доход от сельского хозяйства) и 58 % – второй категории (имеющих основной доход от работы вне сельского хозяйства)[90]. Члены почти 900 тыс. нетоварных хозяйств – пенсионеры, которые производят рис или овощи только для себя и своих родных. То же касается практически и 268 тыс. хозяйств, где только старики постоянно заняты на сельскохозяйственных работах. Для них это скорее дополнительный доход и возможность улучшения питания, а не бизнес. Хозяйства же совместители в большинстве своем занимаются сельским хозяйством вечерами и в нерабочие дни. Они, пользуясь высокими ценами на свою продукцию, получают дополнительные доходы, но не имеют сил, а чаще всего и желания модернизировать свое хозяйство. Более того, за неимением времени они применяют в большом количестве химию, что, безусловно, сказывается на качестве их продукции[91]. Таким образом, около 70 % всех товарных хозяйств, имея статус фермерского хозяйства, получают субсидии и платят низкие налоги на сельскохозяйственную землю, но самой сельскохозяйственной индустрии пользы приносят мало.

Сложно еще и потому, что в Японии исторически сложилось так, что обрабатываемая земля в хозяйстве состоит из нескольких, а зачастую и многих (до 60 и более) участков, которые нередко находятся друг от друга на большом расстоянии и, к тому же, их форма бывает весьма

---

[89] www.japanpolicyforum.jp/en/archives/economy/pt20140204184909.html

[90] Данные общенациональной сельскохозяйственной переписи, проводимой каждые пять лет // Хэйсэй 25 нэндо сёкурё.....токэйхё//maff.go.jp

[91] Например, согласно официальной статистике, только 20 % фермеров, выращивающих рис на площади менее 1 га, соблюдают дружественные к окружающей среде технологии, в то время как так поступает более половины хозяйств, имеющих под рисом 10 и более га//www.japanpolicyforum.jp/archives/economy/pt20140204184909.html

причудливой[92]. Из-за этого даже в крупном по размеру земельной площади хозяйстве сложно эффективно использовать современную технику. Поэтому очень важно, чтобы укрупнение размеров хозяйств проводилось не путем обмена прав на землю между собственниками (что ранее иногда имело место), когда в неизменном виде остаются очертания границ участков, а на основе соединения разрозненных полей в единое пространство, чтобы можно было эффективно провести работы по улучшению земель, изменить формы и размеры отдельных участков. Но в правительственных предложениях об этой проблеме ничего не говорится.

Сложно и потому, что те хозяйства, которые смогут увеличить свои размеры, могут столкнуться с недостатком молодой активной рабочей силы.

Сложно из-за того, что производственной инфраструктуре требуется серьезная реконструкция. На 2012 г. примерно 17 % ирригационного оборудования превысило стандартный период возможности эксплуатации. С добавлением тех объектов, чей срок службы заканчивается в следующем десятилетии, этот процент уже поднимется до 31 %[93]. Неисправность водного оборудования – резервуаров, ирригационных каналов, дренажных насосов и пр. затрудняет соблюдение необходимой технологии производства, что мало способствует росту производительности труда и снижению себестоимости продукции. Кроме того, поврежденные трубы водоснабжения вызывают подмыв грунта, приводят к появлению провалов и препятствуют выполнению сельским хозяйством его глобальных функций.

Сложно и потому, что увеличение числа акторов сельскохозяйственного производства, в том числе за счет привлечения торговых и промышленных компаний в эту отрасль, также сталкивается с большими трудностями. Ведь земли мелких хозяйств не собраны в крупные участки, они разбросаны по стране, они различны по своим продуктивным качествам[94]. Как и насколько создаваемые новые структуры (земельные банки) сумеют эти земли интегрировать, пока неясно. Кроме того, индустриальные фирмы предпочитают работать стабильно, и для этого считают необходимым не арендовать землю (ибо всегда имеется риск не продлить аренду, особенно на хорошую землю), на которой они работают,

---

[92] Приведем конкретный пример сертифицированного рисоводческого хозяйства (имеющего заверенный муниципалитетом сертификат о плане расширения хозяйства) в префектуре Т, городе Н: площадь – 16 га, число участков – 70, средний размер одного участка – 0,23 га, до самого дальнего участка – 5 км (Хэйсэй 25 нэндо....доко. 2014. С. 73).

[93] FY2013 Annual….2014. P. 17.

[94] В маленьком городке в префектуре Мияги многие старики, имеющие участки в 0, 1 га, жалуются, что такие клочки никто не хочет арендовать//The Nikkei.22.02.2013.

а иметь ее в собственности. Но таких радикальных предложений в планах правительства пока нет.

Сложно и потому, что повышение доходов за счет увеличения стоимости производимого продукта путем его переработки, продажи, открытия ресторанов и пр. сталкивается с отсутствием квалифицированных для этого кадров. Этим занимаются главным образом сельскохозяйственные юридические лица – кооперативы и различные компании. Хотя этот процесс развивается достаточно медленно, но перспектива для «шестой» отрасли, безусловно, есть, ибо население с каждым годом постепенно отходит от традиции семейной трапезы дома, все в большей степени посещает кафе и рестораны и все чаще покупает полуфабрикаты и готовую продукцию, особенно это относится к семьям, состоящих из одного или двух человек, а их численность постепенно растет.

Сложно потому, что любая радикальная реформа связана с социальными проблемами. Опросы показывают, что постепенно все большее число японцев одобряет снижение пошлин на вышеназванные значимые виды сельскохозяйственной продукции[95]. И это – естественно, ибо потребители продовольствия могут только приветствовать снижение цен на него, к чему приведет вступление в ТТП, а это – подавляющее число жителей страны. В то же время в парламенте не только аграрное лобби противостоит решению премьер-министра вступить в ТТП, отрицательно высказываются даже члены его партии, не говоря о демократах. За три года нахождения у власти представители Демократической партии Японии так и не осмелились принять решение об участии в переговорах в рамках ТТП.

Абэ Синдзо решился на этот шаг и уверенно говорит о необходимости подписать это партнерское соглашение. ТТП – это конечно, удобный предлог, чтобы, сославшись на давление извне (*гайацу*), провести очень нежелательные для многих, но крайне необходимые преобразования. Но 2,5 семей фермеров тоже нельзя сбрасывать со счетов, ибо они производят самый необходимый для человека продукт. Кроме того, хотя большинство мелких хозяйств получает основной доход от работы вне сельского хозяйства, и они не станут в одночасье нищими, расставание с землей в любом случае будет серьезной психологической нагрузкой. Учитывая все это, правительство вынуждено маневрировать, принимая во внимание, в частности и предстоящие избирательные кампании, в том числе локальные, чтобы по мере возможности не по-

[95] Во время опроса о присоединении к переговорам по ТТП, проведенного “Kyodo News” в 2010 г., за присоединение к ним высказались 46,6 % респондентов, против – 38,6 % // New York Times. 11.11.2010; Согласно опросу, проведенному «The Nikkei» в конце 2013 г., 52 % поддержали снижение и даже ликвидацию внешнеторговых пошлин на ключевые сельскохозяйственные продукты, и только 29 % были против//The Nikkei. 28.10.2013.

терять голоса избирателей. А ведущие в настоящее время переговоры в рамках ТТП японские чиновники пока что делают все возможное, чтобы отстоять право на сохранение пошлин в том или иной виде.

Нельзя также забывать так называемую многофункциональную роль сельского хозяйства, которую оно играет, в частности благодаря технологии выращивания риса, что благоприятно влияет на сохранение окружающей среды, о чем упоминалось выше. Кроме того, разорение мельчайших и мелких фермеров повлияет и на состояние локального общества и окружающей среды в стране в целом. Короче говоря, сложно потому, что, как пишет Colin P. A. Jones, профессор юридической школы Досися (Киото), сложно предпринять меры, которые принесут пользу отрасли, но при этом затронут хорошо субсидированную линию жизни[96].

Поэтому можно предположить, что, даже, приняв достаточно радикальные решения по поводу преобразований в сельском хозяйстве, японское правительство выберет традиционный способ действий, сделав все возможное, чтобы как-то защитить свое сельское хозяйство, чтобы отложить на как можно поздний срок снижение и, тем более, ликвидацию внешнеторговых пошлин на пять названных выше видов сельскохозяйственной продукции, с одной стороны, и, с другой, – найдет какие-то возможности, чтобы пополнить доходы фермеров, которые не сумеют приспособиться к новым условиям. И не последнюю роль в этом сыграет, как и раньше, традиционный менталитет японцев, их извечное консервативное мышление, склонность к компромиссам, общий патерналистский настрой населения страны, относящейся к конфуцианскому региону.

И, наконец, сложность заключается также и в том, что трудно предположить, что даже хорошо проведенные в аграрном секторе структурные реформы сумеют добавить что-то существенное к экономическому росту и стать его драйвером, на что уповает премьер-министр. В 2012 г. доля сельского, лесного и рыбного хозяйства составляла только 1 % ВВП. По оценкам страховой компании «SMDC Nikko Security», например, 20-процентный прирост стоимости продукции сельского хозяйства и увеличение в три раза стоимости продовольственного экспорта увеличит ВВП страны лишь на 0,14 %[97]. Но, и при этом, если все задуманные меры будут проводиться в жизнь твердо и последовательно, результаты не заставят себя ждать. За 10 лет можно сделать очень много, не все, но достаточно, чтобы подготовить аграрный сектор страны вписаться на равных в ТТП и чтобы Япония, в конце концов, заняла свою значимую нишу в мировом сельскохозяйственном производстве.

---

[96] The Japan Times. 10.09.2014.
[97] The Japan Times. 27.01.2014.

Глава пятая

Политика консерваторов в сфере социального обеспечения

Факторы, влияющие на формирование политики в сфере социального обеспечения

Долгое время проблемы социального обеспечения занимали второстепенное положение среди основных направлений внутренней политики правящей либерально-демократической партии (ЛДП). Хотя еще в первых программных документах ЛДП провозгласила своей главной целью «построение государства всеобщего благосостояния», вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х годов задача обеспечения достойных условий жизни и социальной защиты граждан страны решалась в основном в рамках общей экономической политики, направленной, прежде всего, на стимулирование экономического роста и создание благоприятной деловой среды. Помимо высоких темпов роста экономики, создававших предпосылки для быстрого повышения уровня жизни населения, этому благоприятствовали следующие обстоятельства. Во-первых, в течение нескольких послевоенных десятилетий функции материального обеспечения и поддержки пожилых граждан, а также лиц, нуждающихся в заботе и уходе, вполне эффективно выполняла традиционная японская семья *иэ,* состоящая из нескольких поколений и основанная на взаимопомощи и взаимной поддержке всех ее членов. Во-вторых, в результате быстрого распространения системы пожизненного найма, основанной на долговременных, патерналистских отношениях между работниками и работодателями, значительную часть функций по социальной защите и социальному обеспечению работников (в том числе и материальному обеспечению пожилых работников после увольнения) выполняли сами компании. В-третьих, примерно до начала 1990-х годов в Японии продолжался весьма благоприятный в плане соотношения между поступлениями и расходами на социальное обеспечение период – период так называемого демографического бонуса, когда в структуре населения доля лиц трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет), по меньшей мере, в два раза превышает долю граждан, относящихся к категории зависимых (до 14 лет и старше 65 лет).

Иными словами, опора на традиционные ценности *иэ* – как в плане семейных отношений, так и в плане подходов к управлению компанией – и благоприятная демографическая и экономическая ситуация долгое время позволяли консерваторам решать социальные проблемы при весьма скромных затратах на эти цели государственных средств. Так, например, в 1970 г. расходы на социальное обеспечение составляли 5,77 % по отношению к национальному доходу, в 1980 г. – 12,15 %, в 1990 г – 13,61 %[1].

Однако время шло, японское общество становилось все более современным и зрелым, и постепенно ситуация в социальной сфере стала усложняться. Во-первых, довольно быстро менялась структура японских домохозяйств и состав семей[2]. Прежде, когда типичное японское домохозяйство состояло из трех поколений, проживающих под одной крышей, забота о пожилых родителях была прямой обязанностью либо дочерей, либо невесток, а их материальная поддержка возлагалась на сыновей или зятьев. Однако, как отмечает С. Б. Маркарьян, доля таких семей в общем числе домохозяйств сократилась с 19,2 % в 1970 г. до 13,5 % в 1990 г. и 4,7 % в 2010 г., основной формой семьи в Японии стала нуклеарная, и сейчас в большинстве случаев пожилые родители проживают отдельно от детей[3]. Так, по данным за 2012 г., из 20 млн. 930 тыс. семей, в составе которых есть пожилые люди, 23,3 % (4 млн. 870 тыс.) состояли из одного человека, 30,3 % (6 млн. 332 тыс.) – из пожилой супружеской пары, 19,6% (4 млн. 110 тыс.) – из незамужних/неженатых дочерей или сыновей и пожилых родителей, 15,3 % (3 млн. 199 тыс.) – из трех поколений[4]. Таким образом, сейчас уже более 11 млн. японских домохозяйств состоят только из пожилых людей, в том числе около 4,9 млн. – из пожилых одиноких людей.

С начала 1990-х годов стали нарастать проблемы и в плане возможностей выполнения японскими компаниями своих социальных функций. Дело в том, что затяжная депрессия, последовавшая после краха в конце 1980-х годов экономики «мыльного пузыря», и исчерпание резервов молодой рабочей силы постепенно подтачивали основы экономической эффективности системы пожизненного найма и делали все более обременительным для компаний выполнение связанных с этой системой разнообразных социальных функций (помимо пенсионного обеспечения уволившихся работников это были и обязательства по

---

[1] http://www.mhlw.go.jp/english/social_security/kaikaku.html

[2] Подробно см. *С. Б. Маркарьян*. Традиционное и новое в японской семье // Японское общество: изменяющееся и неизменное. М., 2014.

[3] Там же. С. 199.

[4] Корэйка-но дзёкё оёби корэй сякай тайсаку-но дзитти дзёкё (Стареющее общество и политика в отношении стареющего общества). Токио, 2013. С. 9.

оказанию материальной поддержки в случае женитьбы, рождения ребенка, приобретения жилья и т. д.).

В частности, как отмечает Т. Н. Матрусова, с начала 1990-х годов наблюдалось стремительное сокращение числа частных компаний, имеющих собственные пенсионные программы, а также снижение численности застрахованных в них работников[5]. Кроме того, для японских компаний одним из основных средств выживания в сложной экономической ситуации стало расширение использования различных форм непостоянной занятости – частично занятых, работающих по контрактам, временных работников и т. д. Доля лиц этой категории в общей численности работающих по найму увеличилась с 20,2 % в 1990 г. до 38,2 % в 2012 г., т. е. почти в два раза[6]. Расширяя наём непостоянных работников, компании стремились не только сэкономить на издержках на труд (заработная плата непостоянно занятых в среднем в два раза ниже заработной платы постоянных работников), но и облегчить бремя социальных обязательств, связанных с системой пожизненного найма, поскольку на непостоянно занятых эта система не распространялась.

С начала 1990-х годов стали все больше проявляться и неблагоприятные последствия демографических трендов, сформировавшихся в предшествующие десятилетия (включая период войны и предвоенные годы). Не вдаваясь в анализ этой сложной проблемы, отметим лишь те изменения, которые имеют непосредственное отношение к сфере социального обеспечения. Во-первых, началось снижение численности трудоспособного населения, при этом соотношение между этим показателем и числом лиц, относящихся к категории зависимых, стало довольно быстро меняться в пользу последних. Так, в 1990 г. оно составило 2,28 : 1, в 2000 г. – 2,11 : 1, в 2004 г. – 1,99 : 1, в 2012 г. – 1,69 : 1. Во-вторых, абсолютное и относительное увеличение численности лиц, относящихся к категории зависимых, с начала 1980-х годов происходило исключительно за счет пожилых граждан. Так, если число лиц в возрасте до 14 лет сократилось с 27,5 млн. в 1980 г. до 16,6 млн. в 2012 г., то число пожилых граждан возросло за этот период с 10,6 млн. до 30,7 млн. Наконец, в–третьих, быстрое увеличение численности пожилого населения страны происходило на фоне заметного повышения показателей продолжительности жизни. Так, для женщин этот показатель возрос с 81,9 в 1990 г. до 86,41 в 2012 г., а для мужчин – с 75,92 до 79,94 соответственно[7].

---

[5] *Матрусова Т. Н.* Пенсионное обеспечение в Японии: нерешенные проблемы финансирования // Япония: полвека правления либерал-демократов. М., 2010. С. 192–193.

[6] Токэй дэ миру Нихон (Япония через призму статистики). Т., 2008. С. 179; Basic Survey on Employment Structure 2012. Table 1–10. // Ministry of Health, Labour and Welfare (www.stat.go.jp/).

[7] Асахи дэта нэнкан (Статистический ежегодник Асахи). Japan Almanac 2006. Т. 2006. P. 84; Annual Health, Labour and Welfare Report 2013–2014. P. 5, 9. (http://www.mhlw.go.jp/english/wp/wp-hw8/dl/01e.pdf).

Иными словами, изменения, начавшиеся на рубеже 1980-х – 1990-х годов, сделали невозможным продолжение прежней социальной политики консерваторов, опиравшейся не столько на общенациональные институты, сколько на потенциал социальной защиты, заложенный в традиционных семейных отношениях *иэ,* а также в квазисемейных отношениях, сформировавшихся на частных предприятиях в результате укоренения идеологии пожизненного найма.

Период 1960-х – 1980-х годов: формирование общенациональной системы социального обеспечения

Хотя в силу отмеченных выше обстоятельств до начала 1990-х годов социальные расходы государства были невелики, по мере того, как японское общество становилось все более зрелым, все более зрелыми и развитыми становились и государственные институты социальной поддержки и социальной защиты населения.

К моменту, когда Либерально-демократическая партия пришла к власти, в Японии уже функционировали две общенациональные пенсионные схемы: одна – для работников центральных и местных государственных учреждений, а также преподавателей и работников частных школ и университетов (*кёсай кумиаи нэнкин* – пенсии ассоциаций взаимопомощи), а вторая – для работников частных предприятий (*косэй нэнкин* – пенсии благосостояния). В 1961 г., уже при правительстве либерал-демократов, был принят Закон о всеобщем страховании здоровья и пенсионного обеспечения, и их дополнила еще одна схема – *кокумин нэнкин* – национальная пенсия, которая охватила всех тех, кто не подпадал под первые две схемы (самозанятых, рыбаков и фермеров, безработных, студентов и т. д.). В результате общественная пенсионная система страны приобрела всеохватывающий характер.

На основании того же закона новые черты приобрела и система медицинского страхования, которая после 1961 г. также распространилась на всех граждан страны. Она состояла из двух систем: страхование по месту работы или виду профессии и страхование по месту жительства через муниципалитеты.

В первую систему включались все лица, работающие по найму, а также члены их семей. Работники частных компаний с числом занятых от 5 человек (а также члены их семей) через своих работодателей были застрахованы в Общественной системе страхования здоровья (Society Managed Health Insurance), объединявшей частные страховые фонды, которые по закону должны были быть созданы во всех компаниях.

Работники мелких предприятий и временные работники (а также члены их семей) через своих работодателей были застрахованы в нахо-

дящейся под прямым правительственным управлением Японской ассоциации страхования здоровья (The Japan Health Insurance Association).

Государственные служащие центральных и местных учреждений, учителя частных школ и преподаватели частных университетов (а также члены их семей) были застрахованы в соответствующих общенациональных ассоциациях взаимопомощи (Mutual Aid Associations)[8].

Вторая система охватывала всех лиц, не застрахованных по месту работы или виду профессиональной деятельности, – фермеров, самозанятых, рыбаков и лесников, работников мелких предприятий, безработных, пенсионеров и т. д. Все эти категории были включены в Национальную систему страхования здоровья (National Health Insurance) и должны были самостоятельно вступать в нее через муниципалитеты по месту жительства[9].

При этом до начала 1980-х годов расходы на медицинское обслуживание населения даже несколько превышали расходы на пенсионное обеспечение (так, в 1980 г. соответствующие показатели составили 10,5 трлн. иен и 10,7 трлн. иен). Ситуация начала меняться после 1987 г., поскольку стало быстро возрастать число граждан, получивших право претендовать на пенсию *кокумин нэнкин,* так как срок их страхования достиг 25 лет – минимального срока, дающего право на получение пенсии (со 122,8 тыс. в 1986 г. оно возросло до 16,6 млн. в 2004 г.)[10]. В результате расходы на пенсионное обеспечение начали расти опережающими темпами и скоро стали основной статьей расходов на социальные нужды. Так, в 1990 г. на медицинское обслуживание было направлено 18,4 трлн. иен, а на пенсионное обеспечение – 24,0 трлн. иен, в 2000 г. – соответственно 26,0 трлн. иен и 41,2 трлн. иен, в 2011 г. – 33,6 трлн. иен и 53,6 трлн. иен[11].

Что касается третьей части расходов на социальное обеспечение – расходов на оказание материальной поддержки отдельным категориям граждан (старикам, инвалидам, одиноким матерям, малообеспеченным семьям с малолетними детьми и т. д.), то они начали довольно быстро расти с середины 1990-х годов (по мере расширения круга лиц, имеющих право на получение этой помощи, и повышения размеров самих пособий) и увеличились с 4,8 трлн. иен в 1990 г. до 10,9 трлн. иен в 2000 г. и 20,6 трлн. иен в 2011г.[12*]. Уступая по объему расходам на

---

[8] http://www.ipss.go.jp/s-info/e/Jasos/Health.html

[9] Social Security in Japan 2014. P. 23; Annual Report on Health, Labour and Welfare 2013/2014. P. 27

[10] *Матрусова Т. Н.* Пенсионное обеспечение в Японии: нерешенные проблемы финансирования // Япония: полвека правления либерал-демократов. М., 2010. С. 189–190.

[11] http://www.mhlw.go.jp/english/social_security/kaikaku.html

[12] Ibid.

пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание, они, тем не менее, являются прямой нагрузкой на государственный бюджет, поскольку не предусматривают хотя бы частичного возмещения за счет страховых взносов.

В целом же можно сказать, что в 1990-е годы, когда ситуация в социальной сфере начала осложняться, Япония вступила с весьма развитой в институциональном плане системой социального обеспечения, и это, безусловно, можно поставить в заслугу консерваторам. В период 1960-х – 1980-х годов ими последовательно принимались законы, обеспечившие доступ к этой системе все более широких слоев населения, дополнившие ее новыми важными звеньями, позволившие повысить средний уровень пенсий и гарантировать выплату пенсии всем пожилым гражданам и т. д. Помимо отмеченного выше введения в 1961 г. системы пенсионного и медицинского страхования для тех граждан, которые прежде не были застрахованы, и придания тем самым системе социального обеспечения универсального характера, наиболее важными мерами, на наш взгляд, были следующие.

В 1973 г. был пересмотрен Закон о социальных услугах пожилым гражданам, и в отношении лиц этой категории была отменена плата за медицинское обслуживание. Одновременно был пересмотрен Закон о страховании здоровья, и уровень компенсации государством расходов семей на медицинское обслуживание был повышен до 70 % (с прежних 50 %). Кроме того, были увеличены размеры пенсий и введена система их ежегодной индексации по индексу потребительских цен, что было особенно важно для наименее обеспеченных граждан.

В 1983 г. вступил в силу Закон о здоровье и медицинском обслуживании пожилых граждан, который изменил систему финансирования расходов на эти цели. Закон постановил, что эти расходы должны покрываться не только за счет Национальной системы страхования здоровья, но также и за счет систем, в которых застрахованы работники частных предприятий и государственные служащие. Была также введена частичная оплата этих услуг самими пожилыми гражданами. В следующем году был пересмотрен Закон о страховании здоровья, и доля страховых выплат в покрытии расходов граждан на медицинское обслуживание была повышена до 90%. Одновременно начала работать система медицинского обслуживания уволенных работников.

Однако наиболее радикальные меры были осуществлены в 1986 г., когда была проведена перестройка всей пенсионной системы страны. Ее основу стали составлять два вида пенсий – базовая пенсия (*кисо нэнкин*),

---

* В силу ограниченного объема в данной работе эта часть системы социального обеспечения рассматриваться не будет.

не зависящая от уровня дохода застрахованных граждан, и дополнительные пенсии, напрямую зависящие от дохода застрахованных. Все жители страны старше 20 лет (включая иностранцев) впредь были обязаны вносить ежемесячные взносы в систему *кокумин нэнкин,* размеры которых одинаковы для всех граждан. Государство, в свою очередь, гарантировало каждому гражданину право на получение базовой пенсии по достижении 65 лет при условии, что период страхования составит не менее 10 лет. Государство же устанавливало максимальный размер базовой пенсии, а получаемые гражданами реальные суммы зависели от сроков их страхования (для получения максимальной базовой пенсии срок страхования должен был составлять не менее 40 лет). При этом все застрахованные были разделены на три категории:

первая категория – студенты и самозанятые, которые уплачивают взносы самостоятельно;

вторая категория – наемные работники частных компаний и государственных учреждений;

третья категория – супруги, за которых вносят взносы их мужья, относящиеся ко второй категории (при условии, что годовой доход их супруг не превышает 1,3 млн. иен).

При этом граждане, которые до этого были застрахованы в системах *кёсай кумиаи* и *косэй нэнкин* (т. е. лица, относящиеся ко второй категории), автоматически становились подписчиками базовой пенсии (т. е. системы *кокумин нэнкин*), так как их регистрация в этой системе являлась обязанностью их работодателей. Автоматически в эту систему включались и их неработающие или работающие, но получающие менее 1,3 млн. иен в год супруги, причем взносы и за тех и за других выплачивались как самими работниками, так и их работодателями в равных долях[13].

Лица, застрахованные в *кёсай кумиаи* и *косэй нэнкин,* помимо базовой получают пенсии, предусмотренные условиями страхования в этих системах. Подписчиками этих систем граждане становятся с момента поступления на работу, а срок страхования заканчивается с их увольнением. Общим для той и другой систем является уплата взносов равными долями и самими работниками, и их работодателями. Размеры взносов устанавливаются государством в определенной пропорции к доходам застрахованных.

Возможность увеличить пенсию за счет дополнительных источников имеют также и самозанятые (по линии страхования в специальном Фонде пенсионного обеспечения для самозанятых). Кроме того, на добав-

---

[13] Нихон нэнкин кико (Пенсионный фонд Японии). (www.nenkin.go.jp/n/www/english/ index.jsp)

ку к пенсии (как в виде ежемесячных выплат, так и в форме выходного пособия) могут рассчитывать и работники частных компаний и университетов, имеющих собственные пенсионные системы. Создавать такие системы разрешено организациям с числом занятых от 500 человек[14].

Таким образом, основными чертами системы социального обеспечения Японии, сложившейся к началу 1990-х годов, были следующие: во-первых, универсальный характер, т. е. практически стопроцентный охват населения; во-вторых, использование схемы социального страхования граждан для формирования ее финансовой базы; в-третьих, оказание поддержки гражданам на протяжении всей их жизни. Так, система страхования здоровья гарантировала каждому японцу доступ к медицинской помощи в любое время и в любом месте, пенсионное страхование обеспечивало безбедное существование после увольнения с работы, а система страхования здоровья пожилых граждан давала возможность этим людям чувствовать себя более независимо и уверенно.

Иными словами, уже в 1980-е годы в социальной политике либерал-демократов начался отход от прежнего консервативного курса, опиравшегося преимущественно на традиционные ценности, и усиление неоконсервативной идеологии, предполагающей большую долю ответственности государства за положение дел в области социальной поддержки и социальной защиты граждан.

1990-е – 2000-е годы: обострение проблемы финансирования системы социального обеспечения и меры по ее реформированию

Будучи весьма развитой и зрелой в институциональном плане, система социального обеспечения Японии становилась все более уязвимой с точки зрения структуры своей финансовой базы. Наиболее остро это проявилось в сфере пенсионного обеспечения.

Как отмечалось выше, до конца 1980-х годов благодаря благоприятной демографической и экономической ситуации пенсионная система страны не испытывала каких-либо финансовых трудностей. Основу ее финансовой базы составляли страховые взносы будущих пенсионеров, которые накапливались в соответствующих пенсионных фондах. Последние, в свою очередь, поступали на спецсчет Программы займов и инвестиций Бюро доверительных фондов Министерства финансов и инвестировались главным образом в строительство объектов инфраструктуры[15]. Однако в 1990-е годы в связи с быстрым ростом числа пенсионеров,

---

[14] http://www.mhlw.go.jp/english/social_security/kaikaku.html; Social Security in Japan 2014 (National Institute of Population and Social Security Research). P. 11–22,18.

[15] *Матрусова Т. Н.* Пенсионное обеспечение в Японии: нерешенные проблемы финансирования // Япония: полвека правления либерал-демократов. М., 2010. С. 182–183.

сокращением численности трудоспособного населения, а также в результате ухудшения экономической ситуации соотношение между расходами пенсионной системы (на выплату пенсий) и ее доходами (страховыми взносами) стало непрерывно ухудшаться. В результате пенсионные фонды начали быстро истощаться, и для выполнения своих пенсионных обязательств правительство вынуждено было из года в год увеличивать расходы на эти цели из госбюджета. Так, за период с 1985 г. по 2009 г., т. е. до того момента, когда либерал-демократы утратили власть, общие расходы на пенсионное обеспечение выросли в 2,5 раза (с 20,0 трлн. иен до 50 трлн. иен)[16].

Довольно быстро осложнялось положение и с финансированием медицинского обслуживания населения: за тот же период расходы на эти цели возросли в 2,25 раза (с 16,0 трлн. иен до 36,0 трлн. иен), а главными причинами их роста стало быстрое старение населения и увеличение средней продолжительности жизни. Так, доля расходов на медицинское обслуживание пожилых граждан в общей сумме расходов на эти цели возросла с 25,4 % в 1985 г. до 33,4 % в 2009 г.[17].

В целом же в конце 2000-х годов расходы на социальное обеспечение составляли уже порядка 30 % расходной части государственного бюджета и стали одной из главных причин быстрого нарастания размеров государственного долга. Многие авторы возлагают прямую ответственность за сложившуюся ситуацию на либерал-демократов, упрекая их в затягивании проведения коренной реформы системы социального обеспечения (в угоду чисто политическим интересам), а также в недостаточно грамотном управлении фондами социального страхования[18]. Соглашаясь в принципе с этой оценкой, отметим в оправдание либерал-демократов, что, во-первых, в 1990-е – 2000-е годы, вплоть до своего временного ухода, они продолжали предпринимать усилия по реформированию этой системы, и, во-вторых, их медлительность и нерешительность в проведении реформ можно объяснить сложностью и масштабностью вставшей перед ними задачи – ведь речь шла о вопросах, затрагивающих интересы миллионов людей.

Что касается мер по реформированию системы социального обеспечения, предпринятых либерал-демократами в эти годы, то, прежде всего, следует упомянуть о тех нововведениях, которые были направлены на решение или, по крайней мере, смягчение проблем, связанных с быстрым старением населения. Самым важным среди них стало принятие в 1997 г. Закона о страховании долговременного ухода, который привел

---

[16] http://www.mhlw.go.jp/english/social_security/kaikaku.html

[17] Japanese Working Life Profile 2913/2014. T., 2014. P. 80.

[18] См., например, упомянутую работу Т. Н. Матрусовой.

к созданию в 2000 г. системы услуг по долговременному уходу за престарелыми.

Финансовую базу этой системы формируют страховые взносы (порядка 1,5 % от суммы заработной и бонусов), которые вносят все граждане старше 40 лет, а с пенсионеров соответствующие суммы взимают местные органы власти в форме вычетов из их пенсий. Страховые взносы покрывают 40 % стоимости услуг этой системы, 10 % оплачивают сами пациенты, а остальная часть – это расходы центрального правительства и местных органов власти. Услуги по долговременному уходу предоставляются на дому, в центрах долговременного пребывания или специальных клиниках лицам в возрасте старше 75 лет, страдающим деменцией или прикованным к постели, а также лицам в возрасте от 65 до 74 лет с определенными видами заболеваний. В каждом случае решение о предоставлении услуг по долговременному уходу принимается местными органами власти[19]. Одновременно, для того, чтобы снизить нагрузку на систему социального обеспечения, был усилен акцент на мерах превентивного характера. По всей стране при местных органах власти стали создаваться центры для пожилых людей, задачей которых являлась профилактика заболеваний, могущих повлечь необходимость в услугах по долговременному уходу.

На смягчение отрицательных последствий быстрого старения населения были направлены и изменения, внесенные в пенсионную систему страны. Их главной целью было ослабить нагрузку по поддержанию пенсионной системы, ложащуюся на плечи подрастающего и будущих поколений. Так, в 2000 г. были законодательно оформлены следующие решения: во-первых, о сокращении на 5% размеров будущих пенсий для бенефициаров системы *косэй нэнкин,* вступающих в нее с 1 апреля 2000 г.; во-вторых, о постепенном повышении нижней границы пенсионного возраста до 65 лет для подписчиков *косэй нэнкин* (с 60 лет) и *кёсай кумиаи* (с 55 лет), а также об увеличении до 25 лет сроков страхования, дающих право на получение пенсии (соответственно с 20 лет и 15 лет)[20].

С учетом заметного роста числа людей, меняющих место работы (это явление получило название найма в середине карьеры – *тюто сайё*), были внесены изменения в правила, регулирующие деятельность пенсионных систем частных компаний. А именно, в 2001 г., была введена в действие система корпоративных пенсий с фиксированной суммой выплат, а в 2002 г. – система корпоративных пенсий с фиксированной

---

[19] Social Security in Japan 2014. P. 25; http://www.mhlw.go.jp/english/social_security/kaikaku.htm

[20] http://factsanddetails.com/japan/cat22/sub146/item2787.html; *Матрусова Т. Н.* Пенсионное обеспечение в Японии: нерешенные проблемы финансирования // Япония: полвека правления либерал-демократов. М., 2010. С. 190.

суммой взносов. И та, и другая должны были облегчить работникам урегулирование пенсионных вопросов в случае перехода на другое предприятие.[21]

Следующим шагом в реформировании пенсионной системы стали изменения, внесенные в 2004 г. Во-первых, были увеличены взносы для застрахованных в *косэй нэнкин* и *кокумин нэнкин* и принято решение о ежегодном их повышении; во-вторых, было принято решение о повышении доли государства в финансировании выплат в *кокумин нэнкин* (т. е. в финансировании базовой пенсии) с 1/3 до 1/2 к 2009 г.; в-третьих, была пересмотрена система пенсий по старости для работников старше 65 лет, продолжающих работать, и предусмотрена возможность переноса на более поздние сроки начала выплаты пенсии лицам этой категории с более высоким коэффициентом; в-четвертых, женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, были освобождены от взносов в пенсионную систему на этот период и, в-пятых, была введена норма о разделе между супругами в случае развода взносов, внесенных супругом в *кокумин нэнкин,* и о сохранении за разведенными женщинами статуса застрахованных третьей категории в этой системе[22].

Поскольку одной из наиболее острых проблем, связанных с пенсионным обеспечением, был разрыв между возрастом принудительного увольнения работников (*тэйнэн*), составлявшего в подавляющем большинстве компаний 60 лет, и пенсионным возрастом (65 лет), в 2006 г. был принят закон, обязывающий все компании к 2013 г. либо поднять *тэйнэн* до 65 лет, либо разработать программы продления занятости для пожилых работников, либо отменить *тэйнэн* вообще[23].

Как можно судить по приведенным выше фактам, неоконсервативный крен в социальной политике либерал-демократов становился все более очевидным, участие и степень ответственности государства за состояние дел в сфере социальной поддержки и социальной защиты населения постепенно возрастали. Об этом же свидетельствует и характер вопросов, стоявших на повестке дня внутрипартийной дискуссии ЛДП во второй половине первого десятилетия XXI в. В частности, обсуждалась возможность повышения потребительского налога до 5 % в 2007 г. (что и было сделано, хотя и не совсем удачно с точки зрения состояния конъюнктуры), рассматривался вопрос о сокращении пенсий для богатых и, наоборот, о надбавках к пенсиям для бедных, изучались возможности инвестирования средств пенсионных фондов на рынке ценных бумаг, предлагалось удвоить плату за пребывание в центрах

---

[21] Social Security in Japan 2014 (National Institute of Population and Social Security Research). P. 3.
[22] Ibid. P. 4.
[23] Elders in Japan. http://happy-elder.com/index-e.html

долговременного ухода для богатых граждан, а для снижения стоимости этих услуг – облегчить въезд в страну иммигрантов из азиатских стран, готовых работать в этой сфере за относительно небольшую плату и т. д.

Об усилении неоконсервативной направленности в социальной политике либерал-демократов свидетельствует и то, что в 1990-е –2000-е годы одним из наиболее важных ее направлений стала поддержка работающих женщин – как в плане создания условий, позволяющих им сочетать работу по найму с выполнением домашних обязанностей, так и в плане оказания им содействия в воспитании детей. Эти меры должны были, с одной стороны, помочь компенсировать сокращение рабочей силы вследствие быстрого старения населения, а с другой – переломить тенденцию к снижению рождаемости, что в перспективе грозило еще большим обострением финансовых проблем системы социального обеспечения. Как отмечает С. Б. Маркарьян, в эти годы в Японии было принято более 20 законов, положений и программ, направленных на создание более комфортных условий для работающих женщин[24]. И хотя к концу первого десятилетия 21 в. переломить тенденцию к снижению рождаемости не удалось (коэффициент рождаемости снизился с 10,0 в 1990 г. до 9,5 в 2000 г. и 8,5 в 2010 г.), число женщин, работающих по найму, заметно возросло – с 18 млн. 340 тыс. в 1990 г. до 23 млн. 290 тыс. в 2010 г., т. е. почти на 5 млн. человек[25].

В 2009 г., как известно, либерал-демократы на несколько лет утратили власть, и последнее, что они успели сделать в сфере социального обеспечения – это повысить, как и намечали ранее, долю государства в финансировании *кокумин нэнкин* с 1/3 до 1/2. При этом среди причин их поражения на выборах было и недовольство населения положением дел в сфере социального обеспечения. Так, на репутации либерал-демократов сильно сказался скандал, связанный с утратой информации о лицевых счетах подписчиков пенсионных систем *косэй нэнкин* и *кокумин нэнкин*. В апреле 2007 г. Агентство социального страхования объявило, что оно не может идентифицировать владельцев 50 млн. пенсионных счетов *косэй нэнкин* и *кокумин нэнкин*. И хотя через год эта цифра сократилась до 20 млн., остроту проблемы это не сняло, особенно для самозанятых, застрахованных в *кокумин нэнкин*.

Кроме того, в последние годы правления либерал-демократов и без того непростое финансовое положение пенсионной системы усугубили

---

[24] См.: *Маркарьян С. Б.* Традиционное и новое в японской семье// Японское общество: изменяющееся и неизменное. М., АИРО-XXI, 2014. С. 196–197. (Коэффициент рождаемости – число рождений в расчете на 1 тыС. чел. населения).

[25] Japanese Working Life Profile 2013/2014. P. 15, 21.

два обстоятельства. Во-первых, массовый выход на пенсию начиная с 2007 г. людей, родившихся в период первого послевоенного бэби-бума, и, во-вторых, мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., в результате которого пенсионные фонды потеряли на рынке ценных бумаг порядка 10 трлн. иен[26]. Понятно, что информация об усугублении финансовых проблем пенсионной системы также не внушала оптимизма японским избирателям, что давало дополнительные очки оппонентам либерал-демократов.

Что же касается демократов, то придя к власти под лозунгом «от бетона – к людям» и осознавая необходимость выполнения предвыборных обещаний, они вынуждены были уделять социальной сфере особое внимание. Уже в бюджет 2010 фин. г. были включены такие статьи, как выплата пособий на детей в размере 13 тыс. иен (с 2011 фин. г. – 26 тыс. иен) всем семьям, имеющим детей, обучающихся в школе первой ступени, а также расходы на обеспечение бесплатного школьного образования (включая высшую ступень средней школы). При этом в государственных школах плата за обучение в классах высшей ступени отменялась, а в отношении частных школ вводилась система компенсации расходов родителей на обучение детей (в среднем – 120 тыс. иен в год, что примерно соответствовало стоимости обучения в государственных школах)[27]. Кроме того, были смягчены условия получения пособия по безработице (необходимое для этого время работы сокращалось с 6 месяцев до 31 дня), что привело к росту выплат и по этой статье. Всего же в 2010 фин. г. расходы на социальное обеспечение выросли почти на 10 % по сравнению с предыдущим годом, а в следующем 2011 фин. г. – еще на 4,3 %. При этом размеры государственного долга страны по отношению к ВВП возросли с 1,87 в 2009 фин. г. до 2,036 в 2011 фин. г.[28].

Среди прочих инициатив демократов заслуживают внимания их предложения по реформе пенсионной системы. Демократическая партия Японии (ДПЯ) предложила объединить существующие три разрозненные пенсионные системы в одну, состоящую из двух фондов. За счет первого фонда, финансовая база которого должна была бы формироваться за счет потребительского налога, предполагалось выплачивать гарантированные пенсии (не менее 70 тыс. иен в месяц) гражданам, которые по тем или иным причинам не в состоянии делать взносы в систему социального страхования. Второй фонд намечалось создать путем объединения двух пенсионных систем (*кёсай кумиаи* и *косэй нэнкин*), а также включения в него дополнительно еще одного звена – системы

---

[26] http://factsanddetails.com/japan/cat22/sub146/item2787.html

[27] Highlights of the Budget for FY 2010. December 2009.P.1.(www.mof.go.jp/).

[28] http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.htm

страхования самозанятых. Его финансовую базу предполагалось формировать за счет взносов граждан в определенной пропорции к величине их доходов, при этом получатели одинаковых доходов должны были бы получать и одинаковые пенсии. Главной же целью реформы провозглашался переход от ситуации, при которой содержание пенсионеров происходит за счет взносов их работающих сограждан, к ситуации, когда пенсионеры будут получать пенсии за счет накопленных взносов (и при этом смогут полностью вернуть внесенную сумму)[29].

ДПЯ предполагала уже к 2013 г. подготовить пакет законов, необходимых для осуществления пенсионной реформы, и широко пропагандировала ее основные положения. Однако нельзя сказать, что ознакомление с проектом реформы внесло успокоение в японское общество. Вопросы вызывали механизм и временные рамки перехода к новой системе, очевидная неравнозначность выгод и потерь от реформы для различных категорий граждан, своевременность повышения потребительского налога и т. д. Да и само состояние государственных финансов, которое еще больше осложнилось за время правления демократов, вызывало у граждан сомнения в реальности этих планов[30]. Кроме того, в октябре 2011 г. министерство здравоохранения, труда и благосостояния представило в Совет по социальному обеспечению (консультативный орган при правительстве) три варианта плана повышения пенсионного возраста до 68 лет, что, по понятным причинам, также не вызвало энтузиазма среди населения.

Основные черты современной системы социального обеспечения и предстоящая реформа

Когда в 2012 г. либерал-демократы вновь вернулись к власти, они оказались перед необходимостью решать все те же социальные проблемы, но в условиях еще более сложного состояния дел в этой сфере, да и в системе государственных финансов в целом. И судя по тому, что они сделали за последние годы, на этот раз они действовали гораздо более решительно.

Так, в октябре 2014 г. с 25 лет до 10 лет был сокращен срок страхования, дающий право на получение базовой пенсии, а в апреле того же года было решено, что доля государства в ее финансировании впредь будет постоянной и будет поддерживаться на уровне ½. С апреля 2015 г. началась выплата дополнительных пенсий пенсионерам с низкими доходами, а с апреля 2016 г. пенсионное страхование наемных работников

---

[29] Нихон кэйдзай–но асахи о ёму (Заглядывая в будущее японской экономики). Т. 2010.С. 164–166.

[30] Подробно см.: *O. Nariai* “ Social Security Reform” in “Japan echo”. Vol.37, No. 1. February 2010.

(в рамках систем *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи*) будет распространено и на временных работников[31]. Однако главным достижением либерал-демократов, безусловно, является решение об объединении двух пенсионных систем – *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи*. Начало этого процесса, намечавшееся ранее на апрель 2015 г., судя по последним данным, перенесено на октябрь 2015 г. Это станет, безусловно, знаменательным событием, поскольку вопрос об объединении этих двух систем обсуждался в Японии с 1980-х годов.

Прежде, чем анализировать положения этой реформы, напомним об основных чертах нынешней пенсионной системы страны.

Формально с 1961 г., когда был принят Закон о всеобщем пенсионном страховании, структура пенсионной системы Японии практически не изменилась: она по-прежнему состоит из трех звеньев пенсионного страхования – *кокумин нэнкин, косэй нэнкин и кёсай кумиаи*. Единственным крупным событием стало введение в 1986 г. института базовой пенсии (*кисо нэнкин*), приведшее к изменению принципов финансирования в системах *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи* (см. выше).

По числу подписчиков самой крупной является система *кокумин нэнкин,* что совершенно естественно с учетом принципов ее реорганизации в 1986 г. По данным на март 2013 г., в ней было застраховано 67 млн. 360 тыс. человек, в том числе к застрахованным первой категории относились 18 млн. 640 тыс. человек, второй категории – 39 млн. 120 тыс. человек, третьей категории – 9 млн. 600 тыс. человек. Число получателей базовой пенсии составило 29 млн. 700 тыс. человек, а средний размер месячной пенсии – 58 тыс. иен[32]. При том, что пенсионный возраст составляет 65 лет, застрахованным предоставляется возможность начать получать пенсию с 60 лет или, наоборот, отложить ее получение до 70 лет. В первом случае ее размеры будут составлять 70 % от уровня пенсии, выплачиваемой с 65 лет, а во втором – 142 %[33]. Взносы в *кокумин нэнкин* постепенно повышаются: так, в 2013 г. они составили 15,040 тыс. иен в месяц, а на 2015 г. определены в размере 15,590 тыс. иен[34]. Решение о ежегодном их повышении на 280 иен было принято еще в 2004 г. (с учетом темпов роста заработной платы и цен).

Следующей по числу подписчиков является система *косэй нэнкин*: на март 2013 г. в ней было застраховано 34 млн. 720 тыс. человек, а число получателей этой пенсии составило 15 млн. 230 тыс. человек. Размеры взносов устанавливаются государством в процентах к доходам застрахованных и уплачиваются равными долями работниками и

---

[31] Social Security in Japan 2014. P. 16.
[32] Annual Health, Labour and Welfare Report 2013/2014. P. 236.
[33] Нихон нэнкин кико (www.nenkin.go.jp/n/www/english/index.jsp);
[34] Annual Health, Labour and Welfare Report 2013/2014. P. 235- 236 .

работодателями. В 2013 г. в среднем взносы составили 17,020 % от дохода застрахованных (с учетом выплат в *кокумин нэнкин*), а средний размер пенсий – 160 тыс. иен. Взносы повышаются ежегодно в апреле на 0,364 % (в 2017 г. они могут составить уже 18,3 %). Пенсия начинает выплачиваться с 65 лет[35].

Третье звено пенсионной системы – *кёсай кумиаи* – при относительно небольших размерах отличается как более благоприятными условиями страхования, так и более высокими пенсиями. Последнее обстоятельство связано с тем, что среди застрахованных в этой системе преобладают лица с высшим образованием, и средний уровень их зарплаты существенно выше, чем в целом по стране, в том числе и в системе *косэй нэнкин.* По данным на март 2013 г., число подписчиков *кёсай кумиаи* составило 4 млн. 339 тыс. человек, а число получателей пенсий – 2 млн. 820 тыс. человек. Взносы здесь также выплачиваются в равных долях работодателями и работниками, но их размеры несколько ниже, чем в *косэй нэнкин*. Так, в 2013 г. в среднем взносы составили: для служащих центральных и местных государственных учреждений – 16,57% от дохода, а для работников частных школ и университетов – 13,65 % (и те и другие показатели – с учетом взносов в *кокумин нэнкин*). Средние размеры пенсий составили соответственно 210 – 219 тыс. иен и 207 тыс. иен[36]. При этом, если в *косэй нэнкин* пенсия составляет в среднем 49% от уровня заработной платы, то в *кёсай кумиаи* – 64 %[37]. Пенсии здесь выплачиваются также с 65 лет.

Как отмечалось выше, с 2009 г. государство субсидирует ½ базовой пенсии за счет средств центрального бюджета. Кроме того, во всех трех пенсионных схемах оно покрывает административные издержки. Другая половина базовой пенсии и пенсии *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи* покрываются взносами застрахованных.

Быстрое старение населения, низкие темпы роста, а также близкий к нулевому банковский процент приводят ко все большему обострению финансовых проблем пенсионной системы Японии. Наибольшие трудности испытывает *кокумин нэнкин.* Помимо непрерывного возрастания числа получателей базовой пенсии финансовые проблемы этой системы усугубляет такое явление, как неуплата взносов лицами, подлежащими страхованию. Поскольку с подписчиков *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи* взносы взимаются автоматически (путем вычета из заработной платы), речь идет о тех, кто уплачивает взносы самостоятельно. Закон предоставляет возможность частичного или полного освобождения от

---

[35]. Ibid. P. 236.
[36] Ibid. P. 236.
[37] .Social Security in Japan 2014. P. 18.

уплаты взносов определенным категориям граждан (в основном лицам с низкими доходами), но проблема в том, что число таких людей весьма велико: так, в 2012 г. к ним относились почти 17 % от общего числа подписчиков *кокумин нэнкин*[38]. Но есть, конечно, и те, кто уклоняется от уплаты взносов, не имея на то законных оснований (прежде всего – среди молодежи).

С финансовыми проблемами сталкивается и система *косэй нэнкин*, поскольку в условиях низких темпов экономического роста выполнение компаниями своих обязательств по пенсионному страхованию работников становится для них все более и более обременительным. Некоторые крупные компании даже отказались от страхования работников в *косэй нэнкин,* и последние теперь являются подписчиками только *кокумин нэнкин,* не требующей участия работодателей в выплате взносов.

Непростая ситуация складывается и в системе *кёсай кумиаи*, хотя в разных ассоциациях дела обстоят по-разному. В наиболее тяжелом положении оказались пенсионные фонды ассоциации взаимопомощи служащих центральных государственных учреждений и ассоциации служащих местных органов власти. По соотношению между числом лиц, выплачивающих взносы, и числом получателей пенсий – соответственно 1,5 : 1 и 1,43 : 1 – их положение даже хуже, чем *кокумин нэнкин* и *косэй нэнкин*, где эти показатели составляют соответственно 2,23 : 1 и 2,28 : 1. Самым благополучным является пенсионный фонд ассоциации взаимопомощи учителей частных школ и преподавателей частных университетов, где число подписчиков в 4 раза превышает число получателей пенсий[39].

Для решения финансовых проблем пенсионной системы страны предпринимаются различные шаги. Так, уже при правительстве С. Абэ в апреле 2014 г. с 5 % до 8 % была повышена ставка потребительского налога, который идет на субсидирование базовой пенсии. Следующее повышение ставки – до 10 % – намечено на 2017 г. Кроме того, как уже отмечалось, происходит постепенное повышение страховых взносов в *кокумин нэнкин*. Периодически повышаются размеры страховых выплат и в двух других системах. Еще одним действенным способом решения финансовых проблем может стать повышение пенсионного возраста, что представляется вполне реальным с учетом высоких показателей продолжительности жизни японцев. Различные варианты этого вопроса сейчас прорабатываются экспертами.

Однако пенсионная система страны сталкивается не только с финансовыми проблемами. Громоздкость и сложная организационная

---

[38] Ibid. P. 18.

[39] Annual Health, Labour and Welfare Report 2013/2014. P. 236.

структура, различные условия страхования для разных категорий граждан, значительный разрыв в размерах пенсий, сложность процедуры переноса пенсионных прав из одной системы в другую (например, в случае перехода на работу из государственного сектора в частный или наоборот), труднодоступные для понимания простых граждан схемы расчета пенсий и т. д. – все это не только затрудняет работу самой пенсионной системы, но и вызывает у населения сомнения относительно ее справедливости и надежности. На устранение многих из этих проблем и направлена реформа пенсионной системы, которая должна начаться с 1 октября 2015 г.

Основные положения этой реформы – следующие.

Во-первых, в ходе реформы должны быть ликвидированы различия между *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи* в отношении величины взносов, размеров пенсий, а также в процедурных вопросах. При этом условия пенсионного страхования *кёсай кумиаи* должны быть приближены к условиям *косэй нэнкин*.

В-вторых, для регистрации новых членов, расчета пенсий, сбора взносов и т. д. будут использоваться существующие структуры *кёсай кумиаи*, но уже в качестве исполнительных органов *косэй нэнкин*. Это позволит сохранить управляемость системы и сэкономить значительные средства, которых потребовал бы перевод застрахованных из одной системы в другую. При этом в самой объединенной системе сохранится четыре категории застрахованных: первая – те, кто прежде был застрахован в *косэй нэнкин*; вторая – государственные служащие центральных правительственных учреждений; третья – служащие местных государственных органов; четвертая – преподаватели и работники частных школ и университетов.

В-третьих, для того, чтобы ликвидировать разницу между пенсиями работников частных компаний и государственных служащих, будет упразднена третья часть пенсии государственных служащих – так называемая доплата за профессию *(сёкуики касан)*, которая выплачивается из пенсионного фонда ассоциации госслужащих и за счет которой пенсии последних существенно превышают пенсии работников частных компаний. Ее заменит другой вид надбавки, закон о которой будет принят позже. Эти изменения коснутся только тех служащих, которые работают в настоящее время или поступят на государственную службу в будущем. Что же касается тех, кто уже вышел на пенсию, то для них сохраняются прежние условия.

В-четвертых, на 27 % будут снижены пенсии *онкю* (благодарность за службу), которые покрываются целиком за счет бюджетных средств. Так называются пенсии государственных служащих, вышедших на пенсию еще до создания *кёсай кумиаи.* Этот вид пенсии сейчас получают

около 510 тыс. человек, в основном бывшие военные (а точнее – уже их наследники). С точки зрения состояния финансовой базы пенсионной системы сокращение *онкю* не играет сколько-нибудь существенной роли, это в большей степени акция, призванная продемонстрировать направленность реформы на повышение социальной справедливости пенсионной системы.

В-пятых, страховые взносы государственных служащих должны сравняться со взносами подписчиков *косэй нэнкин* к 2018 г., а взносы преподавателей и работников частных школ и университетов – к 2027 г. Пенсионный фонд *косэй нэнкин* будет объединен с пенсионным фондом *кёсай кумиаи*, и в результате этого объединения будет создан общий источник финансирования пенсионных выплат. При этом из пенсионного фонда *кёсай кумиаи* в общий фонд должна быть переведена сумма, эквивалентная поступлениям фонда *косэй нэнкин* за 4,2 года. За вычетом этой суммы Ассоциация работников государственных учреждений будет располагать собственным фондом в размере 20,7 трлн. иен, а Ассоциация преподавателей и работников частных школ и университетов – в размере 2 трлн. иен. Эти средства они смогут использовать для выплаты заработанной прежде госслужащими *сёкуики касан* (надбавки за профессию) и прочих выплат[40].

Таким образом, результатом пенсионной реформы, к которой приступили либерал-демократы, станет унификация условий пенсионного страхования и пенсионного обеспечения для огромной армии работников, что должно существенно упростить пенсионную систему страны, сделать ее более понятной и справедливой. Повышение взносов для всех подписчиков, отмена привилегий государственных служащих, оптимизация системы управления смогут в определенной степени ослабить остроту финансовых проблем, связанных с быстрым старением населения, но, разумеется, не решат их полностью.

На данном этапе пенсионная система представляет собой наиболее проблемный участок социального обеспечения в Японии. Но очевидно, что с учетом нынешней и прогнозируемой демографической ситуации будут все больше обостряться и проблемы, связанные с медицинским обслуживанием населения.

Как отмечалось выше, после принятия в 1997 г. Закона о страховании долговременного ухода система медицинского страхования стала включать три звена:

– страхование по месту работы или виду профессии: работников компаний с числом занятых более 5 человек – через Общественную

---

[40] Комамура Кохэй. Нихон-но нэнкин (Пенсионная система Японии). Т., 2014. С. 82–85. Сведения о получателях *онкю* предоставлены автору почетным профессором Токийского университета иностранных языков Окада Сусуму.

систему страхования здоровья, работников мелких предприятий – через Японскую ассоциацию страхования здоровья, госслужащих, преподавателей и работников частных школ и университетов, моряков – через соответствующие общенациональные ассоциации (число застрахованных на март 2011 г. – соответственно 29 млн. 353 тыс., 35 млн. 103 тыс. и 9 млн. человек);

– страхование через муниципалитеты в Национальной системе страхования здоровья прочих категорий граждан – самозанятых, фермеров, рыбаков и лесников, безработных, пенсионеров, а также лиц моложе 75 лет, не включенных в другие схемы страхования (общее число застрахованных – 37 млн. 678 тыс.);

– страхование здоровья лиц в возрасте старше 75 лет в системе медицинского обслуживания граждан преклонного возраста (общее число застрахованных – 15 млн. 168 тыс. человек)[41].

Важной особенностью системы медицинского страхования в Японии является, во-первых, одинаковая для всех схем доля страховых выплат в покрытии расходов граждан на медицинские услуги (30 %)[42] и, во-вторых, одинаковые для всех больниц и клиник страны цены на медицинские услуги. Последние устанавливает Министерство здравоохранения, труда и благосостояния в соответствии с рекомендациями Медицинского комитета Совета по социальному страхованию (консультативного органа, состоящего из представителей медицинских кругов, страховых компаний и обычных граждан).

Методы определения и способы сбора страховых взносов в разных системах различны. Так, в системах страхования, привязанных к месту работы или виду профессии, взносы вычитаются из заработной платы, а их ставки варьируются в зависимости от уровня дохода (от 3% до 12 %). В Национальной системе страхования здоровья взносы напрямую переводятся подписчиками в местные муниципалитеты. Взносы устанавливаются муниципалитетами в расчете на домохозяйство и состоят из двух частей – фиксированной части, одинаковой для всех домохозяйств, и части, рассчитываемой с учетом уровня доходов, объема активов, состава семьи, т. е. разной для разных домохозяйств. Что касается сбора взносов с пожилых граждан (старше 64 лет), то они изымаются из их пенсии местными муниципалитетами. В 2012–2014 гг. они составляли в среднем около 5 тыс. иен в месяц[43].

С точки зрения соотношения между страховыми взносами и страховыми выплатами положение систем медицинского страхования сильно

---

[41] Annual Health, Labour and Welfare Report 2013/2014. P. 27.

[42] За исключением граждан старше 75 лет, которые оплачивают 10 % стоимости услуг, а также лиц с низкими доходами, для которых установлены разного рода льготы.

[43] Social Security in Japan 2014. P. 25, 35.

различается. Наиболее благополучны системы, привязанные к страхованию по месту работы или виду профессии, что совершенно естественно, поскольку здесь застрахованы люди молодого и среднего возраста. Хуже обстоит дело с Национальной системой страхования здоровья. Во-первых, в ней застрахована большая часть пожилых граждан в возрасте от 65 до 74 лет, которые гораздо чаще пользуются медицинскими услугами; во-вторых, здесь весьма значительна доля лиц с невысокими доходами, в том числе тех, кто освобожден от уплаты взносов, но сохраняет доступ к системе медицинского обслуживания. (В 2011 г. порядка 10 % от общего числа застрахованных в Национальной системе страхования здоровья либо вообще не платили взносов, либо платили неполную сумму). Однако, наиболее сложное положение складывается в системе медицинского страхования граждан старше 75 лет, особенно в связи с быстрым увеличением числа лиц, нуждающихся в постоянном уходе.

О том, насколько значителен разрыв в расходах на медицинское обслуживание между разными категориями застрахованных, наглядно свидетельствуют приводимые ниже цифры. Так, в 2009 г. средняя стоимость медицинского обслуживания за год в расчете на одного человека составила:

– в системе страхования граждан старше 75 лет – **844,4 тыс. иен**;

– в Национальной системе страхования здоровья – **168,7 тыс. иен;**

– в страховании работников частных компаний с числом занятых от 5 человек (в Общественной системе страхования здоровья) – **111,4 тыс. иен;**

– в страховании работников мелких предприятий (в Японской Ассоциации страхования здоровья) – **122,6 тыс. иен;**

– в страховании через ассоциации взаимопомощи – **159,9 (тыс. иен)**[44*]**.**

Для того, чтобы смягчить проблему дисбаланса в системе страхования здоровья лиц старше 75 лет, а также в Национальной системе страхования здоровья (по категории граждан в возрасте от 65 до 74 лет), был введен механизм перекрестного финансирования, т. е. перевода средств из благополучных систем в менее благополучные. Благодаря этому Национальная система страхования здоровья в том же 2009 г. получила дополнительно 52, 6 тыс. иен на человека, а система страхования граждан старше 75 лет – 361,3 тыс. иен[45].

Разумеется, весьма велика и доля государственных субсидий в оплате медицинских услуг населению. Как отмечалось выше, государство берет на себя оплату половины расходов по медицинскому обслужива-

---

[44] Ibid. P. 24.

*Данные по ассоциации взаимопомощи моряков.

[45] Ibid. P. 25.

нию граждан в возрасте старше 75 лет. Кроме того, оно оплачивает 16,4 % расходов на страховые выплаты находящейся под управлением правительства Японской ассоциации страхования здоровья, в которой застрахованы работники мелких предприятий. Наконец, на государственные субсидии приходится более 40 % суммы страховых выплат Национальной системы страхования здоровья[46].

На наш взгляд, достоинством японской системы медицинского страхования и медицинского обслуживания является, во-первых, то, что она основана на принципе солидарности поколений, когда работающие поколения покрывают львиную долю расходов на медицинское обслуживание лиц преклонного возраста, и, во-вторых, то, что она в целом соответствует принципу социальной справедливости, поскольку при определении размеров страховых взносов и доли расходов, оплачиваемой самими гражданами, учитывается их материальное положение. Однако быстрое старение населения делает поддержание этой системы все более и более обременительным как для работающих поколений, так и для государственного бюджета.

Не затрагивая основных принципов организации системы медицинского страхования, на данном этапе либерал-демократы стремятся решить эту проблему главным образом за счет снижения расходов на медицинское обслуживание путем оптимизации работы этой сферы. В рамках принятой еще в 2012 г. Комплексной реформы системы социального обеспечения и налогообложения были намечены и начали осуществляться меры, направленные на разграничение функций и усиление сотрудничества между больницами разного профиля; более равномерное размещение медицинских учреждений по территории страны; сокращение средней продолжительности пребывания пациентов в больницах; улучшение работы системы консультирования и просвещения; упразднение дублирования в практике обследований и консультирования; отказ от чрезмерного использования медикаментов (за счет отделения собственно медицинских услуг от лекарственного обеспечения пациентов); расширение использования дженерик- препаратов и т. д.[47].

Что же касается наиболее сложного участка – долговременного ухода за лицами преклонного возраста, то акцент сделан на мерах, призванных предотвратить возникновение болезней, вызывающих потребность в услугах такого рода. Особая роль в этом отводится улучшению работы комплексных центров, созданных при муниципалитетах и предоставляющих пожилым гражданам самые разные виды услуг – меди-

---

[46] Annual Health, Labour and Welfare Report 2013/2014. P. 27. Данные на май 2014г.

[47] Definite Plan for the Comprehensive Reform of Social Security and Tax. June 30, 2011. P. 5–6. (www.cao.go.jp/)

цинское обслуживание, услуги по уходу, помощь в уборке и благоустройстве дома, проведение оздоровительных процедур и т. д. Признано также целесообразным расширить помощь со стороны местных органов власти семьям, в которых имеются престарелые люди, нуждающиеся в уходе, с тем, чтобы насколько возможно оттянуть их перевод в стационар (ведь именно долговременный уход в стационаре является наиболее дорогостоящим видом услуг).

Как видно из изложенного выше, после возвращения к власти в 2012 г. либерал-демократы успели сделать немало в области социального обеспечения. В целом их политика в этой области может быть оценена как продолжение неоконсервативного курса, который был взят ими на вооружение с начала 1990-х годов. Правда, судя по некоторым нюансам, теперь они намерены усилить акцент на разделении ответственности за решение накопившихся в этой сфере проблем между тремя сторонами – самими индивидами, местными сообществами и государством. Можно ли расценить это как консервативный поворот – судить довольно трудно, тем более, что в сфере социальной политики грань между неоконсерватизмом и консерватизмом, на наш взгляд, довольно условна.

Глава шестая

Политика кабинета Абэ в сфере образования: консерватизм или ответ на вызовы глобализации?

В данной главе будут рассмотрены некоторые особенности политики второго кабинета Синдзо Абэ в области образования. Курс правительства либерал-демократов на этом направлении нередко односторонне характеризуется как «консервативный» и «националистический». Однако такие поспешные оценки, как будет показано ниже, не учитывают всего многообразия аспектов политики С. Абэ и его команды.

Образовательные реформы в контексте стратегии Абэ

С. Абэ, сменивший в 2006г. на посту премьер-министра популярного и харизматичного Коидзуми Дзюнъитиро, позиционировал ЛДП как консервативную партию. Он был уверен, что страну необходимо избавить от «оккупационной системы», навязанной во время американской оккупации и чуждой Японии. Эта задача для него была неразрывно связана с пересмотром Основного закона об образовании и действующей Конституции, вступивших в силу практически одновременно в 1947 г.[1] Основной закон 1947 г. ознаменовал разрыв с довоенной системой образования, в нем не нашлось места словам о патриотическом воспитании и почитании национальных традиций, которые были основополагающими компонентами в довоенной системе. И Конституция и Основной закон 1947 г. должны были, по замыслу американских оккупационных властей, воспрепятствовать возрождению японского милитаризма[2].

Первый кабинет Абэ добился внесения изменений в Основной закон об образовании, который ни разу не пересматривался с момента принятия.

---

[1] *Сенаторов А. И. Цветова И. А.* Один год правления кабинета С. Абэ // Япония. Ежегодник. 2007. М., 2007. С. 11.

[2] *Говоров А. В.* Проект базового закона об образовании в контексте проблемы пересмотра конституции Японии // Япония. Ежегодник. 2007. М., 2007. С. 30.

Число его статей увеличилось с 11 до 18[3]. По оценке отечественных японоведов, содержание закона было приведено в соответствие с современными задачами, стоящими перед японским образованием[4]. В преамбуле и статье о целевых установках был сделан новый акцент на воспитании «общественного духа», а не на «уважении личности» как в первоначальном варианте. Новые формулировки закона также требуют воспитывать людей, «уважающих традиции и культуру, относящихся с любовью к выпестовавшим эти традиции и культуру родине и родным местам». Критики усмотрели в этой ревизии попытку возродить систему времен авторитарного правления, насаждавшую слепое повиновение государству и игнорировавшую права отдельного человека[5]. Вместе с тем правительство в некоторой мере учло критику оппозиции. Пункт статьи о целях образования, в котором фактически была прописана необходимость воспитания патриотизма, был дополнен положением о «воспитании уважения к другим странам, стремлении вносить вклад в мир, и развитие международного сообщества»[6].

Еще накануне выборов в нижнюю палату парламента в декабре 2012 г. либерал-демократы озвучили некоторые из планируемых преобразований, в частности, реформу местных отделов образования, а также изменение содержания школьных учебников[7].

После триумфального возвращения к власти С. Абэ и его соратники по-прежнему считают образование одним из главных аспектов своей внутренней политики. Единомышленником Абэ является министр просвещения Симомура Хакубун (до конца 2015 г.). Важный вклад в подготовку реформ вносит не только Центральный совет по образованию (*Тюо кёику сингикай*), совещательный орган при министерстве просвещения, но и Совет по возрождению образования (*Кёику сайсэй дзикко кайги*), который действовал еще при первом кабинете Абэ. В этот орган вошли ученые, бизнесмены, чиновники.

В феврале 2015 г., выступая перед депутатами парламента, С. Абэ в числе ключевых направлений своей политики наряду с экономическим ростом, реформами системы социального обеспечения упомянул и перестройку системы образования[8]. Задуманные изменения он назвал наи-

---

[3] Перевод Основного закона об образовании 1947г. на русский язык см. в приложении к статье *Железняк О. Н*. О принятии в Японии нового основного закона об образовании // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXIV. М., 2009. С. 115–118.

[4] *Сенаторов А. И. Цветова И. А.* Указ. соч. С. 22.

[5] Там же. С. 21.

[6] Там же.

[7] Асахи симбун. 17.11.2012.

[8] Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 189th Session of the Diet. 12.02.2015. http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201502/policy.html

более кардинальными реформами с момента окончания Второй мировой войны. Глава кабинета министров цитировал в своей речи ученого конца эпохи Токугава Ёсида Сёин и одного из ведущих политических деятелей эпохи Мэйдзи Ивакура Томоми. Создается впечатление, что он ставит планируемые реформы в один ряд с преобразованиями *Мэйдзи исин*. По словам С. Абэ, «нет причин, почему сегодня японский народ не сможет добиться того, чего его предки достигли в эру Мэйдзи»[9].

Можно утверждать, что начинания С. Абэ и его кабинета являются продолжением третьей после мэйдзийской и послевоенной широкомасштабной реформы образования, начатой в 1980-х годах. Идеи Абэ во многом восходят к инициативам Государственного комитета по реформе образования, созданного по инициативе тогдашнего премьер-министра Накасонэ Ясухиро: идея непрерывного обучения в течение всей жизни, гибкость образования с упором на развитие личности, воспитание личности открытого общества, адекватной эре глобальной интернационализации и информатизации[10].

В период послевоенного восстановления и высоких темпов экономического роста Японии требовалась подготовленная на основе единых стандартов рабочая сила, нужны были, прежде всего, ответственные исполнители. После превращения страны в экономическую сверхдержаву эгалитаризм и единообразие системы образования стали помехой на пути её дальнейшего развития. В условиях глобализации всё больший спрос предъявляется на творческие и разносторонние личности, чему, как осознали в Японии задолго до прихода к власти кабинета С. Абэ, должна соответствовать и система обучения[11].

По оценке наблюдателей, Абэ стремится к подготовке человеческих ресурсов, готовых к глобальной конкуренции. Задуманные изменения в сфере образования можно рассматривать как важную часть «абэномики»[12]. Во время круглого стола с преподавателями Стэнфордского университета и специалистами Силиконовой долины С. Абэ выразил восхищение тем, какими быстрыми темпами развивается высокотехнологичный сектор в США. Японский лидер также озвучил новые планы по углублению связей между японскими компаниями и Силиконовой долиной, Стэнфордским университетом и сопоставимыми с ним учреждениями.

---

[9] Там же.

[10] *Молодякова Э. В.* Политика в сфере образования // Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. М., 1998. С. 258–259. Об истории японской системы образования во второй половине XX в. см.: *Тихоцкая И. С.* Система образования Японии: истоки и симптомы кризиса // Япония. Ежегодник. 1998–1999. М., 1999. *Тихоцкая И. С.* Японская система образования // Япония без предвзятостей. М., 2003.

[11] *Молодякова В. Э. Маркарьян С. Б.* Перманентная реформа образования // Япония: переворачивая страницу. М., 1998. С. 107–108.

[12] The Japan Times. 29.12.2013.

В то же время он признал низкий темп инноваций в Японии[13]. Абэ стал первым японским премьер-министром, посетившим Стэнфорд. По всей видимости японская элита испытывает тревогу из-за возможного отставания от мирового лидера США, и стремительно наращивающего свою мощь Китая.

Японским компаниям необходимо удержать и расширить свои позиции на мировом рынке. Подготовка человеческих ресурсов, способных к конкуренции в глобальном масштабе, как хорошо понимает японское правительство, станет одним из ключевых факторов, который позволит Японии в будущем обеспечить экономический рост.

Основополагающие установки политики правительства Японии в сфере образования изложены в «Белой книге», подготовленной Министерством просвещения. На содержание этого документа оказал влияние «Второй базовый план по обеспечению образования», обнародованный Центральным советом по образованию 25 апреля 2013 г. после почти двухлетней подготовительной работы. 14 июня того же года этот план был поддержан кабинетом министров. При его составлении были учтены и последствия Великого восточно-японского землетрясения.

Согласно «Белой книге», образование способствует проявлению индивидуальности и раскрытию способностей отдельного человека, а также является фундаментом развития всего общества. Вместе с тем страна стоит перед лицом новых вызовов и проблем, что делает неизбежным переформатирование системы образования: общество стареет, падает рождаемость и уменьшается трудоспособное население. Япония по ряду параметров отстает в глобальной конкурентной гонке[14]. Приоритетной целью является построение общества, в котором обеспечены возможности для непрерывного обучения на протяжении всей жизни. Её достижение сопряжено, по мнению авторов «Белой книги», с выполнением следующих задач: 1) воспитание навыков, необходимых для жизни в обществе; 2) подготовка человеческих ресурсов, способных к «прорыву в будущее»; 3) построение безопасной для образовательного процесса среды; 4) создание жизнеспособных местных сообществ[15]. Злободневными проблемами в сфере школьного обучения признаются издевательства, насилие и случаи телесных наказаний со стороны учителей, а также снижение мотивации детей к обучению[16].

---

[13] Shinzo Abe at Stanford: Innovation will spur Japan's future. 01.05.2015. http://news.stanford.edu/news/2015/may/shinzo-abe-visit-050115.html

[14] Момбу кагаку хакусё 2013 («Белая книга по науке и образованию»). Часть 1. С. 30. http://www.mext.go.jp

[15] Там же. Часть 2. Глава 1. С. 74.

[16] Меры противодействия указанным негативным тенденциям, предлагаемые Министерством просвещения, описаны в гл. 4 (Часть 2) «Белой книги».

Министерство просвещения Японии стремится к подготовке человеческих кадров с широким международным кругозором, высококвалифицированных и готовых к участию в глобальном экономическом соперничестве. В этой связи особое внимание обращается на улучшение преподавания английского языка, как в школе, так и в высших учебных заведениях, поскольку этот язык стал lingua franca новой эры.

Между тем успехи японских школьников в изучении английского, по общепринятому мнению, всё ещё достаточно скромны. В 2015 г. министерство провело тестирование учащихся 3-го года обучения средней школы второй ступени на владение английским языком. Обнаружилось, что даже в чтении 73% учеников остались на уровне средней школы первой ступени. Около 87% протестированных школьников не соответствовали по результатам письменных и разговорных тестов уровню выпускников средней школы второй ступени. В тестировании приняло участие примерно 70 тыс. учеников из 480 государственных школ[17].

Премьер-министр С. Абэ объявил о том, что планируется начать ведение курсов на английском языке в средних школах первой ступени. По его словам, студенты должны овладеть практическим английским, который побудит их к общению[18].

В настоящее время английский преподается один раз в неделю в 5-м классе начальной школы, а в средней школе первой ступени – четыре раза в неделю. Однако комитет по реформе преподавания английского языка при Министерстве просвещения предлагает при обучении английскому больше развивать навыки разговорной практики и восприятия на слух. Кроме того, эксперты рекомендуют начинать преподавание уже в 3-м классе начальной школы[19].

Средние школы второй ступени в обучении английскому должны сделать акцент на навыках устной коммуникации, а университеты должны принимать результаты международного тестирования на знание английского TOEFL (Test of English as a Foreign Language) в качестве вступительных экзаменов. Такое мнение высказал депутат от ЛДП, член постоянного комитета по образованию, культуре, спорту, науке и технологиям нижней палаты парламента Японии Эндо Тосиаки в интервью газете The Japan Times[20]. По его мнению, школы так и не смогли научить студентов общаться на английском. Если же TOEFL, который включает тесты на понимание на слух и на разговорные навыки, будет введен в качестве вступительного экзамена в университеты, это заставит

---

[17] The Japan News. 19.03.2015.

[18] Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 186th Session of the Diet. 24.01.2014. http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201401/24siseihousin_e.html

[19] The Japan Times. 28.12.2014.

[20] The Japan Times. 05.04.2013.

средние школы второй ступени преподавать английский так, чтобы развивать навыки общения для получения более высоких баллов TOEFL. В настоящее время в японской школе упор делался на письменный английский[21].

Новые учебники: акцент на патриотизме

Полемика по вопросу о содержании учебников истории для средних школ второй ступени продолжается с середины 1950-х годов[22]. Подача в учебниках исторических событий и их интерпретация вызвали острое политическое противостояние. Зачастую чиновники Министерства просвещения настаивали на более «патриотическом» взгляде на историю, историки левых взглядов – на более критическом подходе. Эта дискуссия, таким образом, отражала борьбу консервативных и левых сил на политической арене[23].

Современная система сертификации школьных учебников была создана после принятия Основного об образовании 1947 г. До поражения Японии во Второй мировой войне разработка учебников происходила под жестким надзором правительства. По существующим правилам учебники готовятся частными издателями, которые в обязательном порядке представляют их на рассмотрение Министерства просвещения. Учебные пособия должны соответствовать инструкциям относительно содержания учебных курсов для японских школ, но издатели могут по своему усмотрению инкорпорировать в текст свой подход к подаче материала[24]. Одобренные Министерством учебники поступают на рассмотрение местных отделов образования, от которых зависит, будут ли они задействованы в учебном процессе в государственных школах в том или ином районе. Частные школы сами выбирают пособия из перечня, утвержденного образовательным ведомством. Процесс разработки и последующей сертификации учебников занимает длительное время: три года и более[25].

---

[21] Ibidem.

[22] Об истории идейно-политических баталий вокруг содержания учебников см.: Mark Selden, Yoshiko Nozaki. Japanese Textbook Controversies, Nationalism, and Historical Memory: Intra- and Inter-national Conflicts http://japanfocus.org/-Yoshiko-Nozaki/3173/article.html. Японию и её соседей разделяет разное видение недавнего прошлого, прежде всего, событий 1930-х – 1-й половины 1940-х годов в Восточной Азии. Подробнее см. *Молодяков В. Э.* Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М., 2011, главы 5, 7, Case study. См. также *Стрельцов Д. В.* Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // Япония. Ежегодник. 2014. М., 2014.

[23] *Стрельцов Д. В.* Указ. соч. С. 18.

[24] Japan's School Textbook Examination Procedure. June 2005 http://www.mofa.go.jp/policy/education/textbooks/

[25] Ibidem.

В беседе с журналистами американского издания Wall Street Journal, говоря о содержании школьных учебников, С. Абэ отметил, что «важен баланс». При этом он сослался на пример образовательной реформы, проведенной в 1988 г. в Великобритании М. Тэтчер, после которой в учебниках было установлено равновесие между «светлой» и «темной» сторонами при описании английского прошлого. По результатам международных опросов и исследований оказалось, чтомногие японские дети не гордились своей страной[26]. Как считает Абэ, это напрямую связано с тем, что многие японские дети не испытывают гордости за себя, они неспособны обрести уверенность в своих силах. По этой причине они не могут говорить о родине во время дебатов с детьми из других стран, полагает С. Абэ. Всё это приводит к тому, что японцы занимают пассивную позицию, когда дело доходит до проведения различных реформ, подытожил премьер-министр[27].

В апреле 2013 г. Абэ, выступая в парламенте, заявил, что система скрининга учебников не отражает дух пересмотренного Основного закона об образовании, в котором сделан акцент на воспитании любви к своей стране и малой родине. После этого Министерство просвещения в январе 2014 г. объявило о введении новых стандартов отбора учебников, согласно которым при описании некоторых тем современной истории в учебнике должна быть отражена точка зрения правительства или решения судов (при наличии). Ведомство не пояснило, какие именно темы могут быть затронуты. Предположительно, речь может идти о территориальных спорах между Японией и соседними государствами, «Нанкинской резне», проблеме «женщин комфорта», статусе сил самообороны[28]. В апреле 2014 г. Министерство добавило новое правило в стандарты по скринингу учебников: они могут быть отвергнуты, если содержат серьезные дефекты с точки зрения положений Основного закона об образовании, измененного в 2006 г.[29].

Ревизия учебников – часть образовательной реформы, инициированной С. Абэ, который не раз критиковал послевоенную образовательную систему за «мазохистский взгляд» на национальную историю. «Образование в Японии было искажено с конца войны», – сказал Абэ. По его словам, «Япония никогда не достигнет настоящей независимости, пока не избавится [от послевоенной системы образования]»[30].

По оценке The Japan Times, новые инструкции Министерства просвещения могут вынудить авторов учебников прибегнуть к самоцензуре,

---

[26] Wall Street Journal. 26.04.2015.
[27] Ibidem.
[28] The Japan Times. 12.01.2014.
[29] Майнити. 07.04.2015.
[30] Асахи симбун. 02.03.2014.

чтобы избежать недовольства чиновников. Такие шаги усиливают контроль государства над учебниками и способствуют воспитанию ограниченного «национализма» среди детей, отмечает издание[31].

Территориальные проблемы в новых учебниках

Внесение изменений в школьные учебники не ограничилось темами, связанными с историей Второй мировой войны. В новых пособиях, одобренных Министерством для использования с весны 2016 г. в школах первой ступени отведено больше материала, посвященного территориальным проблемам, чем в предыдущих. Некоторые учителя выражают недовольство: для преподавания этой темы не выделяется достаточно времени. Кроме того, высказываются опасения, что новые учебники могут воспитать в учащихся негативное отношение к соседним странам[32].

Ведомство Симомура Хакубун в январе 2014 г. пересмотрело методические инструкции по составлению учебников. По новым нормам учебники географии и общественных наук должны разъяснить ученикам, что острова Такэсима (кор. Токто) и Сэнкаку (кит. Дяоюйдао) – неотъемлемая часть Японии, как и «Северные территории» (Южные Курилы, принадлежащие России), а учебники истории – как и почему вышеперечисленные острова стали частью Японии[33]. В учебниках также будет указано, что острова Такэсима незаконно контролируются Южной Кореей. Между тем вопрос об островах Сэнкаку ранее вообще не включался в текст учебников для средних школ первой и второй ступени, а развернутого описания проблемы островов Такэсима в учебниках средних школ второй ступени не было вообще[34].

По оценке газеты The New York Times, «консервативное» правительство Синдзо Абэ начало проводить более явный «националистический курс» и привнесло более патриотический акцент в школьные учебники. Критики опасаются, что такой шаг еще больше оттолкнет страну от послевоенного пацифизма. По их мнению, новые стандарты по скринингу приведут к «националистического» уклону в трактовке истории Второй мировой войны[35]. Сходные опасения многократно высказывались и в японской прессе: эти изменения могут способствовать отходу Японии от прежней сдержанной внешней политики, а в перспективе способствовать росту милитаристских настроений.

---

[31] The Japan Times. 12.01.2014.

[32] Майнити. 07.04.2015.

[33] Майнити. 07.04.2015.

[34] Асахи симбун. 02.03.2014. Вероятно, такое описание отсутствовало ввиду возможной негативной реакции Китая и Южной Кореи.

[35] The New York Times. 28.12.2013.

Вслед за сменой стандартов по скринингу стало известно, что все учебники по обществоведческим дисциплинам, одобренные для использования в японских начальных школах (5-й и 6-й классы) уже с апреля 2015 г. должны упоминать острова Такэсима и Сэнкаку, которые являются объектом спора между Японией и её соседями (Кореей и Китаем). 4 апреля 2014 г. были объявлены итоги скрининга. Министерство просвещения одобрило 210 учебников, из них 139 для начальной и 73 для школы верхней ступени. Учебные пособия были поданы на рассмотрение ведомства весной 2013 г. Все пять издателей, которые представляли тексты для скрининга, упомянули острова Такэсима и острова Сэнкаку. В семи из 14 учебников четко утверждалось, что эти острова – неотъемлемая часть территории Японии. При этом лишь один из 17 учебников, которые ранее прошли отбор для использования в начальной школе, упоминал о территориальных проблемах[36].

После этого Сеул и Пекин обрушились на Токио с критикой. Японский посол был вызван в МИД Южной Кореи, где ему был выражен протест в связи с политикой японского Министерства просвещения. В одном из учебников истории, одобренных для школы, есть фрагмент, в котором говорится, что нет документов прямо доказывающих, что военные японской императорской армии насильно забирали «женщин комфорта». Министерство образования Южной Кореи также обнародовало заявление, в котором, в частности, говорится: «Мы решительно осуждаем результаты скрининга учебников и требуем их исправления»[37].

Последовала и резкая отповедь из Пекина. По сообщению агентства «Синьхуа» официальный представитель МИД КНР Хун Лэй призвал Японию «прекратить провокации и обучать молодежь правильным взглядам на историю». «Япония должна сообщить своему следующему поколению правдивые факты об островах Дяоюйдао: они принадлежат Китаю и были незаконно похищены», – заявил Хун Лэй на пресс-конференции[38].

Повышение зависимости отделов образования от местных властей

Реформа местных отделов народного образования – ещё одна особенность политики кабинета С. Абэ. Учреждение в 1948 г. таких отделов на уровне префектур и муниципалитетов по американскому образцу было одной из ключевых послевоенных реформ[39] по демократизации и

---

[36] Асахи симбун. 04.04. 2014.
[37] Асахи симбун. 07.04.2015.
[38] Синьхуа. 04.04.2014. http://russian.news.cn/china/2014-04/05/c_133239955.htm
[39] Education in Japan. Past and Present. National Institute for Educational Policy Research. P. 6. www.nier.go.jp/English/educationjapan/pdf/201103EJPP.pdf

обеспечению автономии системы обучения на локальном уровне[40]. В 1956 г. Закон об отделах образования был отменен, по новому закону была усилена субординация отделов образования по отношению к местным властям и центральному правительству. Кадровыми вопросами, касающимися назначения учителей в начальные и средние школы первой ступени, стали ведать отделы образования префектур, а не муниципалитетов, как было установлено первоначально. В настоящее время отбор учебников для частных школ осуществляет директор, а отделы образования на местах выбирают учебные пособия для государственных школ[41].

Отдел образования состоит из 5–6 человек, каждый из которых назначается мэром или губернатором. Назначение одобряется собранием народных представителей префектуры или муниципалитета. Срок полномочий членов отделов – 4 года. Из их числа избирается на один год Председатель отдела (*кёику иинтё*), который представляет отдел и ведет его заседания, Управляющий (*кёикутё*) возглавляет секретариат. Его выбирают аналогичным образом. Управляющий обычно является специалистом в сфере образования и занимается повседневной работой, консультируя при необходимости остальных членов отдела[42]. Важнейшие решения отдела принимаются коллегиально на общих заседаниях.

В 2013 г. Совет по возрождению образования при С. Абэ представил второй пакет предложений, призывающий к решительной реформе системы местных отделов народного образования. Согласно предложениям Совета главами отделов должны стать Управляющие, которые, как предполагается, будут назначаться руководителем органа местного самоуправления с согласия законодательных собраний. Они будут нести главную ответственность за управление образованием в соответствующем районе. При этом глава местного самоуправления будет вправе сместить *кёикутё*. Предложения были выдвинуты на фоне растущей критики отделов образования, неспособных своевременно отреагировать на злободневные вопросы[43].

При существующей системе не ясно, кто несет конечную ответственность за решения отделов, которые собираются несколько раз в месяц; их работа в глазах критиков нередко является лишь пустой формальностью. Отделы нередко упрекают и в том, что они с большим промедлением реагируют на случаи издевательств и телесных наказа-

---

[40] Educational Administration in Japan. National Institute for Educational Policy Research. P. 5. http://www.nier.go.jp/English/educationjapan/pdf/201203EAJ.pdf

[41] Ibid. P. 7–9.

[42] Ибаракикэн кёику иинкай-но гайё (Краткое описание отдела образования префектуры Ибараки) http://www.edu.pref.ibaraki.jp/board/welcome/iinkai/gaiyou/index.html

[43] Ёмиури симбун. 16.04. 2013.

ний в школах. Таким образом, рекомендации Совета по возрождению образования направлены на то, чтобы повысить оперативность работы отделов, закрепить руководство их деятельность за Управляющими[44].

Предложения по реформе местных отделов выдвигал в декабре 2013 г. и Центральный совет по образованию. Предусматривается повышение роли Управляющих, которые будут нести главную ответственность за выбор учебников для школ, кадровые вопросы и др. При этом решающее слово в администрировании образованием будет принадлежать руководителям местных органов власти. Отделы образования будут выполнять совещательные функции при руководстве префектур и муниципалитетов, но их рекомендации не будут иметь принудительной силы[45].

Оппоненты этих реформ указывают, что их проведение усилит вмешательство государства в образовательный процесс. Деятельность отделов, которые были задуманы как средство обеспечения политической нейтральности и демократического контроля над обучением, во многом утратит смысл, поскольку они окажутся под контролем местных властей. При назначении Управляющих мэры и губернаторы будут руководствоваться, прежде всего, своими политическими пристрастиями. Следовательно, позиция Управляющих будет отражать идейные симпатии и антипатии глав местной власти.

Вместе с тем Центральный совет по образованию рекомендовал в 2014 г. объединение начальных и средних школ первой ступени по усмотрению муниципалитетов. Такими школами будут управлять один или два директора, одна средняя школа первой ступени будет связана с несколькими начальными школами[46].

Исходя из инициатив, выдвинутых советом, Абэ пообещал реформировать единообразную девятилетнюю систему обязательного школьного образования. Правительство поддерживает введение разнообразных вариантов обучения в рамках обязательного образования. Премьер подчеркнул, что правительство будет добиваться облегчения финансового бремени для учащихся из семей с низкими доходами. Будут расширены возможности кредитования для обучения в средних школах второй ступени[47].

В июне 2015 г. японский парламент одобрил изменения в Закон о школьном образовании, позволяющие школам менять программы и структуру обучения. Поправки вступят в силу в апреле 2016 г. и позво-

---

[44] Там же.
[45] The Japan Times.13.01.2014.
[46] The Japan Times. 28.12.2014.
[47] Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 189th Session of the Diet. 12.02.2015 http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201502/policy.html

лят учреждение школ с девятилетним обязательным образованием. Новые девятилетние школы будут возглавляться одним руководителем, а учителя должны будут иметь разрешение на преподавание в начальной школе и в школе средней ступени. Эту реформу можно считать откликом на неоднократную критику существующей системы, которая, как считают её противники, приводит к издевательствам и трудностям адаптации некоторых учащихся, переходящих из начальной в среднюю школу, а также не соответствует ускоренному физическому и умственному развитию современных детей[48].

Близкие к кабинету Абэ эксперты предлагают изменить принципы найма и подготовки школьных педагогов, в частности, ввести стандартные общенациональные экзамены для сертификации учителей. Сейчас такие экзамены отличаются по содержанию в разных районах страны[49].

Моральное обучение станет обязательным предметом

В выступлениях официальных лиц, в правительственных документах, в СМИ нередко можно встретить жалобы на недостаточный моральный уровень японской молодежи. Наблюдатели констатируют следующие проблемы: снижение мотивации к получению знаний, отказ детей от посещения школы, недостатки домашнего воспитания и образования, рост преступности и насилия в молодежной среде и т. п.[50]

По мнению нынешнего японского руководства, превращение курса морального обучения в постоянный предмет в начальных и средних школах первой ступени поможет справиться с проблемой издевательств и устранить недостатки в социальном и эмоциональном развитии молодежи. Такая точка зрения, в частности, была представлена в докладе Центрального совета по образованию, обнародованном в марте 2013 г. Совет так же рекомендовал принятие законов, направленных на борьбу с издевательствами и утверждающих последовательный запрет телесных наказаний в школах[51].

В октябре 2014 г. совет представил еще один доклад, призывающий к повышению статуса морального обучения, которое преподавалось с 1958 г., до официального школьного предмета. До настоящего времени

---

[48] Kyodo. 17.06.2015.

[49] Japan today. 16.05.2015.

[50] *Говоров А. Н.* Указ. соч. С. 29. О проблемах японской молодежи на рубеже XX-XXI вв. см. *Молодяков В. Э.* Японская молодежь накануне третьего тысячелетия // Япония: с чем в третье тысячелетие? М., 1999.

[51] Несмотря на то, что применение телесных наказаний со стороны учителей строго запрещено японскими законами, подобные инциденты всё же происходят. Так, в 2012г. острый общественный резонанс вызвало самоубийство студента, подвергшегося телесному наказанию со стороны учителя.

ему обычно отводилось одно занятие в неделю, не было официальных учебников, а учителя не ставили оценки. Стало известно, что министерство просвещения намерено приступить к выработке стандартов для скрининга учебников по моральному обучению.

В докладе Центрального совета по образованию отмечался неудовлетворительный уровень преподавания курса морали в школах. Поскольку моральное обучение – необязательный предмет, программа и методика его преподавания существенно отличаются в разных школах, и даже в одной школе учителя ведут его по-разному[52]. Нередки случаи, когда педагоги во время занятия по этике просто включают видеофильмы или дают читать книги, призывая учеников следовать поведению их героев. Кроме того, занятия по морали заменяются математикой или другими предметами[53].

Согласно докладу Совета, обучение морали должно помочь детям самостоятельно ответить на следующие важные вопросы: как они должны себя вести в той или иной ситуации, как должны думать, какой образ жизни вести, какими ценностями руководствоваться и т. п.[54]. По оценке газеты «Асахи симбун», реализация этих инициатив будет представлять собой первое серьезное изменение в этическом образовании за 70 лет, прошедших с момента отмены довоенного морального обучения в 1945 г. Совет также рекомендовал оценивать успехи в освоении курса не баллами, а комментариями преподавателей[55].

На основании вышеуказанных рекомендаций Министерство просвещения 4 февраля 2015 г. обнародовало черновой вариант новых указаний по курсу морального обучения. Предполагается разработать учебники и систему оценок по этому предмету[56].

Моральное обучение планируется ввести как официальный предмет в начальных школах с апреля 2018 г., а в средних школах первой ступени – с апреля 2019 г. Представители Министерства подчеркивают, что в этическом воспитании будут смещены акценты от простого чтения материалов к обучению, которое будет стимулировать самостоятельное мышление и дискуссии среди школьников. Согласно инструкциям, цель морального обучения состоит в воспитании детей, которые способны действовать в жизни на основании собственных суждений, и быть самостоятельными, взаимодействуя с другими людьми. В курс этики планируется включить такие темы как принципы морали в сфере информации, устойчивое развитие общества, научный прогресс и био-

---

[52] The Japan Times. 26.10.2014.
[53] Майнити. 05.02.2015.
[54] The Japan Times. 26.10.2014.
[55] Асахи симбун. 28.10.2014.
[56] Майнити. 05.02.2015.

этика[57]. Согласно предварительным предложениям Министерства цель курса должна состоять в том, чтобы побудить учеников к размышлению, а не в заучивании слов учителя.

Превращение морального обучения в официальную школьную дисциплину должно, по замыслу авторов реформы, не только способствовать решению существующих проблем в молодежной среде, но и повысить качество самого преподавания. Однако при обсуждении идей Министерства просвещения был высказан целый ряд серьезных возражений. Как уже указывалось, в начале 2014 г. были изменены правила скрининга учебных пособий для школ, которые впредь должны соответствовать базовым установкам ревизованного в 2006 г. Основного закона об образовании. Следовательно, в любых новых учебниках, в том числе, по моральному обучению, авторы должны будут уделить внимание воспитанию патриотизма и уважения к национальным традициям Японии.

Высказываются опасения, что не соответствующие идеологическим предпочтениям чиновников пособия просто не пройдут отбор, а сертифицированные учебники будут преимущественно отражать представление правительства о моральных ценностях. Тем самым содержание курсов этики будет выстроено в соответствии с запросами власть предержащих. Критики напоминают, что моральное обучение в японских школах вплоть до конца Второй мировой войны было средством насаждения «милитаристской» идеологии, основанной на поклонении императору. Остаются неясными методика преподавания и оценочная система. Вместе с тем, некоторые замечания противников проекта, утверждающих, например, что курс морального воспитания не будет учить детей критическому осмыслению политики своей страны, кажутся необоснованными. Любовь к своей стране и слепое преклонение перед ней, об опасности которой предупреждают оппоненты Министерства, – далеко не равнозначные понятия. Между тем, согласно плану образовательного ведомства, курс морального обучения должен помочь формированию «независимо мыслящих» японцев, которые будут уважать свои традиции, культуру, любить страну и малую родину, а также будут способны внести вклад в развитие мирного и демократического общества.

Продолжение реформы университетов

Перестройка деятельности университетов[58] в соответствии с вызовами глобализации – еще одно важнейшее направление реформ либерал-демократов. «Япония не продвинется вперед, пока мы не увеличим силу

---

[57] The Japan Times. 10.02.2015.

[58] Обстоятельный обзор по структурной перестройке университетского образования: *Белов А. В.* Основные направления реформы университетов Японии // Япония. Ежегодник. 2014. М., 2014.

наших университетов», – подчеркивал С. Абэ[59]. Он рассчитывает, что, по крайней мере, десять японских университетов войдут в сотню лучших мировых высших учебных заведений в течение последующего десятилетия[60]. В настоящее время только Токийский университет входит в число 50 лучших мировых университетов в рейтинге Times Higher Education Global Rankings. Большинство мест в этом перечне занимают американские ВУЗы.

К 2020 г. Абэ пообещал увеличить количество иностранных студентов в Японии до 300 тыс. человек, что более чем в два раза превышает нынешние показатели. В течение последующих трех лет планируется удвоить число преподавателей-иностранцев в восьми ведущих государственных университетах. Премьер также планирует удвоить количество японских студентов, обучающихся за рубежом к 2020 г.[61]

Японское руководство считает, что пришло время для серьезных перемен в системе университетского образования. Соседний Китай инвестирует огромные средства в образовательную сферу, а китайские университеты теснят японские в международных рейтингах. В 2015 г. китайские университеты в первый раз обошли японские в ежегодном рейтинге азиатских университетов Times Higher Education Asia University Rankings. Хотя Токийский университет остался лучшим, позиции Японии в целом ослабли – в числе 100 лучших было уже 19, а не 20 японских университетов как годом ранее. Напротив Китай увеличил свое присутствие в сотне лучших ВУЗов с 18 до 21[62].

Отвечая на вызовы, Министерство просвещения реализует в школах второй ступени и университетах специальную программу Super Global. По его решению было выбрано 56 школ из 32 префектур в качестве «суперглобальных» школ второй ступени. Каждая из них будет получать на протяжении последующих пяти лет по 15 млн иен ежегодно. Программа нацелена на подготовку более «глобального» мировоззрения, с помощью сотрудничества с зарубежными университетами, корпорациями и международными организациями[63].

Кроме того, чтобы создать учебные и исследовательские учреждения мирового класса Министерство просвещения выбрало 37 ВУЗов в качестве «суперглобальных» университетов. Каждый из них получит

---

[59] Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 183rd Session of the Diet. 28.02.2013.

[60] The Japan Times. 29.01.2013.

[61] Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 186th Session of the Diet. 24.01.2014 http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201401/24siseihousin_e.html

[62] AFP. 12.06.2015. Южная Корея заняла третье место в рейтинге – 13 университетов в первой сотне, Тайвань – четвертое – 11. Гонконг учитывался отдельно – 6 университетов Гонконга были включены в сотню достойнейших.

[63] The Japan Times. 28.12.2014.

100–400 млн иен на протяжении 10 лет на глобализационные проекты, приглашение иностранных исследователей и улучшение материально-технической базы. К 2020 г. Министерство рассчитывает отправить 120 тыс. студентов и 60 тыс. учащихся средних школ второй ступени на зарубежные стажировки. Последняя инициатива получила поддержку японского большого бизнеса: корпораций Мицубиси, Тойота и др.[64] В университетах предполагается качественное улучшение преподавания английского языка. От студентов будут требоваться результаты TOEFL как при поступлении, так и при сдаче выпускных университетских экзаменов[65].

Вместе с тем Министерство просвещения нацеливает высшие учебные заведения на перестройку учебных планов. 8 июня 2015 г. ведомство выпустило директиву для 86 государственных университетов по текущим программам бакалавриата и магистратуры по подготовке учителей и по гуманитарным специальностям. Спрос на учителей в Японии снижается из-за низкого уровня рождаемости, а программы гуманитарного образования не готовят людей, соответствующих общественным запросам[66]. Кабинет Абэ желает вписать университеты в свою экономическую стратегию, стремится к их быстрому приспособлению к требованиям общества. По логике либерал-демократов, в стенах высших учебных заведений должны готовиться кадры, которые будут востребованы обществом немедленно[67].

Такой подход нередко вызывает недовольство части руководства и преподавательского состава. Критики воспринимают эти меры как растущее вмешательство государством в дела университетов. Высказываются опасения, что министерство при распределении правительственных субсидий будет учитывать степень готовности каждого государственного университета к выполнению вышеуказанных инструкций.

Неоднозначный отклик в академических кругах вызвала и настоятельная рекомендация со стороны нынешнего руководства страны, адресованная государственным университетам поднимать государственный флаг («Хиномару») и исполнять национальный гимн («Кимигаё») на выпускных и вступительных церемониях, а также во время других мероприятий.

«Учитывая, что они использую деньги налогоплательщиков [вопросы, касающиеся национального флага и гимна] должны решаться должным образом на базе Основного закона об образовании», – заявил Абэ 9 апреля

---

[64] Ibidem.
[65] The Japan Times. 05.04.2013.
[66] Асахи симбун.10.06.2015.
[67] Там же.

2015 г. на заседании комитета по бюджету верхней палаты японского парламента[68]. «Мы потребуем от каждого университета предпринять необходимые шаги», – заявил министр просвещения Симомура Хакубун. Однако представители министерства утверждают, что не могут заставить государственные университеты демонстрировать уважение к флагу и гимну[69].

В то время как правительственные инструкции предписывают поднимать национальный флаг и исполнять гимн на церемониях принятия, выпуска и во время других событий школьной жизни, для университетов подобное требование официально не существует.

Заключение

Нельзя не признать, что нововведения кабинета Абэ в области образования носят консервативный характер, если под консерватизмом понимать большую степень вмешательства государства, упор на воспитание патриотизма в школьных программах, выражение правительственной позиции по территориальным проблемам в учебниках. Вместе с тем, деятельность либерал-демократов по реформированию местных отделов образования, ориентация на развитие коммуникативных навыков при изучении английского языка в школе, программы международных студенческих обменов и привлечение студентов и преподавателей в японские университеты из-за рубежа, установка на повышение качества университетского образования – это попытка дать адекватный ответ на новые вызовы эпохи глобализации, упрочить позиции Японии в глобальной конкурентной борьбе.

Образовательную политику кабинета Абэ действительно можно назвать консервативной. Однако речь идет об исключительно динамичном и прагматичном, обращенном в будущее консерватизме, ориентированном на решение не только текущих задач, но и на долгосрочную перспективу. Безусловно, все инициативы Абэ и его единомышленников выносятся на открытое общественное обсуждение, в ходе которого подвергаются корректировке. Невозможно представить, чтобы предложения ЛДП навязывались без всяких дискуссий, путем закулисных маневров и интриг.

Для некоторых японоведов консерватизм Абэ имеет лишь негативные коннотации. Повсеместное упоминание в новых школьных учебниках о территориальных вопросах односторонне интерпретируется как шаг в направлении возрождения довоенного «шовинизма» и «милитаризма». Между тем либерал-демократы подчеркивают, что подрастающее по-

---

[68] Асахи симбун. 10.04.2015.
[69] Там же.

коление нуждается в большей уверенности в своих силах и большей гордости за свою страну. Они, очевидно, не собираются восстанавливать довоенную политическую систему, подчеркивая свою приверженность демократическим ценностям.

Со своей стороны Китай искусно использует спорные вопросы истории Второй мировой войны и японо-китайских отношений для дискредитации японской внешней политики в глазах не только соседей страны восходящего солнца. Причем неоднократные извинения японского правительства за поведение японской армии в 1930-х – 1-й половине 1940-х годов, адресованные Пекину, по всей видимости, так и не были там услышаны. Поэтому включение тем о спорных территориях в учебные пособия наряду с мерами, направленными на укрепление американо-японского альянса можно расценить как реакцию на всё возрастающую напористость политики и пропаганды КНР.

Нельзя не сказать о том, что славящаяся своими уходящими вглубь веков культурными традициями Япония не боится глобализации, не пытается отгородиться от мира. Никто в Японии не помышляет об изоляции, сокращении преподавания иностранных языков и т. п. Напротив элита страны прекрасно отдает себе отчет в том, что лишь открытость внешнему влиянию, международное сотрудничество, заимствование полезного опыта обеспечит будущее процветание страны.

Глава седьмая

Семидесятилетие окончания Второй мировой войны и японо-китайские отношения

Проблема восприятия военного прошлого стоит в японо-китайских отношениях особенно остро. На протяжении послевоенных десятилетий воспоминания о японской агрессии создают неблагоприятный фон для взаимоотношений двух стран во многих сферах, в том числе экономической.

Современный облик японо-китайских отношений во многом сформировал период войны 1937–1945 гг.

Этому периоду предшествовала серьезная трансформация взаимовосприятия Японии и Китая, связанная с вторжением в эти страны западного капитализма во второй половине XIX в. Тогда в Восточной Азии произошли изменения в расстановке сил, предопределившие дальнейшее противостояние двух стран. В то время как более привлекательный для колониального грабежа и менее восприимчивый к западным ценностям Китай попадал во все большую зависимость от внешнего мира, Япония, проведя успешную модернизацию по западному образцу, оказалась в более выигрышном положении на мировой арене.

Положение Китая в конце XIX – начале XX в. было особенно унизительным ввиду того, что вместе с западными державами участником вторжения на его территорию стала столь близкая к нему в расовом и культурном отношении Япония.

Веками Китай справедливо считал себя источником культуры и просвещения для соседнего народа[1], и его отношение к Японии колебалось

---

[1] Как известно, на протяжении истории японо-китайских отношений Япония заимствовала у более развитого Китая его хозяйственные достижения, элементы политического устройства и культуры. Особенно активное культурное взаимодействие двух соседних стран происходило в эпохи Суй и Тан. При этом вплоть до XVIII в. Китай оказывал на Японию доминирующее влияние.

от дружественно-братского (в китайских политических кругах XIX в. часто говорили *о тун вэнь, тун чжун* – расовой и культурной общности двух народов, а Японию порой рассматривали как возможного спасителя от западной колонизации) до снисходительно-высокомерного (в общемировой иерархии Китай всегда ставил Японию на уровень своего вассала). Япония же, осознавая огромное влияние, оказанное на нее мощной китайской культурой, находилась в поисках национальной идентичности. Проявлением этого было возникновение в период Токугава учения *кокугаку* (*национальные науки),* стремившегося противопоставить самобытность японской культуры и истории китайско-неоконфуцианским теориям, а реакция на внешнее (как китайское, так и западное) влияние проявилась в самоизоляции (сакоку) страны на два с лишним века (1641–1853).

Реставрация Мэйдзи (1868) и события, происходившие в регионе, только усилили уверенность японского народа в своей «уникальности» и предназначении избавить Азию от колониального господства белого человека[2]. На волне укрепления позиций Японии в Восточной Азии новый виток развития получила доктрина паназиатизма, утверждающая превосходство японской нации над остальными народами региона и ее право на региональное господство. Китай при этом рассматривался как плацдарм для укрепления внешнеполитических позиций Японии и объект ее колониальной экспансии.

Превращение Китая из колыбели восточной культуры в объект колонизации было для этой страны тяжелым испытанием. Вне всяких сомнений поражение цинского Китая в японо-китайской войне 1894–1895 гг., японская агрессия и длительная борьба китайского народа против японских захватчиков в 30–40-е гг. XX в. нанесли сокрушительный удар по самолюбию жителей «срединного государства». Помимо самого факта посягательства Японии на территориальную целостность Китая в столь трудный для этой страны период, неизгладимое впечатление произвела та жестокость, с которой японские солдаты порой обходились с местным населением. Особенно глубокий след в исторической памяти оставили так называемая Нанкинская резня, чудовищные биологические опыты над местным населением (Отряд 731), привлечение «женщин комфорта» (*ианфу*) для работы на «станциях утешения», предназначенных для японских солдат. Данные об общем числе пострадавших разнятся, и китайская статистика, как правило, отличается от японской в большую сторону. Однако события военного времени не подвергаются сомнению и японской стороной.

---

[2] *Мещеряков А. Н.* Япония в объятиях пространства и времени. М. 2010. С. 230.

Обвинения в вышеупомянутых преступлениях, наряду с критикой неправильного, по мнению Китая, толкования военных событий в японских учебниках истории (преуменьшения числа жертв, замены слова *синряку* [агрессия] на *синсюцу* [продвижение] и т. п.) и категорическим несогласием с посещением высшими должностными лицами Японии храма Ясукуни, где покоятся души военных преступников, настойчиво звучат со стороны Китая в периоды обострения японо-китайских отношений во второй половине XX – начале XXI в.

Нельзя не отметить, что критика действий японского руководства со стороны Китая во многих случаях не является беспочвенной. Так, например, регулярное посещение храма Ясукуни премьер-министром Дз. Коидзуми в начале 2000-х гг. выглядело несколько провокационным, а приводимые китайской стороной аргументы в пользу собственной интерпретации исторических событий выглядят порой не менее убедительно. Однако нельзя не отметить, что Японии приложила определенные усилия, чтобы выразить свое раскаяние в содеянном и, по возможности, искупить военные преступления.

В 9 статье Конституции Японии 1947 г. заявлено о том, что страна больше не будет использовать вооруженные силы для разрешения международных споров, и «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации». Вторая половина XX и начало XXI века прошли под знаком пацифизма, что вызывает у японцев чувство гордости за свою страну, распрощавшуюся с милитаристским прошлым и вставшую на путь мира.

Как известно, японские участники массовых убийств и преступлений против мира и человечности были осуждены проходившим в 1946–1948 гг. в Токио Международным военным трибуналом для Дальнего Востока. Япония неоднократно приносила странам тихоокеанской Азии свои официальные извинения. Из уст высших должностных лиц звучали слова сожаления о содеянном, адресованные как всему пострадавшему региону, так и его отдельным странам. Извинения от лица японского народа выражали премьер-министр Н. Киси (в адрес народов Бирмы и Австралии в 1957 г.)[3], министр иностранных дел Японии Э. Сиина (в отношении Республики Кореи в 1965 г.), премьер-министр К. Танака (в словах, адресованных китайскому народу при подписании совместного коммюнике КНР и Японии в 1972 г.)[4]. В 1980-е гг. о страданиях, причиненных народам тихоокеанской Азии, и глубоком чувстве вины в своих речах упоминали премьер-министры Дз. Судзуки, Я. Накасонэ и Н. Такэсита.

---

[3] Fujita Yukihisa. Prime Minister Kishi's Diplomacy of Reconciliation // Japan Echo. August 2006.

[4] Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China (URL: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html).

Наиболее полным и всеобъемлющим заявлением японского правительства считается речь премьер-министра Т. Мураяма, произнесенная им 15 августа 1995 г. в 50-ю годовщину окончания войны. В официальном тексте заявления, где впервые использовалось слово «поражение» [в войне][5], в полной мере выражено раскаяние и твердое намерение Японии больше никогда не допускать повторения произошедшего. Будучи единогласно одобренным кабинетом министров, заявление Т. Мураяма считается официальной позицией японского правительства по итогам Второй мировой войны. На его основные положения ссылались последующие премьер-министры Японии, в том числе Р. Хасимото и Дз. Коидзуми.

В дополнение к признанию своей вины Япония приняла по Сан-Францисскому договору обязательство в двустороннем порядке урегулировать с каждой из пострадавших стран вопросы возмещения материального ущерба. После визита в 1972 г. в КНР премьер-министра Японии К. Танака для подписания двумя сторонами совместного коммюнике об установлении дипломатических отношений Китай отказался от получения репараций[6]. Однако частичной заменой материальной компенсации Японии за военные преступления можно считать оказывавшуюся на протяжении 30 последующих лет Китаю «официальную помощь развитию» (ОПР). КНР по праву заняла особое место среди развивающихся стран-направлений японской ОПР. За 1979–2008 гг. страна получила от Японии около 45 млрд. долл. В Китай направлялась пятая часть всей японской ОПР; доля же Японии в общем объеме средств, полученных Китаем от развитых стран, превышала 60%[7].

Несмотря на время, прошедшее с момента капитуляции Японии, и на приложенные ею усилия для того, чтобы смягчить неприятную сторону исторической памяти, кажется, что с годами значимость военного прошлого в японо-китайских отношениях не уменьшается. Военное прошлое по-прежнему играет центральную роль как в выстраивании отношений двух стран на правительственном уровне, так и в восприятии народами друг друга.

Говоря об условиях улучшения и стабильного развития отношений двух стран в своей речи, посвященной началу 2015 года и японо-китайской дружбе, посол КНР в Японии Чэн Юнхуа отмечает, что «в первую очередь необходимо серьезно подойти к надлежащему решению про-

---

[5] Gaiko. Vol. 29. P. 63.

[6] Это указано в пункте 5 данного коммюнике. Полный текст доступен по ссылке: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html

[7] *Ковригин Е. Б.* Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // Пространственная экономика. 2012. №3. С. 10.

блемы исторического прошлого… Исторические проблемы затрагивают политический базис японо-китайских отношений… Мы надеемся, что японская сторона серьезно задумается об историческом прошлом и докажет реальными действиями, что она переосмыслила свое отношение к истории, как было заявлено в речи Т. Мураяма. Это поможет устранить препятствия на пути развития японо-китайских отношений»[8].

Важным показателем восприятия странами друг друга является общественное мнение. По данным социологического опроса, проведенного в 2014 г. китайской газетой «China Daily» совместно с японской неправительственной организацией «Genron NPO»[9], 93% японцев и 87% китайцев имеют «плохое» или «скорее плохое» представление о другой стороне. При этом доля тех, у кого представление о другой стороне ухудшилось за прошедший год, составила в Японии 68%, а в Китае – 57%. Среди главных причин такого отношения к своему соседу для обеих сторон центральное место занимает проблема исторического прошлого: около 60% китайцев считают, что Япония принесла недостаточно извинений за военную агрессию, а 52% японцев недовольны критикой своей страны в связи с историческими проблемами.

Связь проблем исторического прошлого с двухсторонними экономическими отношениями

Воспоминания о военном прошлом могут иметь серьезные экономические последствия для отношений двух стран. В послевоенной истории политические факторы, связанные главным образом с событиями военного прошлого, неоднократно приводили к охлаждению японо-китайских отношений именно в экономической сфере. Это создало определенную цикличность развития экономико-политических связей двух стран, отмечаемую известным китайским специалистом по японо-китайским отношениям Лю Цзянъюном[10].

Лю Цзянъюн ввел шкалу состояния политических и экономических отношений двух стран от «холодного» (наихудшего) до «горячего» (соответственно, бума политических или экономических связей). Состояние политических отношений измеряется по числу встреч высших

---

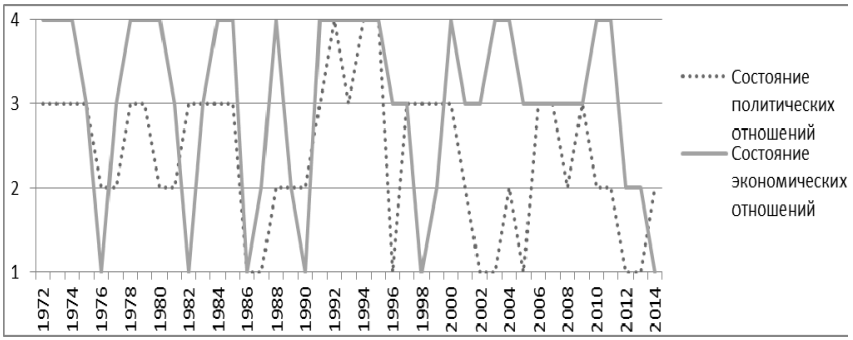
[8] Чжу Жибэнь даши Чэнь Юнхуа цзай 2015 нянь чжун-жи юхао синьняньхуэй шан дэ чжицзы (Речь посла КНР в Японии Чэнь Юнхуа на банкете, посвященном началу 2015 года и японо-китайской дружбе) URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/dszlsjt_602260/t1231322.shtml

[9] URL: http://www.genron-npo.net/pdf/2014forum_d.pdf

[10] Подробнее см. Лю Цзянъюн. Чжунго юй Жибэнь. Бяньхуачжун-дэ «чжэнлэн-цзиньжэ» гуаньси (Китай и Япония. Меняющиеся отношения «политической холодности – экономического бума»). Пекин. 2007. С. 48–86; *Кульнева П. В.* Роль политических факторов в развитии японо-китайских экономических отношений: Япония в Азии: параметры сотрудничества. Под ред. Молодяковой Э. В., Маркарьян С. Б. М. 2013. С. 191–212.

должностных лиц разных уровней в соответствующий год; экономических отношений – по показателям товарооборота и прямых инвестиций[11]. Представив результаты измерений за разные годы в виде графика, можно проследить связь политических факторов с экономическими.

Динамика развития политических и экономических отношений Японии и Китая с 1972 г. по настоящее время



Градация состояния японо-китайских отношений: 1. «холодные»; 2. «прохладные»; 3. «теплые»; 4. «бум экономических/политических связей».

Источники: Лю Цзянъюн.Указ. соч.; Чжунжи гуаньси ши (История китайско-японских отношений). Под ред. Сунь Найминь. Пекин: «Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ», 2006. Т. 3; http://www.customs.go.jp/; http://fdi.gov.cn; китайские и японские СМИ.

Возможно, из-за неизученности и недостаточно широкой огласки фактов, связанных с завершившейся войной, а также по причине более сдержанного поведения Японии в первые послевоенные десятилетия[12], поначалу обвинения в военных преступлениях звучали со стороны Китая не столь резко. Тем не менее, уже в 1950-е гг. издержки военного прошлого начали сказываться на японо-китайских экономических связях. Так, в 1958 г. причиной приостановки действия Четвертого неправительственного соглашения о торговле Японии с Китаем стал тайваньский вопрос[13]. Во время проходившей в г. Нагасаки выставки традиционных

---

[11] Подробнее см. *Кульнева П. В.* Роль политических факторов в развитии японо-китайских экономических отношений – В кн.: Япония в Азии: параметры сотрудничества. М. 2013. С. 202–204.

[12] Первый раз символичный визит в храм Ясукуни в памятную дату капитуляции Японии 15 августа был нанесен только в 1975 г. 66-м премьер-министром Японии Мики Такэо.

[13] После капитуляции Японии в Китае возобновилась гражданская война, и легитимность правительства Китайской республики (КР) на Тайване оставалась под вопросом. Япония же до установления дипломатических отношений с Китайской народной республикой (КНР) в 1972 г. фактически признавала только правительство КР согласно заключенному в 1952 г. Тайбэйскому договору. Суть произошедшего в 1958 г. инцидента сводилась именно к конфликту интересов двух Китаев.

китайских искусств два протайваньски настроенных активиста сорвали флаги КНР с одного из выставочных павильонов. Активисты были арестованы японской полицией, но вскоре выпущены на свободу, что было воспринято правительством КНР как оскорбление национального достоинства. Последовавший за инцидентом разрыв Четвертого неправительственного соглашения о торговле нанес заметный урон двухстороннему товарообороту, снизив его почти на 80%.

С момента восстановления японо-китайских дипломатических отношений в 1972 г. связь между улучшением/ухудшением ситуации в политической и экономической сферах прослеживается на графике достаточно четко.

В начале 1970-х гг. как политические, так и экономические отношения двух стран получили импульс к поступательному развитию. Стало расти число взаимных официальных визитов высших должностных лиц, активизировались потоки товаров и прямых инвестиций. Однако в 1980-е гг. ряд подрывающих политическую стабильность эпизодов способствовал «охлаждению» двухсторонних отношений в экономической сфере. В 1980–81 гг. перегрев в экономике КНР и связанная с этим необходимость ограничения импорта и сворачивания ряда крупных проектов совпала с конфликтом по поводу корректировки содержания японских учебников истории. В 1985 г. недовольство в Китае официальным визитом японского премьера Я. Накасонэ в храм Ясукуни наложилось на меры правительства КНР по урегулированию дефицита торгового баланса с Японией. Наблюдавшееся вслед за этими событиями снижение торговых и инвестиционных показателей, при наличии объективных экономических предпосылок, усугублялось политической напряженностью.

Предшествовавший Азиатскому финансовому кризису период 1990-х гг. стал временем одновременного бума экономических и политических связей. Экономика КНР стала главным направлением японских прямых инвестиций в Восточной Азии, а активизация деятельности японского предпринимательского капитала на территории Китая привела к беспрецедентному росту двухстороннего товарооборота.

Произошедшее за это время углубление экономической взаимозависимости двух стран привело к тому, что влияние политических факторов на японо-китайские экономические связи несколько ослабело. Так, в начале XXI в., в крайне неблагоприятный для японо-китайских политических отношений период правления Дз. Коидзуми возникла никогда не наблюдавшаяся ранее ситуация «расцвета экономических отношений при холодности в политике» (названная Лю Цзянъюном по-китайски *чжэнлэн-цзинжэ*). Тем не менее, связанные с военным прошлым противоречия остаются актуальными и по сей день.

В 2001 г., когда между Японией и Китаем возникла первая с момента восстановления их дипломатических отношений торговая война, взаимное

повышение таможенных пошлин происходило на фоне разногласий насчет интерпретации истории в японских учебниках[14].

Критика «искаженного» представления Японией военных событий звучала наряду с другими критическими заявлениями и во время массовых антияпонских выступлений в Китае в 2005 и 2012 гг. В марте-апреле 2005 г. общественные выступления в КНР, помимо активизации поисковой деятельности японских добывающих компаний в Восточно-Китайском море, сближения позиций Японии и США по тайваньскому вопросу и заявки Токио на место постоянного члена Совета Безопасности ООН были спровоцированы полемикой о содержании японских учебников истории и нарастающим недовольством в связи с посещением святилища Ясукуни премьер-министром Дз. Коидзуми. В 2012 г. лозунги, связанные с военным прошлым, звучали в ходе демонстраций китайской общественности после национализации японским правительством трех спорных островов из гряды Сэнкаку.

По некоторым оценкам, антияпонские демонстрации 2012 г. охватили 120 городов Китая, а их участниками стали несколько десятков тысяч человек[15]. Ряд крупных японских супермаркетов, ресторанов, магазинов и заводов, производящих автомобили и электронику, были вынуждены временно закрыться или приостановить производство. Позиции японских компаний на китайском рынке были подорваны как снижением популярности японской продукции, так и тем, что китайская таможня замедлила на некоторое время оформление товаров из Японии. Несколько неблагоприятных для японского бизнеса месяцев заметно ухудшили показатели торговли, и в 2012 г. впервые за последние несколько лет японо-китайский товарооборот показал отрицательный прирост (-3,3%). С небольшим опозданием стали снижаться и японские прямые инвестиции. Заметно сократились потоки туристов между странами: в октябре, ноябре и декабре 2012 г. число граждан КНР, посетивших Японию, падало на 34,4%, 43,7% и 34,3% к тем же месяцам предыдущего года соответственно[16]. Последствия демонстраций были, таким образом, всеобъемлющими, и сказались сразу на нескольких сферах японо-китайского сотрудничества.

Устойчивость исторической памяти

В преддверии 70-й годовщины окончания Второй мировой войны и капитуляции Японии возникает ряд закономерных вопросов, связанных

---

[14] См. *Семин А. В.* Японо-китайские отношения: состояние, проблемы, тенденции (конец XX – начало XXI вв.). М. 2008. С. 18–19.

[15] http://www.jiji.com/jc/zc?key=%c8%bf%c6%fc%a5%c7%a5%e2&k=201209/2012091800931

[16] http://www.jnto.go.jp/jpn/news/data_info_listing/pdf/130321_monthly.pdf (Пресс-релиз Национальной туристической организации Японии). С. 7.

с военным прошлым и современным состоянием японо-китайских отношений. Насколько сильным остается влияние военного прошлого на японо-китайские отношения на современном этапе? С чем связана устойчивость исторической памяти в отношениях двух стран? Наконец, удастся ли странам преодолеть чувство взаимной неприязни в связи с событиями военных лет и могут ли произойти какие-либо существенные изменения в модели их отношений в эту памятную дату?

Значимость военного прошлого в японо-китайских отношениях очевидна из вышеизложенных фактов. Что же касается устойчивости исторической памяти о японской агрессии, то она, по всей видимости, связана с несколькими причинами.

Как уже упоминалось ранее, японская агрессия была особенно унизительной для Китая ввиду его расовой и культурной близости с Японией. Большую роль здесь играет национальная гордость китайцев, историческое позиционирование страны как «срединного государства» и тот факт, что его «вассал» Япония посягнула на этот статус, приняв участие в разграблении китайского богатства. Более того, в послевоенные десятилетия, в то время как китайская экономика страдала от дисбалансов, типичных для административно-планового хозяйства, Япония продемонстрировала выдающиеся успехи в экономическом развитии, стала ведущей экономической силой Восточной Азии и присоединилась к числу наиболее влиятельных мировых держав.

В качестве весомой причины периодического апеллирования китайского руководства к историческому прошлому можно привести также идеологические мотивы Китайской коммунистической партии (КПК), а именно – использование антияпонской пропаганды как средства сплочения китайского народа в моменты, когда требуется решение внутриполитических или социальных проблем. По словам специального корреспондента японского информационного агентства «Дзидзи Цусин» в Пекине Сирояма Хидэми[17], до 1982 г. «исторической проблемы» не существовало как таковой. Только с начала 80-х гг.XX в. газета Жэньминь Жибао и другие авторитетные китайские средства массовой информации начали критиковать Японию за неверную интерпретацию исторических событий. Х. Сирояма объясняет это тем, что по мере продвижения политики «реформ и открытости» в Китай стала проникать западная культура, КПК начала опасаться ее пагубного влияния на молодежь и использовала проблему учебников истории для упрочения своей политической линии.

После инцидента на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. и распада в 1991 г. Советского Союза КПК встала перед новыми внутриполитическими вызовами. Именно тогда были приняты меры для повышения

[17] Gaiko. Vol. 29. P. 56–59.

осознания китайцами своей национальной идентичности посредством более глубокого знакомства народа с историей и культурой страны. Накануне 50-й годовщины окончания Второй мировой войны, в 1994 г. было опубликовано директивное постановление КПК о претворении в жизнь патриотического образования. Это стало дополнительным стимулом к усилению антияпонских настроений.

Аналогично, по мнению японских экспертов, внутриполитические мотивы сыграли роль в массовых антияпонских выступлениях в сентябре 2012 г. В японском издании журнала «Newsweek» высказывается предположение о том, что в преддверии смены власти в стране КПК использовала общественные беспорядки как средство отвлечения народа от накопившихся социальных проблем. Помимо этого, антияпонская пропаганда помогла китайским властям сохранить лицо, пострадавшее из-за недавней национализации Японией спорных островов Сэнкаку / Дяоюйдао[18].

Более сдержанного взгляда придерживается гонконгская исследовательница У Цзэин. По ее мнению, нельзя сказать, что китайское патриотическое образование становилось более или менее антияпонским под влиянием внутриполитических событий или что КПК целенаправленно призывала образовательные учреждения акцентировать внимание учебников на жестокости милитаристской Японии в рамках нового подхода к системе образования. Увеличение числа наглядных примеров жестокости японских солдат в учебниках 1990-х гг. по сравнению с 1980-ми гг. она считает скорее реакцией китайских научных кругов на японский ревизионизм конца 70-х–80-х гг. прошлого века и результатом новых исследований военной истории[19].

Какими бы ни были причины усиления антияпонских настроений в Китае в связи с историческим прошлым, очевидна болезненность исторической темы для китайского народа и понятно пристальное внимание к ней руководства и образовательных учреждений КНР.

В то же время для правительства Японии внимание к военной теме нежелательно, а японский народ, со свойственной его культуре склонностью не помнить плохое, старается закрыть глаза на неприятные события минувших лет. Европейский исследователь Карл Густафсон считает ключевой проблемой японо-китайских отношений конфликт между самоидентификацией Японии и неприятием Китаем создаваемого ей положительного образа. Смещая акценты на мирный послевоенный период, Япония воспринимает себя исключительно как пацифистское

---

[18] Newsweek (японское издание). October 3, 2012. P. 24–27.

[19] Wu Zeying, Zena. The Effects of Patriotic Education on Chinese Youths' Perceptions of Japan. A Thesis for the Degree of Master of Philosophy in Social Sciences (Political Science). Lingnan University, 2012. P. 42–44 (URL: http://commons.ln.edu.hk/cgi/viewcontent.cgi?article=1009&context=pol_etd)

государство. Китай же уделяет больше внимания деталям военного периода, а не послевоенным достижениям Японии. Именно по этой причине в КНР умалчиваются заслуги японской ОПР в реализации важных китайских инфраструктурных проектов. В результате в Китае создается однобокий негативный образ Японии[20].

В качестве еще одной важной причины неизменного значения исторической памяти в японо-китайских отношениях можно отметить тот факт, что эта их составляющая тесно вплетена в сложившуюся в современном мире сложную систему геополитических связей. Характер проблем, вызвавших антияпонские выступления 2005 и 2012 гг. (среди которых, как было упомянуто ранее, помимо специфических японо-китайских проблем, присутствуют затрагивающие интересы других субъектов мировой политики территориальные споры в Восточно-Китайском море, тайваньский вопрос и проблема постоянного членства крупнейших держав региона в Совете Безопасности ООН), говорит о том, что причины японо-китайского противостояния на современном этапе носят комплексный характер.

За десятилетия, прошедшие с момента окончания Второй мировой войны, в регионе наблюдаются существенные перемены: стало более заметным присутствие США, в послевоенные десятилетия ошеломляющих успехов в экономическом развитии достигла Япония, а затем, после успешного проведения политики «реформ и открытости» новым влиятельным игроком мировой экономики и политики стал Китай. В Азиатско-Тихоокеанском регионе ускорились темпы экономической интеграции, и она стала приобретать политическую окраску (достаточно упомянуть планы по созданию Транс–Тихоокеанского партнерства в противовес региональным объединениям АСЕАН и АТЭС).

Учитывая сложность процессов, происходящих в регионе, все больший геополитический подтекст приобретает и проблема военного прошлого в японо-китайских отношениях. В современных условиях она становится важным инструментом влияния стран друг на друга. Так, в последние два десятилетия Китай особенно настойчиво разыгрывает карту храма Ясукуни в отношениях с Японией, накаляя обстановку[21]. Его периодические протестные заявления, так же как и активную позицию японского премьера Дз. Коидзуми, регулярно посещавшего храм в начале 2000-х гг., можно считать отражением растущего геополитического соперничества двух стран. Показательно, что в вопросе посещения храма Ясукуни Япония стремится не поддаться давлению Китая и проявить независимость

---

[20] Karl Gustafsson. Identity and Recognition: Remembering and Forgetting the Post-war in Sino-Japanese Relations // The Pacific Review, 2015. Vol. 28, No. 1. P. 117–138.

[21] Подробнее см.: *Молодякова Э. В.* Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни // Япония. Ежегодник, 2007. С. 64–66.

своей позиции, чтобы не допустить вмешательства КНР во внутренние дела[22].

Таким образом, можно сказать, что проблема военного прошлого стала неотъемлемой частью всего комплекса японо-китайских отношений, который подразумевает нарастающее противостояние двух стран и участие в нем других мировых держав.

Настороженные соседи

Нельзя не отметить, что определенный вклад в усиление своего противостояния с Китаем внесла сама Япония. В современном мире политическое влияние во многом определяется экономической мощью. Росту же экономической мощи КНР в значительной степени способствовали японские технологии и прямые инвестиции. За несколько десятилетий политики «реформ и открытости» Китай стал одним из главных направлений зарубежной предпринимательской деятельности японских компаний. Накопленные в КНР на конец 2013 г. японские прямые инвестиции превысили 98 млрд. долл. Это в семь раз больше накопленных к этому времени инвестиций японских компаний в Индии (около 14 млрд. долл.) и сопоставимо с объемами накопленных японских инвестиций в группах стран АСЕАН4 (чуть больше 88 млрд. долл.) и НИЭ Азии (98 млрд. долл.)[23]. Если рассмотреть структуру инвестиций, то больше всего капитала накоплено в таких высокотехнологичных отраслях обрабатывающей промышленности, как автомобилестроение и электромашиностроение, что существенно способствовало их модернизации. Что же касается ОПР, то поначалу ее объемы в Китае были сопоставимы с японскими прямыми инвестициями (см. табл.). На японские средства были сооружены аэропорты, морские порты, железные дороги, теплоэлектростанции и многие другие объекты инфраструктуры, построены больницы, образовательные и другие социальные учреждения. В рамках программы ОПР в Китай направлялось большое число японских технических специалистов[24].

Усиление экономической мощи Китая стало одним из весомых аргументов Японии при сворачивании ОПР. Японское руководство посчитало, что экономика КНР достигла достаточно высокого уровня развития, на котором финансовая и технологическая поддержка Японии более не

---

[22] Там же.

[23] «Джетро» сэкай боэки тоси хококу (Отчет «Джетро» по мировой торговле и инвестициям) за 2014 г. URL: http://www.jetro.go.jp/ext_images/world/gtir/2014/pdf/2014-5.pdf. С. 119.

К странам АСЕАН4 относятся Таиланд, Индонезия, Малайзия и Филиппины; к НИЭ Азии – Гонконг, Тайвань, РК и Сингапур.

[24] См. *Идэ К.* Вклад Японии в модернизацию экономики Китая. Стратегическое значение сотрудничества в АТР // Россия в АТР №1 (18). Апрель 2011.

являются необходимыми. По всей вероятности этот аргумент связан с восприятием Китая как конкурента в Азиатско-тихоокеанском регионе, созданного во многом самой же Японией.

Сравнение масштабов ОПР с основными показателями японо-китайского экономического сотрудничества

Год	Объем японской помощи, млн. долл.	Фактически осуществленные инвестиции, млн. долл.	Товарооборот, млн. долл.
1988	673,7	514,5	19334,8
1989	832,2	356,3	19661,7
1990	723,0	503,4	18183,0
1991	585,3	532,5	22809,0
1992	1050,8	709,8	28901,9
1993	1350,8	1324,1	37837,8
1994	1479,4	2075,3	46247,6
1995	1380,2	3108,5	57853,2
1996	861,7	3679,4	62439,8
1997	576,9	4326,5	63850,7
1998	1158,2	3400,4	56917,5
1999	1226,0	2973,1	66179,2
2000	769,2	2915,9	85730,9
2001	686,1	4348,4	89195,5
2002	828,7	4190,1	101557,2
2003	759,7	5054,2	132412,0
2004	964,7	5500,0	168045,2
2005	1064,3	6530,0	189444,9
2006	569,4	4759,0	211368,0
2007	435,6	3589,0	236704,0
2008	278,3	3652,4	266372,5

Источники: http://www.mofa.go.jp/; http://www.customs.go.jp/; http://www.jetro.go.jp/; http://fdi.gov.cn

Помимо существенной поддержки экономике КНР, еще одним результатом активной внешнеэкономической политики Японии стало формирование прочных взаимосвязей японской и китайской экономик, которые часто (преимущественно в японских источниках) характеризуют как «взаимозависимость». Вне всяких сомнений Япония и Китай связаны как по линии прямых инвестиций и производственных цепочек, так и по линии торговли: Япония является третьим партнером по экспорту

и вторым партнером по импорту Китая, а Китай вот уже более десяти лет занимает первое место среди важнейших источников импорта и направлений экспорта Японии[25].

Экономические интересы требуют от руководителей обеих стран осторожности в политических вопросах. Последователи Дз. Коидзуми проявляют в отношении исторической памяти бóльшую деликатность, не посещая храм Ясукуни в статусе премьер-министров. Исключением был визит в храм премьера С. Абэ в декабре 2013 г., который после семилетнего периода относительного затишья вызвал широкий резонанс не только в корейских и китайских, но даже в американских СМИ. Во избежание усугубления ситуации в 69-ю годовщину капитуляции Японии 15 августа 2014 г. С. Абэ от посещения храма воздержался.

Старается не допустить чрезмерного накала обстановки и китайская сторона: по наблюдениям полномочного министра, заместителя главы миссии Посольства Японии в Российской Федерации К. Идэ в периоды обострения японо-китайских отношений руководство КНР все же старается сгладить негативные настроения и донести до китайского народа информацию о достижениях Японии и ее вкладе в экономическое развитие страны. Так, в период демонстраций 2005 г. были впервые обнародованы впечатляющие данные по численности китайцев, занятых на предприятиях с японскими инвестициями, и сумме налогов, уплаченных японскими компаниями в китайскую казну[26]. Вместе с тем в настоящее время политика Японии и Китая по отношению друг к другу балансирует между сдержанностью и жесткостью. Стремясь избегать обострения политических противоречий, ни одна из сторон, в то же время, не может уступить другой стороне в таком принципиальном вопросе, каким для них стал суверенитет над островами Сенкаку / Дяоюйдао. В сентябре 2012 г. правительство Японии предприняло беспрецедентный шаг, национализировав три острова из гряды Сенкаку в Восточно-Китайском море, которые КНР называет Дяоюйдао и считает своей исконной территорией. В силу расположения эти острова имеют огромное геостратегическое значение. Их ценность существенно повысилась в конце 1960-х гг. благодаря обнаружению на шельфе запасов углеводородов. Инциденты в акватории Восточно-Китайского моря, в ходе которых претендующие на острова стороны (КНР, Тайвань, Япония) демонстрируют друг другу свои права, периодически происходят уже на протяжении четырех с лишним десятилетий[27]. Не прекращаются они

---

[25] Товарооборот с Китаем (не считая Гонконг) занимает пятую часть японского внешнего товарооборота.

[26] См. *Идэ К.* Указ. соч. С. 63–64.

[27] Подробнее см. *Семин А. В.* Указ. соч. С. 69–73.

и после официального заявления Японии о своем суверенитете. Так, в начале мая этого года Министерство обороны Японии отметило повышенную активность вооруженных сил КНР в районе расположенного неподалеку от спорных территорий острова Мияко. В территориальные воды островов Сэнкаку периодически заходят китайские сторожевые суда, чтобы продемонстрировать свое присутствие[28].

Национализация спорных островов стала началом черной полосы в японо-китайских отношениях, сопровождавшейся антияпонскими демонстрациями, падением показателей экономического сотрудничества и снижением внешнеполитической активности. На протяжении почти трех лет лидеры двух стран не проводили ни одной встречи, и только 10 ноября 2014 г. на саммите АТЭС в Пекине состоялась их первая двусторонняя встреча с момента избрания С. Абэ премьером на второй срок.

Как инициатор конфликта Япония прилагает усилия для того, чтобы смягчить его последствия. Японские дипломаты провели большую предварительную работу, чтобы сделать встречу на саммите возможной. Кроме того, согласно информации «Foreign Affairs», С. Абэ пришлось пойти на некоторые уступки, а именно – пообещать китайской стороне воздержаться от посещения храма Ясукуни в период своих полномочий и признать, что между Японией и Китаем существуют разногласия по территориальному вопросу[29]. Хотя по политическим причинам официальная прямолинейная формулировка этих заявлений невозможна, их суть отражена в четырех принципах японо-китайского сотрудничества, согласованных непосредственно перед саммитом министром иностранных дел КНР Ян Цзечи и советником по национальной безопасности премьер-министра Японии Яти Сётаро. Принципы звучат следующим образом[30]:

1. Стороны утверждают, что будут следовать духу и принципам четырех двусторонних политических документов[31] и продолжат развивать взаимовыгодные отношения, основанные на общих стратегических интересах;
2. Стороны достигли договоренности о преодолении политических противоречий, препятствующих развитию их отношений, на основе «здравой оценки истории и взгляда, устремленного в будущее»;

---

[28] http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1950468

[29] *J. Berkshire Miller*. A Meeting of the Minds. Did Japan and China Just Press Reset (URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-11-10/meeting-minds)

[30] Формулировка принципов (на кит.яз.) взята с сайта МИД КНР (URL: http://www. fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1208349.shtml) и переведена на русский язык автором.

[31] Речь идет о «Совместном коммюнике о нормализации дипломатических отношений Китая и Японии» 1972 г., «Договоре о мире и дружбе» 1978 г., «Совместной декларации» 1998 г. и «Совместном коммюнике о продвижении стратегических взаимовыгодных отношений» 2008 г.

3. Стороны осознают различие точек зрения на напряженную ситуацию, возникшую в последние годы вокруг островов Дяоюйдао (называемых японской стороной Сенкаку) и в связи с другими территориальными спорами в акватории Восточно-Китайского моря;
4. Стороны договорились использовать разнообразные двухсторонние и многосторонние каналы, чтобы постепенно возобновить политический и дипломатический диалог и переговоры по вопросам безопасности. Будут приложены усилия для формирования взаимного доверия в политической сфере.

Уступки С. Абэ и тот факт, что встреча лидеров двух стран в Пекине все-таки состоялась, причем в первый день работы саммита, говорят о том, насколько обе страны, несмотря ни на какие обстоятельства, ценят партнерские отношения друг с другом. Впрочем, переговоры КНР с Японией оказались не такими продуктивными, как прошедшие на саммите встречи Си Цзиньпина с лидерами России, США или Республики Корея. По итогам переговоров с Японией не было сделано никаких конкретных заявлений. Тем не менее, по словам второго пресс-секретаря МИД Японии Оканива Кэн, знаковым событием можно считать само согласие Китая вести диалог. Соответственно, дальнейшее развитие японо-китайских отношений будет зависеть от продвижения этого диалога.

Диалог С. Абэ и Си Цзиньпина продолжился в ходе еще одной двухсторонней встречи 22 апреля на саммите глав государств Азии и Африки в Джакарте. Однако встреча была непродолжительной, и между лидерами двух стран сохранялись недоверие и напряженность. Кроме того, по сообщению агентства «Синьхуа», встреча в Джакарте была инициирована японской стороной[32] так же, как прошедшая незадолго до этого встреча в Пекине, накануне которой в китайских государственных СМИ не было публикаций о предстоящих переговорах[33].

Таким образом, японо-китайские отношения пока остаются прохладными, а Китай, добившийся от С. Абэ некоторых (хотя и небольших) уступок, не афиширует своего желания сближаться с Японией.

В современных условиях Японии приходится так или иначе считаться с растущим влиянием КНР. По данным Международного валютного фонда (МВФ) в 2014 г. Китай впервые обогнал США по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, и официально стал первой экономикой мира. Уже к концу 1990-х гг. у КНР появилось достаточно средств, чтобы перейти к активной политике инвестирова-

---

[32] http://news.xinhuanet.com/english/2015-04/22/c_134175240.htm

[33] http://www.nytimes.com/2015/04/23/world/asia/xi-jinping-of-china-and-shinzo-abe-of-japan-meet-in-indonesia.html?_r=1

ния за рубежом. Руководство страны использует прямые зарубежные инвестиции как средство повышения ее геополитического влияния, и присутствие китайского предпринимательского капитала в мире становится все более заметным.

Наиболее серьезным и амбициозным глобальным проектом Китая является в настоящее время воссоздание сухопутного и морского маршрутов «Великого шелкового пути» (идея «одного пояса и одного пути», выдвинутая Си Цзиньпином в 2013 г.). Для этих целей по инициативе Китая в октябре 2014 г. был учрежден Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), создание которого часто рассматривается как попытка КНР внести коррективы в современную финансовую систему и составить конкуренцию проамериканским МВФ и Всемирному банку и прояпонскому Азиатскому банку развития (АБР). Примечательно, что ни Япония, ни США не являются странами-учредителями АБИИ.

Хотя существуют прогнозы, согласно которым Япония может стать членом АБИИ уже летом[34], более вероятным выглядит предположение о том, что такой консервативный политик, как С. Абэ, не допустит членства Японии в возглавляемом Китаем региональном объединении[35]. АБР уже реализует масштабные инфраструктурные проекты в регионе и, скорее всего, продолжит развивать это направление, совершенствуя механизмы финансирования внутри структуры банка. На ежегодной встрече АБР, прошедшей в начале мая в Баку, были обозначены планы банка на ближайшее будущее. Акцент был при этом сделан на качестве, продляющем срок службы объектов инфраструктуры, использовании высоких технологий и незагрязнении окружающей среды[36]. О перспективах сотрудничества с АБИИ не упоминалось. Очень вероятно, что банки будут сотрудничать, однако прежде чем принять то или иное решение, Япония должна будет взвесить множество факторов. Основные из них – стабильность отношений с США, сохранение своего влияния в регионе в условиях «китайской угрозы» и экономические интересы.

* * *

Отвечая на вопрос, возникающий в преддверии 70-й годовщины окончания Второй мировой войны (удастся ли странам преодолеть чувство взаимной неприязни в связи с событиями военных лет и могут ли произойти какие-либо существенные изменения в модели их отно-

---

[34] http://www.ft.com/cms/s/0/40b0fff8-d6ae-11e4-97c3-00144feab7de.html#axzz3bBXY0Yix

[35] http://www.nytimes.com/2015/04/23/world/asia/xi-jinping-of-china-and-shinzo-abe-of-japan-meet-in-indonesia.html?_r=0

[36] http://www.japantimes.co.jp/news/2015/05/04/national/politics-diplomacy/japan-planning-initiative-boost-quality-infrastructure-investment-asia/#.VWQ396iG8U4

шений в эту памятную дату) и обобщая вышеизложенное, можно отметить следующее.

К настоящему времени проблемы японо-китайских отношений приобрели комплексный и глобальный характер. Можно сказать, что историческое прошлое отчасти отходит на второй план на фоне других обострившихся противоречий (в первую очередь связанных с островами Сэнкаку/Дяоюйдао), но отчасти и усугубляет эти противоречия.

С политической точки зрения в японо-китайских отношениях наметилось потепление. В современном мире, где политическое влияние в первую очередь определяется экономической мощью, страны не могут позволить себе довести состояние политических связей до полного охлаждения. Это особенно справедливо для Китая и Японии, которые помимо общего культурного пространства связаны тесными экономическими узами.

Важной тенденцией последних лет стало усиление экономической и политической мощи Китая. В сочетании с продолжительной депрессией в экономике Японии и относительной потерей ее позиций это привело к тому, что Китай начинает диктовать Японии свои условия (как это было перед саммитом АТЭС в Пекине). Однако Япония по-прежнему сохраняет рычаги влияния и сдавать свои позиции не собирается. Этого тем более не должно произойти, если принять во внимание консервативную линию С. Абэ, которой он следует несмотря на свою осторожность во внешней политике (продиктованную скорее желанием не усугубить и без того тяжелую ситуацию после национализации островов Сэнкаку). С. Абэ является приверженцем сильной Японии, не отягощенной излишними обвинениями в событиях военного прошлого. И хотя историческая память всегда будет неотъемлемой частью японо-китайских отношений, С. Абэ стремится сохранять самостоятельность и независимость суждений как в экономических, так и в политических вопросах.

По всей видимости, Япония и Китай и дальше будут оставаться «настороженными соседями», как их назвал В. Б. Рамзес. Отношения стран будут балансировать между политическими и экономическими интересами.

Глава восьмая

Историческая память как фактор внешней политики (об отношениях Японии с Республикой Корея)

В российском японоведении проблема исторической памяти японцев подробно и многопланово проанализирована в работах доктора исторических наук В. Э. Молодякова. В его статье «Историческая память японцев» говорится: «Историческая память, по определению философа А. М. Пятигорского – это «направление сознания человека на его прошлое». Она может быть как позитивной, так и негативной, развиваться естественным путём изнутри мыслящей личности или направляться и регулироваться внешними факторами. Историческая память может оказывать значительное воздействие как на отдельные индивидуумы, так и на различные социальные и этнические группы, вплоть до нации».[1]

Автор не во всём согласен со взглядами В. Э. Молодякова.[2] В частности, вызывает возражение положение цитированной статьи, что «в Японии историческая память народа не является фактором, который оказывает прямое влияние на государственную политику или должен учитываться в предвыборной борьбе».[3] На наш взгляд, напротив, отношение к исторической памяти служит визитной карточкой того или иного кабинета министров Японии. Так, каждое посещение святилища Ясукуни политическими лидерами Японии было точно рассчитанным и выверенным политическим шагом. Британский историк и политолог Дин Филз полагает, что «визиты Дз. Коидзуми в Ясукуни укрепили его положение в ЛДП и помогли умиротворить критиков выдвинутой им

---

[1] *Молодяков В. Э.* Историческая память японцев.//Япония 2008. Ежегодник.. Москва 2008. С. 285.

[2] Позиция автора по проблемам исторической памяти и исторической ответственности Японии изложена в статьях: *Гринюк В.* Япония – проблема исторической ответственности. // Проблемы Дальнего Востока. 2007.№ 5, С. 39–51., *Гринюк В.* Политические проблемы храма Ясукуни. // Проблемы Дальнего Востока. 2010.№ 4, С. 38–52 и др..

[3] *Молодяков В. Э.* Цит.соч., С. 299.

программы экономических преобразований… Его шаги были адресованы небольшой, но весьма влиятельной группе политиков внутри ЛДП, склонных к пересмотру исторического прошлого с националистических позиций».[4]

В настоящей статье мы постараемся показать, как историческая память выступает в качестве фактора внешней политики, в частности, как историческая память корейцев и японцев воздействует на отношения между Японией и государствами Корейского полуострова.

Корейцы и японцы имеют давние взаимные претензии. Еще в конце XVI века, в период правления в Японии военачальника Тоётоми Хидэёси в 1592 и 1597 гг. были предприняты походы в Корею. Менее чем за месяц армия Хидэёси заняла территорию Кореи, и королевская династия Чосон стояла перед угрозой краха. От гибели страну спасли военная помощь со стороны сюзерена – минского Китая и самоотверженная партизанская война корейского народа. Имджинская война (по циклическому наименованию 1592 года – *имджин* – год Дракона) закончилась в 1598 г. поражением и эвакуацией японского войска.[5] Но цена победы была очень высокой.

Помимо огромных людских потерь в результате нашествия японцев были уничтожены государственные исторические документы, архивы, культурные ценности и произведения искусства[6]. Огромный ущерб понесла экономика Кореи. Десятки тысяч крестьян и ремесленников были взяты в плен и увезены в Японию, где часть из них (по некоторым подсчётам, 50–60 тыс. человек) была продана португальским и испанским работорговцам, остальные осели на Японских островах. Попавшие в японский плен корейские гончары и печатники сыграли ключевую роль в развитии керамического производства и книгопечатания в Японии в ранний период правления режима Токугава. Для Кореи, однако, убыль лучших ремесленников нанесла невосполнимый ущерб[7]. Со времён Имджинской войны в исторической памяти корейцев японцы предстают как безжалостные агрессоры. Для корейцев наглядным доказательством жестокости захватчиков служит сохранившийся по сей день могильный холм Мимидзука в Киото. Там захоронены уши и носы многих тысяч корейцев, убитых воинами Хидэёси[8].

---

[4] *Deans F*. Diminishing Returns? Prime Minister Koizumi's Visits to Yasukuni Shrine in the Context of East Asian Nationalism // East Asia. An International Quaterly. 2007.Vol.24. N. 3.P. 277.

[5] *Тихонов В. М.* История Кореи. Том 1. С древнейших времён до 1876 года. Москва., 2003. С. 376–379.

[6] Корея. Справочник. Корейская служба информации для зарубежных стран. Сеул. 1993. С. 80.

[7] В. М. Тихонов: цит. соч. С. 379.

[8] *Dewayne J. Creamer*. The Rise and Fall of the Chosen Soren: it's Effect on Japan's Relations on Korean Peninsula. Naval Postgraduate School. Monterey CA, 93943–5000. December 2003.

Однако самая глубокая рана, нанесённая национальным чувствам корейцев, связана с вмешательством Японии в политику, экономику и культуру Кореи в начале XX в. и в особенности с японским колониальным господством в стране в период с 1910 по 1945 гг.

В эти годы экономический гнёт со стороны колонизаторов выражался в разных формах, включая захват у крестьян и передачу японским переселенцам наиболее плодородных земель, дискриминацию при оплате труд наёмных рабочих. Нещадно подавлялись культура и язык корейцев, предпринимались меры по уничтожению их национальной идентичности, навязывалась чуждая религия – синто.

Власти Японии беспощадно расправлялись с борцами за национальную независимость. Только при подавлении антияпонского восстания в марте 1919 г. было убито 7 500 и ранено около 16 000 человек.[9] Во время войны на Тихом океане корейскую молодёжь мобилизовали в японскую армию, более миллиона корейцев были переселены в Японию, на Сахалин и в страны Юго-Восточной Азии, где их использовали на принудительных работах. Несколько десятков тысяч корейских женщин были вынуждены во время агрессии Японии против Китая и войны на Тихом океане в качестве сексуальных рабынь обслуживать японских военных.

Японцы в подавляющем большинстве считали корейцев отсталым народом. Их высокомерие питалось гордостью тем, что Япония в конце XIX в. смогла приспособиться к западным стандартам и сама стала созидательницей империи, в то время как Корея оказалась недостаточно развитой, чтобы отстоять своё государство. Большинство японцев полагало, что их страна способствовала модернизации Кореи.[10]

К тому же японцы судили о корейской нации по осевшим в Японии переселенцам, большинство из которых были бедными и неграмотными крестьянами или неквалифицированными рабочими из южных провинций, где степень индустриализации была ниже, чем на севере страны. Среди приезжих отмечался высокий уровень преступности. Для японцев эти люди служили наглядным свидетельством отсталости Кореи.[11]

Освобождение Кореи Советской Армией в ходе Второй мировой войны положило конец колониальному правлению Японии. После образования на Корейском полуострове в обстановке «холодной войны» двух взаимно противостоявших государств Токио с самого начала взял

---

[9] URL: www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ada420217. P. 5–6.

[10] *Тихонов В. М.* Цит. соч. С. 113.

[11] *Paul Huen Chan*, "From Colony to Neighbor: Relations Between Japan and South Korea, 1945–1948", Ph.D. dissertation., John Hopkins University, 1988. P. 40–41.

[12] *Alice K. Lee*, "Koreans in Japan: Their Influence on Korean-Japanese Relations", Master Thesis, Naval Postgraduate School, 1979. Цит. по Dewayne J. Creamer., cit.op.P.8.

курс на признание Южной Кореи. Но уже первоначальные контакты японских и корейских дипломатов в 1952 г. с целью подготовить нормализацию межгосударственных отношений выявили полное отсутствие у японской стороны раскаяния по поводу колониального господства над Кореей.

Во время первого раунда японо-южнокорейских переговоров, состоявшегося 15 февраля 1952 г., глава японской делегации, советник Министерства иностранных дел Мацумото Сюнъити, утверждал, что продолжавшаяся в течение 36 лет оккупация Кореи была полезной для корейцев[12]. В ходе третьего раунда переговоров, проходившего в октябре 1953 г., глава японской делегации Кубота Канъитиро говорил, что в период колониального правления «Япония строила в Корее железные дороги и морские порты, проводила мелиорацию земель. Министерство финансов Японии в некоторые годы выделяло на нужды Кореи по 20 млн. йен». Японский дипломат также высказал мнение, что содержавшаяся в Каирской декларации руководителей союзных держав формулировка о «рабском положении народа Кореи» объясняется тем, что этот документ составлялся в «ситуации психологического возбуждения, вызванного войной», и что лично он не согласен, что корейцы были в положении рабов[13]. Эти высказывания вызвали волну негодования в Сеуле и привели к более чем четырёхлетнему перерыву в переговорах по нормализации японо-южнокорейских отношений.

Доводы о цивилизаторской миссии японских колонизаторов в Корее, о большом вкладе в прогресс прежде отсталой страны звучат в Токио и в наше время. Так, в издании японского «Комитета против извинений правительства в адрес Кореи» подчёркивалось, что в годы колониального правления в стране протяжённость железных дорог увеличилась до 6000 км[14], в книге О Сонфа (автор-этническая кореянка) говорится о строительстве в Стране утренней свежести в то время портов, маяков, мостов, проведении телеграфа и телефона, о ежегодном увеличении площади лесных насаждений[15]. Упомянутая исследовательница – не единственный представитель Южной Кореи, публично оправдывающий аннексию своей страны Японией. Политолог Хан Сын Чжо, бывший почётный профессор университета Корё и глава Ассоциации свободных

---

[12] Сэнго нихон гайкоси (Послевоенная японская дипломатия). Токио. 1983. Т.2.С. 303.

[13] Там-же. С. 305.

[14] A New Look At the Annexation of Korea/By Committee Against Government Apologies To Korea. Society to the Dissemination of Historic Facts.. Japan. 2010. P. 19 // .Цит. по *Мелькина А. В.* Проблема корейско-японских исторических противоречий. Взгляд из Японии. Рукопись.

[15] О Сонфа. Канкоку хэйго э но мити (Путь к аннексии Кореи). Токио. 2012. С. 233 // Цит. по *Мелькина А. В.* Проблема корейско-японских исторических противоречий. Взгляд из Японии. Рукопись.

граждан, в начале 2005 г. был вынужден покинуть эти посты после опубликования статьи в японском журнале «Сэйрон». В ней он утверждал, что японская колонизация Кореи принесла последней больше пользы, чем вреда[16].

Действительно, нельзя отрицать, что в период колониального управления Япония вкладывала большие финансовые средства и направляла материальные и людские ресурсы в развитие Генерал – губернаторства Корея. Ситуация действительно была неоднозначной. Так, согласно результатам исследований японских историков, жандармерия в Корее не только безжалостно боролась против бойцов Армии справедливости – борцов за национальную независимость, но и участвовала в строительстве дорог, в организации санитарных отрядов для уборки улиц, домов, туалетов в целях предотвращения эпидемий. Служащие жандармерии также занимались распространением среди корейского населения передовых сельскохозяйственных технологий.[17]

Корея демонстрировала также значительный прогресс в сфере просвещения. На момент аннексии в стране существовала 101 муниципальная начальная школа, а уже в 1911 г.– 136 школ. В 1912 г. их число увеличилось ещё на 107, и впредь ежегодно открывалось в среднем по 20 новых школ[18]. К концу периода колониального правления в Корее было введено всеобщее начальное образование, действовало 1000 специализированных учебных заведений, готовивших специалистов различного профиля[19]. Более того, в 1924 г. в Сеуле открылся шестой во всей Японской империи государственный (императорский) университет Кэйдзё (впоследствии Сеульский Национальный Университет)[20].

Но нужно иметь в виду, что речь шла не о модернизации Кореи как суверенного национального государства, а о развитии части Японской империи. Таким образом, японское руководство заботилось не об интересах корейского народа, а об ускоренном развитии и подъёме аннексированной территории, которая должна была послужить плацдармом и экономической базой для завоевания Японской империей азиатского материка. При этом было фактически ликвидировано корейское государство с многовековой историей, национальным языком, самобытной

---

[16] *Мелькина А. В.* Ук. соч.

[17] *Якимова Д. А.* Монография Тосихико Мацуда «Управление и поддержание общественного порядка в колониальной Корее в 1904–1919 гг.»/Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXVII. Москва. ИДВ РАН. 2013. С. 235–236.

[18] Инаба Цугио.Тёсэн сёкуминти кёикусэйсакуси но сайкэнто (Пересмотр историч. политики в области образования в колониальной Корее). Кюсю дайгаку сюппанкай. 2010. С. 15

[19] О Сонфа. Цит. соч. С. 240 .

[20] A New Look At the Annexation of Korea/By Committee Against Government Apologies To Korea. Society to the Dissemination of Historic Facts.. Japan. 2010. P. 83 // Цит. по *Мелькина А. В.* Проблема корейско-японских исторических противоречий. Взгляд из Японии. Рукопись.

культурой и традициями. Предполагалось, что в результате политики ассимиляции в отношении корейцев (обучение их японскому языку, а затем и запрещение использования родного языка, замена корейских имён на японские) они утратят родной язык, потеряют этническую идентичность и «растворятся» в японской нации. Японское руководство наметило и практически осуществляло в отношении корейского этноса линию, которую известный российский кореевед К. В. Асмолов определяет как «этноцид».

С точки зрения японцев, воспитанных в духе национальной исключительности, вхождение корейцев в японскую нацию было благодеянием для жителей Страны утренней свежести. Но их подавляющее большинство не могло отказаться от собственной родины даже в обмен на все блага прогресса.

По существу все серьёзные проблемы, осложняющие сегодня отношения Японии с государствами Корейского полуострова, коренятся в истории связей этих стран. Так, непреодолимым препятствием для учреждения нормальных дипломатических отношений между Японией и КНДР стала проблема похищения японских граждан спецслужбами Северной Кореи в 1970-х – 1980-х годах. По признанию Пхеньяна, японцев похищали с целью использования в качестве преподавателей языка и инструкторов в северокорейских разведывательных школах. Известный японский историк Вада Харуки полагает, что эти противоправные действия КНДР имели место потому, что в Северной Корее всегда смотрели на Японию как на вражеское государство. Во-первых, из-за колониального господства Японии, во-вторых, из-за выполнения ею во время войны в Корее (1950- 1953 гг.) роли тыловой базы США – противника КНДР[21].

В Пхеньянской декларации, подписанной в сентябре 2002 г. премьер-министром Японии Дз. Коидзуми и руководителем КНДР Ким Чен Иром, проблема похищений оценивается как вопрос, «затрагивающий жизнь и безопасность японского народа»[22].

Из-за осуществления КНДР программ развития ядерного и ракетного оружия Япония рассматривает Северную Корею как серьёзную угрозу собственной безопасности. Любые попытки представителей Токио и Пхеньяна наладить диалог упираются в вопрос похищений. В 2014 г. руководство КНДР и Японии в очередной раз подступило к застарелой проблеме, и вновь безрезультатно[23]. Но контакты Японии с КНДР – от-

---

[21] The Strange Record of 15 years of Japan-North Korea Negotiations. By Gavan McCormac and Wada Haruki. Japan Focus. Sept. 2, 2005. – http: japanfocus.org/-Wada-Haruki/1894

[22] Гайко фуораму. 2002. 12. № 175. С. 15.

[23] Об этом см. *Гринюк В.* Токио-Пхеньян. Ещё одна попытка залечить застарелую рану.Информационно-аналитически й портал «Единая Корея» -onekorea.ru 28.03.2015

дельная тема. В данной статье в центре внимания стоят японо-южнокорейские отношения.

Хотя Япония и Республика Корея (РК) имеют развитые связи в области экономики и выступают единым фронтом в противостоянии с КНДР, проблемы исторической памяти влияют на состояние двухсторонних отношений, в частности их национальной безопасности. Япония и Южная Корея связаны с США двусторонними договорами о взаимном обеспечении безопасности, но несмотря на усилия США, направленные на развитие военного сотрудничества в рамках треугольника США – Япония – Южная Корея, Сеул в этом вопросе ведёт себя очень сдержанно. Так, в декабре 2010 г. премьер-министр Японии Н. Кан во время встречи с родственниками похищенных японских граждан заявил, что японское правительство должно рассмотреть вопрос о направлении служащих Сил Самообороны на Корейский полуостров, если там возникнет чрезвычайная ситуация. Реакция Южной Кореи на это высказывание японского руководителя была весьма резкой. 15 декабря газета «Джонан ильбо» опубликовала передовую статью, в которой о словах Н. Кана говорилось как о «неуважительных в отношении Кореи, где всё ещё испытывают горечь в связи с вторжением Японии»[24].

Несмотря на крайнее обострение обстановки на Корейском полуострове после предпринятого северокорейской армией 23 ноября 2010 г. артиллерийского обстрела южнокорейского острова Ёнпхендо, Республика Корея не изменила негативного подхода к перспективе военного сотрудничества с Японией. В январе 2011 г. газета «Ёмиури» напечатала материал о том, что Япония и РК подготовили совместную декларацию о намерении усилить двустороннее военное сотрудничество. Однако представитель Министерства обороны Японии в интервью газете «Асахи» опроверг это сообщение. Он подчеркнул, что вопрос об оказании южнокорейской армии помощи со стороны Японии даже в плане логистики потребовал бы подготовки в течение 10 лет. А представитель аппарата Президента Республики Корея заявил, что сторонники проведения совместных корейско-японских военных учений включают 90% японцев и лишь 10 % корейцев[25].

В конце июня 2012 г. планировалось подписание японо-южнокорейского соглашения о сотрудничестве в военной области – Соглашения о безопасности относительно военной информации (этот документ должен был заложить правовые основы для обмена секретной информацией

---

[24] *David Kang*, University of Southern California, *Ji Yang Lee*, Oberlin College. Japan-Korea Relations: The New Cold War in Asia.- URL: www.csis.org/files/publication/1004qjapan-korea.pdf

[25] *David Kang*, University of Southern California, *Jiun Bang*, University of Southern California. Japan-Korea Relations: Japan's Tragedy Overshadows Everything. URL: www.csis.org/files/publication/1101qjapan-Korea.pdf

между двумя странами). Однако 29 июня стало известно об отмене подписания соглашения. Правительство Республики Корея вынуждено было отказаться от него ввиду резко отрицательной реакции общественности на то, что проект документа готовился в режиме закрытости и не прошёл обсуждения в парламенте. «Правительство «продавливало» соглашение, не заручившись поддержкой общества, а это полностью противоречит основам демократии. Кроме того, речь идёт о соглашении с Японией. У нас превалируют антияпонские настроения, независимо от правой или левой ориентации избирателей» – писала «Корея таймс»[26].

В последние несколько лет японская политическая элита проявляет глубокое беспокойство в связи с осложнением внешнеполитической обстановки вокруг Японии из-за одновременного ухудшения отношений с Южной Кореей и Китаем. Территориальный конфликт Токио с Пекином, как и противоречия с Сеулом, имеет историческую подоплёку.

25 марта 2014 г. японская газета «Ёмиури» опубликовала редакционную статью под заголовком «Китайско-южнокорейская встреча в верхах чётко показала наличие «единого фронта против Японии»». В данной публикации говорится о том, что во время состоявшейся 23 марта встречи Председателя КНР Си Цзиньпина с Президентом РК Пак Кын Хе в пригороде Гааги партнёры согласовали вопрос о строительстве в г. Харбине мемориального зала, посвящённого Ан Джун Гыну. Этого человека, застрелившего в октябре 1909 г. видного политического деятеля Японии Ито Хиробуми, корейцы глубоко почитают как национального героя и борца за независимость родины, а японцы считают террористом. В статье отмечается, что председатель КНР отдал распоряжение о сооружении мемориального зала, а президент РК подчеркнула, что мемориал послужит укреплению связей между народами КНР и РК. Авторы публикации сокрушаются по поводу укрепления уз Китая и Южной Кореи на антияпонской основе и констатируют: «Совершенно ясно, что ни японо-американский союз, ни союз США – Южная Корея – то есть партнёрства, в которых Соединённые Штаты играют роль краеугольного камня – не будут действовать эффективно без хороших японо-южнокорейских отношений»[27].

Таким образом, память о прошлом в корейско–японских отношениях оказывает воздействие на решения в области обороны Японии, РК и КНДР, и в этом смысле выступает как фактор национальной безопасности указанных государств.

«Сколько можно извиняться?» – вопрошают представители консервативной части японского общества, сетуя на то, что руководители Японии

---

[26] The Korea Times. July 16, 2012.
[27] Ёмиури. 25.03. 2014.

прежде неоднократно приносили извинения за преступления японского милитаризма, но это не привело к улучшению межгосударственных отношений, прежде всего отношений Японии с РК. Действительно, большой международный резонанс вызвало заявление премьер-министра Т. Мураяма 15 августа 1995 г. по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны, в котором содержалось извинение за то, что Япония «своим колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб н страдания народам других, в особенности азиатских, стран»[28].

Однако в условиях отсутствия в японском обществе консенсуса относительно исторического прошлого возникает явление своего рода «маятника»: нередко бывает так, что после важного политического заявления руководителей страны следуют шаги или высказывания политиков или общественных деятелей, которые отрицают или ставят под сомнение заявленную корректную позицию.

Одна из тем наиболее горячих споров Японии с зарубежными странами, прежде всего с Китаем, РК и КНДР – тема ритуальных посещений японскими политиками святилища Ясукуни. Этот храм ведёт своё происхождение от обрядов поклонения духам людей, погибших за императора в кровавых междоусобных войнах до и в ходе Реставрации Мэйдзи, а также в последовавшей затем войне между сторонниками свергнутого сёгуна и императора.

В послевоенной Японии проблема храма Ясукуни была предметом острой идеологической борьбы между демократическими организациями и правыми политическими элементами. Прогрессивная общественность считает святилище Ясукуни символом милитаризма и действующим органом милитаристской пропаганды. В музее Юсюкан, принадлежащем храму, ведётся проповедь в оправдание захватнической политики, проводившейся Токио до 1945 г. Материалы музея изображают развязанную Японией войну против Китая и войну на Тихом океане с одной стороны как «законный акт самообороны империи», с другой – как осуществление «миссии по освобождению народов Азии от колониализма западных держав». После трагических событий 11 сентября 2001 в Нью-Йорке администрация музея Юсюкан в оправдание агрессии против народов Восточной Азии стала использовать тезис о «борьбе с терроризмом»[29].

Японские политики, совершающие визиты в Ясукуни, объясняют свои действия желанием почтить память японцев, погибших за родину.

---

[28] *Цветова И. А.* Эволюция современной партийно-политической системы Японии // М. Институт Дальнего Востока РАН.2002. С. 64.

[29] *A. Kingston.* Awkward Talisman: War Memory, Reconciliation and Yasukuni // East Asia. An International Quarterly. 2007. Vol. 24, N 3.

Но в святилище Ясукуни поклоняются как божествам только душам военных, воевавших в составе императорских вооружённых сил (исключение сделано только для некоторых рабочих и служащих военных предприятий, погибших на рабочем месте во время войны на Тихом океане). Мирные граждане Японии, погибшие во время артиллерийских обстрелов и воздушных налётов армии США, в том числе и жертвы атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, не приобщены к «сонму божеств» Ясукуни. И само собой разумеется, здесь предметом почитания не являются люди, отдавшие жизнь в борьбе против милитаристского режима. Как отмечал автор исследования о Ясукуни, почётный профессор Университета Ибараки Ооэ Синобэ, «храм Ясукуни не только запятнан кровью с полей сражений – святилище также стоит на крови, пролитой в тюрьмах борцами против войны»[30].

Ещё до приобщения в октябре 1978 г. к списку божеств храма Ясукуни душ 14 военных преступников класса «А», такая же процедура была предпринята до 1970 г. в отношении около одной тысячи военных преступников класса «В» и «С», казнённых в соответствии с военными трибуналами союзников в Иокогаме, Сингапуре, Маниле, Гонконге, на острове Гуам[31]. 2 млн., то есть подавляющее большинство из общей численности около 2460 тыс. человек, канонизированных в святилище, составляют военные, погибшие во время Второй мировой войны. Речь идёт о рядовых военных и среднем звене командиров императорских вооружённых сил, то есть об исполнителях захватнической политики, осуждённой Международным военным трибуналом для Дальнего Востока.

В КНР, РК и КНДР ритуальные посещения святилища японскими политиками рассматривают как вызывающие действия, оскорбляющие национальные чувства китайцев и корейцев. Дело не только в том, что речь идёт о поклонении палачам Китая и Кореи. Государственный синто выступал орудием духовного закабаления народов Китая и Кореи. Так, построенный в Сеуле в 1919 г. – в год героического восстания корейского народа против японского колониального ига – Тёсэн дзингу был главным синтоистским храмом на территории страны. Культ синтоистских святилищ, совершенно чуждый религиозным традициям корейского народа, усиленно навязывался ему колониальными властями[32].

В Японии уже давно ведётся дискуссия об отказе от посещений политиками святилища Ясукуни. В июле 2006 г. была опубликована информация о том, что покойный император Хирохито высказывал недовольство

---

[30] Ооэ Синобу. Ясукуни дзиндзя (Храм Ясукуни).// Токио. 2005. С. 58.

[31] *Такахаси Тэцуя*. Ясукуни мондай (Проблемы Ясукуни)//Токио. 2005. С. 65.

[32] См. *Гринюк В.* Политические проблемы храма Ясукуни // Проблемы Дальнего Востока. № 4. 2010. С. 47.

включением в перечень лиц, которым посвящён храм, военных преступников класса «А». По этой причине император воздерживался от посещений святилища. В том же 2006 г. известный японский дипломат Того Кадзухико выступил с предложением наложить мораторий на визиты в Ясукуни политиков. Некоторые эксперты предлагают построить специальное здание для проведения общенациональных церемоний поминовения погибших в войнах на территории токийского кладбища Тидориагафути, где расположены могилы неизвестных солдат[33].

В период пребывания на посту премьер-министра Японии Дз. Коидзуми (2001–2006 гг.) участие главы правительства в церемониях поклонения «душам героев» было регулярным и демонстративным. Вызывающие действия Коидзуми привели к замораживанию связей Японии с Китаем и Южной Кореей. Поэтому руководители правительств Японии после 2006 г. воздерживались от участия в церемониях, проводившихся в Ясукуни.

В частности, лидеры Демократической партии, пришедшей к власти осенью 2009 г., заявляли о намерении «честно и самокритично относиться к истории» и избегали действий, которые могли вызвать критику со стороны зарубежных партнёров. Однако министр финансов правительства демократов Нода Ёсихико в августе 2011 г., заявил, что японские главные военные преступники, обожествлённые в храме Ясукуни, таковыми уже не являются[34]. Нода подвергся критике в японской прессе, но не только не потерял министерский пост, но и вскоре возглавил правительство Демократической партии.

После поражения демократов на парламентских выборах 16 декабря 2012 г. Либерально-демократическая партия вернулась к власти. Правительство возглавил Абэ Синдзо – известный политик правого толка, носитель националистических взглядов. При нём посещение политиками храма Ясукуни приобрело широкий размах. 21 апреля 2013 г. в храме совершили церемонию поклонения душам усопших рекордное число депутатов парламента – 168 человек. В знак протеста против этого вызывающего шага представители Республики Корея объявили 22 апреля об отказе от участия в трёхсторонней (КНР, РК и Япония) встрече министров иностранных дел[35]. 26 декабря 2013 г. премьер-министр С. Абэ лично совершил церемонию поклонения душам воинов,

---

[33] Там-же.С. 46.

[34] *David Kang*, University of Southern California; *Jiun Bang*, University of Southern California. Japan – Korea Relations: Reality or Symbolism in the Relationship. URL: www.csis.org/files/publication/1102qjapan_korea.pdf

[35] *David Kang*, University of Southern California. *Jiun Bang*, University of South California. Japan-Korea Relations: “Groundhog day” in Foreign Policy. URL: http/www.csis.org/titles/ publication/1301qjapan_korea.pdf

которым посвящено святилище Ясукуни. Данное событие вызвало резкие протесты в Пекине и Сеуле. Вашингтон заявил о «разочаровании» по поводу этого шага японского премьера, поскольку он вызвал усиление напряжённости в регионе[36]. Официальный представитель МИД России Александр Лукашевич подчеркнул, что у Москвы вызывает сожаление посещение храма Ясукуни премьер- министром Японии С. Абэ[37].

Правительство РК отреагировало на вызывающий шаг японского лидера отменой нескольких запланированных встреч корейских и японских военных и мероприятий двустороннего сотрудничества в военной области.

Ещё одна укоренённая в прошлом болезненная проблема отношений между Японией и РК – *«дзюгун ианфу»* («женщины для утешения при армии»). Одновременно это и тема, в связи с которой японская сторона проявляет явную непоследовательность. Речь идёт о женщинах из Кореи, Китая, Индонезии, Филиппин и других стран, которых императорские вооружённые силы во время Второй мировой войны принуждали оказывать сексуальные услуги японским военным. Некоторые японские эксперты, пытаясь оправдать существование системы «женщин для утешения», утверждают, что она представляла собой просто вариант «гражданской проституции на поле боя» и объясняют, что военные бордели организовывали, чтобы предотвратить насилия в отношении женщин на оккупированных территориях, избежать распространения среди военных венерических заболеваний, не допустить утечки военных секретов[38].

В 1993 г. генеральный секретарь кабинета министров Японии Ё. Коно выступил с официальным заявлением, в котором говорилось: «Проведённое правительством изучение показало, что во многих случаях *«ианфу»* были завербованы против их воли, путём обмана, насилия и пр., и что иногда административный или военный персонал принимал непосредственное участие в наборе «женщин для утешения»[39].

Однако ещё в 2007 г. премьер-министр С. Абэ придерживался позиции, что не существует явных свидетельств насильственного принуждения женщин со стороны военных властей предоставлять сексуальные услуги. Выступая 5 марта 2007 г. в парламенте о шагах его правительства в связи с проектом резолюции конгресса США о «женщинах для утеше-

---

[36] Comparative Connections. David Kang, University of Southern California. Jiung Bang, University of Southern California.//Japan-Korea Relations: More Naughty Than Nice.

URL:www.scis.org/publication/comparative-connections-v.15-N 3. P. 118.

[37] URL:http//vz.ru/news/2013/12/26/666227.html

[38] Ёмиури симбун. 31.03.2007.

[39] Abe's Comfort Women Remarks: What Was He Thinking? By Ralf Cossa and Brad Glosserman. Pacific Forum CSIS. Honolulu, Hawai.2007. March 13. Pac Net Number 12.

ния», С. Абэ говорил, что этот документ содержит фактические ошибки, что правительство Японии не намерено приносить извинения бывшим *«ианфу»,* даже в случая принятия резолюции конгресса США.[40]

Подобный подход к проблеме «женщин для утешения» С. Абэ проявляет и в настоящий период. В мае 2014 г. стало известно, что правительство Японии приняло решение пересмотреть заявление Ё. Коно, то есть отказаться от признания фактов принуждения со стороны японской армии в отношении «женщин для утешения»[41]. Но данное решение вызвало волну возмущения, причём не только в Южной Корее, но и в США[42]. Учитывая это, правительство Японии 20 июня 2014 г. объявило, что намерено и впредь придерживаться положений заявления Ё. Коно. Но перед опубликованием официального уведомления на этот счёт Токио многократно консультировался с Сеулом по поводу отдельных выражений в этом документе. Последовал протест со стороны южнокорейского правительства. Оно сочло, что японская сторона в действительности пересмотрело своё отношение к заявлению Ё. Коно[43].

Последующие события показали, что декларация официального Токио о приверженности положениям заявления Ё. Коно носила чисто формальный характер, в реальности проводится курс непризнания этого документа. 5 августа «Асахи» опубликовала заметку о том, что несколько прежних публикаций этой газеты о практике насильственного вовлечения женщин в военные бордели были основаны на ошибочных показаниях бывшего военнослужащего императорской армии. Эта статья послужила толчком к дальнейшей ревизии в Японии курса в отношении проблемы «женщин для утешения». 28 ноября газета «Ёмиури» опубликовала редакционную статью с извинением в адрес читателей за то, что в период с февраля 1992 г. до января 2013 г. в англоязычном издании «Дэйли ёмиури», использовались слова «сексуальные рабыни» и другие «неуместные выражения»[44].

Пересмотр линии японского правительства в вопросе «женщин для утешения» проявляется и на международной арене. На заседании Комитета по правам человека ООН в Женеве 17 июля 2014 г. японские

---

[40] *Гринюк В.* Япония: проблема исторической ответственности. // Проблемы Дальнего Востока. № 5. 2007. С. 48

[41] Comparative Connections. *David Kang*, University of Southern California. *Jiung Bang*, University of Southern California.//Japan-Korea Relations:The Best of Times, the Worst of Times? URL:www.scis.org/publication/comparative-connections-v.16-N 2. P. 122

[42] Ibid.. P. 127

[43] Ibid.

[44] Comparative Connections. David Kang, University of Southern California. Jiung Bang, University of Southern California. // Japan-Korea Relations: How (Juicy)Tabloid News Subsumed Relations URL: http//www.csis.org/files/publication/1403qjapan_korea.pdf

представители отказались утвердить выражение «принуждение к сексуальному рабству» в документе на эту тему[45].

Ещё одно яблоко раздора между Республикой Корея в Японией – острова Токто (в Японии их называют Такэсима). Корейцы настаивают, что эта территория была захвачена Японией в 1905 г. после того, как Корея была по существу лишена суверенитета в результате навязывания ей японского протектората. Административный контроль над островами Токто сегодня осуществляет Республика Корея, и в Сеуле считают это положение восстановленной исторической справедливости. В то же время Япония предъявляет свои притязания на указанную территорию[46].

22 февраля 2013 г. в префектуре Симанэ отмечался День островов Такэсима, причём в церемонии впервые приняла участие член правительства – парламентский секретарь кабинета министров по территориальным проблемам г-жа Айко Симадзири, что придало событию официальный характер. В ответ несколько южнокорейских общественных организаций призвали к бойкоту японских товаров.[47]

25 октября 2013 г. южнокорейская сторона провела военные учения по отработке обороны островов Токто. В конце января 2014 г. правительство Южной Кореи потребовало изъять из обращения новые учебные пособия для японских учителей средней школы и средней школы второй ступени, в которых провозглашаются права Японии на острова Такэсима[48].

Республика Корея и Япония встречают 70-летие окончания Второй мировой войны в обстановке глубокого кризиса двусторонних связей. За время пребывания у власти премьер-министра Японии Синдзо Абэ, во второй раз возглавившего правительство Японии 26 декабря 2012 г., и Президента Республики Корея Пак Кын Хе, вставшей у руля государства 26 февраля 2013 г., между двумя лидерами не произошло ни одной официальной встречи. Соединённые Штаты, озабоченные таким состоянием отношений между двумя их союзниками, предпринимали меры, чтобы наладить их диалог. Первая встреча двух лидеров лицом к лицу состоялась 25 марта 2014 г. в присутствии Президента США Б. Обамы

---

[45] Comparative Connections. David Kang, University of Southern California. Jiung Bang, University of Southern California. // Japan-Korea Relations:The Best of Times, the Worst of Times? URL:www.scis.org/publication/comparative-connections-v.16-N 2. P. 129

[46] О японо-корейском территориальном конфликте подробно см. *Гринюк В.* Территориальный спор Японии с Республикой Корея по поводу островов Токто (Такэсима) // Территориальны вопрос в афро-азиатском мире. М. Аспект-ПресС. 2013. С 67–79.

[47] YonhapNews. Feb. 25. 2013.

[48] Comparative Connections. David Kang, University of Southern California. Jiung Bang, University of Southern California.//Japan-Korea Relations: Is the USA a “Wingman” or “Third Wheel”? URL:www.scis.org/publication/comparative-connections-v.16-N 1 P. 136.

по окончании Саммита по проблемам ядерной безопасности в Гааге. Однако отчуждённость между С. Абэ и Пак Кын Хе не была преодолена[49].

О натянутости отношений между Японией и Южной Кореей говорит и то, что даже традиционный товарищеский матч между национальными футбольными командами двух стран в 2014 г. не состоялся[50]. Об усилении взаимной неприязни населения двух стран говорят результаты опроса, проведённого в мае 2013 г. японской неправительственной организацией Гэнрон и южнокорейским Исследовательским институтом Восточной Азии: 76,б% опрошенных корейцев отрицательно относятся к Японии, и только 12,2% испытывают к ней положительные эмоции. В то же время 37, 7% японских респондентов заявили о негативном отношении к жителям Южной Кореи и 31, 1% – о положительном отношении к ним.[51] По сообщению NHK от 20 декабря 2014 г. о результатах очередного опроса об отношении японцев к Южной Корее, проведённого правительством Японии, 66, 4% респондентов заявили об отсутствии у них чувства близости к Корее. В 2013 г. подобных ответов было на 8,4 % меньше[52].

В ситуации роста ксенофобских настроений в Японии растёт популярность изданий, возбуждающих враждебность к китайцам и корейцам. Серия комиксов «Манга Кэн Кан Рю» («Комиксы на тему ненависти к «Корейской волне»») с 2005 г. до начала 2014 г. была распродана тиражом в 1 млн. экземпляров.[53] Термин «корейская волна» обозначает рост популярности корейской культуры и искусства в зарубежных странах, в том числе и в Японии, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В последние два года под влиянием ухудшения межгосударственных отношений между РК и Японией «корейская волна» здесь пошла на спад.

В рассматриваемый период в Японии отмечался рост активности правых националистических элементов, участились случаи нападений членов организации «Граждане против привилегий для проживающих в Японии корейцев» (Дзайтокукай) на этнических корейцев. В августе 2014 г. Комитет по правам человека ООН рекомендовал японскому

---

[49] Ibid. P.131.

[50] Comparative Connections. David Kang, University of Southern California. Jiung Bang, University of Southern California.//Japan-Korea Relations: The Best of Times, the Worst of Times? URL: http//www.csis.org/publication/comparative-connections-v16-N2 P. 129.

[51] Наканиси Хироси.Сого фусин ни тораварэта 1500 нэн Сого фусин ни тораварэта 1500 нэн (1500 лет, прошедшие под знаком взаимного недоверия)// Тюокорон. Март 2014. С. 32.

[52] Comparative Connections. *David Kang,* University of Southern California. *Jiung Bang*, University of Southern California.//Japan-Korea Relations: How (Juicy)Tabloid News Subsumed Relations URL: http//www.csis.org/files/publication/1403qjapan_korea.pdf

[53] Comparative Connections. *David Kang*, University of Southern California. *Jiung Bang*, University of Southern California.//Japan-Korea Relations: Is the USA a “Wingman” or “Third Wheel”? URL: www.scis.org/publication/comparative-connections-v.16-N 1 P. 134

правительству принять меры против возбуждающих ненависть выступлений во время антикорейских демонстраций[54].

В то же время в Южной Корее активизировалось созданное в 1999 г. молодёжное объединение "VANK", насчитывающее 120 тыс. членов. Провозгласив лозунг «Превратим Японию в изгоя Азии!», эта организация ведёт по всему миру активную антияпонскую пропаганду посредством Интернета. Правительство РК субсидирует деятельность VANK, её руководитель был награждён предыдущим Президентом РК Ли Мён Баком.[55]

Подписав в 1965 г. Договор об основных отношениях между Республикой Корея и Японией и Соглашение относительно прав на требования, которыми предусматривалось окончательное решение всех взаимных претензий сторон, Республика Корея потеряла юридические основания требовать компенсации бывшим «женщинам для утешения». С другой стороны, Конституционный суд Республики Корея летом 2011 г. определил, что бездействие корейского правительства в вопросе о «женщинах для утешения» противоречит Основному закону страны.[56]

Нынешнее сложное состояние отношений между Японией и Республикой Корея могут усугубить судебные иски корейских граждан к японским компаниям. Они требуют компенсаций за труд насильно мобилизованных рабочих на японских предприятиях во время войны на Тихом океане.

В июле 2013 г. окружной суд Сеула принял судебное решение в пользу группы бывших корейских рабочих, насильно мобилизованных во время войны и работавших на заводах компании «Синниттэцу дзюкин». Решение суда предусматривает выплату истцам компенсации удержанной зарплаты в сумме 400 млн. вон (около 40 млн. иен). Компания «Мицубиси дзюкогё» тоже проиграла процесс по аналогичному иску и подала апелляцию в апелляционный суд. Кэйданрэн (Федерация экономических организаций) и три другие предпринимательские организации Японии опубликовали заявление, в котором потребовали разрешения проблемы исходя из того, что Договор об основных отношениях между Японией и Кореей 1965 г. и Соглашение относительно прав на требования урегулировали все претензии корейских граждан к Японии. Если Верховный суд Республики Корея утвердит судебные решения окружного

---

[54] Comparative Connections. *David Kang*, University of Southern California. *Jiung Bang*, University of Southern California. // Japan-Korea Relations: How (Juicy)Tabloid News Subsumed Relations URL: http/www./csis.org/files/publication/1403qjapan_korea.pdf

[55] Накагава Такаси. Никкан канкэй акка но симпаннин (Подлинные виновники ухудшения японо-корейских отношений).//Тюо корон.Март 2014. С. 53.

[56] А. Батакова. Проблемы исторического прошлого в современных отношениях Японии с Китаем и Республикой Кореей.//Проблемы Дальнего Востока.№ 6.2014.С. 35.

суда, активы обеих компаний в Корее могут быть арестованы. Это может серьёзно осложнить экономическое взаимодействие между двумя странами.[57]

Помимо перечисленных проблем, относящихся к прошлому японо-корейских отношений и связанных с исторической памятью, руководство Южной Кореи остро реагировало и на некоторые текущие шаги правительства С. Абэ, усматривая в них проявления милитаристских тенденций. По сообщениям прессы, Республика Кореи наряду с КНР выразила озабоченность в связи с принятием в Японии 6 декабря 2013 г. Закона об охране государственной тайны. Настороженность Сеула вызвала и новая трактовка права Японии на коллективную самооборону, с которой премьер-министр С. Абэ выступил 1 июля 2014 г. Во время Сеульского диалога по безопасности, проходившего 29 – 31 октября 2014 г., заместитель министра обороны РК Джо Сен Бэк встретился с японским коллегой Хидэси Токути и выразил озабоченность по поводу новой расширительной трактовки права Японии на коллективную самооборону и проистекающих из такой трактовки представлений о праве Японии действовать на Корейском полуострове в случае чрезвычайной ситуации[58].

В Японии основными виновниками ухудшения отношений между Японией и Кореей считают корейские СМИ, систему образования, судебные органы и антияпонские организации РК[59]. Некоторые претензии в адрес прессы Южной Кореи выглядят обоснованными. Например, в запале острой дискуссии с японской стороной газета «Чунан ильбо» 20 мая 2013 г. опубликовала колонку обозревателя с текстом, в котором говорилось, что «атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки были местью жертв опытов над живыми людьми в отряде 731»[60].

В некоторых публикациях японской прессы ухудшение японо-корейских отношений связывают с личными качествами президента Южной Кореи Пак Кын Хе, с её ошибками в управлении страной[61]. Однако представляется, что если говорить о личных качествах и склонностях лидеров двух государств, то нужно иметь в виду, что С. Абэ – политик

---

[57] Эгами Го. Канкоку кэйдзайкай [ханнити] но хонъон о кийта (Я узнал об истинных антияпонских настроениях экономических кругов Южной Кореи). Бунгэй сюндзю.2014.1. С. 424.

[58] Comparative Connections. *David Kang*, University of Southern California. *Jiung Bang*, University of Southern California. // Japan-Korea Relations: How (Juicy)Tabloid News Subsumed Relations URL: http//www.csis.org/files/publication/1403qjapan_korea.pdf

[59] Накагава Такаси. Никкан канкэй акка но симпаннин (Подлинные виновники ухудшения японо-корейских отношений). // Тюо корон. Март 2014. С. 53.

[60] Там-же, с 54.

[61] Като Дацуя. Пак Кын Хе [ханнити дайторё]но фукай кодоку (Глубокое одиночество [антияпонского президента] Пак Кын Хе). Бунгэй сюндзю. 2014.4. С. 126–133.

чётко выраженного правого направления. Об этом можно судить и по его прежней деятельности, и по работе нынешнего правительства Японии. Поэтому противостояние С. Абэ и Пак Кын Хе можно рассматривать как случай, когда «нашла коса на камень».

По мнению главного научного сотрудника Исследовательского отдела Японского института комплексных исследований Мукояма Хидэхико, нынешнее охлаждение отношений между Японией и Южной Кореей вызвано не только проблемами интерпретации исторического прошлого. Дело и в том, что постепенно снижается значимость Японии для Южной Кореи. С окончанием холодной войны с точки зрения Сеула снизилась роль Японии в плане обеспечения безопасности. Далее, в процессе глобализации южнокорейской экономики для Республики Корея сократилась весомость Японии в экономическом плане. А если важность какой-то страны снижается, то ослабевают стимулы для усилий с целью восстановить отношения с этой страной.[62]

Одновременно для Южной Кореи в этих двух аспектах возросла важность Китая. Именно эти моменты служат фоном для таких явлений, как «упор Южной Кореи на связи с Китаем» и «отдаление Южной Кореи от Японии».

С точки зрения экономики наблюдается уменьшение разрыва в экономической мощи Японии и Южной Кореи. Во время так называемого «потерянного двадцатилетия» в Японии продолжался застой в экономике, а в Республике Корея с нулевых годов ускорился процесс глобализации, и экономика росла в среднем на 4,5 % в год. В результате если в 1999 г. ВВП Южной Кореи в пересчёте на душу населения составлял ¼ от соответствующего показателя в Японии, то в 2012 г. он вырос до ½. По паритету покупательной способности, учитывающего уровень цен, ВВП на душу населения в РК за этот период вырос с 0,45 до 0,89 японского.[63]

Ещё один важный момент – снижение весомости Японии и повышение значения Китая во внешней торговле Южной Кореи. В частности, из Южной Кореи в начале XXI в. быстро росли экспорт и инвестиции в Китай, который в этот период вступил в ВТО и демонстрировал высокие темпы роста экономики. В 2003 г. Китай, обойдя США, стал для Южной Кореи первой страной-партнёром по объёму её экспорта, а в 2007 г. перегнал Японию и стал первой страной – партнёром Южной Кореи по объёму её импорта. Что касается Японии, то ввиду уменьшения её доли в экспорте из Южной Кореи и из-за наибольшего дефицита РК

---

[62] Мукояма Хидэхико.Канкоку кэйдзай [Нихон банарэ] но хайкэй то дзиттай (Реальная ситуация [отдаления от Японии] корейской экономики и что служит фоном данного процесса). // Тюо корон. Март 2014. С. 58.

[63] Там-же.

в торговле с ней, для Южной Кореи постепенно ослабевали стимулы к укреплению экономических связей с Японией.[64]

Таким образом, нынешнее ухудшение отношений между Японией и Южной Кореей объясняется прежде всего глубокими противоречиями между двумя сторонами в трактовке исторического прошлого. Противостояние усугубляется из-за радикальной линии японского правительства во главе с С. Абэ на постепенную ликвидацию ограничений, которые прежние поколения японских политиков добровольно ввели в политическую практику исходя из пацифистского духа Конституции Японии. На процесс взаимного отчуждения двух стран влияет и экономическое «отдаление» Южной Кореи от Японии.

На отношение государств Восточной Азии в наше время отрицательно влияет отсутствие в японском обществе последовательности в осуждении захватнической политики, которую Японская империя проводила с начала XX века до 1945 г.

Если бы японская элита более решительно выступала против попыток приукрасить и оправдать милитаризм, это вызвало бы положительную реакцию за рубежом. Можно предположить, что в этом случае у соседей Японии получили бы широкое признание ее ныне действующая Конституция с пацифистской 9-й статьёй, а также значительный вклад в модернизацию стран Восточной Азии, который она сделала в период после Второй мировой войны. Тогда речь шла бы о другой, позитивной по содержанию исторической памяти.

Чтобы преодолеть неблагоприятную тенденцию, очевидно, от политиков Японии и Южной Кореи потребуется мудрость, сдержанность в ходе двусторонних дискуссий и активизация обменов между двумя странами в различных областях.

---

[64] Там-же. С. 59.

Глава девятая

Проблемы «сибирского плена» – компонент исторической памяти

Вопросы, связанные с исторической памятью, а именно: признание ответственности Японии за военное прошлое, тенденциозное изложение истории в школьных учебниках, так называемая проблема иянфу «женщин для утешения», демонстративные ритуальные посещения японскими политиками храма Ясукуни и т. д. относятся сегодня к числу наиболее обсуждаемых в Японии и в международном сообществе. Они приобрели особую остроту после прихода к власти в декабре 2012 г. второго кабинета Абэ Синдзо, в списке внешнеполитических приоритетов которого прочно закрепились задачи борьбы с «признаками прошлого», особенно касающихся событий Второй мировой войны.

К теме Второй мировой войны сегодня активно обратились и японские СМИ, готовясь к – 70-летию со дня ее окончания и фиксируя отношение официальных властей к этому событию. В связи с этим 4 января 2015 г. в газете «Иомиури» появилось сообщение о том, что правительство Японии с апреля текущего года приступает к исследованию документов о японских военнопленных в Советском Союзе, о чем была достигнута договоренность между официальными представителями двух стран в декабре 2014 г.[1]. Речь идет о рассекреченных три года назад 700 папках из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) из Фонда Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации, которые содержат сведения о японцах, находившихся в советском плену на территории бывшего СССР после окончания Второй мировой войны.

Официальный Токио серьезно рассчитывает на то, что эти документы позволят прояснить имена и судьбы той части своих сограждан, которые не вернулись из плена на родину и до сих пор числятся в списке без вести пропавших[2]. На сегодняшний день их число приближается к 30 тыс. человек. Это огромная проблема для страны, где сильны традиции

---

[1] Echo.msk.ru/news/1467862-echo.html

[2] Иомиури. 4.01.2015.

почитания предков, и где проблемы военного прошлого и отношения к нему продолжают влиять не только на умонастроения в обществе, но и на отношения с соседними государствами.

«Сибирский плен» – это понятие знаковое в Японии, оно навсегда вошло в историческую память народа и ассоциируется с трагическими страницами советско-японской войны. Война была непродолжительной: бои на территории Маньчжурии продолжались немногим более 3 недель. Но в результате советскими войсками было взято в плен и отправлено на принудительные работы в СССР более 600 тыс. человек. Более 60 тыс. из их числа захоронены на территории бывшего Советского Союза.

Разные источники сообщают отличающиеся цифры. Первые официальные данные о численности японских пленных появились в открытой советской печати уже 1 сентября 1945 г. Это было итоговое донесение главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке А.М.Василевского, согласно которому в плен было взято 573984 солдат и офицеров японской армии, в том числе 110 генералов[3]. В сообщении Совинформбюро от 12 сентября 1945 г. указывалось, что «нашим войскам удалось взять в плен более 594 тыс. японских солдат и офицеров и 148 генералов, в том числе до 20 тыс. раненых. Из этого количества непосредственно в районе боевых действий было освобождено 70 тыс. 880 человек»[4].

Военный историк В. А. Гаврилов, ссылаясь на документы Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), указывает, что на учет было поставлено (по разным данным) от 608360 до 643501 человек. Из них 64888 были освобождены непосредственно с фронтов в соответствии с распоряжением Генерального штаба Красной Армии об освобождении всех военнопленных неяпонской национальности, а также больных, раненых и длительно нетрудоспособных японцев. Из них 64888 человек умерли во фронтовых пунктах концентрации военнопленных. 12318 японских военнопленных были переданы властям МНР, часть отправлена на работы для тыловых нужд фронтов, часть взята на учет ошибочно (подростки, инвалиды, колонисты и т. д.), остальные были переданы в «Смерш», некоторые бежали или были убиты при побегах. Общая цифра японских пленных, убывших с учета до вывоза их в СССР, составляет (по разным данным) от 83561 до 105675 человек[5].

---

[3] Русский архив. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав. Документы и материалы. Т.7 (!). М., 1997. С. 371.

[4] Правда.12.09.1945.

[5] *Гаврилов В.* Была ли советско-японская война 1945 г. «легкой прогулкой» www.rusk.ru/st.php?idal=104308

Подробный анализ этой проблемы проводит также в своих работах исследователь проблем военного плена В.П.Галицкий. Со ссылкой на архивы ГУПВИ он утверждает, что за время войны с Японией с 9 августа по 2 сентября 1945 г. в качестве военнопленных были взяты на учет 639635 японских солдат, офицеров, генералов и вольнонаемных. Из этого числа до декабря 1945 г. непосредственно на фронтах были освобождены 65245 человек, 12318 – переданы правительству Монголии. Умерло во фронтовых лагерях и на армейских приемных пунктах (в основном от ран, контузий и болезней) 15986 человек. В итоге, следуя этим данным, он заявляет, что «на территории СССР оказалось 546086 военнопленных, в том числе 170 генералов во главе с командующим армией Ямада Отодзо и 26345 офицеров. Уже к марту 1949 года на родину возвратилось 418152 человека, 62068 японцев не вернулись из плена к родным очагам. В это число входят 15986 умерших во фронтовых лагерях и на приемных пунктах. На территории же нашей страны прервалась жизнь 46082 человек»[6].

В другой статье этот же автор в результате сравнительного анализа официальных донесений, направленных в разное время в различные советские инстанции, приходит к выводу о том, что «советскими войсками во время кампании на Дальнем Востоке было захвачено в плен 640105 солдат и офицеров японской армии, из них 577194 человека репатриировано на родину, 62096 – умерло в плену по различным причинам»[7].

Из сопоставления этих и других сведений, почерпнутых, главным образом, из докладов руководства МВД, посылаемых в соответствующие советские организации можно прийти к выводу о том, что приводимая в них информация имеет существенные погрешности и иногда сознательно допущенные ошибки. В этом отношении особого доверия заслуживают данные, содержащиеся в Справке МВД СССР от 18 октября 1956 г. о количестве военнопленных бывшей Квантунской армии, взятых в плен советскими войсками в 1945 г.. Этот документ был представлен по запросу высшего советского руководства за день до подписания Совместной советско-японской декларации о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений между СССР и Японией.

В частности, если Совинформбюро от 12 сентября 1945 г. сообщало об общем количестве японских военнопленных (594 000 человек), то здесь впервые была зафиксирована цифра в 639776 человек, в том числе 609448 японцев и 30328 китайцев, корейцев, монголов и лиц других национальностей. При этом в числе 609448 военнопленных японцев

---

[6] Советский воин. 1992. №3–4. С. 72.

[7] Военно-исторический журнал.1999. №4. С. 69.

числилось 163 генерала, 26 573 офицеров, 582712 унтер-офицеров и рядовых. В справку вносились коррективы и в данные об освобожденных и репатриированных японцах за период с 1945 г. по 1956 г. и впервые называлась цифра – 546752 японцев, в том числе 112 генералов и 25728 офицеров. Для сравнения следует напомнить, что в сообщении ТАСС объявлялось о возвращении на родину 510409 японских военнопленных. И, наконец, особое внимание следует обратить на то, что именно в этом документе впервые обнародованы данные об умерших в плену японских военнопленных – 61855 человек[8].

Эти цифры долгие годы относились к разряду государственных тайн в нашей стране и не подлежали общественной огласке. Для широкого хождения действовала специальная установка, указывающая на то, что за все время пребывания в плену в СССР умерло всего 3957 граждан Японии, захороненных на 26 кладбищах[9].

Столь же неоднозначным предстает и само название «сибирский плен». Во-первых, система лагерей, где размещались японские военнопленные, охватывала практически всю обширную территорию СССР, начиная с дальневосточных регионов и кончая Туркменией и Грузией. Но все-таки основная часть японцев работала на лесоповалах и в шахтах Сибири и Дальнего Востока, отсюда и символическое название «сибирский». Теперь о понятии «военнопленный» (*хорё*), поскольку именно так у нас принято называть этих людей. В Японии же в официальных кругах слово «плен» подменяют термином «интернирование», а «военнопленный» – «интернированный» *(ёкурюся*), ссылаясь на то, что эти люди по приказу императора добровольно сдались в плен на территории Маньчжурии, а затем по распоряжению И. В. Сталина перемещены в СССР. Это шло в нарушение Потсдамской декларации. При этом сознательно упускаются из внимания другие определяющие моменты правового характера. И это не только подмена понятий, ведь разный правовой статус предполагает разную правовую защиту международных конвенций. На этих юридических нюансах зачастую спекулировали законодательные и судебные власти Японии, игнорируя законные требования бывших военнопленных.

Возможно, в стремлении отойти от определения «военнопленный» сыграла свою роль древняя национальная традиция, проистекающая из феодального кодекса самурайской чести «Бусидо». Достаточно напомнить высказывания бывшего премьер-министра Японии Тодзио Хидэки на Токийском суде: «Мое заявление, что отношение японцев к вопросу о военнопленных отличается от отношения европейцев и американцев,

---

[8] АВП РФ. Ф.0536, п.12, д. 186, л. 25–27

[9] За мир и гуманизм.

означает, что еще с незапамятных времен японцы считали позорным сдаваться в плен. Поэтому все воины получали приказ идти на смерть, но не становиться военнопленными»[10].

Для простых людей «сибирский плен», который коснулся почти каждую шестую японскую семью, ассоциируется, прежде всего, с долгими годами разлуки с родными и близкими и мучительного ожидания их возвращения на родину. При этом для десятков тысяч из них «сибирский плен» унес жизни отца или мужа, брата или сына, причины смерти и места захоронений которых остаются неизвестными вплоть до сегодняшнего дня.

В Японии опубликовано большое число книг, художественных альбомов, мемуаров, а также научных монографий и статей по проблемам военного плена. Даже такой культовый писатель, как Мураками Харуки не обощел своим вниманием эти трагические для японцев события в своем романе «Охота на овец». Но наиболее заметным событием в области мемуарной литературы стал выход в свет в 1998 г. восьмитомного издания, подготовленного членами Общества «Летописцы военного плена» *(Хорё тайкэн-ки),* которое было удостоено одной из самых престижных литературных премий Японии-премии Наоки за указанный год.

Отношение официальных японских кругов к этой проблеме всегда было весьма сдержанно и прагматично, особенно, если принимать во внимание позицию либерально- демократической партии по этому вопросу, которая по существу не претерпела никаких принципиальных изменений на протяжении всех послевоенных десятилетий. «Сибирский плен» – всегда подавался либерал-демократами как одна из нерешенных проблем послевоенного урегулирования с СССР и использовалась для нагнетания в Японии негативных общественных настроений в отношении нашей страны.

Впервые судьба этих людей стала предметом межгосударственных советско-японских переговоров по нормализации двусторонних отношений, которые проходили сначала в Лондоне, а потом в Москве с июня 1955 г. по октябрь 1956 г., спустя 10 лет после подписания Акта о капитуляции Японии. Все эти 10 лет общественные организации и государственные структуры Японии не оставляли попыток вернуть на родину своих соотечественников, остававшихся в советском плену, а также прояснить судьбу без вести пропавших и т. д. Однако в силу отсутствия прямых внешнеполитических контактов с СССР, впрочем, также, как и с другими государствами в условиях оккупации страны, которая продолжалась вплоть до 1952 г., Япония вынуждена была прибегать в

---

[10] *Смирнов Л. Н. Зайцев Е. Б.* Суд в Токио. М., 1984. С. 536.

решении этого вопроса к посредничеству оккупационных властей. И наши бывшие союзники активно использовали эти обращения в постоянных политических баталиях с нашей страной в условиях стремительной эскалации холодной войны. Сначала это происходило в стенах Союзного Совета для Японии. А затем, по рекомендации и при посредничестве США было перенесено на суд мировой общественности в ООН.

Одновременно этот вопрос активно будировался и по дипломатическим каналам в связи с подготовкой Сан-Францисского мирного договора. Помимо договоренностей по территориальной проблеме в текст договора США настаивали включить и требование незамедлительного возвращения на родину японских узников советских лагерей. Однако, как известно, стороны так и не пришли к единому мнению по этому вопросу ни с точки зрения самого текста мирного договора, ни с точки зрения процедуры его подписания.

Наиболее эффективным на том этапе оказалось взаимодействие представителей Красного Креста СССР и Японии, начавшееся в 1954 г., в результате которого был значительно ускорен процесс возвращения на родину японских военнопленных. На территории СССР остались лишь те, кто был осужден, причем в ряде случаев незаконно так называемыми «Тройками» («Особыми совещаниями») по пресловутой 58-й статье и отбывал наказание в спецлагерях, сроки которых в ряде случаев доходили до 25 лет лишения свободы. Это обстоятельство еще в большей степени затрудняло создавшуюся гуманитарную проблему. Так что окончательную точку в этом вопросе предстояло поставить советским и японским дипломатам на переговорах по нормализации двусторонних отношений.

Однако острые споры и разногласия в политических и деловых кругах Японии, разгоревшиеся между представителями еще не объединившихся тогда консервативных Демократической и Либеральной партий, стали серьезным препятствием к переговорах. Либералы во главе с премьером Ёсида Сигэру ставили в качестве предварительного условия нормализации японо-советских отношений требование возвращения из СССР всех японских граждан и настаивали на тактике ультиматумов в предстоящем переговорном процессе. Новый премьер Хатояма Итиро – председатель Демократической партии, пришедший к власти в конце 1954 г., и его сторонники придерживались иной тактики. В целях ослабления международной напряженности они считали необходимым юридически прекратить состояние войны между Японией и СССР, а затем приступить к поэтапному урегулированию спорных вопросов.

Таким образом, в правительстве Японии на тот момент не было достигнуто единства мнений по поводу плана ведения предстоящих переговоров с СССР. Достаточно сказать, что, к примеру, министр иностранных

дел Сигэмицу Сигэру предлагал начать заведомо длительные переговоры по заключению полномасштабного мирного договора, которому должно было предшествовать решение всех советско-японских проблем, и в первую очередь, гуманитарной и территориальной. По существу эта позиция легла в основу политического курса образованной в ноябре 1955 г. Либерально-демократической партии Японии.

Новая консервативная партия незадолго до возобновления лондонских встреч в январе 1956 г. вновь подтвердила неизменную линию японского правительства на урегулирование всех спорных вопросов до принятия советского предложения о незамедлительном возобновлении дипломатических отношений. Но, как известно, почти двухлетние дискуссии, проходившие в напряженной обстановке, весьма далекой от обоюдного стремления к поиску компромисса, не позволили тогда заключить полномасштабный мирный договор между нашими странами и закончились подписанием Совместной советско-японской декларации о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений.

Согласно 5-й статье этого документа Советский Союз обязывался освободить и репатриировать в Японию всех осужденных японских граждан, а также продолжать поисковые работы по запросам японской стороны»[11]. Все же другие вопросы, вытекающие из международных конвенций и связанные с защитой прав военнопленных, были сознательно опущены японской делегацией в целях достижения договоренностей по территориальной проблеме. Советская сторона попросту не была заинтересована в их постановке, так как она влекла за собой целый ряд мер по исправлению правовых ошибок, допущенных в отношении японских пленных, чего не было в практике советской системы, да и затягивало и без того затянувшийся переговорный процесс. Имеются в виду вопросы выплаты компенсации за работу в плену, реабилитация лиц, ошибочно осужденных в лагерях, и т. д. Не исключено, что японская сторона предполагала вернуться к ним позднее, ведь по опыту русско-японской войны все вопросы, связанные с содержанием военнопленных, были включены отдельным пунктом в Портсмутский мирный договор. Однако после подписания Совместной декларации 19 октября 1956 г. и последовавшей вслед за этим 23 декабря 1956 г. репатриации последней группы отбывавших наказание в СССР японских военнопленных эти вопросы были надолго сняты с повестки дня советско-японских отношений.

Точнее говоря, советское руководство, сочтя свои обязательства перед японскими военнопленными с формальной точки зрения выпол-

---

[11] Правда. 20.10.1956.

ненными, поспешило дать указание о передаче всех материалов в центральные и региональные архивы, поставив на них гриф «совершенно секретно». Отныне на все запросы японских граждан о судьбе своих родственников, не вернувшихся из советского плена, шли однотипные отписки со ссылкой на то, что советские ведомства не располагают подобного рода сведениями. А вслед за этим по заведенной практике и вовсе перестали отвечать на поступавшие из Японии письма.

Однако, как становится очевидным из документов Российского государственного военного архива (бывшего Особого архива), уже в те годы сюда была передана поименная картотека на японцев, оказавшихся в советском плену, личные дела на многих из них, которые поступили на хранение из различных регионов страны после закрытия лагерей. Наряду с этим в архиве можно было отыскать и кладбищенскую документацию, содержащую списки умерших военнопленных всех национальностей и захороненных в различных регионах бывшего СССР с указанием номеров квадратов и могил. В этих материалах можно обнаружить планы кладбищ, а иногда встречаются даже фотографии захоронений и т. д.

Другое дело, что в СССР были допущены серьезные нарушения в организации учета умерших и их погребения. Именные списки содержали данные далеко не на всех узников лагерей, графа «место захоронения», случается, вообще отсутствовала, либо координаты этих мест указывались без особой точности. При приеме военнопленных в лагеря учетные дела и карточки нередко заполнялись малограмотными сотрудниками, что приводило к искажению японских имен и фамилий, что в наши дни создает большие трудности для исследователей. Это обнаружилось сравнительно недавно, когда обратились к составлению списков умерших. Прежде эту цель никто не ставил перед архивными работниками.

В Японии же, напротив, после подписания Советско-японской декларации еще какое-то время продолжалась всеобщая эйфория по поводу возвращения из СССР последней группы соотечественников. Однако вскоре здесь начали подсчитывать количество не вернувшихся из плена и с постоянно нараставшей тревогой стали предпринимать все возможные меры по выяснению их судеб. Уже 28 декабря 1956 г. японский кабинет министров принял решение об учреждении при Посольстве Японии в СССР, которое в ближайшее время должно было открыться в Москве, специальную должность атташе по вопросам репатриации. Основная задача этого сотрудника должна была заключаться в том, чтобы содействовать репатриации всех японцев, которые все еще находились в СССР, и выявлению судеб без вести пропавших и т. д. К этой проблеме сразу же подключилась и японская общественность. В тот же день 28 декабря священнослужители буддийского храма Ниси Хонгадзи в Киото

направили на имя премьер-министра СССР Н. А. Булганина письмо с просьбой дать им разрешение на въезд в Советский Союз. Целью этой миссии были поиски останков умерших японских подданных, погребенных в советской земле, и вывоз их на родину, а также совершение заупокойных служб в местах расположения лагерей. Однако все эти и множество других инициатив, исходивших от различных организаций и частных лиц Японии, не принесли желаемых результатов.

В силу отсутствия каналов воздействия в этом вопросе на советскую сторону, бывшие японские военнопленные и члены семей умерших, объединившись для борьбы за свои права в общественные организации, вынуждены были переадресовать все остававшиеся проблемы советского плена своему правительству и парламенту. А японские власти, в свою очередь, поспешили снять с себя всякую ответственность за их решение и переложить ее исключительно на нашу страну, не только обвиняя СССР в антигуманном обращении с военнопленными и правовом произволе, но и искусно используя сложившуюся ситуацию для разжигания и поддержания антисоветских настроений в Японии.

К их числу, следует отнести и проблему выплат компенсаций за работу в плену, предусмотренных международными конвенциями об обращении с военнопленными. Дело в том, что все японцы, побывавшие в плену в США, Великобритании, Новой Зеландии, Австралии и других странах, при возвращении на родину сразу же получили от японского правительства денежные выплаты на основе официально заверенных представителями лагерной администрации документов о работе и невыплаченной сумме заработка. И только репатриантам из СССР было отказано в денежных компенсациях, так же, впрочем, как и в военных пенсиях, под предлогом отсутствия подобного рода документов, выданных советскими властями. И это дискриминационное положение, в котором оказались узники советских лагерей, вынудило их начать борьбу за свои права, обращаясь в правительство, парламент, судебные инстанции Японии.

Достаточно сказать, что члены «Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных» более 20 раз ставили перед правительством вопрос о выплате компенсации за труд в советских лагерях. И на протяжении многих лет обращались с исками, как от организации, так и от частных лиц в адрес судебных органов Японии. Так. в период 1981–1985 гг. бывшие военнопленные подали в Токийский суд иски на сумму 264 млн. 100 тыс. иен, требуя от властей выплату компенсаций за понесенный в плену физический и моральный ущерб, а также невыплаченную часть заработной платы.

Время от времени к этой проблеме подключались и известные политики, в том числе и либерал-демократы. Но зачастую все их содействие

сводилось лишь к красивым обещаниям в период предвыборной борьбы. Правда, следует признать, что несколько раз петиции бывших военнопленных по вопросу о компенсациях, подписанные десятками тысяч человек, все-таки обсуждались в комиссиях японского парламента. Но требуемое решение постоянно отклонялось под различными предлогами, главным образом, в связи с возражениями со стороны депутатов правящей Либерально-Демократической партии.

Так случилось, к примеру, в сентябре 1987 г., когда по инициативе оппозиционных партий, в том числе тогдашней Социалистической партии и партии Комэйто, был подготовлен для внесения в парламент законопроект о выплате компенсации за работу в советских лагерях с указанием принципа расчета сумм выплат. Однако до принятия закона дело не дошло. В очередной раз помешали либерал-демократы, которые предложили свой альтернативный вариант, предусматривающий создание специального Фонда по проведению мемориальных миротворческих мероприятий. И в декабре 1987 г. был принят специальный закон о выражении общественного признания в адрес бывших военнопленных, вернувшихся из советских и монгольских лагерей.

Этот фонд начал функционировать уже на следующий год, получив большие финансовые ассигнования при достаточно узкой сфере своих задач. Им был арендован целый этаж в фешенебельном небоскребе Сумитомо в токийском районе Синдзюку. Там и по настоящий день демонстрируется экспозиция, посвященная «сибирскому плену», открыта небольшая библиотека и офис со штатом сотрудников, занимающихся в основном работой по запросам бывших военнопленных. Одним из первых мероприятий этого Фонда стало вручение серебряного кубка и денежного пособия в 100 тыс. иен (на то время около 1 тыс. ам. долл.) бывшим военнопленным, а также членам семей умерших, не получившим от правительства ни денежных компенсаций, ни военных пенсий.

Характерно, что действие этого закона распространялось лишь на граждан Японии и никак не коснулось бывших военнопленных – жителей Кореи (11 тыс.) и Китая (13 тыс.), так же в свое время призванных в Квантунскую армию. И это обстоятельство сразу же вызвало волну общественных осуждений. Не были удовлетворены этой парламентской «подачкой» и даже отказались от нее многие японцы, по мнению которых, эта акция не снимала с повестки дня стоящих перед государством компенсационных проблем и являлась лишь искусным способом завуалировать их. И поэтому борьба бывших японских военнопленных за свои права продолжалась.

Благоприятным фоном для этого явились кардинальные политические перемены, начавшиеся в СССР в конце 1980-х годов под лозунгами демократизации и гласности. Эти новые идеологические ориентиры не

только определили внутреннеполитическое развитие страны, но и еще в большей степени затронули сферу международной деятельности Советского Союза. Готовя официальный визит в Японию президента СССР М. С. Горбачева, советские дипломаты и партийный аппарат впервые за прошедшие с момента подписания Совместной декларации годы обратились к проблеме японских военнопленных. Причем, в ходе визита советский лидер не только официально обнародовал существование этой проблемы в советско-японских отношениях, что долгие годы полностью отрицалось в нашей стране, но и предпринял реальные шаги к ее урегулированию, передав японской стороне списки на 27 800 японцев, умерших в советском плену. Одновременно М. С. Горбачев выразил соболезнование семьям покойных, которые тогда впервые получили разрешение на доступ к местам захоронений.

Главным же итогом советско-японских переговоров по этой гуманитарной проблеме стало подписание межправительственного Соглашения о лицах, находившихся в лагерях военнопленных от 19 апреля 1991 г. Круг затрагиваемых в нем вопросов касается, в первую очередь, умерших в советском плену бывших военнослужащих японской армии. Имеется в виду работа по выявлению их имен, приведение в порядок мест захоронений, вывоз останков на родину, передача родственникам найденных личных вещей умерших и т. д. И хотя в этом документе не затрагивались другие проблемы военного плена, для бывших японских военнопленных и членов их семей его подписание стало хорошим знаком того, что теперь правительства обеих стран будут уделять должное внимание этой гуманитарной проблеме.

Однако вскоре общественные организации и частные лица столкнулись с серьезной и неожиданной проблемой: соглашение «не работало», так как все полномочия по его реализации были переданы в руки государственных органов, и тем самым были сужены до минимума и практически сведены к нулю возможности участия в этой деятельности представителей общественности. К тому времени организации бывших военнопленных уже установили дружественные контакты с российскими региональными структурами и осуществляли достаточно результативную совместную поисковую работу по выявлению имен умерших и мест их захоронений. Возникли и проблемы, связанные с эксгумацией останков и вывозом их на родину, которые оказались недостаточно урегулированы с точки зрения национальных законодательств, и т. д. И, тем не менее, начатая работа продолжалась.

Все эти начинания были продолжены правительством Российской Федерации на правах правопреемника СССР. В эти годы заметно активизируются поисковые работы в российских архивах по выявлению имен без вести пропавших граждан Японии. Региональные власти в со-

трудничестве с японскими общественными организациями приводят в порядок японские захоронения и возводят на них памятные обелиски, организуют прием родственников умерших, которые индивидуально или в составе специализированных групп начинают ежегодно посещать эти места. В качестве дополнительных мер по содействию таким поездкам с 17 февраля 1994 г. по указанию Москвы эта категория японских граждан освобождается от уплаты консульских сборов за оформление визы.

Одновременно с этим важные шаги предпринимаются новой властью и в правовом отношении с целью восстановления и выполнения международных норм в отношении бывших японских военнопленных. Продолжается начатая еще в СССР реабилитация лиц японской национальности, незаконно осужденных в советских лагерях в рамках закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. 26 марта 1992 г. выходит распоряжение Правительства РФ о выдаче справок о труде бывшим японским военнопленным и членам семей умерших, находившимся в плену на территории бывшего СССР после окончания Второй мировой войны. Выходу постановления предшествовали многочисленные массовые обращения японцев в российские государственные органы, а также долгие и трудные согласования между различными российскими инстанциями. Ведь это был первый прецедент в истории международного права, когда страна, спустя почти 50 лет после окончания войны возвращалась к выполнению своих правовых обязанностей в отношении иностранных пленных. Наконец, в октябре 1993 г. Россия признала антигуманное отношение к японским военнопленным со стороны сталинского режима, что прозвучало в словах президента РФ Б. Н. Ельцина во время его официального визита в Японию.

Как ответили за все эти гуманитарные шаги нашей страны в Японии? Благодарностью и признательностью со стороны многих общественных организаций и частных лиц Японии и практически полным игнорированием официальных властей, которые оценили их исключительно как жест доброй воли со стороны России, не влекущий никаких правовых обязательств со стороны Японии. Более того, некоторые представители японского истеблишмента особенно из числа либерал-демократов, напротив, поспешили использовать эту информацию, чтобы переадресовать требования японских военнопленных о выплате компенсаций к современной России, как правопреемнице СССР. Их политические интересы шли вразрез и со сложившейся международной практикой в этом вопросе, и с международными правовыми нормами и договоренностями, включая специальный пункт Совместной декларации 1956 г. о взаимном отказе сторон от финансовых претензий друг к другу. И только небольшая часть политиков поспешила найти оправдание сво-

ему бездействию, предложив урегулировать создавшуюся ситуацию в рамках переговоров по мирному договору, как это уже происходило в 1955–1956 гг. При этом в качестве основного условия для подписания этого документа, как и тогда выдвигалось требование одностороннего удовлетворения Россией территориальных претензий японской стороны. Непреклонную позицию официального Токио в этом вопросе не могли поколебать даже рекомендации таких влиятельных организаций, как Международный комитет Красного Креста или Комиссия ООН по правам человека, выступившие в защиту требований японских военнопленных.

Какое-то время определенные надежды на разрешение этой проблемы бывшие японские военнопленные связывали с приходом к власти коалиционного правительства во главе с Хосокава Морихиро, выходца из ЛДП и лидера созданной им Новой партии, который, сохраняя преемственность во внешней политике, стремился расставить новые акценты в оценке событий военного прошлого. Проблема «сибирского плена» не понаслышке коснулась и его семьи. Его дедом по материнской линии являлся Коноэ Фумитака (сын бывшего довоенного премьер-министра Японии Коноэ Фумимаро), чьим последним пристанищем в советском плену стал лагерь в д.Чернцы Ивановской области, где он умер незадолго до репатриации. В своей речи 15 августа 1993 г. на ежегодной церемонии, посвященной окончанию Второй мировой войны, Хосокава впервые признал военные действия Японии агрессией, и такая оценка вызвала широкий резонанс в обществе.

В этой связи в ноябре 1993 г. газетой «Асахи» был проведен опрос общественного мнения среди своих читателей по проблемам военного прошлого Японии и выявлению отношения к ним населения страны. Так, свое согласие с высказыванием премьера выразило 76% опрошенных (15% ответили отрицательно, 9% уклонились). Не выпали из поля зрения журналистов и проблемы «узников сибирского» плена. И на вопрос редакции о том, должно ли японское правительство, либо государство, имеющее прямое отношение к этой проблеме, взять на себя ответственность по выплате этим людям компенсации за работу в плену, 72% опрошенных выступили в поддержку этого требования (18% ответили отрицательно, 10% уклонились от ответа)[12].

Под давлением общественного мнения в Японии была создана специальная комиссия по выработке законопроектов по защите жертв войны и выплате им компенсаций. В эту категорию лиц вместе с корейскими женщинами были включены и бывшие японские военнопленные – узники сталинских лагерей. Однако правительство и парламент Японии предпочли дистанцироваться от финансовой ответственности за

[12] Асахи. 13.11.1993.

действия своих предшественников и соответственно обойти вопрос о выплатах послевоенных компенсаций, связанных с этими действиями.

Следующий премьер-министр Японии социал-демократ Мураяма Томиити, от которого ждали смелых решений по этим вопросам, также не совершил прорыва в этой области. Он прославился другим – своей речью, посвященной 50-летию окончания войны, в которой впервые за всю послевоенную историю Японии принес извинения народам, пострадавшим от японской агрессии. «На определенном этапе не столь отдаленного прошлого Япония, избрав ошибочную национальную политику, вступила на путь войны, ввергла свой народ в пучину смертельно опасного кризиса и своим колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам других, особенно азиатских, стран. Ради того, чтобы такая ошибка не повторилась в будущем, я со смирением воспринимаю исторические факты как неоспоримые и здесь вновь выражаю глубокое сожаление и приношу искренние извинения. Разрешите также выразить глубокую скорбь о всех жертвах этого исторического периода в нашей стране и за рубежом»[13].

Но дальше слов дело не пошло. Срок действия его кабинета, также как и его предшественника, оказался недолгим. К тому же, вряд ли у того и другого нашлась бы столь сильная политическая воля, чтобы переломить несгибаемые позиции по этому вопросу либерал-демократов. Следуя уже сложившейся линии партии в этом вопросе, очередное правительство ЛДП также по существу свело все задачи в области реализации прав бывших японских военнопленных лишь к одной, возможно, самой важной для нации, но не единственной цели поисков без вести пропавших. Об этом свидетельствуют переговоры в рамках официального визита в Японию в сентябре 2000 г. президента РФ В. В. Путина, которые состоялись между тогдашним министром внутренних дел РФ В. Б. Рушайло и тогдашним послом Японии в РФ Тамба Минору. Их итогом стал подписанный обеими сторонами «Протокол о передаче данных о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных».

Все остальные проблемы военного плена оказались вне сферы интересов японских политиков. Только Демократическая партия Японии в марте 2009 г. при поддержке Коммунистической и других оппозиционных партий разработала и внесла в парламент Японии законопроект о выплате денежных компенсаций бывшим солдатам и офицерам Квантунской армии, находившимся в трудовых лагерях Сибири и Монголии. Здесь необходимо пояснить, что речь в этом проекте идет, в том числе, и о тех японцах, которые по решению советских властей были переданы правительству МНР и использовались на строительстве объектов культуры и народного хозяйства в этой стране.

---

[13] Бюллетень Информационного отдела Посольства Японии в РФ. 1995. №4 С. 1.

Как сообщала газета «Иомиури», размер спецпособий, предусмотренных проектом, колебался от 250 тыс. иен (около 2,7 тыс. долларов) до 1,5 млн. иен (16 тыс. долларов) в зависимости от срока пребывания в плену. На эти цели предусматривалось выделить 23 млрд. иен (250 млн. долларов). Причем эту сумму предполагалось погасить за счет средств одного из распускаемых фондов[14]. Напомню также, что, на тот момент на эти пособия могли претендовать до 100 тыс. японцев, средний возраст которых достигал 90 лет[15].

Однако эта парламентская инициатива, которая успешно прошла обсуждение в верхней палате, была заблокирована правящей на тот момент Либерально-демократической партией в ключевой нижней палате. И только после победы демократов на всеобщих выборах в августе 2009 г., демократы вернулись к обсуждению этого вопроса в парламенте страны. Их лидер Хатояма Юкио был полон амбициозных планов завершить переговорный процесс с Россией, начатый в 1955 г. его дедом Хатояма Итиро, подписанием мирного договора, урегулировав для этого весь комплекс существующих двусторонних проблем, включая и одну из первоочередных – гуманитарную.

В экспертных кругах ожидали, что внесенный ранее законопроект будет одобрен парламентом на его очередной сессии 18 января 2010 г. Однако из-за непредвиденных бюрократических проволочек парламентские слушания по этому вопросу были перенесены с января на май 2010 г. Затем в Японии разразился политический кризис, вслед за этим последовала отставка правительства Хатояма Юкио. И для бывших японских военнопленных вновь начались дни томительных ожиданий.

Все-таки 16 июня 2010 г. новый закон увидел свет. Официально он именуется «О выплате специальных пособий гражданам Японии, насильственно интернированным в СССР и Монголию после окончания Второй мировой войны». И хотя в его названии использовано слово «пособие», речь идет о решении многолетней проблемы выплаты компенсаций за пребывание и работу в советских и монгольских лагерях бывших военнослужащих Квантунской армии. И это, по признанию самих бывших военнопленных, имело для них куда более важное историческое и моральное значение, чем те небольшие по меркам сегодняшнего дня денежные суммы, которые предоставило им государство.

Важно и то, что новый закон включал в себя и ряд других положений, касающихся военного плена и обязывающих японское правительство добиваться получения полной информации о пребывании своих граждан в советском и монгольском плену и возвращения на родину останков

---

[14] http://www.vesti.ru/doc/html?id=334949

[15] Там же.

умерших. При этом, в рамках его действия большая часть общественных организаций, достигших основную уставную цель, подлежало роспуску, и на их основе создавался единый общественный Центр по сбору материалов о военном плене и оказанию поддержки семьям военнопленных.

Кажется, бывшие японские военнопленные достигли, наконец, главной цели своей борьбы, получив признание со стороны государства равных прав с узниками военного плена, побывавших в других странах. Однако в реальности сфера действия закона имела достаточно узкие рамки и жесткие ограничения. По существу под его действие подпадала только часть бывших военнопленных, поскольку право на получение выплат получили лишь ныне здравствующие ветераны, число которых в настоящее время исчисляется всего лишь несколькими десятками тысяч. Тогда как семьи умерших в плену и даже скончавшихся в наши дни буквально за день до получения выплат, были лишены этих прав. Действие закона не распространилось и на граждан других государств, воевавших в рядах Квантунской армии и оказавшихся в плену в СССР. Речь, к примеру, идет о жителях Республики Корея, которые уже многие годы безуспешно добиваются компенсации от японского правительства в судебных инстанциях этой страны. С похожей проблемой столкнулись и граждане Китая и др. стран. Но вернутся ли вновь японские законодатели и в, частности, нынешние либерал-демократы к этой проблеме?

На этот вопрос однозначно ответить трудно. Можно лишь предположить, что новый расширенный закон о компенсациях, включая и жителей других азиатских стран, вряд ли в скором будущем увидит свет. Об этом можно судить не только по традиционно жесткой позиции либерал-демократов в этом вопросе, но и по отношению нынешнего премьера к оценке исторического прошлого. Достаточно вспомнить, что нынешний премьер Японии Абэ Синдзо в ходе своего выступления на церемонии, посвященной 69-й годовщине капитуляции Японии, впервые за многие годы нарушил традицию своих предшественников, идущую со времен Мураяма Томиити, и не стал приносить извинения за агрессию своего государства по отношению к странам-соседям по региону в годы Второй мировой войны[16]. Все вопросы, связанные с «исторической памятью» относятся сегодня к числу наиболее обсуждаемых в стране и в международном сообществе.

Тем не менее Абэ намерен «продолжать упорно работать над урегулированием территориального спора с Россией и подписать мирный договор между нашими странами»[17]. Коснется ли он в этом договоре в

---

[16] top.rbk.ru/politics/15/08/…/870258.shtmlid=42

[17] m/Interfax.ru/txt/?

той или иной форме гуманитарной проблемы «сибирского плена», остающейся между нашими странами, пока неизвестно. Но существуют косвенные свидетельства того, и, в частности, статьи в японской прессе, что нынешнее правительство по-прежнему большое внимание уделяет поиску имен без вести пропавших, не вернувшихся из советских лагерей – проблеме, которая не перестает волновать японское общество вот уже 70 лет, прошедших после окончания Второй мировой войны.

Глава десятая

Реформы Абэ Синдзо в сфере политики обеспечения национальной безопасности

Возвращение во власть Либерально-демократической партии (ЛДП) во главе с С. Абэ показало, что ни во внешней, ни во внутренней политике реальной альтернативы консерваторам не существует, а политические платформы партии власти и оппозиции во многом схожи и принципиально не меняют внешнеполитической и оборонной политики страны.

Курс С. Абэ в сфере политики обеспечения национальной безопасности (НБ) во многом сохраняет преемственность предыдущих правительств, как от ЛДП, так и Демократической партии Японии (ДПЯ). В то же время он представляет собой определенный отход от принятых ранее взглядов на развитие страны. Дипломатическая повестка дня С. Абэ в последние годы является настолько четкой и жестко артикулированной, что ее можно назвать доктриной1. Стремительное реформирование политики обеспечения национальной безопасности не только трансформирует внутриполитические реалии, но и меняет парадигму региональной безопасности, а также отражается на всем комплексе международных связей. Это, прежде всего, касается японо-американского альянса, являющегося неотъемлемой частью фундамента, на котором строится политика обеспечения НБ Японии.

Консервативные тенденции в политике обеспечения национальной безопасности Японии

Вопросы обеспечения НБ занимают ключевое место в формировании повестки дня политических партий. После окончания Второй мировой войны к власти в Японии пришли консервативные силы, широкий спектр которых можно условно разделить на два направления. Первое – это

---

[1] Japan's foreign and security policy under the 'Abe doctrine': new dynamism or dead end? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 2.

прагматики, основное течение в ЛДП (так называемая «школа Ёсида»), ставящие основной целью экономическое развитие, опору на союз с США при низком уровне собственных вооружений, а также ограниченную вовлеченность в международные дела. Второе направление – это ревизионисты, которые стремились к пересмотру пацифистской конституции и превращению Японии в государство с полноценной армией и независимой внешней политикой. В послевоенной истории не раз появлялись политические фигуры, которые бросали вызов «доктрине Ёсида». Придя к власти, Н. Киси добился пересмотра договора безопасности в пользу равноправия с США, а И. Хатояма предпринял усилия для нормализации отношений с Советским Союзом. Я. Накасонэ выдвинул лозунг «подведения окончательных итогов послевоенной политики», что отражало стремление покончить с «комплексом поражения» во Второй мировой войне и создать необходимые условия для превращения Японии в одну из ведущих мировых держав[2]. Он уделял значительное внимание укреплению альянса с США, назвав Японию «непотопляемым авианосцем», поддерживал пересмотр конституции, основного закона об образовании и впервые посетил храм Ясукуни в качестве премьер-министра. Деятельность Я. Накасонэ привела к определенной модификации «доктрины Ёсида», однако его взгляды встречали противодействие мейнстримовского звена в ЛДП.

«Доктрина Ёсида» была политическим компромиссом между пацифистски настроенной оппозицией и правыми консерваторами, особое внимание уделявшим и вопросам безопасности[3]. Послевоенное развитие Японии, в том числе ее курс в сфере внешней политики и обороны, дает основание некоторым ученым утверждать, что до конца холодной войны послевоенный консерватизм представлял собой скорее политическую идею в ЛДП, чем рабочую программу японского правительства[4].

Большинство ученых сходится во мнении, что нынешний премьер-министр является представителем правого крыла консерваторов. В то же время некоторые склонны причислять его к лагерю неоконсерваторов. Так, политолог Т. Такахаси считает, что С. Абэ является представителем японского неоконсерватизма, который стремится к возрождению японских традиций, национальных ценностей и к полномасштабному перевооружению путем пересмотра пацифистской конституции. Его отличие от старого консерватизма состоит в том, что, во-первых, неоконсерватизм – реакционное движение, направленное против послевоенной демократизации и демилитаризации под руководством либералов и левых

---

[2] *В. Э. Молодяков, Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарьян.* История Японии.М., 2007. С. 385.

[3] *K. Pyle*. The Japanese question. Power and purpose in a new era. Washington. 1996. P. 41.

[4] Toshiya Takahashi. Japanese neoconservatism: coping with China and North Korea.// Security challenges, vol.6, No.3 (spring 2010). P. 24.

политических сил. Апеллирование к национальной гордости используется как адресованный либералам и левым силам упрек в отрицании японских традиций. Большинство представителей неоконсерватизма это рожденные после войны политики, журналисты и интеллектуалы, которые не испытали на себе тягот довоенного или военного времени. Во-вторых, неоконсерватизм сочетает проамериканскую позицию с антикитайской. В отличие от послевоенного консерватизма 1940–1950-х гг., который рассматривал автономную политику обеспечения безопасности как конечную цель, неоконсерваторы больше зависят от США, и в то же время они отрицают возможность идти на уступки Китаю, что отличает их от консервативного курса Т. Фукуда в 1970-е г. или Я. Накасонэ в 1980-е г[5].

По мнению одного из советников С. Абэ, японского аналитика Х. Окадзаки, консерватизм в Японии стоит перед лицом двух задач. Первая – это искоренение послевоенного взгляда на историю, восприятия ее с левых позиций. Проблема в том, что предыдущие правительства превратили этот вопрос внутреннего характера в международный. (В качестве примеров он приводит комментарий премьер-министра К. Миядзава по поводу учебников истории, заявление по поводу «женщин комфорта» и т. п.) Вторая задача состоит в отходе от послевоенного режима в сфере обороны и безопасности, включая увеличение военного бюджета и признание права на коллективную самооборону[6]. По мнению Х. Окадзаки, решать эти две задачи одновременно было бы непродуктивно, поэтому первоначально необходимо сосредоточиться на политике обеспечения безопасности и направить силы на укрепление японо-американских отношений.

Реализация консервативной повестки дня происходит в контексте обострившегося геополитического соперничества в мире и в регионе Восточной Азии, что несет новые вызовы и возможности. Японский политолог Т. Иногути считает, что в условиях изменяющейся среды безопасности перед Японией есть три возможных внешнеполитических сценария: 1) классический реалистический курс, направленный на сохранение статуса-кво, основанный на тесном взаимодействии с США в ответ на возвышение Китая; 2) преобразовательный прагматический курс, направленный на возрождение страны через «абэномику» и достижение большей независимости от Вашингтона; 3) либеральный международный курс на расширение глобальных норм и правил через многосторонние институты совместно с другими государствами.[7] В политике С. Абэ при-

---

[5] *T.Takahashi*. Japanese neoconservatism: coping with China and North Korea. // Security challenges, vol.6, No.3 (spring 2010). P. 26.

[6] *H. Okazaki*. Conservative tasks in Japan. // The Japan times online. 23.04.2013. – www. japantimes.co.jp

[7] *T.Inoguchi.* A call for a new Japanese foreign policy: the dilemmas of a stakeholder state. // International affairs.July 2014, vol. 90, no. 4. pp. 943–944.

сутствуют черты всех трех направлений: это и укрепление механизмов координации военно-политического альянса, и стремление устранить ограничения, препятствующие достижению Японией статуса «нормальной страны», и дипломатия «универсальных ценностей».

Политику С. Абэ в сфере обеспечения НБ можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, ее особенностью является направленность на повышение военной роли Японии. В отличие от демократов, двигавшихся в том же направлении, но меньше это акцентирующих, С. Абэ изначально сделал политику НБ одним из центров своей повестки дня, придал ей большую публичность. Таким образом, его шаги в этой сфере изначально вызывали резонанс и воспринимались как свидетельство его «ястребиной» сущности.

Во-вторых, инициативы С. Абэ имеют всеобъемлющий характер и направлены на формирование новой концептуальной базы политики обеспечения НБ. Осуществляется пересмотр основ, десятилетиями определявших оборонную политику страны – запрета на использование коллективной самообороны, запрета на экспорт вооружений. Впервые принята официальная Стратегия национальной безопасности, определившая национальные интересы, принципы и цели политики их защиты, основные угрозы и вызовы, а также задачи в сфере дипломатии и обороны.

В-третьих, одновременно с реформированием концептуальной базы идет работа по укреплению практических механизмов принятия решений в сфере безопасности. Учреждение Совета национальной безопасности (СНБ), ужесточение законодательства, касающегося защиты секретной информации ставит целью улучшить эффективность и оперативность принятия решений, а также повысить уровень координации усилий с США и их союзниками в сфере безопасности.

В-четвертых, изменения в политике обеспечения национальной безопасности сопровождаются активной идеологической работой с населением. Ее отражением стали решение о пересмотре учебников истории, риторика относительно посещения храма Ясукуни, обсуждение вопроса об агрессии Японии в отношении соседних стран во время Второй мировой войны. Таким образом, реформы политики национальной безопасности являются частью курса на укрепление национального самосознания и отказа от послевоенных установок, мешавших Японии превратиться в «нормальную страну».

Ревизионистская риторика С. Абэ, тем не менее, не противоречит его рациональному подходу в отношении соседей по региону. Это дает повод некоторым наблюдателям отмечать, что существуют два Абэ Синдзо: националист или консерватор Абэ, который поддерживает пересмотр учебников истории, подвергает сомнению проблему «женщин комфорта» или ставит под вопрос результаты трибунала для военных

преступников, и прагматик Абэ, который делает попытки сблизиться с Китаем и Южной Кореей и стремится избежать эскалации напряженности вокруг островов Сэнкаку[8].

Истоки нынешней политической повестки дня премьер-министра лежат в программе 2007 г., которую он рассчитывал реализовать в первый срок пребывания у власти. Выступая в парламенте в январе 2007 г., он заявил, что будет стремиться к возвращению «прекрасной страны Японии». Во внешней политике характеристики «прекрасной страны» включали активную дипломатию (*сютё суру гайко*), основанную на трех столпах: 1) укрепление партнерских отношений с государствами, разделяющими общие ценности свободы, демократии, основных прав человека и верховенства закона; 2) создание открытой и богатой инновациями Азии; 3) внесение вклада в глобальный мир и стабильность[9]. Таким образом, уже тогда премьер-министр сделал акцент на повышении международной роли Японии и приверженности «универсальным ценностям».

На выборы 2012 г. С. Абэ пришел хорошо подготовленным, что позволило ему одержать победу и приступить к реализации давно задуманных планов. Во время выборов ЛДП выдвинула лозунг «Вернем Японию» (*Нихон-о торимодосу*). По словам японского лидера, это означало не только забрать бразды правления страной из рук правительства ДПЯ. Это также означало «вернуть Японию народу из послевоенного прошлого»[10], пересмотреть отношение к истории и к тому курсу, в соответствии с которым страна развивалась после поражения во Второй мировой войне.

Выступая в парламенте в январе 2013 г., премьер-министр обозначил необходимость предпринять кардинальные изменения в сферах внешней политики и обороны. Главной задачей было объявлено развитие стратегической дипломатии, основанной на фундаментальных ценностях свободы, демократии, основных прав человека, правления закона. В этом контексте речь шла об укреплении альянса, являющегося «краеугольным камнем японской дипломатии», и восстановлении дружеских отношений между Японией и США[11].

---

[8] Japan is back. A conversation with Shinzo Abe. // Foreign affairs. July/August 2013. URL – https://www.foreignaffairs.com/interviews/2013-05-16/japan-back

[9] Дай 166 кай коккай ни окэру Абэ найкаку соридайздин сисэйхосин эндзэцу. (Программное выступление премьер-министра С. Абэ на 166 сессии парламента). 26.01.2007. // Канцелярия премьер-министра Японии. URL – http://www.kantei.go.jp/jp/abespeech/2007/01/26sisei.html

[10] *С. Абэ*. Атарасии куни-э. Уцукусии куни-э. (На пути к обновленной красивой стране) 2013. Токио. С. 254.

[11] Дай 183 кай коккай ни окэру Абэ найкаку соридайздин сёсин хёмэй эндзэцу. (Выступление премьер-министра С. Абэ на 183 сессии парламента).//Канцелярия премьер-министра Японии. URL- http://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement2/20130128syosin.html

Политика обеспечения национальной безопасности при С. Абэ

Придя к власти, С. Абэ стремительно приступил к реформированию политики обеспечения НБ. Первым его решением было увеличение военных расходов. Новый план предусматривал затраты в 4,68 трлн. йен (52 млрд. долл.) на оборону в 2013 г., что означало рост на 0.8%, впервые с 2003 г.[12] Средства нового бюджета должны были пойти на организацию наблюдательных полетов, укрепление возможностей сбора информации в районе юго-западных островов. Также планировалось увеличить численность персонала сил самообороны. При этом лимит в 1% от ВВП, долгие годы существующий в качестве потолка оборонных расходов, сохранился. Принятие увеличенного военного бюджета стало объектом пристального внимания в регионе, однако следует отметить, что поскольку за последние несколько лет сумма военных расходов сокращалась, нынешний рост фактически вернул их на прежний уровень.

Решение повысить затраты на оборону реально не привело бы к значительному наращиванию военных мощностей, однако оно демонстрировало решимость Японии играть более заметную роль в регионе. Таким образом, Токио давал понять Пекину, что Япония намерена усилить военный потенциал для защиты территорий в Восточно-Китайском море.

Одновременно с этим премьер-министр запустил работу по пересмотру Основных направлений программы национальной обороны (ОНПНО). Новые Основные направления были одобрены в декабре 2013 г. и, в отличие от предыдущих документов, были разработаны в условиях растущего оборонного бюджета. В целом ОНПНО 2013 г. повторяли принципиальные установки, принятые в аналогичном документе 2010 г., однако в новой программе основной акцент сделан на совместных возможностях отражения угроз безопасности. Если в программе 2010 г. фокус внимания сместился на ситуации в так называемых «серых зонах» безопасности, то за прошедшие со времени ее принятия годы вызовы в «серых зонах» безопасности участились, кроме того, возрос риск их перерастания в серьезные конфликтные ситуации[13].

Ключевым элементом ОНПНО 2013 г. стала концепция «Сил динамичной совместной обороны», расширившая понятие «динамичной обороны», введенное в ОНПНО 2010 г. Эта концепция подразумевает создание устойчивых, гибких и совместимых в оперативном плане вооруженных сил, повышение уровня интеграции с американскими ВС. При-

---

[12] Japan defense budget to increase for first time in 11 years. 30.01.2013. //Bloomberg. URL-http://www.bloomberg.com/news/articles/2013-01-29/japan-s-defense-spending-to-increase-for-first-time-in-11-years

[13] *Y. Ishihara.* Japan's national security in 2013. //Security outlook of the Asia Pacific Countries and its implications for the defense sector. NIDS joint research series. No.11. Tokyo. 2014. P. 128.

оритетными направлениями являются достижение превосходства в воздухе и на море, наращивание возможностей быстрого развертывания, укрепление командования, контроля и возможностей сбора информации и коммуникации, создание инфраструктуры по снабженческой поддержке[14].

Следующим звеном в реформах С. Абэ стало упразднение Совета безопасности и учреждение вместо него Совета национальной безопасности по образцу американского СНБ. Эта структура состоит из представителей ключевых министерств, деятельность, которых разделена на несколько уровней. Как и в предыдущем Совете безопасности, остается «совещание девяти министров» (в нем участвуют премьер-министр, министры по делам администрации, почты и телекоммуникаций, иностранных дел, обороны, финансов, экономики и промышленности, национальных земель и транспорта, генеральный секретарь кабинета министров, а также председатель Национальной комиссии общественной безопасности). Предусмотрен механизм чрезвычайных министерских совещаний, созываемых во время кризисных ситуаций. Новшеством стало учреждение «совещания четырех министров», куда входят премьер-министр, генеральный секретарь кабинета министров, министр обороны и министр иностранных дел. Эта компактная структура занимается рассмотрением важнейших вопросов внешней и оборонной политики, а также выработкой общего стратегического курса. Это позволяет сосредоточить в руках администрации контроль над принятием решений в сфере безопасности, обеспечить быстрое и эффективное кризисное реагирование, снизить вероятность бюрократических проволочек.

Важным элементом новой структуры стало учреждение Секретариата, который занимается не только организационными вопросами, но и участвует в анализе обстановки и формулировании стратегии. Генеральным секретарем назначен С. Яти, советник кабинета министров и главный дипломатический стратег С. Абэ. Работа секретариата должна централизовать и оптимизировать анализ разведывательной информации по вопросам НБ. Учреждение секретариата и должности генерального секретаря позволяет установить дополнительные каналы связи как с США и их союзниками, так и с другими государствами, что улучшит возможности Японии по участию в обмене информацией на уровне советников по НБ других стран[15].

На данном этапе сложно говорить, насколько эффективно проявит себя СНБ. Основные проблемы связаны с вероятностью возникновения бюрократических проволочек, а также возможностями передавать раз-

---

[14] East Asian strategic review. National institute for defense studies. Tokyo. 2014. P. 65.

[15] *S. Yachi.* “More proactive contribution to peace” changes Japan’s diplomacy. // Japan policy forum. 12.04.2014. //Japan policy forum. URL –
http://www.japanpolicyforum.jp/en/archives/diplomacy/pt20140412012137.html

ведывательную информацию[16]. Совершенствование системы обмена секретной информацией с США и их союзниками влечет за собой необходимость повышения собственного потенциала Японии по сбору и анализу разведывательных данных.

Соглашения о защите секретной информации существуют у Японии с США (2007), НАТО (2010), Францией (2011), Австралией (2012), Великобританией (2013). Подобное соглашение было подготовлено и с Республикой Корея, однако оно не было подписано в связи с неблагоприятным политическим климатом в отношениях между двумя странами. Укрепление механизма обмена разведывательной информацией с дружественными странами потребовало принятия мер по обеспечению ее секретности. В декабре 2013 г. одобрен Закон о защите государственной тайны, цель которого заключается в предотвращении утечек информации в сфере внешней политики, обороны, контрразведки, борьбы с терроризмом. Закон позволяет засекречивать решения СНБ и других структур и ужесточает меры по охране государственной тайны. Его принятие вызвало массу нареканий, поскольку он не предусматривает прозрачности процедур, согласно которым та или иная информация может считаться секретной, и ставит под вопрос свободу слова в стране.

Одним из основных решений СНБ стало принятие 17 декабря 2013 г. первой в японской истории Стратегии национальной безопасности. В этом документе объединены основные ориентиры политики обеспечения безопасности в широком понимании, не только в сфере обороны и дипломатии, но и в экономике, энергетике, информационных технологиях.

Необходимость принятия Стратегии НБ назревала уже давно. В Японии не существовало документа, в котором бы содержалась стратегия национальной безопасности. Элементы концепции обеспечения НБ содержались в ряде постановлений правительства, программных речах премьер-министров и т. п. Основной курс обороны 1957 г. касался только обеспечения национальной безопасности в узком смысле, то есть, в военном плане, и его содержание во многом не отвечает нынешним реалиям. В условиях стремительно меняющейся среды безопасности в Японии отсутствовал единый официальный документ, определяющий не только направления оборонной и внешней политики, но и комплексное видение проблем безопасности и обеспечения национальных интересов в разных сферах жизни.

В стратегии сформулированы долгосрочные направления и методы реализации политики государства. Документ состоит из трех частей –

---

[16] *J. Berkshire Miller*. How will Japan's new NSC work? 29.-01.2014//The diplomat. – http://thediplomat. com/2014/01/how-will-japans-new-nsc-work/

принципы японской политики обеспечения НБ, вызовы безопасности на региональном и глобальном уровне, а также ответ на эти вызовы и вклад в обеспечение мира. Центральной концепцией этой стратегии является «активный пацифизм» (*сэккёкутэки хэйва сюги*), основанный на принципе международного сотрудничества».

Активный пацифизм стал не только понятием для внутреннего использования, сопровождающим изменения оборонного законодательства, но и становится отличительной характеристикой новой глобальной роли Японии. В отличие от «пассивного пацифизма», близкого к антимилитаризму и не признающего роль военной силы как средства поддержания мира и безопасности[17], «активный пацифизм» позволяет Японии позиционировать себя как государство, готовое полноценно, с использованием вооруженных сил, участвовать в обеспечении международного мира и безопасности. Выступая на ГА ООН в сентябре 2013 г. С. Абэ заявил: «Я сделаю возможным, чтобы Япония с позиций активного пацифизма была еще более вовлечена в меры коллективной безопасности в рамках ООН, включая операции по поддержанию мира»[18].

Стратегия во многом является отражением собственного взгляда С. Абэ на безопасность. Это дает повод некоторым обозревателям сомневаться в ее долгосрочности. Вполне вероятно, что, когда С. Абэ уйдет с поста премьер-министра, его преемник решит пересмотреть стратегию согласно своим взглядам. На данный момент невозможно понять, насколько длительное влияние на внешнюю и оборонную политику будет иметь «активный пацифизм»[19].

Одним из этапов реализации политики «активного пацифизма» стало принятие 1 апреля 2014 г. новых Принципов передачи продукции военного назначения. Они разрешают японским компаниям поставки вооружений союзникам Японии и дружественным государствам, а также упрощают порядок участия японских производителей в международных проектах, связанных с разработкой и производством военной продукции.

Запрет на экспорт вооружений, не оформленный в виде закона, но существовавший в виде «принципов» 1967 г. и 1976 г., фиксировал отказ Японии от поставок оружия, техники, технологий за рубеж. Несмотря на то, что он существовал почти 50 лет, на деле неоднократно обходился –

---

[17] *M. KAMIYA*. A Nation of Proactive Pacifism – National Strategy for Twenty-first-Century Japan. 20.01.2014. //Japan policy forum. URL – http://www.japanpolicyforum.jp/en/archives/diplomacy/pt20140120123844.html

[18] Address by Prime Minister Shinzo Abe, at The Sixty-Eighth Session of The General Assembly of The United Nations, Thursday, September 26, 2013 – http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201309/26generaldebate_e.html

[19] *Y. Tatsumi*. Can Japan's national security strategy outlive Abe? 18.11.2014. // East Asia forum. URL – http://www.eastasiaforum.org/2014/11/18/can-japans-national-security-strategy-outlive-abe/

в качестве примера можно привести поставки военных технологий в США в 1983 г., решение 2004 г. об экспорте в США комплектующих системы ПРО. В декабре 2011 г., при демократах, были разрешены поставки вооружений и технологий другим странам в целях осуществления международного сотрудничества и укрепления мира, а также совместные оборонные разработки и производство с целью обеспечения безопасности Японии.

Снятие упомянутых ограничений на экспорт позволит наладить полномасштабное взаимодействие в военной сфере со странами региона, а также с партнерами в Европе. Речь идет о совместных проектах с Индией, поставках подводных лодок в Австралию. Соглашения о сотрудничестве в военно-технической сфере у Японии заключены с Францией, Великобританией, обсуждаются перспективы военно-технического взаимодействия с НАТО. Это также придаст импульс развитию оборонно-промышленного комплекса (ОПК), который на протяжении длительного времени демонстрировал отставание в развитии, а крупнейшие компании не имели возможности продавать свои оборонные технологии за границу.

Среди экспертов преобладает мнение, что эти инициативы японского правительства рассчитаны не столько на поддержку национального ОПК, сколько на достижение политических целей С. Абэ. Предполагается, что он намерен повысить роль Японии в вопросах обеспечения региональной безопасности с помощью поставок современного военного снаряжения странам, имеющим, подобно Японии, противоречия с Китаем по территориальным вопросам. Такая стратегия, известная как «выстраивание возможностей», уже применялась Вашингтоном для того, чтобы избежать прямого конфликта с Пекином при сдерживании его территориальных амбиций[20].

В этом ключе можно рассматривать и пересмотр политики оказания Официальной помощи развитию (ОПР) в феврале 2015г., в результате чего Япония впервые закрепила за собой возможность предоставлять ОПР вооруженным силам стран-реципиентов. Ожидается, что приоритет будет отдан странам Юго-Восточной Азии. Несмотря на то, что, получатели помощи могут использовать ее только в невоенных целях (например, для ликвидации последствий стихийных бедствий), критики указывают на размытость критериев предоставления ОПР и возможность использовать средства не по назначению.

Центральным пунктом повестки дня С. Абэ в сфере политики обеспечения НБ стало снятие запрета на осуществление права на коллективную самооборону. 1 июля 2014 г. правительство приняло резолюцию об изменении интерпретации 9 статьи конституции. Новая трактовка

---

[20] *Парамонов О.* Изменение базовых принципов оборонной политики Токио: причины и возможные последствия. // Япония. Ежегодник. 2014 г. С. 30.

позволяет силам самообороны применять оружие в результате нападения на страну, имеющую тесные отношения с Японией, при наличии трех условий: явной угрозы существованию Японии или возможности существенным образом сказаться на реализации конституционных прав ее граждан на жизнь, свободу и стремление к счастью; отсутствие другого способа отражения нападения и защиты страны и ее граждан; сведение к минимуму использования силы.[21]

Разрешение на применение права на коллективную самооборону ведет к большей интеграции сил самообороны с ВС США. В то же время, многие эксперты считают маловероятным полноценное участие Японии, подобно Великобритании или Франции, в «коалициях единомышленников» в военных операциях на Ближнем Востоке или в других регионах. Боевые действия с участием американских военных вовсе не означают «нападения» на Америку, что позволяет Японии оставаться свободной в своем выборе при принятии решений о применении военной силы[22].

Основное значение новой трактовки конституции состоит в изменении базовой психологии альянса. Легитимация права на коллективную самооборону побудит Японию и США углубить оперативное планирование и интеграцию в чрезвычайных ситуациях, выходящих за пределы защиты страны. Дискуссии по вопросам обороны в Японии также сместятся с вопроса о конституции к конкретному обсуждению стратегических целей и средств[23].

В то же время политики неоднократно ссылались на другие положения конституции, которые позволяли бы Японии участвовать в различных зарубежных операциях, не изменяя действующего законодательства. В частности, И.Одзава, в свое время прославившийся тем, что призывал Японию стать «нормальной страной», отмечал, что преамбула конституции обязывает Японию сотрудничать с мировым сообществом с целью достижения стабильности в мире. На основании такой интерпретации конституции Япония могла бы применять право на коллективную безопасность для участия в операциях, получивших одобрение Организации Объединенных Наций. В отличие от права на коллективную самооборону, которое, согласно Уставу ООН, является присущим каждому государству и может быть использовано без ее санкции, право на кол-

---

[21] Хэйва андзэн хосэй надо но сэйби ни цуйтэ. (О законодательстве в области обеспечения мира и безопасности). // Секретариат кабинета министров. – http://www.cas.go.jp/jp/gaiyou/jimu/housei_seibi.html

[22] *Стрельцов Д. В.* Токио по-новому трактует право на коллективную самооборону. 15.07.2014. // МГИМО. URL – http://www.mgimo.ru/news/experts/document258320.phtml

[23] *M. Mochizuki, S. Porter*. Japan under Abe: toward moderation or nationalism? // The Washington quarterly. Fall 2013. P. 32

лективную безопасность может быть применено только по разрешению этой организации[24].

Признание права на коллективную самооборону неоднозначно воспринято в обществе. Так, по опросам газеты «Нихон кэйдзай» в сентябре 2013 г., 54% респондентов выступили против, и только 32% поддержали эту идею[25]. Под давлением партнера ЛДП по коалиции – партии Новая Комэйто, пацифистски настроенный электорат которой недоволен наступлением на конституцию, многие первоначально более определенные и радикальные формулировки в новой трактовке были существенно смягчены[26].

На основании признания права на коллективную самооборону в сентябре 2015 г. парламент принят пакет законов, существенно расширяющих полномочия японских военных за рубежом. Он состоит из двух частей – нового закона: «О поддержании международного мира» и комплекса поправок к законам, регламентирующим деятельность сил самообороны. Новое законодательство подводит постоянную основу под участие Японии в международных операциях, не подпадающих под определение ООНовских операций по поддержанию мира, устраняет географические ограничения на действия сил самообороны по оказанию тыловой поддержки войскам США, дает право японским военным использовать силу для защиты других стран.

Принятие новых законов сопровождалось массовыми демонстрациями и привело к падению рейтинга премьер-министра. Критики законодательства считают, что оно представляет собой прямой путь к втягиванию Японии в войну. В то же время, представляется, что размытость формулировок оставляет правительству поле для маневра в случае необходимости принятия решений об участии в зарубежных операциях.

Решения, касающиеся НБ, которые приняты со времени возвращения С. Абэ во власть, можно рассматривать как исторический прорыв, ставший возможным благодаря удачному раскладу сил в стране, меняющимся геополитическим реалиям за ее пределами, личности самого премьера. В то же время эти решения являются закономерным итогом деятельности, направленной на постепенное снятие послевоенных ограничений в военной сфере, проводимой его предшественниками, причем не только из ЛДП, но и из лагеря оппозиции.

---

[24] *T. J. Pempel*. Challenges to bilateralism. Changing foes, capital flows, and complex forums. // Beyond bilateralism. US-Japan relations in the new Asia-Pacific. Ed by Ellis Krauss, T. J. Pempel. 2004, Stanford. P. 70.

[25] Japanese PM Abe pushes to extend military's role. – The Wall street journal. 17.09.2013. // Wall street journal. URL – http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323407104579035541349980268

[26] *Стрельцов Д. В.* Токио по-новому трактует право на коллективную самооборону. 15.07.2014. // МГИМО. URL – http://www.mgimo.ru/news/experts/document258320.phtml

Предложение смягчить запрет на экспорт вооружений и пересмотреть запрет на осуществление коллективной самообороны было выдвинуто комиссией, созванной при правительстве демократа Ё. Нода. Тогда же была одобрена концепция «динамичных сил обороны», определяющая вектор развития военного потенциала страны, а также отменен ряд ограничений, связанных с экспортом вооружений. С. Абэ неоднократно повторял, что демократы нанесли значительный ущерб в сфере НБ, однако в реальности по основным направлениям оборонной и внешней политики предыдущая администрация фактически подготовила почву для новых решений ЛДП, так как позиции обеих партий по вопросам НБ в основном совпадают.

В то же время, в отличие от предшественников, С. Абэ ставит оборонную политику на первый план, открыто и повсеместно говорит о ней, инициирует масштабную общенациональную дискуссию по вопросам безопасности. Кроме того, параллельно с этим идет мощная идеологическая работа как с населением внутри страны, так и за рубежом, с целью изменить взгляд на проблему оценки истории.

По мнению некоторых наблюдателей, движущей силой деятельности С.Абэ становится растущий национализм, смешанный с историческим ревизионизмом. Это отражено в составе кабинета министров, где 15 из 19 чиновников принадлежат к организации «Ниппон кайги», крупнейшей правой организации в Японии. Для консерваторов, подобных С.Абэ, принятие японской истории необходимо для того, чтобы возродить жизненно важную связь между государством и обществом и позволить Японии мобилизовать энергию для возрождения экономики, решения социальных проблем и защиты от внешних угроз[27].

Решения С. Абэ в сфере политики обеспечения НБ во многом связаны с намерением укрепить японо-американское взаимодействие, подтвердить статус Японии как регионального и глобального союзника, на которого можно положиться. В то же время эти реформы отражают стремление самого С. Абэ добиваться возрождения Японии, сильной как в экономическом, так и военном плане.

Трансформация японо-американского альянса безопасности

Укрепление альянса стало первой задачей во внешнеполитической повестке дня премьер-министра. Накануне поездки в США в феврале 2013 г. японский лидер заявил, что «во время визита намерен продемонстрировать населению Японии и всего мира, что японо-американский

---

[27] *T. Berger*. Abe's perilous patriotism. A Japan cjair platform special edition. October 2014. – Center for strategic and international studies. URL – http://csis.org/files/publication/141003_Berger_AbePerilousPatriotism_Web.pdf

альянс восстановлен»[28]. Такой настрой был воспринят Вашингтоном позитивно, хотя и вызывал опасения, способен ли новый глава японского государства увести внешнюю политику от спорных региональных вопросов, которые могут навредить американским интересам[29].

Первая встреча прошла достаточно сдержанно, С. Абэ традиционно подтвердил приверженность обязательствам в рамках военно-политического союза, а также озвучил американскому коллеге свои планы по увеличению оборонных расходов, пересмотру ОНПНО, а также изучению возможности снять запрет на осуществление права на коллективную самооборону. Премьер-министр также заявил, что японская сторона хотела бы начать пересмотр Руководящих принципов оборонного сотрудничества, с учетом меняющейся обстановки в среде безопасности[30].

Японские наблюдатели не могли не заметить некоторый спад внимания США к региону. Об этом свидетельствовали отмена участия Б. Обамы в саммите АТЭС и встрече ВАС в октябре 2013 г., перенос сроков визитов в Малайзию и на Филиппины. Это усугубило сомнения по поводу того, продолжится ли политика ребалансирования в Азию во время его второго президентского срока. На это указывали и другие признаки: отсутствие ключевых речей, посвященных Азии, после мартовской речи советника президента по Азии Т. Донилона, назначение Д. Рассела заместителем госсекретаря по вопросам Восточной Азии и Тихоокеанского региона лишь через 5 месяцев после того, как с поста ушел его предшественник К. Кэмпбелл. Только в ноябре 2013 г. новый советник по безопасности С. Райс выступила в Джорджтаунском университете с речью «Будущее Америки в Азии». Она подтвердила, что США продолжат «проявлять приверженность этому критически важному региону, независимо от того, сколько горячих точек появится в мире»[31].

Шаги, решительно предпринимаемые С. Абэ в сфере политики обеспечения НБ, его программа экономического возрождения, а также устойчивые позиции ЛДП во власти способствовали повышению доверия к японскому лидеру со стороны США. Визит Б. Обамы в Токио в апреле 2014 г. стал подтверждением того, что Вашингтон по-прежнему намерен проводить курс на укрепление отношений с союзником и на наращивание

---

[28] Дай 183 кай коккай ни окэру Абэ найкаку соридайздин сисэйхосин эндзэцу. (Программное выступление премьер-министра С. Абэ на 183 сессии парламента.) // Канцелярия премьер-министра Японии. URL – http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201302/28siseuhousin_e.html

[29] Pivot to the Pacific? The Obama administration's "rebalancing" toward Asia. CRS Report for congress. 28.03.2012. P. 4. // Congressional research service reports. URL– www.fas.org/sgp/crs/natsec/R42448.pdf

[30] Japan-U.S. summit meeting. 22.02.2013. //Ministry of foreign affairs of Japan. http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/pmv_1302/130222_01.html

[31] East Asian strategic review. 2014. National institute of defense studies. Tokyo, 2014. P. 270.

присутствия в АТР. Выступая перед журналистами, американский президент впервые заявил, что статья 5 Договора безопасности охватывает все территории под управлением Японии, включая острова Сэнкаку [32], что было высоко оценено японской стороной.

Основными вопросами на повестке дня японо-американских отношений оставались пересмотр ролей и миссий альянса в новых условиях, с прицелом на сдерживание Китая, урегулирование вопроса о передислокации авиабазы американской морской пехоты Футэмма, а также участие Японии в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП). В марте 2013 г. Япония присоединилась к переговорам по заключению соглашения о ТТП, и в октябре 2015 г. после длительных переговоров участники объявили о создании партнерства. Для Вашингтона этот проект является одним из ключевых элементов политики ребалансирования. С. Абэ рассматривает ТТП как способ подтолкнуть реформы и открыть для конкуренции отдельные сегменты национальной экономики [33]. В то же время присоединение к этому соглашению воспринимается в Японии неоднозначно и встречает протест со стороны аграрного сектора.

Проблема переноса авиабазы ВС США Футэмма продолжает оставаться в повестке дня переговоров, хотя острота ее снята по сравнению со временем пребывания у власти Ю. Хатояма. Выступая в парламенте осенью 2013 г., премьер-министр заявил: «Что касается передислокации ВС США в Японии, мы продолжим обеспечивать потенциал сдерживания, одновременно реализовывая существующие японо-американские соглашения и снижая нагрузку на местное население (Окинавы)»[34]. В ходе встречи С. Абэ с американским послом Дж. Русом был одобрен план, предусматривающий сроки переноса базы, и решено, что стороны будут возвращаться к этому вопросу каждые три года. Ожидается, что передислокация Футэмма и возвращение земель японским властям могут начаться к 2022 г. В 2013 г. центральному правительству удалось пролоббировать разрешение местной администрации на перенос базы в пределах префектуры (из окрестностей г. Гинован в окрестности г. Наго).

Тем не менее, противостояние центра и местных властей продолжается. Очередной его виток связан с тем, что в марте 2015 г. при строительстве были повреждены уникальные коралловые рифы. Губернатор лично приехал проинспектировать объект и получил отказ в допуске,

---

[32] Joint press conference with president Obama and prime minister Abe of Japan. Tokyo, 24.04.2014. // The White house. URL – https://www.whitehouse.gov/photos-and-video/video/2014/04/24/president-obama-holds-press-conference-prime-minister-abe-japan

[33] Shinzo Abe, Barack Obama and the TPP: what you need to know. 28.04.2015.//The Financial times. URL – http://www.ft.com/cms/s/0/9b57ecec-ed5f-11e4-a81a-00144feab7de.html

[34] Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 185th Session of the Diet. Tuesday, October 15, 2013 – http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201310/15shoshin_e.html

после чего принял решение отменить строительные работы. Правительство аннулировало это решение. Скандал, разгоревшийся в преддверии визита С. Абэ в США, привел к тому, что сам премьер-министр летал на встречу с Т. Онага на Окинаву с тем, чтобы убедить его поддержать план правительства.

На встрече в Вашингтоне в апреле 2015 г. лидеры двух стран подтвердили приверженность плану по переносу базы в Наго, что незамедлительно вызвало ответную реакцию на местах. 35 тыс. демонстрантов вышли на улицы столицы префектуры[35]. Согласно опросам, проведенным газетой «Асахи» в апреле 2015 г., 55% респондентов не одобряют то, как С. Абэ решает вопрос Футэмма. На Окинаве число противников политики нынешнего правительства в отношении проблемы переноса авиабазы достигло 73%[36].

В целом можно констатировать, что, несмотря на сопротивление внутри страны, С.Абэ удается довольно успешно действовать на таких чувствительных направлениях, как передислокация американской авиабазы и присоединение Японии к Транстихоокеанскому партнерству.

Центральным вопросом отношений в рамках альянса является пересмотр направлений его дальнейшего развития. В октябре 2013 г. состоялось заседание Консультативного комитета по безопасности 2+2, на котором было принято совместное заявление, обозначившее намерение усилить военное сотрудничество, и решено провести пересмотр Руководящих принципов до конца 2014 г.

Необходимость пересмотра ролей и миссий альянса назревала уже давно. Изменение среды безопасности, в которой действовал альянс, новое геополитическое противостояние в АТР требовали укрепления японо-американского оборонного взаимодействия. Осуществление ребалансирования в Азию, модернизация военной доктрины США, переход Японии к концепции динамичной обороны предполагали новые возможности взаимодействия в регионе и в мире. Действия С. Абэ по изменению основ политики обеспечения национальной безопасности позволили внести новые элементы в принципы оборонного сотрудничества двух стран.

Для Японии одной из важнейших задач стала выработка мер по реагированию на ситуации в так называемых «серых зонах», которые нельзя отнести ни к прямому нападению на Японию, ни к мирному положению. Эксперты подчеркивают, что вызовы в «серых зонах» отли-

---

[35] Protesters call for shut down US Futenma base. 17.05.2015. //China Daily. URL – http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-05/17/content_20741612.htm

[36] Asahi polls: differences highlighted in mind-set on Futenma relocation. 21.04.2015. // The Asahi shinbun. Asia and Japan watch. URL – http://ajw.asahi.com/article/behind_news/politics/AJ201504210052

чаются от ситуаций в районах, прилегающих к Японии, поскольку они непосредственно относятся к ее безопасности [37].

При этом японцы настаивают на важности вовлечения США в их урегулирование, потому что последствия этих вызовов выходят за пределы обороны Японии. Попытки Пекина изменить статус-кво представляют вызов позициям США в Азии. Кроме того, приверженность Вашингтона защите суверенных интересов союзника может рассматриваться странами региона как тест, показывающий, в какой мере США способны играть ведущую роль в обеспечении региональной безопасности и своих позиций в Азии[38].

Политика Токио и Вашингтона по реагированию на вызовы со стороны Китая в «серых зонах» отражает намерение США защищать Японию, а также дает сигнал региональным игрокам о том, что США сохранят присутствие в Западной части Тихого океана, и альянс остается непоколебимым. В то же время отсутствовала система координации двустороннего взаимодействия в ситуациях, относящихся к «серым зонам». Существующие механизмы не могли быть задействованы в ситуациях, обозначенных в ОНПНО 2013 г., которые не являются ни мирными ситуациями, ни чрезвычайными ситуациями, затрагивающими территориальный суверенитет или жизненно важные интересы Японии. Эксперты отмечали, что постоянная система координации для командования и контроля/управления существует в НАТО и в американо-корейском альянсе, что определяло желательность появления постоянной структуры по координации в японо-американском альянсе, а также ее систематического задействования для реагирования на ситуации в «серых зонах»[39].

Появление в последние годы новых сфер сотрудничества, таких как обеспечение безопасности кибер-пространства и космоса, а также наращивание сотрудничества в сфере противоракетной обороны позволяло ожидать, что новые роли и миссии альянса будут расширены за счет этих областей взаимодействия.

Новые Руководящие принципы оборонного сотрудничества были одобрены 27 апреля 2015 г. на заседании Консультативного комитета по безопасности, накануне официального визита С. Абэ в США. Было заявлено, что их цель – обеспечить «быстрый, массированный, гибкий и эффективный» ответ и создать для этого механизм практического двустороннего взаимодействия. В этой связи Руководящими принципами 2015 г. учреждалась новая двусторонняя структура – Механизм

[37] Y.Ishihara. Japan's national security in 2013. //Security outlook of the Asia Pacific Countries and its implications for the defense sector. NIDS joint research series No. 11. P. 130–131.

[38] Y.Ishihara. Japan's national security in 2013. //Security outlook of the Asia Pacific Countries and its implications for the defense sector. NIDS joint research series No.11. P. 133.

[39] East Asian strategic review. 2014.P. 67.

координации альянса для «расширения оперативной координации и укрепления двустороннего планирования».

Основное содержание документа касалось мер в ответ на вооруженное нападение на Японию, а также на «ситуации, которые будут иметь важное влияние на мир и безопасность Японии». В отличие от редакции 1997 г., в новом документе не упомянуты географические рамки таких ситуаций[40], что придает глобальный характер этому виду взаимодействия. Отдельный раздел документа посвящен глобальному сотрудничеству, которое может включать миротворческие операции, устранение последствий стихийных бедствий, обеспечение безопасности на море, включающее такие операции, как охрана морских коммуникаций, разминирование, борьба с пиратством, операции по эвакуации населения, а также выстраивание возможностей стран-партнеров.

В качестве перспективных областей сотрудничества названы космос и кибер-пространство. Союзники намерены укрепить систему обмена информации о действиях, представляющих угрозу безопасности и стабильности космического пространства. Усилия будут направлены на обмен информацией о новых вызовах кибер-безопасности, а также на защиту инфраструктуры, необходимой для функционирования сил самообороны и их взаимодействия с ВС США. В то же время эксперты отмечают, что между двумя странами существует огромный разрыв в этой сфере – Японии предстоит провести большую работу, чтобы достигнуть в ней уровня, делающего возможным партнерство с Америкой[41]. Впервые упомянуто сотрудничество в сфере военного оборудования и технологий, а также в сфере разведки и информационной безопасности.

Данные Принципы можно расценивать как сигнал о том, что Япония готова взять на себя большую ответственность за свою безопасность, а также вносить вклад в операции США в регионе и в мире. Их реализация приведет к большей координации между Токио и Вашингтоном не только вблизи японских островов, но и в таких важных для обеих стран уголках земного шара, как Южно-Китайское море или Ормузский пролив. Станет возможным оказание снабженческой поддержки ВС США в конфликтах за пределами районов, находящихся в непосредственной близости от Японии, без принятия для этого специального закона для каждой конкретной операции.

Подписание Руководящих принципов стало логическим продолжением инициатив С. Абэ в области оборонной политики. Оно направлено на

---

[40] The Guidelines for Japan-U.S. defense cooperation. April 27, 2015. // Ministry of foreign affairs of Japan. URL – http://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf

[41] *Y. Tatsumi*. 4 takeaways from the new US-Japan defense guideline. 29.04.2015 // The diplomat.com. URL – http://thediplomat.com/2015/04/4-takeaways-from-the-new-us-japan-defense-guidelines/

углубление координации и создание единого механизма реагирования на кризисные ситуации в районах, прилегающих к Японии, а также большего вовлечения страны во вспомогательные операции при осуществлении американских военных акций в различных уголках земного шара. По словам С. Абэ, Япония не должна быть слабым звеном в рамках механизма региональной и глобальной безопасности, в котором США играют главенствующую роль[42]. Таким образом, предпринимая ряд радикальных шагов в сфере обороны, премьер-министр тем самым подчеркивает, что «Япония возвращается», как он заявил еще в 2013 г. во время своего визита в США.

Поездка С. Абэ в США в апреле-мае 2015 г. прошла в благоприятной обстановке. Лидеры выступили с заявлением о совместном видении, в котором подтвердили приверженность основным принципам международного сотрудничества: уважению к суверенитету и территориальной целостности, приверженности мирному разрешению споров, поддержке демократии, верховенству закона, открытому рынку, продвижению глобальных норм, таких как свобода навигации и полетов, поддержке трехсторонних и многосторонних форматов сотрудничества с партнерами[43].

С. Абэ стал первым японским премьер-министром, выступившим перед Конгрессом США. В своей речи он пообещал американцам, что к лету 2015 г. будет принято новое законодательство в сфере безопасности, хотя на тот момент времени соответствующие законопроекты даже не были внесены на рассмотрение в правительство. Это свидетельствовало о приоритетах премьер-министра в области политики обеспечения НБ и дало повод упрекнуть С. Абэ в игнорировании мнения японского населения в угоду интересам США.

Большинство обозревателей сошлись в том, что японскому лидеру был оказан беспрецедентно теплый прием. В то же время, оценивая итоги визита, некоторые американские аналитики задаются вопросом, продолжится ли внимание к альянсу, или эта встреча станет просто галочкой в расписании взаимных визитов. По их мнению, если правительство С. Абэ по-прежнему хочет, чтобы Японию считали страной «первого уровня», ему необходимо реализовать положения заявления о совместном видении, то есть начать конкретные действия в соответствии с заявленным намерениями[44].

---

[42] Remarks by Prime Minister Shinzo Abe on the occasion of accepting Hudson Institute's 2013 Herman Kahn Award, Wednesday, September 25, 2013. // Prime minister's office. URL – http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201309/25hudson_e.html

[43] Japan, US Joint vision statement. 28.04.2015.//Ministry of foreign affairs of Japan. URL – http://www.mofa.go.jp/na/na1/us/page3e_000332.html

[44] Scott Snyder, Brad Glosserman. Prime minister Abe's very good visit. 5.05.2015. // Forbes. URL – http://www.forbes.com/sites/scottasnyder/2015/05/05/prime-minister-abes-very-good-visit/

После обнародования новых Руководящих принципов Сеул выразил озабоченность по поводу того, что они позволят Японии применять право на коллективную самооборону в районе Корейского полуострова без согласия Кореи.[45] Отношения между Токио и Сеулом являются одной из важнейших составляющих большой сети партнерств Вашингтона в регионе, поэтому он неоднократно призывал к скорейшему улучшению японо-корейских отношений. По словам министра обороны Э. Картера, «расширение трехстороннего сотрудничества является ключевым элементом американского ребалансирования в АТР»[46]. В Руководящих принципах 2015 г. США и Япония выразили намерение «развивать и улучшать трехстороннее и многостороннее взаимодействие в сфере безопасности». Прохладные отношения между Токио и Сеулом по-прежнему являются серьезным препятствием на пути осуществления политики ребалансирования.

Визит С. Абэ в США был неоднозначно воспринят в академических кругах. Критика С. Абэ издательства «МакГроу Хилл Эдьюкейшн» за учебники истории, в которых якобы неверно представлено участие Японии во Второй мировой войне, вызвало негодование в американской ученой среде. Решение Токио выделить крупную сумму на финансирование японоведения в университетах и аналитических центрах США (по 5 млн. долл. будет выделено Колумбийскому университету, Масачуссетскому технологическому университету и др.) было воспринято как попытка «подкупить» их с целью пропаганды прояпонского взгляда на события 1930–1940х гг. Это стало еще одним свидетельством того, что вопросы истории, которые долгое время были внутриазиатским делом, приобретают большее значение, и возрастает вероятность того, что они будут иметь негативный эффект на американо-японские отношения[47].

Американские исследователи с опасением относятся к тому, что предложение признать коллективную самооборону исходит из лагеря ревизионистов. «Ревизионизм способствует недоверию и нестабильности», отмечает Р. Сэмюэльс.[48] Можно констатировать, что США приветствуют изменения, проводимые С. Абэ, но то, как они преподносятся, зачастую вызывает опасения в Вашингтоне. Высказывания премьер-

---

[45] Korea, China wary of US-Japan military pact. 28.04.2015//Voice of America. URL – http://www.voanews.com/content/korea-china-wary-of-us-japan-military-pact/2737447.html

[46] Abe's visit to focus on controversial statements. 26.04.2015. //Voice of America. URL – http://www.voanews.com/content/abes-us-visit-to-focus-on-controversial-statements/2735012.html

[47] *T. Berger*. Abe's perilous patriotism. A Japan cjair platform special edition. October 2014. – Center for strategic and international studies. URL – http://csis.org/files/publication/141003_Berger_AbePerilousPatriotism_Web.pdf

[48] *Samuels*: "Collective self –defense – yes; revisionism – no". 06.05.2014. // Dispatch Japan. URL – http://www.dispatchjapan.com/blog/2014/06/samuels-collective-self-defense-yes-revisionism-no-.html

министра по поводу исторического прошлого внушают в регионе недоверие по отношению к его инициативам в сфере обеспечения НБ и тем самым создают помехи для беспрепятственной реализации политики ребалансирования в Азии.

По мнению британского ученого К. Хьюза, хотя появление «доктрины Абэ» привело к более активной внешней политике Японии и обеспечило «быстрые победы» в сфере повышения международного статуса и влияния, в долгосрочной перспективе она представляется недальновидной, нестабильной и контрпродуктивной для японских интересов. В конечном счете, она усилит существующую долгосрочную тенденцию в японской внешней политике, которая характеризуется непредсказуемостью, противоречиями в отношениях с соседями по региону и даже с США в разные исторические моменты[49].

Инициативы С. Абэ в сфере политики обеспечения безопасности повышают уровень взаимодействия в рамках японо-американского альянса. В то же время они способствуют некоторому снижению зависимости Японии от гарантий со стороны США и повышению ее права голоса в вопросах собственной безопасности, что может изменить баланс сил в Восточной Азии.

Выводы

Реформы в сфере политики обеспечения НБ, проводимые С. Абэ, меняют вектор дальнейшего развития Японии и имеют далеко идущие последствия. Они отражают намерение премьер-министра отказаться от тех установок, которые на протяжении нескольких десятилетий определяли не только императивы внешней и оборонной политики страны, но и формировали образ Японии за рубежом.

Тем не менее, многие инициативы С. Абэ имеют черты преемственности с предыдущими правительствами, в том числе сформированными оппозиционной ДПЯ. Это говорит о том, что между партиями внутри страны практически не осталось противоречий относительно приоритетов обеспечения безопасности. Действия, которые осуществляет премьер-министр в сфере НБ, являются продолжением линии на постепенное смягчение функциональных и географических ограничений в сфере оборонной политики, которая реализовывается правящими кругами Японии.

Отличительной чертой нынешней политики обеспечения НБ является комплексный характер проводимых преобразований. За относительно короткий период пребывания у власти премьер-министр добился увеличения военного бюджета, принятия ряда решений, регламентирующих направления оборонной политики, оформления первой в истории страте-

---

[49] Japan's foreign and security policy under the 'Abe doctrine': new dynamism or dead end? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 6.

гии НБ, оптимизации механизмов принятия решений и защиты информации в сфере безопасности. Признание за Японией права на коллективную самооборону стало кульминацией его усилий, направленных на создание нового профиля страны в сфере обеспечения безопасности. Таким образом, его реформы носят почти завершенный характер.

Трансформация японской политики обеспечения НБ ведет к существенному укреплению японо-американского союза безопасности. Признание способности Японии участвовать в действиях по коллективной самообороне, пусть даже в ограниченном формате, открывает новые возможности для двустороннего взаимодействия. Оно охватывает как возможные действия, направленные как на сдерживание Китая, так и на участие Токио в глобальных операциях, проводимых Вашингтоном. Укрепление механизма принятия решений и защиты секретной информации способствует повышению оперативности реагирования на различные вызовы и создает дополнительные каналы связи в оборонной сфере. Расширение возможностей для экспорта вооружений и технологий облегчает военно-техническое сотрудничество между Японией и США, открывает дорогу для участия в многосторонних проектах, способствует расширению взаимодействия с союзниками США в мире.

Вашингтон, безусловно, приветствует те подвижки, которые происходят в японской политике обеспечения НБ. В то же время ревизионистский настрой, присущий нынешнему японскому руководству, создает препятствия на пути осуществления заявленного Вашингтоном курса на ребалансирование в Азию. Это касается не только напряженности между Японией и Китаем, грозящей перерасти в открытый конфликт и привнести нестабильность в регион, таким образом, вынуждая США реагировать в соответствии с взятыми обязательствами, но и холода в отношениях между Японией и Южной Кореей, еще одним стратегическим союзником США в регионе. Националистическая риторика С.Абэ мешает добиться установления доверительной атмосферы в отношениях, которая бы сделала возможным прогресс в налаживании оборонного сотрудничества между этими двумя ключевыми партнерами американцев в АТР.

Действия, направленные на укрепление оборонного потенциала, сопровождаются мощной идеологической обработкой как населения внутри страны, так и внешней аудитории. Призыв к национальному самосознанию, ревизионистская риторика призваны консолидировать общество, а также отвлечь его от экономических проблем. В то же время, это бросает тень на имидж Японии в регионе и в мире и способно подорвать доверие к концепции «активного пацифизма», которая лежит в основе нынешней политики обеспечения НБ.

Глава одиннадцатая

Размышления Абэ Синдзо о красивой и обновленной Японии

Нынешний лидер правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) Японии Абэ Синдзо сменил Коидзуми Дзюнъитиро на посту председателя партии 20 сентября 2006 г. Незадолго до его утверждения 26 сентября того же года парламентом в должности премьер-министра на прилавках магазинов появилась написанная им книга «На пути к красивой стране»[1] *(Уцукусии куни э)* и сразу стала широко обсуждаемым бестселлером.

У каждого, кто в той или иной степени знаком с историей, литературой и культурой Японии, это название вызывает ассоциацию с речью Кавабата Ясунари, произнесенной им при вручении Нобелевской премии в 1969 году. Классик современной японской литературы назвал её «Красотой Японии рожденный» и положил в основу эссе с тем же названием. Казалось бы, эти сочинения не имеют ничего общего – одно о том, в каком направлении следует развиваться стране, другое о духовных и культурных традициях. Однако, если говорить о «красоте» в понимании японцев, то это, прежде всего, гармоническая взаимосвязанность всех элементов человеческого бытия. Именно эту гармоничность, каждый по своему, ставят во главу угла оба автора. Красивая страна по Абэ, предполагает достойное существование нации, обеспечиваемое созидательным и честным трудом граждан, которым пользующееся доверием и уважением во всем мире государство гарантирует безопасность, личную свободу и соблюдение естественных прав человека.

В прессе книгу рассматривали как руководство к действию и акцентировали политическую составляющую. По мнению сотрудников японского Исследовательского Института «Евразия 21», это сочинение является «стратегическим манифестом, в котором его автор «Абэ Синдзо

---

[1] Все ссылки на цитаты в переводе автора статьи сделаны по изданию Абэ Синдзо. На пути к обновленной, красивой стране (*Атарасии куни-э, уцукусии куни-э*). Токио, 2013 и указаны в тексте в конце цитаты в скобках.

обещает сделать Японию красивой и могущественной державой»[2]. Сам автор адресует книгу молодежи:

> «Эта книга не является сборником политических рекомендаций. В ней я честно рассказываю, о чем я думал в юности, в свои 20 лет, что я чувствовал по отношению к этой стране, где я родился, а также и о том, как я должен действовать сейчас, будучи политиком. Я написал её потому, что мне хотелось, чтобы молодые люди прочитали её. Я написал её потому, что мне хотелось хотя бы чуть-чуть передать молодому поколению свое желание сделать эту страну уверенной в себе, гордящейся собой.
>
> Политика существует для предопределения будущего. Я буду бесконечно рад, если мои главные мысли и идеи как политика будут услышаны» (с. 232).

Рассказы и рассуждения автора не носят исповедальный характер. Всё, о чем бы ни шла речь, подчинено одной цели – разбудить в соотечественниках желание видеть страну обновленной, как её понимает Абэ, а именно, подлинно самостоятельной с высоким уровнем благосостояния и образованности людей.

12 сентября 2007 г. Абэ объявил о своей отставке с поста руководителя партии, а через две недели сдал полномочия премьера, пробыв на посту главы правительства ровно год.

В 2012 г. Абэ Синдзо вновь был избран главой ЛДП и одновременно возглавил правительство. Это событие ознаменовалось выходом в свет в декабре 2012 г. новой редакции книги «На пути к красивой стране», к которой была добавлена заключительная глава «На пути к обновленной стране». В предисловии к новому изданию Абэ пишет:

> «Сегодня оглядываясь назад, на то время когда я впервые занимал пост премьер-министра, понимаю, что порой бывал настроен слишком по-боевому. Даже сейчас мне нередко приходит в голову мысль: «а не следовало ли тогда поступить иначе?». Я каждый раз записывал случаи, наводившие на такие мысли и в течение этих пяти лет время от времени читал и перечитывал свои записи. Я живо чувствую, что опыт тех лет, включая и неудачный, вошел в мою плоть и кровь как политика. Как у политического деятеля у меня немало неудач. Именно поэтому я готов всего себя посвятить Японии.
>
> Я подготовил к изданию новую редакцию опубликованной в 2006 г. книги «На пути к красивой стране», добавив к ней главу «На пути к обновленной стране». В первой я рассказывал о себе как о политическом деятеле. В этой части всё осталось без изменений.

---

[2] http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/press/20060921.shtml

> Я ровным счетом ничего не добавил к написанному. В новой главе я излагаю конкретные взгляды на политический курс. Затянувшийся спад в экономике, неровные дипломатические отношения, критическое положение дел в плане обеспечения безопасности страны и пр. становятся причиной ухудшения общей обстановки. Куда следует вести страну в такой ситуации? – об этом мои мысли, изложенные в этой главе (с. 4–5).

Обобщенно отвечая на вопрос «куда следует вести эту страну», по какому пути, можно перечислить «главные пункты», которые намечает Абэ: прекращение дефляции, ликвидация последствий землетрясения, стратегия обеспечения роста во всех областях жизни социума, предполагающая внедрение инноваций, повышение уровня благосостояния и образования, заключение соглашений о свободной торговле, урегулирование дипломатических отношений с Китаем и другими странами, право на коллективную самооборону и действия сил самообороны за рубежом, и особенно волнующий всех вопрос о пересмотре Конституции на том основании, что ныне действующая была разработана при участии оккупационных войск. Это необходимо для того, чтобы Япония смогла освободиться от пут послевоенного режима.

Политическая составляющая книги премьер-министра широко обсуждается и комментируется в прессе, как в японской, так и зарубежной. Реже комментируются главы о социальных реформах, и очень редко, если можно так сказать, её гуманитарная часть. Однако и она представляет определенный интерес выбором тем и расстановкой акцентов, ориентированных на японского читателя, и дает некоторое представление о личности автора.

Абэ полагает, что послевоенная внутренняя и внешняя политика, результатом которой было множество отрицательных явлений, в том числе похищение японцев северокорейскими агентами, а также неблагоприятные условия, сложившиеся в стране после экономики мыльного пузыря, лишили японцев уверенности в своей стране и доверия правительству. Одно из необходимых условий успешного выполнения задач на пути к обновлению страны Абэ видит именно в возращение уверенности японскому народу:

> Наша страна Япония наделена красивой природой, у неё длинная история и самобытная культура. И есть еще множество скрытых возможностей. Я думаю, что раскрыть их помогут наши мужество, мудрость и старания. Разве не должны мы строить будущее без самоумаления, с гордостью думая о том, что мы японцы ?!
>
> Смысл жизни должен быть не в том, чтобы заявлять о существующих в Японии недостатках, а в том, чтобы вести беседы, выясняя, что надо делать в Японии для завтрашнего дня (с. 231).

За это собирается бороться премьер Абэ Синдзо, причисляющий себя к политикам – борцам, о чем он говорит в самом начале книги:

> Среди политиков есть «политики – борцы» и «политики, избегающие борьбы». Есть вникающие в малейшие детали политического курса, на что бы он ни был направлен. Но среди обладающих политической силой и влиянием деятелей есть не проявляющие интереса к конкретным деталям. …. «Политики – борцы» это те, которые, действуют, не боясь критики, во имя государства, во имя народа. «Политики, избегающие борьбы», всегда говорят «вы правы», остерегаясь критики и избегая её. Когда я поднял голос в связи с проблемой похищенных, те, которых принято считать «правыми реакционерами», похоже, испугались и всего лишь несколько человек из членов парламента приняли участие в движении. Действительно, после этого мы оказались в вихре клеветы, поднятом СМИ. Было много членов парламента, заявлявших о поддержке нашей позиции, но вместе с нами пошли немногие. «Политиков-борцов» во все времена, к сожалению, было не много.
>
> В 1939 г., против премьер-министра Чемберлена, пытавщегося «умиротворить» Гитлера, от оппозиционной партии выступил Артур Гринвуд, которому удалось переломить намерения премьера. Когда он выступал, с той стороны, где находились места правящей Консервативной партии, раздались голоса: «Артур, говори от имени Англии» (“Arthur, speak for England!”). Эти голоса придали ему смелости и он произнес историческую речь, в которой потребовал у правительства начать войну против Германии. С момента избрания я всегда хотел быть политиком-борцом. Это не есть борьба ради борьбы. Это значит говорить от имени Японии, внимательно прислушиваться к голосу народа, говорящего тебе «Говори от имени Японии»(«speak for Japan») (с. 7–8).

Политик – борец Абэ Синдзо полагает, что Японии, от имени которой он хочет говорить, не хватает самостоятельности. Он критикует японскую послевоенную дипломатию и средства массовой информации, работающие «с оглядкой» и остерегающиеся «как бы чего не вышло», о чем он открыто пишет во второй главе «Самостоятельное государство», вспоминая реакцию СМИ и правящих кругов, когда в Японии узнали о том, что в период с 1977 по 1983 годы спецслужбы КНДР похитили, по разным оценкам, от 13 до 80 граждан Японии. (Японское правительство признаёт факт похищения 17 человек). В КНДР похищенные были привлечены к подготовке разведывательных операций на территории Японии, в частности, к преподаванию японского языка и культуры разведчикам.

Семьи, где были пострадавшие, в течение долгого времени вынуждены были бороться в одиночку. Они боялись заговорить об этом в Японии, чтобы не подвергать жизнь похищенных опасности. Им ничего не оставалось делать, как самостоятельно искать источники информации и собирать её по крупицам.

Позиция Министерства иностранных дел неизменно сводилась к следующему: «Мы сотрудничаем на дипломатическом уровне и, пожалуйста, не поднимайте шум». Брошенные своей страной, они пребывали в горе. Мы, политики, обязаны за это ответить. Сознание того, что был нарушен суверенитет Японии и похищены японцы, заставило меня заняться этой проблемой. В нашу страну вторглись агенты чужой страны, похитили наших людей и использовали их в своих интересах в операциях, направленных против юга[3].

Несмотря на это некоторые сотрудники Министерства иностранных дел Японии проблему похищенных воспринимали лишь как помеху в деле урегулирования вопросов по нормализации отношений между Японией и КНДР (с. 49–50).

Впервые информация о похищенных японцах появилась в газете «Санкэй симбун» 7-го января 1980 г. в статье под названием «Таинственное исчезновение трех пар влюбленных. Причастны ли к этому иностранные службы?» и была озвучена в парламенте. Однако реакция со стороны японских властей под предлогом «недостоверности данных», необходимости тщательной проверки информации и т п. была достаточно вялой. Первым, кто решительно взялся за решение проблемы похищенных был премьер-министр Японии Коидзуми Дзюнъитиро (2001–2006). Активным помощником премьера в этом деле был член его правительства Абэ Синдзо, написавший впоследствии (с. 49–50).о необходимости пересмотра методов послевоенной дипломатии. Убежденный в том, что «Победить на ринге, созданном противником, невозможно» Абэ в своей книге напишет:

После возвращения нескольких человек на родину в результате отчаянных уговоров со стороны их родственников члену секретариата кабинета министров Накаяма Кёко и мне сообщили о твердом намерении пятерых «не возвращаться в Северную Корею и ждать в Японии своих детей».

«Я не должен разглашать их намерения. Я должен обнародовать всё как волю государства. Но обязанность правительства создать в стране условия для свободного волеизъявления », – думал я тогда.

Средства массовой информации и правительственные круги настаивали на том, что на этот раз эти пятеро должны ненадолго

---

[3]. Имеется в виду Южная Корея.

вернуться в Корею. Но не было гарантии в том, что если они возвратятся в Корею, им вновь удастся вернуться на родину.

В течение двух дней 23–24 октября (2002 г.) я проводил совещание у себя дома. Были высказаны и обсуждены разные мнения: «необходимо заявить об этом как об их собственном желании», «если умолчать об их желании и выдать его за волю правительства, получится, что желание этих людей игнорируется, и это покажется странным, в СМИ появятся критические комментарии. Придется отвечать за то, что члены семьи оказались разлученными». Всё это – веские доводы против такого заявления. Но их дети остались в Северной Корее, поэтому их решение не должно быть оглашено», – думалось мне. В то время, когда потерпевшие всячески пытаются противостоять стране, которая называется Северная Корея, правительству их родной страны непростительно уклоняться от ответственности, возложенной на него государством.

В конце концов моё суждение, согласно которому «возвращение пятерых японцев в Северную Корею невозможно по воле государства» было принято, и в соответствии с ним был разработан политический курс. Он сразу получил одобрение премьера Коидзуми и был оформлен как решение правительства.

Повестка дня на японо-корейских переговорах по нормализации отношений, проводимых в соответствии с японо-корейской декларацией, принятой в Пхеньяне, была назначена на 29 октября. За пять дней до этого был выработан курс правительства, в основе которого была «воля государства о невозвращении в Северную Корею пятерых японцев». Я очень ясно помню слова, корреспондента, который написал тогда «Абэ-сан впервые приложил руку к японской дипломатии». Так и было на самом деле (с.51–52).

Далее Абэ вспоминает о том, что решение правительства «не возвращать в Северную Корею пятерых японцев», средства массовой информации в то время поддержали слабо. Были даже газеты, на страницах которых правительство упрекали в том что « оно разбивает семьи, разлучая их членов».

Некоторые газеты писали о «чувствах и разуме», вопрошая, что же должно возобладать. Это значило следующее: «Похищенные вызывают сочувствие, хочется им помочь», – это из области чувств. С другой стороны – ядерное оружие Северной Кореи представляет огромную угрозу бзопасности. В этом вопросе следует проявить хладнокровие и прибегнуть к помощи разума».

Я решительным образом выступил против подобных суждений. «Преследовать виновных в похищении – это не просто выражение сочувствия к пострадавшим. Похищения людей – одно из звеньев

международного терроризма, это очевидно хотя бы из того факта, что преступница, совершившая взрыв самолета Южно-Корейских авиалиний[4], Ким Хён Хе, прошла «курс обучение по превращению в японку» у Тагути Яэко[5]. Вне всякого сомнения эта проблема имеет отношение к обеспечению безопасности. Низведение её до уровня простого чувства не что иное, как намеренная информационная технология (с. 56).

Абэ Синдзо глубоко убежден в том, что государство должно гарантировать свободу. Следует отметить, что в связи с разговором о функциях государства и свободе личности Абэ обращает внимание на то, что слово «либеральный» в Японии очень часто употребляется неверно и посвящает его разъяснению один из первых разделов книги, который так и называется «Что значит либеральный» (с.10) :

В Японии зачастую характеризуя человека по его идеологическим воззрениям, говорят «либерал». Употребляющие это слово на первый взгляд производят впечатление образованных людей, однако, если понаблюдать, окажется, что нет другого слова, которое понималось бы также ошибочно, как «либерал». ….

Изначально слово «либерал» в Европе и Америке понималось по-разному. В Европе …. это слово употребляется в значении близком к слову «индивидуализм»[6], что предполагает не вмешательство в дела другого, даже если и он либерал.

… В Америке «либеральность» понималась как поддержка так называемого «большого правительства» которое непременно должно было принимать активное участие в деле поддержания социального равенства и справедливости…. Общественные институты и власть в этом обществе были построены на принципах взаимного согласия между всеми членами общества, которые принесли с собой в Новый свет пуритане. Поэтому либерализм и демократия здесь не были противопоставлены друг другу, их сосуществование было вполне возможно.

---

[4] Авиационная катастрофа, произошедшая в воскресенье 29 ноября 1987 г., когда в небе над Андаманским морем взорвался Boeing 707-3B5C южнокорейской авиакомпании «Korean Air». Расследование показало, что взрыв был вызван бомбой, установленной агентами-корейцами, мужчиной и женщиной, по указанию северокорейского правительства.

Подробнее см.
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B7%D1%80%D1%8B%D0%B2_Boeing_707_%D0%BD%D0%B0%D0%B4_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%BC_%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%BC

[5] Яэко Тагути родилась 10-го августа 1955 г. Пропала в июне 1978 г. из Токио. По заявлению КНДР, скончалась 30-го июля 1986 г.

[6] Индивидуализм понимаемый как уважение государством и обществом личности и её прав.

> Однако …..в 1929 г. началась Великая депрессия…. Тогда был взят «новый курс», разработанный президентом Рузвельтом, означавший проведение политики активного вмешательства правительства в экономику. … Поддерживающие новый курс правительства стали называть себя «либералами». ….. Либерализм в Европе и либерализм в Америке – это разные понятия. Неправильное употребление в Японии слова «либерал» происходит от незнания этого факта (с. 21).

Рассуждая об английском и американском либерализме, Абэ называет себя консерватором, но подчеркивает, что стремится быть консерватором с широкими взглядами и «открытым мышлением».

Абэ обращает внимание на то, что если в Японии заходит речь о государстве, непременно поднимается вопрос о посещении святилища Ясукуни и обсуждаются так называемые «преступники класса «А», тогда как, по его мнению, посещение святилища – это внутренняя проблема, связанная с разделением церкви и государства, а в отношении преступников класса «А» существует много заблуждений.

В разделе «Когда началась критика Ясукуни» он подчеркивает, что особенно ожесточенные споры были в 60-ую годовщину окончания войны – в 2005 г.

> После того, как секретарь кабинета министров Фудзинами Такао в 1985 г. от имени правительства заявил, что « посещение святилища с целью поминовения погибших в бою и совершение обряда в самом святилище и на его территории не являются актом нарушения конституционных норм», поводов для разговоров о нарушении конституции не осталось. Посещение Ясукуни 15 августа 1985 года премьер-министром Накасонэ стало толчком для возникновения проблем в отношениях с Китаем.
>
> За неделю до этого 7-го августа 1985 г. газета «Асахи» опубликовала статью «Китай пристально и сурово смотрит на проблему «посещения святилища Ясукуни». Китайское правительство, которое постоянно внимательно следит за тенденциями, существующими в общественном мнении в Японии, не могло не отреагировать на эту новость. За один день до посещения святилища, 14 августа, представитель китайского Министерства иностранных дел впервые официально выразил протест против посещения премьер-министром святилища Ясукуни, поскольку «это ранит чувства жителей стран Азии». Разговоры о том, что таким образом совершается поклонение военным преступникам, принадлежат тому времени.
>
> Однако само по себе выражение «военный преступник класса «А» не корректно, а поклонение в святилище Ясукуни душам тех, кого так называют, в действительности началось на 7 лет раньше,

в 1978 г. Во времена кабинетов Фукуда, а затем Охира Масаёси, Судзуки Дзэнко, Накасонэ Ясухиро, премьеры трех поколений посещали святилище, однако Китай не выражал неудовольствия.

Статьи 1 и 3 заключенного в 1978 г. японо-китайского договора о мире и дружбе предусматривали невмешательство во внутренние дела. Естественно, это относится и к молитвенным обрядам, совершаемым в соответствии с традициями и культурой каждой страны.

В июне 2005 г. во время встречи с президентом Индонезии Юдхойоно премьер-министр Коидзуми объясняя, почему совершается паломничество в святилище Ясукуни, сказал: «это выражение уважения к людям, которые сражались за нашу страну, отдали за неё жизни. Вместе с тем мы молимся об их упокоении, для того чтобы установился прочный мир»[7]. Тогда индонезийский президент, проявив должное понимание, произнес: «молиться о солдатах, сражавшихся за страну, вполне естественно». Не потому ли что это чувство могут разделить многие страны ? (с.70–72).

Что же касается заблуждений, существующих в отношение военных преступников класса «А» (стр.73), то есть тех, кого Международный военный трибунал для Дальнего Востока, он же Токийский трибунал, судил за «преступления против мира» и «преступления против человечности», то они возникли, по мнению Абэ потому, что «их судили по понятиям, появившимся после окончания войны» (с.73).

Как известно, к преступникам класса «А» были отнесены 28 человек, занимавших в свое время руководящие посты. Одним был вынесен смертный приговор, другие приговорены к пожизненному заключению, третьи умерли, не дождавшись вынесения приговора или приведения его в исполнение. Двое были помилованы и стали членами парламента. Это Кая Окинори, назначенный позже министром юстиции, и награжденный орденом первой степени Сигэмицу Мамору, занимавший пост министра иностранных дел в тот период, когда Япония вступила в Организацию Объединенных Наций. На естественным образом возникающий вопрос, почему министр иностранных дел Сигэмицу не был осужден в ООН и не лишен ордена, Абэ отвечает :

Потому что по внутреннему законодательству они (осужденные МГ) не считаются преступниками. Таково было общее мнение. В 1951 г. министр юстиции заявил, что «в соответствии с законодательством, принятым внутри страны, воспринимать их как преступников нельзя ни в каком смысле».

Кроме того, в 1952 г. когда вступил в силу мирный договор, по решению парламента была проведена амнистия военных преступ-

---

[7] Согласно синтоистским поверьям, души умерших присоединяются к сонму божеств – ками, а разгневанные *ками*, могут насылать бедствия.

ников, коснувшаяся и преступников класса «В» и «С». Обычно выплата пенсий лицам, приговоренным к более тяжелым чем тюремное заключение сроком на 3 года наказаниям, прекращается. Военные преступники по внутреннему законодательству преступниками не считались и поэтому не потеряли право на получение пенсии. Кроме того, на основе закона об оказании помощи семьям инвалидов войны, а также семьям тех, кто потерял на войне кормильца, пенсии продолжают выплачиваться (с. 74–75).

Понимая, что посещение святилища Ясукуни обычно связывается с милитаристским прошлым Японии, о возрождении которого говорят в странах, пострадавших от её действий во время войны, а также с идеологией национализма, Абэ затрагивает в книге и этот вопрос. Его самого зачастую обвиняют в национализме, правда, по мнению сотрудников японского Института «Евразия 21», «его национализм находится в пределах разумного и в то же время в некоторой степени имеет эмоциональные оттенки, что характерно для политиков его поколения, непосредственно не испытывавших тяготы мировой войны»[8]. К проблеме национализма Абэ подходит весьма своеобразно. Он вспоминает как «блистала» Япония, «восставшая из послевоенного пепелища» в период проведения олимпийских игр в Токио, какое чувство это вызывало у всех японцев, и как он сам, будучи в то время ребенком, испытывал нечто, похожее на гордость. А сегодня, по его мнению, типичную форму проявления национализма, направленного на утверждение превосходства своего государства и своей идентичности, можно наблюдать в спорте, в частности, во время футбольных матчей на кубок мира. … В отличие от матчей вроде тех, что проводятся на кубок Тоёта, то есть матчей между клубными командами, во время чемпионатов мира каждая команда выступает как представитель своей страны. Однако, хотя её члены и представляют одну страну, это не значит, что они одной национальности и одной расы… У борющихся за звание чемпионов под флагом *хи-но мару* (название государственного флага Японии), откуда бы они ни были родом, нет ничего кроме сознания того, что они – одна команда, сознания принадлежности к сообществу (с.84).

Далее Абэ Синдзо говорит о том, что некоторые воспринимают как проявление национализма искреннее волнение и слезы, которые многие не могут сдержать, когда исполняют гимн их страны,

Он с сожалением подчеркивает, что среди лиц, занятых в сфере образования, всё еще есть те, кто воспринимает государственный флаг

[8] http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/press/20060921.shtml

Японии *хи-но мару* как символ милитаризма прошлых лет, а национальный гимн «*Кими га ё*» как прославление императорского правления.

Слова «все еще», вероятно, относятся не только к подчеркиванию отсутствия у Японии в настоящее время милитаристических намерений, но и к пониманию содержания текста, положенного в его основу, который принято воспринимать как прославление императорского правления.

君が代は	Кими га ё ва	Пусть продлится твоё царство
千代に八千代に	Ти ё, ни яти ё ни	Тысячу, восемь ли тысяч
細石の	Садзарэ-иси но	Поколений, пока
巌と態て	Ивао то наритэ	Мох не украсит скалы,
蘚の産す迄	Кокэ но мусу мадэ	Выросшие из щебня[9].

Это танка-здравица неизвестного автора X века входит в поэтическую Антологию старых и новых песен (Кокинвакасю, 905). Но известно, что это не было посвящением какому – либо императору. Она могла быть обращена к любому, о ком можно было сказать «мой господин». Как гимн она впервые была исполнена в сентябре, когда император Мэйдзи наблюдал за военно- морскими маневрами[10].

Однако у этой здравицы есть еще одно толкование (широко и взволнованно обсуждаемое сегодня в японском Интернете), призывающее обратиться к своду мифов «Кодзики» (Записи о деяниях древности). Оно основывается на том, что первое слово гимна слово *кими*, воспринимаемое как «государь», «правитель», может быть рассмотрено как состоящее из двух корней – ***ки*** и ***ми,*** служащих в старо-японском языке обозначением мужчины и женщины. Об этом свидетельствуют хотя бы слова *о**ки**на* – старец и *о**ми**на* – матушка. Они происходят от имен богов-демиургов, родоначальников всего живого на земле Идзана**ки** и Идзана**ми**, богов брачующихся (*идзанау),* Иными словами эта танка – здравица, в которой выражено пожелание поколениям, которые, следуя логике мифа, произошли от союза Мужчины и Женщины, быть во веки веков крепкими как скала, сплоченными так же прочно, как мелкие камушки и щебень, из которых она образовалась, и также неразрывен был союз мужчины и женщины, как камня и мха.[11]

Абэ не касается этих толкований, но подчеркивает, что текст песен – возвышенные стихи. Слова «Пока скалы, выросщие из щеб-

---

[9] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B8%D0%BC%D0%BD_%D0%AF%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B8

[10] Подробнее см. Мещеряков А.Н..Император Мэйдзи и его Япония. М., 2009.

[11] http://trend-izumi.com/post-461; http://www.youtube.com/watch?v=n_JpviRk4W

ня, не покроются мхом» выражают бесконечность, существующую в природе и желание, чтобы также вечно длилась история государства. Они в японском духе и очень мне нравятся. В них природная гармония и историческая преемственность государства слиты воедино. Однако есть люди, утверждающие, что они ассоциируются с системой императорского правления. Что кими – значит император как символ Японии.

В Японии, действительно соткан большой и длинный гобелен, называемый историей, вертикальной (основной) нитью которого является император. Но если серьезно вчитаться в эти стихи, ставшие основной гимна – где тут милитаристские идеи? (с. 88).

Абэ подчеркивает, что император в Японии никогда не был символом богатства и власти, но всегда символом сохранения лучшего, что есть у народа – его культуры, его духовных ценностей и что «императорская система правления лучше всего отражает характер страны» (с.105). Что же касается японского национализма, он отмечает, что «японцев характеризует естественный, мягкий национализм» (с.102), который Абэ понимает как « тихую любовь и привязанность к месту, где человек родился и вырос». Эта любовь вырастает из привязанности к родным местам, из традиций и культуры, которые есть только в стране, которой он принадлежит по рождению. Отсюда желание знать историю государства, в котором находятся родные места, и гордиться его историей, а также культурой и традициями своей стороны. Можно сказать, что это изначальные, вполне естественные человеческие чувства.

Рассуждая о национализме, Абэ отмечает, что зачастую боязнь быть обвиненным в национализме приводит к своего рода угодничеству в ущерб интересам собственной страны и её граждан, как это имело место в период, когда решались проблемы похищенных. Он предполагает, что именно похищения людей послужили поводом для того, чтобы японцы пересмотрели свои взгляды и перестали поддерживать тех, кто в любых мелочах видел проявление национализма.

Претендующие на прогрессивность взглядов часто, критикуя националистические воззрения, употребляют выражение «узкий национализм». (Национализм, считают они, бывает узкий и здоровый). Например, когда для возвращения на родину похищенных японцев мы заняли твердую позицию в отношении Северной Кореи, они критиковали нас, говоря, что наши действия – проявление узкого национализма. Их позиция заключалась в том, что если в качестве приоритета выбран мир во всем Азиатском регионе, то и отношение к Северной Корее должно быть примиренческим. …Не потому ли случаи с похищениями способствовали пробуждению

японцев и они перестали поддерживать тех, кто критиковал национализм? В том, что японцы вывешивают флаги *хи-но мару*, решительно нет ни узкого, ни какого-либо другого национализма. Национализм проявляется в поступках, вроде того, когда сжигают флаги другой страны (с. 103).

Важной частью гуманитарной составляющей книги Абэ Синдзо является глава «Восстановление системы образования».

Для достойного существования нации, построения здорового общества, для того, чтобы снискать уважение и доверие других стран мира, словом для того, чтобы «сделать страну такой, родиться в которой считалось бы счастьем и вызывало чувство гордости, необходимо обновить систему образования», – убежден премьер.

В послевоенной Японии, переживавшей последствия поражения и разрухи, во всех бедах винили государство, поэтому в сознании японцев укоренилось отрицательное отношение к любым государственным структурам. Система образования после войны была одной из самых несовершенных.

Япония не единственная страна в мире, которая столкнулась с необходимостью пересмотра системы образования и проведения реформ, но японский премьер обращается к примеру Англии. Он подчеркивает, что реформы в сфере образования, проведенные Тэтчер, помогли англичанам вернуть гордость за свою страну, и намерен им следовать. Одним из наиболее действенных, по его мнению, оказался метод «сбалансированной» подачи информации в учебниках. Например,

Политика колониализма, эксплуатация местного населения в колониях – часть истории Англии, ставшая причиной того, что учебники полны были самобичевания, и решено было подавать информацию «сбалансировано». Например, в тех случаях, когда порицался рабский труд, сообщалось, что Англия первая в мире отменила работорговлю (с. 206).

…после войны в Англии не было механизма, при помощи которого государство могло бы проверить состояние системы образования и оно зависело от автономного управления учебными заведениями на местах. Поэтому появилось бесчисленное множество недоученных детей. Прежде всего надо было решить эту проблему. Была разработана единая государственная программа обучения и тестирования учащихся. Были учреждены органы инспектирования учебных заведений. В результате тщательной проверки школы с низким уровнем преподавания и успеваемости были закрыты (более 100 школ). Это вызвало протесты со стороны преподавателей, но Тэтчер не пошла на компромисс…. (с. 206).

Абэ критически относится к японскому опыту так называемого *ютори кёику* – облегченного обучения[12], примером которого была американская свободная система обучения, принятая в 1960-ые годы. Результаты обучения по этой системе в США были столь плачевны, что в 1983 г. президент Рейган выступил с докладом «Государство в кризисе», в котором поставил вопрос об образовании, призывая отказаться от свободного обучения и сделать упор на дисциплине и качественном преподавании (с. 208).

Качественное преподавание и контроль со стороны государства Абэ ставит во главу угла, разрабатывая стратегию проведения реформ в сфере образования (с.210).

> Прежде чем проводить реформу в области обязательного обучения, государство должно определить цель и подготовить законодательную базу в каждом городе, поселке, деревне; расширить полномочия и усилить ответственность учебных заведений за результаты обучения; создать возможности для инспектирования работы учебных заведений и успеваемости учащихся государственными органами (с 210).

Абэ озабочен безразличием японских учащихся к своим успехам, о чем, по его мнению, свидетельствует тот факт, что в ответ на вопрос «каким учеником ты хочешь быть», большинство из предложенных ответов выбирают – «любимым одноклассниками», тогда как большинство американских и китайских школьников выбирают – «успевающим в учебе» (с. 211). По его словам, он испытал глубокое потрясение, узнав, что по данным обследования, проведенного исследовательским институтом по делам молодежи, среди учеников старших классов в Японии гордятся своей страной только 50,9 %, тогда как в Америке 70,9%.. «Я был в шоке, узнав, что только половина учеников гордится своей страной», – пишет в разделе «Есть ли чувство гордости за свою страну?» (с. 209).

> Японские школьники не осознают того, что учатся для собственного будущего, – в результате этого падает успеваемость. Повышение успеваемости является неотложной задачей, для решения которой необходимо увеличить учебное время и пересмотреть курсы программы обучения (с.212).

---

[12] В период с 1987 по 2002 годы в Японии был отменен единый государственный стандарт образования, сокращены количество учебных часов и объем учебного материала, почти полностью заменили шестидневку на пятидневку, разрешили выбирать предметы для обучения. В 2002 г. произошло дальнейшее сокращение часов обучения (еще на 10%), сокращение объема материала (на 30%), полный переход на пятидневку, что вызвало недовольство среди населения.

Если осуществить реформы должным образом, успеваемость быстро повысится. Но останется другая проблема – падение морали, решение которой требует гораздо большего времени (с.214). Современные молодые люди живут настоящим моментом. Более половины учеников считает, что «вместо того, чтобы думать о будущем, лучше наслаждаться настоящим» (с . 215).

Абэ обращает внимание на то, что японское образование не дает ученикам ни представления о модели семьи (с. 217), ни понимания того, что семья – одна из высших ценностей, что семья – это « папа и мама, ребенок, и бабушка с дедушкой, а самое большое счастье – это «всем вместе дружно жить» (с. 221). Проблему человеческих взаимоотношений вообще Абэ рассматривает как ценность первостепенной важности.

Апеллируя к читателям, среди которых он хотел бы видеть как можно больше молодых, Абэ пишет:

Некоторые политики и представители старших поколений, говорят, что нынешних молодых людей ничего кроме вайдшоу не интересует, нет интереса к политике, а они сами в молодые годы с энтузиазмом принимали участие в студенческих движениях. У меня самого складывалось такое же впечатление, когда в поездках по стране мне удавалось встретиться с молодыми людьми и завести с ними разговор. Но поговорив подольше, я понимал, что они думают о том, что хорошо бы приносить пользу, хорошо чувствовать свою востребованность. И хотя они не заявляют об этом громко, они, несомненно, хотят сделать этот мир лучше. И в политике хотели бы участвовать. Они понимают, что будущее не есть нечто неизменное, что оно строится общими силами, но не решаются сделать шаг вперед. Не на политиках ли лежит ответственность за то, чтобы придумать, как им придать смелости ? (с. 232).

На этом заканчивается первая часть книги «На пути к красивой стране». Вторая часть, как уже говорилось, посвящена мерам, направленным на обновление страны в результате пересмотра Конституции и отказа от послевоенных политических и идеологических установок. Здесь Абэ возвращается к основным вопросам своей программы – повышению всеобщего благосостояния благодаря разумной социальной политике, гарантиям безопасности в результате изменения Конституции, изменению дипломатической тактики, к альянсу с США.

Страна, которую мы называем Японией, которая с древних времен просыпалась рано утром, обливаясь потом, возделывала поля, поила их водой, осенью вместе с императором возносила молитву за богатый урожай – это страна Мидзухо, страна рисовых колосьев, (поэтическое название Японии *МГ*). Здесь всегда рас-

считывали только на собственные силы. Если случалось несчастье, кто-то заболевал, жители всей деревни приходили на помощь. Это черта была гарантией безопасности японского общества в древности, она у японцев в генах.

Я хотел бы дать Стране рисовых колосьев достойный её капитализм. А это значит – свободная конкуренция и открытая экономика с упором на мораль (с. 245).

Это, следует из дальнейших рассуждений автора, значит также оказывать помощь бедствующим районам и уделять особое внимание высококвалифицированной рабочей силе на местах, создавая условия не только для её рационального использования, но и стимулирования интереса к работе. Таково одно из условий экономического роста.

Особый упор Абэ делает на внедрение инноваций, называя их «ключом к стратегии роста» (с.242). Он рассказывает о том, что в октябре 2012 г. при ЛДП создан Штаб по восстановлению японской экономики, который поддерживает контакты со всеми видными учеными Японии, в том числе и с лауреатами Нобелевской премии. Значение первостепенной важности приобретают все науки, на достижения которых опирается клиническая медицина, а также производство суперкомпьютеров (с. 242), – область в которой Япония, занимавшая до недавнего времени второе место в мире, спустилась на третье (с. 242).

Стратегия обеспечения роста должна сопровождаться усилением мер по обеспечению безопасности страны – угоны самолетов, теракты, похищения людей – всё это результат недостаточного внимания к требованиям безопасности. Необходимо увеличить военные расходы на укрепление береговой линии Японии. Кроме того, необходимо поменять тактику в решении ряда международных вопросов, например, если в японские воды зайдет иностранное судно, не садиться за стол переговоров, а высылать патрульный катер. Критика послевоенной дипломатии и довольно жесткая позиция, как говорит сам Абэ, дала основание некоторым членам демократической партии говорить о том, что если Абэ станет премьером, с Китаем будет война. Абэ упрекает их в забывчивости и обращает внимание на то, что став премьер-министром, он первым делом поехал в Китай и добился соглашения о взаимовыгодных стратегических отношениях, что означает поддержание дружеских отношений (с. 249) и, несмотря на противоправные действия китайских граждан – нападение на японские предприятия, бойкоты, и разгромы, он намерен вновь вернуться к вопросу о взаимовыгодных стратегических отношениях (с.250).

А что касается вызывающего споры в обществе права на коллективную самооборону и усиление альянса с США, Абэ утверждает, что

это не значит быть в подчинении у США. Напротив, – это признание равенства. Благодаря этому союзу более мощной будет и

> сила сдерживания. Ни у США, ни у Японии не будет необходимости выпустить хотя бы один боевой заряд. Излишне говорить о том, что это важно для безопасности Японии. В результате пересмотра Конституции силы самообороны станут силами защиты страны (с. 254).

Последняя глава книги «На пути к обновленной Японии» заканчивается словами:

> На выборах 2012 г. лозунг ЛДП гласит: «вернуть Японию». Это не следует понимать как возвращение Японии ЛДП после поражения Демократической партии. Это значит бороться за то, чтобы отойти от курса послевоенной истории и вернуть Японию японскому народу (с. 254).

Таков путь построения красивой страны, намеченный Абэ Синдзо, политиком-борцом, не боящимся критики.

Сведения об авторах

Герасимова Майя Петровна	кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН
Гринюк Владимир Александрович	кандидат исторических наук, Институт Дальнего Востока РАН
Добринская Ольга Алексеевна	кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН
Катасонова Елена Леонидовна	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
Кульнева Полина Викторовна	кандидат экономических наук Институт востоковедения РАН
Лебедева Ирина Павловна	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
Маркарьян Седа Багдасаровна	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
Молодяков Василий Элинархович	доктор политических наук, доктор философии, Институт Востоковедения РАН, университет Такусёку (Япония)
Молодякова Эльгена Васильевна	доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения РАН
Полхов Святослав Александрович	кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН
Тимонина Ирина Львовна	доктор экономических наук, профессор, профессор ИСАА МГУ, профессор МГИМО (У) МИД РФ, профессор РАНХ и ГС

Contributors

Gerasimova Maya Petrovna	Ph.D. (Philology) Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Grinyuk Vladimir Aleksandrovich	Ph D (History), Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences
Dobrinskaya Olga Alekseevna	PhD (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Katasonova Yelena Leonidovna	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Kulneva Polina Viktorovna	Ph D (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Lebedeva Irina Pavlovna	Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Markarian Seda Bagdasarovna	Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Molodyakov Vasily Elinarkhovich	Prof. (Philosophy, Political Science) Takushoku University (Japan), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Molodyakova Elgena Vasilyevna	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Polkhov Svyatoslav Aleksandrovich	Ph D (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Timonina Irina L´ovna	PhD in economics, professor; professor of the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University; professor of the Moscow State Institute of International Relations(University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Центром японских исследований
Института востоковедения РАН

изданы в 1995–2014 гг.
индивидуальные и коллективные монографии:

Лебедева И. П. Японские корпорации: стратегия развития. М., 1995

Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. Японское общество: книга перемен. М., 1996

Япония: конец XX века. М, 1996

Японский феномен. М., 1996

Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. М., 1998

Япония 90-х: кризис системы или временные сбои. М., 1998

Япония: мифы и реальность. М., 1999

Матрусова Т. Н. Организация профессиональной подготовки в Японии. М., 1999

Япония: консерватизм и традиционализм. М., 2000

Япония и современный мировой порядок. М., 2002

Тимонина И. Л. Япония: региональная экономика и политика. М.. 2002

Герасимова М. П. Киотоский альбом. М., 2002

Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. М, 2002

Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003

Катасонова Е. Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003

Лебедева И. П. Малый бизнес в Японии. М., 2004

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004

Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. Мацури. Традиционные праздники Японии. М., 2004

Катасонова Е. Л. Последние пленники второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005

Портрет современного японского общества. М., 2006

Молодяков В. Э.Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. История Японии XX век. М., 2007

Лебедева И. П. Япония: промышленность и предпринимательство М.,2007

Япония, открытая миру. М., 2007.

Лебедева И. П. Япония: промышленность и предпринимательство. М., 2007

Глобальный вызов – японский ответ. М., 2008

Мировой кризис и Япония. М., 2009

Япония: полвека правления либерал-демократов. М., 2010.

Япония: опыт модернизации. М., 2011.

Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки. М.. 2012.

Лебедева И. П. Глобализация японского промышленного производства. М., 2012.

Катасонова Е. Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах. М., 2012

Япония в Азии: параметры сотрудничества. М., 2013.

Японское общество: изменяющееся и неизменное.. М., 2014.

Продолжается издание ежегодника «Япония»

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
«Association of japanologists»

Япония: консервативный поворот

Japan: turn to conservatism

Руководитель проекта — *Э. В. Молодякова*

Ответственные редакторы — *Э. В. Молодякова*, *С. Б. Маркарьян*

Ответственный за выпуск — *А. Г. Макаров*

На обложке фотографии — *О. В. Андреевой*

Дизайн обложки — *К. Струков*

Подписано в печать с оригинал-макета 11. 11. 2015.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага оф. №1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 18,8. Тираж 300 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: 8-917-547-84-24. e-mail: andmak@airo-xxi.ru

В издательстве «АИРО–XXI»
вышла книга

Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века

под редакцией
проф. Д. В. Стрельцова

В настоящем издании содержится комплексный обзор состояния дел в российском японоведении середины 2010-х гг. В книге показаны основные этапы изучения японского языка, искусства и классической литературы Японии, а также переводов японского языка. Представлены основные научные и образовательные японоведческие центры современной России, сгруппированные по региональному признаку. В отдельном разделе книги содержится анализ таких отраслей современного японоведения, как преподавание японского языка, иссле-дование культуры, истории, синто, буддизма, внутренней и внешней политики, экономики и менеджмента, а также гео-графии Японии. В издании изложены оценки и взгляды рос-сийских японоведов на Японию в XXI веке.